

Джонатан Райли-Смит

История крестовых походов

Настоящая книга подготовлена Оксфордским университетом и представляет собой глубокое, серьезное и в то же время увлекательное исследование многовековой истории крестоносного движения, оказавшего глубокое влияние на развитие Европы. Авторы – британские ученые – рассматривают эту тему в различных аспектах и приводят богатый фактический материал.

Предисловие

Выход этой книги в серии исторических трудов издательства Оксфордского университета и тот факт, что подавляющее большинство ее авторов – английские ученые, свидетельствуют о росте интереса историков Великобритании к крестовым походам. В начале 1950-х годов этой темой занимались не более шести историков, и только двое из них преподавали в университетах. А уже к 1990 году члены «Общества изучения крестовых походов» преподавали на двадцати девяти исторических факультетах университетов и колледжей Великобритании. Растущее внимание британских ученых к крестовым походам можно объяснить непреходящим увлечением общества Востоком вообще, а также огромной популярностью «Истории крестовых походов» сэра Стивена Рансимена и заслуженной доброй репутацией организации «Скорая помощь св. Иоанна», провозглашающей себя преемственницей средневековых рыцарей-госпитальеров (иоаннитов). Настоящее издание рассматривает движение крестоносцев в самых разных аспектах. Описываются идеи апологетов, пропагандистов, трубадуров и поэтов, мировоззрение самих участников крестовых походов, отношение мусульман к христианской священной войне. Уделяется серьезное внимание и практическим – юридическим, финансовым, организационным – вопросам, которые приходилось решать вдохновителям походов. Несколько глав посвящены западным поселениям в восточном Средиземноморье, основанным крестоносцами. Кроме того, в книге уделено немало страниц искусству и архитектуре, созданным крестоносцами, а также военно-монашеским орденам. Не обойдена вниманием и тема поздних крестовых походов, включая и историю военно-монашеских орденов в XVI–XVIII веках. И в заключение хотелось бы отметить, что в этом издании впервые поднимается вопрос о сохранении идей и образов эпохи крестовых походов в XIX и XX веках.

Джонатан Райли-Смит

Крокстон, Кембриджшир
Апрель 1994

Глава I

Изучение крестовых походов

ДЖОНАТАН РАЙЛИ-СМИТ

18-25 ноября 1095 года в Клермоне (южная Франция) под председательством папы Урбана II состоялся церковный собор. После закрытия официальной части 27 ноября на поле около города, под открытым небом перед огромной толпой клириков и мирян разных сословий папа произнес пламенную проповедь, в которой призвал франкских рыцарей дать обет освободить христиан от мусульманского ига и отвоевать у неверных Гроб Господень в Иерусалиме. Фульхерий Шартрский включил в хронику «Иерусалимская история» («Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим») часть речи Урбана II. Позволим себе привести оттуда обширную цитату: «О, сыны Божьи, поелику мы [уже] обещали Господу установить у себя мир прочнее обычного и еще добросовестнее блюсти права Церкви, есть и другое, Божье и ваше, дело, стоящее превыше прочих, на которое вам следует... обратить свои доблесть и отвагу. Именно необходимо, чтобы вы как можно быстрее поспешили на выручку вашим братьям, проживающим на Востоке, о чем они уже не раз вас просили. Ибо в пределы Романии вторглось и обрушилось на них... персидское племя турок... Занимая все больше и больше христианских земель, они семикратно одолевали христиан в сражениях, многих поубивали и позабирали в полон, разрушили церкви, опустошили царство Богово. И если будете долго пребывать в бездействии, верным придется пострадать еще более. И вот об этом-то деле прошу и умоляю вас, глашатаев Христовых, – и не я, а Господь, – чтобы вы увещевали со всей возможной настойчивостью людей всякого звания, как конных, так и пеших, как богатых, так и бедных, позаботиться об оказании всяческой поддержки христианам и об изгнании этого негодного народа из пределов наших [т. е. христианских] земель. Я говорю [это] присутствующим, поручаю сообщить отсутствующим, – так повелевает Христос. Если кто, отправившись туда, окончит свое житие, пораженный смертью, будь то на сухом пути, или на море, или же в сражении против язычников, отныне да отпускаются ему грехи. Я обещаю это тем, кто пойдет в поход, ибо наделен такой милостью самим Господом. О, какой позор, если бы столь презренное, недостойное, отвратительное племя, служащее дьявольским силам, одолело бы народ, проникнутый верою во всемогущество Божье... О, каким срамом покроет вас сам Господь, если вы не поможете тем, кто исповедует веру христианскую, подобно нам... пусть выступят против неверных, пусть двинутся на бой, давно уже достойный того, чтобы быть начатым... Те, кто намерен отправиться в поход, пусть не медлят, но, оставив собственное достояние и собрав необходимые средства, пусть с окончанием зимы в следующую же весну горячо устремятся по стезе Господней». А в хронике Роберта Реймского приводятся и такие слова папы: «Особенно же пусть побуждает вас святой Гроб Господень... гроб, которым ныне владеют нечестивые, и Святые Места, которые ими подло оскверняются и постыдно нечестием их мараются... Иерусалим – это пуп земли, край плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта – словно второй рай. Ее прославил Искупитель рода человеческого своим приходом, украсил ее своими деяниями, освятил страданием, искупил смертью, увековечил погребением. И этот-то царственный град... ныне находится в полоне у своих врагов и уничтожается народами, не ведающими Господа. Он... жаждет освобождения, он не прекращает молить о том, чтобы вы пришли ему на выручку».

Как только были произнесены последние слова проповеди, вперед выступил Адемар

Монтейский, епископ Ле-Пюи (который позже будет назначен папским легатом в первом крестовом походе), и первым принял крест под крики толпы «Так хочет Бог!» Папа же, услышав эти крики, по свидетельству Роберта Реймского, сказал: «Дражайшие братья... если бы не Господь Бог, который присутствовал в ваших помыслах, не раздался бы единодушный глас ваш, и хотя он исходил из множества уст, но источник его был единым. Пусть же этот клич станет для вас воинским сигналом, ибо слово это произнесено Богом... И тот, кто возымеет в душе намерение двинуться в это святое паломничество, и даст обет Богу, и принесет Ему себя в живую, святую и весьма угодную жертву, пусть носит изображение креста Господня на челе или на груди. Тот же, кто пожелает, дав обет, вернуться [снять обет], пусть поместит это изображение на спине промеж лопаток...»

Хотя очевидцы описали это событие не сразу, а много лет спустя и на их рассказ, безусловно, повлияли последующие успехи этого начинания, все равно остается впечатление, что тогда был разыгран хорошо поставленный спектакль, где все действия главных актеров и реакция толпы были тщательно продуманы.

Театрализованность и ритуализированность, сопутствовавшие началу крестовых походов, впоследствии прочно закрепились за этим движением. Папа Урбан II, сам принадлежа к тому сословию, которое он хотел поднять на крестовые подвиги, прекрасно знал, чем и как можно воздействовать на чувства рыцарства. Поэтому шестидесятилетний папа предпринял годовое путешествие по южной и центральной Франции. Похоже, что поход на помощь Византийской империи он обдумывал уже несколько лет, хотя впервые заговорил о нем только в марте 1095 года на соборе в Пьяченце, где обсуждалась просьба византийского императора Алексея I Комнина помочь ему отразить натиск мусульман. Турки-сельджуки вот уже более двух десятилетий планомерно завоевывали Малую Азию и теперь приближались к Босфору. По приезду во Францию папа наверняка обсудил свои планы с Адемаром Ле-Пюиским и с графом Раймундом Тулузским (последнему папа отводил роль военного руководителя похода). Эти встречи вряд ли могли пройти незамеченными. И, вероятно, утверждение бургундских преданий о том, что первые обеты идти в Иерусалим были произнесены на соборе тридцати шести епископов в Отуне в первой половине 1095 года, имеет определенное отношение к действительности. Есть и еще одно предание, рассказывающее о том, что странствующий проповедник Петр Пустынник призывал к освобождению Гроба Господня еще до собора в Клермоне. Петр был хвастлив и болтлив, и сохранилось много рассказов о его жизни – о его паломничестве в Иерусалим, об обращении к нему патриарха, о явлении ему Христа и о его встрече в Италии с папой, во время которой он якобы уговорил Урбана II послать помощь Иерусалиму. Эти истории возникли, вероятнее всего, в Лотарингии, где Петр жил в аббатстве Ненмустье после своего возвращения из крестового похода. Но как бы ни было, вполне вероятным представляется и то, что до приезда папы в Клермон уже велись разговоры о походе на Восток и были выработаны кое-какие предварительные планы.

Урбан II, путешествуя по Франции, везде проповедовал идею крестовых походов¹ против неверных. К следующей весне крестоносцы начали собираться для участия в походе, позже названном первым крестовым походом (1096–1102), самым большим завоеванием которого стал захват Иерусалима 15 июля 1099 года. Но Иерусалим не мог быть удержан только сам по себе, и его завоевание повлекло за собой создание западных колоний в Леванте (их называли Латинским Востоком). Колонии сразу же стали целью турецких набегов, и потому появилась необходимость в военных мерах для их защиты. В частности, в помощь этим поселениям стали возникать военно-монашеские (духовно-рыцарские) ордена.

¹ Само понятие «крестовый поход», однако, современникам было неизвестно: война за Гроб Господень обозначалась другими терминами – «странствование», «поход», «путь в Снятую Землю», «заморское странствование», «поход по стезе Господней» и т. д. Формула «крестовый поход» родилась гораздо позднее – уже на пороге нового времени. Во Франции, как предполагают, первым ее употребил придворный историк короля Людовика XIV иезуит Луи Мэмбур (1610–1686), опубликовавший в 1675 году свой труд «История крестовых походов». – *Здесь и далее примечания переводчика*.

Крестовые походы продолжались в 1107–1108 (хотя этот конкретный поход уклонился в сторону и крестоносцы безуспешно и с большими потерями пытались вторгнуться в Византийскую империю), в 1120–1125, в 1128–1129, в 1139–1140 и в 1147–1149 годах; последний поход вошел в историю под названием второго крестового похода. Тем временем движение крестоносцев обратилось и на Испанию, отвоевание которой у мавров Урбан II приравнял по значению к освобождению Иерусалима. Призывы к крестовым походам на Пиренейский полуостров раздавались в 1114, в 1118 и в 1122 годах, после того как папа Каликст II предложил вести войну на два фронта – в Испании и на Востоке. В 1147 году его призыв был подхвачен и развит папой Евгением III, который благословил крестовый поход на вендов через северо-восточную границу с Германией в то самое время, когда крестоносцы направлялись воевать в Испанию и в Азию. Второй крестовый поход потерпел полное фиаско, и следующие за ним тридцать лет были наименее удачными во всей истории этого движения, хотя до 1187 года состоялось еще три похода в Испанию, один – в Северную Европу и несколько военных экспедиций в Палестину.

Но после охватившего Европу возмущения при известии о победе мусульман при Гаттине (на запад от Генисаретского озера) и потере Иерусалима и почти всей Палестины, захваченных Саладином в 1187 году, удача вновь стала сопутствовать крестоносцам. Третий крестовый поход (1189–1192) и немецкий крестовый поход (1197–1198) вернули франкам большую часть побережья, обеспечив на какое-то время безопасное существование латинских поселений. В течение всего XIII века все слои населения в Европе были охвачены энтузиазмом борьбы с мусульманами. (В частности, эти чувства вылились в организацию Крестового похода детей [1212] и Крестового похода пастушков [1251]). Крестоносцы отправлялись на Восток в 1202–1209 годах (четвертый крестовый поход, участники которого захватили Константинополь и большую часть Греции), в 1217–1229 годах (пятый крестовый поход, закончившийся возвращением Иерусалима посредством заключения договора отлученным от Церкви императором Фридрихом II), в 1239–1241 годах, в 1248–1254 годах (первый крестовый поход французского короля Людовика IX после потери Иерусалима в 1244 году), в 1269–1272 годах (второй крестовый поход Людовика IX) и в 1287–1290 годах; в 1218 и в 1249 годах армии крестоносцев вторгались в Египет, а в 1270 году – в Тунис.

В 1187–1260 годах возобновились и военные действия в Испании, крестоносцы даже воевали некоторое время на территории Африки. Главными событиями испанских крестовых походов того времени были победа при Лас-Навас-де-Толоса (1212 год) и завоевание Валенсии (1232–1253 года), Кордовы (1236 год) и Севильи (1248 год). В результате деятельности крестоносцев в Испании в начале XIV века и в 1482–1492 годах Гранада и весь Пиренейский полуостров оказались в руках христиан, и военные действия были перенесены на территорию Северной Африки, десанты крестоносцев высаживались даже в таких отдаленных восточных прибрежных пунктах, как Триполи. В 1193–1230 годах крестоносцы вторглись в прибалтийские земли, чтобы оказать помощь христианским миссиям в Ливонии, после чего там укрепились тевтонские рыцари, и в Пруссии, где эти последние вели «непрерывный крестовый поход» с 1245 года до начала XV века. Крестовые походы отправлялись также в Эстонию, Финляндию и Польшу. Начиная с 1199 года организовывались крестовые походы и против политических противников папского престола в Италии (1255–1378 года), Германии и Арагоне, а в 1380-х годах папский раскол породил крестовые походы во Фландрию и Испанию. Первый из крестовых походов против еретиков (Альбигойский крестовый поход) проходил на юго-западе Франции в 1209–1229 годах, остальные – в Боснии, Германии и Богемии (в частности, против гуситов в 1420–1431 годах). Крестоносцы также воевали с греками (в 1231 и в 1239 годах), пытавшимися вернуть Константинополь; с монголами (начиная с 1241 года); с православными русскими в северной Европе (начиная с XIII века) и с протестантской Англией в XVI веке (армада 1588 года). Но главные военные действия продолжали развиваться на Востоке.

Потеря Акры и последних укреплений христиан в Палестине и Сирии в 1291 году вызвали новую волну всеобщего воодушевления, вылившуюся в народные крестовые

походы 1309 и 13–20 годов. Войска регулярно отплывали в восточное Средиземноморье. В 1390 году одна из экспедиций отправилась в Махдию в северной Африке, за ней (в то время как угроза Европе со стороны турок возрастала) последовала еще одна – на Балканы (окончившаяся полным поражением), затем были осуществлены походы на Никополь (1396 год) и Варну (1444 год). Но наступление турок было временно остановлено около Белграда только в 1456 году. В 1332 году все заинтересованные государства объединились в Лигу крестовых походов. Впоследствии было много подобных союзов, и наиболее успешным из них удалось захватить Смирну в 1344 году, выиграть битву при Лепанто в 1571 году и отвоевать у турок большую часть Балканского полуострова в 1684–1697 годах. При этом неоднократно снаряжались «обычные» крестовые походы в Северную Африку (в 1535, 1541 и 1578 годах). Однако с конца XVI века движение явно пошло на убыль, хотя госпитальеры-иоанниты продолжали существовать в качестве военно-монашеского ордена в своем государстве на Мальте до захвата этого острова Наполеоном в 1798 году.

Крестоносное движение затронуло все государства Европы и почти все области их жизни – Церковь и религиозную мысль, политику, экономику, общественное устройство, литературу. Помимо этого оно еще и оказало долговременное влияние на историю западного мусульманского мира и на историю Прибалтики. Тем не менее до сравнительно недавнего времени крестоносное движение считалось чем-то экзотическим и периферийным. Фундамент изучения этого вопроса был заложен во второй половине XIX столетия. К сожалению, золотой век изучения крестовых походов закончился с началом первой мировой войны, но за ним последовал период обобщения знаний. Многотомные «История» Стивена Рансимена и «История», составленная группой американских ученых под руководством Кеннета Сеттона (известная как «Висконсинская история»), начали выходить в свет в середине 1950-х годов.

К 1950-м годам появились и признаки новых веяний в изучении крестовых походов. Французский историк Жан Ришар и израильтянин Джошуа Проуер в своей работе, посвященной Латинскому Востоку, по-новому подошли к изучению обществ и организаций крестоносцев; они дополнили свои солидные знания о предмете глубоким анализом, который поставил их труд гораздо выше предыдущих, часто довольно заурядных исследований. И хотя этот аналитический разбор является в конечном счете главной заслугой авторов, сразу по публикации исследования другой его аспект – обсуждение «Иерусалимских ассиз» – вызвал горячий интерес. Все историки, занимавшиеся Иерусалимским королевством, наиболее значительной из колоний крестоносцев, сталкивались с проблемой, связанной с самым важным сохранившимся источником – «Иерусалимскими ассизами» («Assises de Jerusalem»), представлявшими собой сборник юридических памятников, сохранившийся в редакции кипрских юристов XIII века Филиппа Наваррского и Жана д'Ибелина. Согласно этим документам, Иерусалимское королевство было государством, в котором сразу по его основании в 1100 году был введен и сохранялся неизменным в течение полутора веков «чистый» феодализм – если такое общественное устройство вообще когда-либо существовало. В 1920-х годах французский ученый Морис Гранклод внимательно изучил «Иерусалимские ассизы» и выбрал оттуда упоминания о законах, возникших, по его мнению, в XII веке. Его выводы в свое время были почти полностью проигнорированы, но именно на основании его изысканий Ришар и Проуер переписали историю Иерусалима, поскольку стало очевидно, что застывшее феодальное государство, изображенное в юридических книгах XIII столетия, не соответствовало реальной жизни не только в XII веке, но и в XIII. После этого открытия сборники законов уже трудно было воспринимать как авторитетные документальные источники; они стали походять, скорее, на разумные, хотя и тенденциозные, политические трактаты, написанные участниками споров об общественном и государственном устройстве, бушевавших в Палестине за десятки лет до их написания. И королевство Иерусалимское сразу оказалось гораздо «нормальнее», чем оно выглядело до тех пор, и, хотя, конечно, оно имело свои особенности, в нем происходили такие же, как везде, политические и структурные изменения.

«Структурный» подход к истории Иерусалима, введенный Ришаром и Проуером, просуществовал около 20 лет. В середине 1970-х годов появилась новая точка зрения на политику Латинского Востока; она была выдвинута Гансом Майером. В каком-то смысле его подход был похож на тот, что использовался в сфере изучения средневековой Европы в 1930-х годах, – отказ от «структурного» взгляда «с птичьего полета» на основы и действие на практике властных структур; следствием же этого было возникновение интереса к изучению различных общественных образований. Этот подход совпадал с новой тенденцией во многих областях историографии – с разочарованием в укоренившемся убеждении, что только централизованные государства были достаточно живучи и сильны, и, соответственно, с новым интересом к децентрализованным обществам. В последних работах уделяется много внимания тому, как королевская власть оказывала воздействие на разрозненные феодальные структуры и через них на все государство. Более того, появились новые направления и в изучении идеологии крестоносцев. Одну из причин роста интереса ученых к этому вопросу можно найти в развитии других дисциплин. В частности, военная психиатрия сделала колоссальные шаги в своем развитии во время второй мировой войны, и новые знания об эффектах стресса на индивидуумов и на группы людей стали достаточно доступны для ученых. По мере того как становилось все труднее по-прежнему классифицировать поведение на войне лишь по однозначным понятиям героизма и жестокости, рос интерес и к крестоносцам как к личностям, чему способствовал и более внимательный взгляд на теории, лежащие в основе понятия справедливой войны. Нюрнбергский процесс, провозгласивший, что преступления могут совершаться не только против отдельных людей, но и против всего человечества, возродил интерес к естественному праву, а споры о том, оправдано ли следование любым приказам, повлекли за собой обсуждение вопроса о поддержании законной власти как традиционном оправдании справедливой войны. А доктрина ядерного устрашения и зарождающиеся сомнения в соразмерности угрозы и реакции на нее вызвали обсуждение такого понятия, как добрые намерения, то есть еще одного оправдания справедливой войны.

В то время как эти и другие интеллектуальные события, несомненно, способствовали более внимательному изучению крестоносцев, большинство объяснений того факта, что так много людей участвовало в крестовых походах, по-прежнему сводились к тому, что его участники не обладали достаточной искушенностью и умом или что все они стремились к материальной выгоде. Последняя точка зрения получила сильную поддержку сторонников предположения, что крестоносцы были продуктом семейной стратегии экономического выживания. Еще Рансимен мог закончить свою «Историю» следующими негодующими словами: «Победы крестовых походов были победами веры. Но вера без мудрости опасна... В длинной истории взаимодействия и взаимопроникновения Запада и Востока, из которой выросла наша цивилизация, крестовые походы были трагическим и разрушительным эпизодом... Там было много отваги и мало чести, много набожности и мало понимания. Высокие идеалы пятнались жестокостью и жадностью, предприимчивостью и живучестью слепого и узколобого самодовольства. Сама священная война была не чем иным, как актом нетерпимости во имя Бога, что является грехом против Святого Духа».

И действительно, трудно было поверить, что люди искренне следовали такой отвратительной идеологии, как идеология крестоносного движения. Гораздо легче было поверить в то, что они просто были слишком глупы и не понимали, что творили, или в то, что ими двигало, несмотря на все их заверения в обратном, желание захватить новые земли или богатую добычу, хотя последнее было бы очень трудно доказать. Все давно уже знали, что средневековая война требовала колоссальных материальных затрат, ведь было опубликовано много работ, свидетельствующих о больших финансовых расходах, требовавшихся от крестоносцев и их семей для участия в походах.

Другими словами, неприятие историками идеологического насилия и неспособность понять, что оно могло привлекать массы людей, не позволяли им поверить фактам и свидетельствам. Они, впрочем, как и все вокруг, забыли о христианской теории позитивного

насилия, к которой христиане раньше относились очень серьезно. И. для всех явилось сюрпризом возрождение этой теории в 1960-х годах в южноамериканских движениях Христианского освобождения, некоторые из которых были очень воинственны и считали использование силы (в данном случае – бунта) актом милосердия в соответствии с тем, что было задумано для человечества Христом, и даже моральным императивом. Исследователи крестоносного движения неожиданно заметили, что рядом с ними живут искренние и набожные современники, придерживающиеся взглядов, очень близких к тем, приверженцами которых были средневековые апологеты, являющиеся предметом их изучения. И в результате историкам стала вполне очевидна уязвимость их аргументации в пользу материалистической мотивировки и недостаточность доказательств, на которых они основывали свою интерпретацию событий. Наконец-то ищущие приключений и богатств младшие сыновья исчезли со сцены. Очень немногие современные историки продолжают верить в теорию о том, что в походы отправлялись в первую очередь младшие члены баронских семей, не имевшие владений и не находившие себе применения на родине.

Поняв, что многими, а вероятно, даже и всеми крестоносцами руководили другие мотивы (и в первую очередь идеализм), историки оказались перед задачей изучения идей, лежавших в основе движения. Первое проявление интереса к идеологии имело дело с мотивировкой действий бедняков, которые составляли большую часть участников ранних крестовых походов и даже организовывали самостоятельные народные выступления в XIII и XIV веках. Но этот интерес к беднякам-крестоносцам, который, конечно, был частью общей заинтересованности в массовых движениях, типичной для 1950-х и 1960-х годов, стал быстро спадать по мере того, как выяснялось, что именно об этой части крестоносцев сохранилось очень мало достоверных исторических сведений. Вследствие этого основная работа стала проводиться в той области, где эти сведения есть, то есть началось серьезное изучение творчества интеллектуалов, знатоков канонического права и богословов, идейных представлений и предубеждений дворян и рыцарей, высказываний римских пап и проповедников, бывших посредниками между разными слоями населения. Но сама природа умственного труда такова, что углубленное знание и понимание влекут за собой появление все новых и новых вопросов. И в области изучения крестовых походов настал такой момент, когда назрела необходимость ответить на самый главный вопрос, а именно: что такое «крестовый поход».

Надо признать, что очень нелегко дать определение этого движения. Оно существовало очень долго, мнения и политика менялись. Формирование крестовых союзов, например, было способом приспособления движения к новым обстоятельствам – возникновению и росту национальных государств. В крестовых походах участвовали мужчины и женщины всех слоев населения из всех областей Западной Европы; вряд ли ими руководили совершенно одинаковые чувства и понятия. Крестоносное движение привлекало и интеллектуалов, и феодалов, и народные массы. Перед нами целый спектр идей – от абстрактных до примитивных, от вершин нравственного богословия до провалов антисемитских устремлений. Более того, все эти идеи соприкасались и взаимодействовали. Крестоносное движение было добровольным, римские папы и проповедники, призывая людей участвовать в походах, облекали богословие в общедоступные формы, и зачастую народные представления о Боге и справедливости использовались в официальной проповеди Церкви. Например, теоретически крестовые походы должны были быть оборонительными, так как христиане не могут применять силу для обращения в свою религию, но простые люди видели в христианстве религию силы, и миссионерские идеи буквально пропитали мысль и пропаганду крестоносцев.

Историки давно сошлись на том, что крестовые походы были объявлены римским папой священной войной во имя Христа и участники этой войны (если не все, то большинство) принимали особые обеты и пользовались некоторыми временными и духовными привилегиями, в частности им отпускались грехи. Но что такое были крестовые походы, направлявшиеся не в Святую Землю? Ведь крестоносцы, призванные папой во имя

Христа, принявшие обеты и получившие привилегии и отпущение грехов, воевали, как мы видели, не только на Востоке, но и в самой Европе, и не только против мусульман, но и против язычников, еретиков и раскольников, и даже против католических противников папского престола. Были ли все они настоящими крестовыми походами? Или то были извращения или, в лучшем случае, отклонения от первоначальной идеи? И хотя многие историки выбирали ту или иную точку зрения на этот феномен почти произвольно, не стараясь научно обосновать свой выбор, тема эта остается очень важной. Во-первых, плюралисты (сторонники широкого взгляда на крестоносное движение) опирались на многие источники, которые традиционалисты (сторонники узкого взгляда), вероятно, даже не удосужились прочитать. Во-вторых, отношение папского престола к этому движению выглядит иначе, если верить в то, что папы вырабатывали стратегию, имея в виду действия на разных фронтах, которые, хотя и не были одинаково важными (общепризнано, что крестовые походы на Восток были наиболее престижными и представляли собой мерку для всех других военных экспедиций такого рода), объединялись по качественным признакам. Один и, может быть, единственный путь вперед – задать другой, обманчиво простой вопрос, и именно вокруг этого вопроса разгорелись главные споры. Что думали по этому поводу современники крестоносцев? Крестоносное движение появилось по инициативе папы римского, и невозможно отрицать, что папы, по крайней мере официально, не видели существенного различия между восточными и европейскими крестовыми походами. Но можно попытаться понять, насколько их взгляд соответствовал христианскому общественному мнению того времени. Трудность заключается, однако, в том, что исторические свидетельства об этом достаточно уклончивы. Некоторые современники выступали против крестовых походов, отправлявшихся не на Восток, но их было немного, да и к тому же очень трудно определить, насколько их критика отражала общее мнение, поскольку почти каждый из них при этом преследовал своекорыстные цели. Сохранились отдельные сообщения церковных деятелей (таких как кардинал и специалист по церковному праву Гостиенсий или монах из Сент-Олбанса Матвей Парижский) о недовольстве проповедями альтернативных крестовых походов. Но как оценить долю таких настроений? Ведь мы знаем, что огромное число людей принимало крест и участвовало в крестоносном движении на всех направлениях. Как, скажем, отнестись к тому, как Жак Витрийский описал всепоглощающий интерес к Альбигойскому крестовому походу со стороны святой Марии из Уиньи? Марии несколько раз являлся Христос и делился своей озабоченностью распространением ереси в Лангедоке, и, «хотя и находясь совсем в другом месте, она видела ликующих ангелов, которые уносили души убитых [крестоносцев] в райское блаженство, минуя чистилище». Святая Мария так была захвачена этим походом, что сама рвалась поехать на юго-запад Франции.

В 1953 году Жиль Констабль доказывал, что армии второго крестового похода, воевавшие на Востоке, в Испании и на Эльбе, рассматривались современниками как части единого войска, однако десять лет спустя Ганс Манер усомнился в том, что альтернативные крестовые походы были действительными составными частями одного движения. Он признавал, что, видимо, папы и церковные правоведы считали их таковыми, но предполагал, что это было просто дипломатическим ходом. В своей книге «Крестовые походы» (опубликованной в Германии в 1965 году и вышедшей на английском языке в 1972 году) Майер дал крестовым походам определение «войны, направленной на приобретение или сохранение власти христиан над Гробом Господнем в Иерусалиме, то есть имеющей конкретную цель в конкретном географическом регионе». Прошло четыре года, и Гельмут Рошер выступил в защиту плюралистической теории, то же сделал и Джонатан Райли-Смит в 1977 году. В 1983 году этот вопрос горячо обсуждался на первой конференции «Общества изучения крестовых походов и Латинского Востока». В последующие годы Элизабет Сиберри убедительно показала, что противников альтернативных крестовых походов XII и XIII веков было не так много, как считалось, и что они не выражали общепринятых взглядов, а Норман Хаусли, ставший главным апологетом плюралистической точки зрения,

опубликовал серьезное исследование политических крестовых походов в Италии, показав, что они были составной частью единого движения. Хаусли также написал первую работу по всем направлениям крестоносного движения в XIV веке и полную плюралистическую историю поздних крестовых походов.

Поначалу главной задачей плюралистов было доказать, что папы и верующие христиане видели во всех крестовых походах одно движение, одну идею. Но по мере выполнения этой задачи они начали говорить о том, что различия разных направлений этого движения были не менее важны, чем их сходство. На прибалтийском побережье тевтонские рыцари вели «непрерывный крестовый поход», не нуждаясь в постоянных и конкретных призывах со стороны папского престола. А на Пиренейском полуострове крестоносное движение главным образом направлялось королями, особенно королями кастильскими.

В то время как плюралисты обсуждали определения крестоносного движения, все большее число историков обращало свои взоры на Запад, что отчасти объяснялось интересом к европейским крестовым походам, но еще более важную роль в этом сыграли два других фактора. Во-первых, оказалось, что до сих пор оставалось неизученным огромное количество исторических материалов (даже относящихся к казалось бы столь хорошо известным XII и XIII векам). Европейские архивы военно-монашеских (духовно-рыцарских) орденов были почти нетронуты, так как все в первую очередь изучали их восточные архивы (несмотря на тот очевидный факт, что воевавшие на Востоке ордена тамплиеров и госпитальеров, тевтонские рыцари и духовно-рыцарские государства Родоса, Пруссии и Мальты полностью зависели от средств и людских ресурсов, прибывавших из Западной Европы, где проводили большую часть времени и сами рыцари-монахи). Любое рассмотрение истории орденов должно начинаться с признания того факта, что нормой их жизни были не военные подвиги или дела милосердия в Палестине или на Родосе, а управление поместьями и монастырская жизнь в европейских братствах, аббатствах и в феодальных владениях, где и жили постоянно большинство рыцарей-монахов. И потому вполне естественно, что образовалась группа историков (таких, как Алан Фори, Майкл Джерверс и Анн-Мари Легра), занимающихся главным образом только западными владениями духовно-рыцарских орденов.

Жиль Констабль привлек также внимание историков к малоизученным хартиям, установлениям и другим официальным документам, в которых содержатся разнообразные сведения о крестовых походах. Таких материалов оказалось очень много. Например, не меньше трети известных нам имен крестоносцев, отправившихся в первый крестовый поход, упоминаются только в этих материалах.

Вторым фактором, несомненно, был растущий интерес к идеям, питавшим движение. Трудно переоценить, насколько крестовые походы были изнурительны и запутанны, сколько опасностей подстерегало крестоносцев и сколько денег стоило участие в этих походах. И нелегко объяснить, почему в течение нескольких веков люди были охвачены таким религиозным воодушевлением. Крестовые походы выросли из реформистского движения XI века, которое вылилось бы, вероятно, в освободительные войны независимо от ситуации на Востоке. Церковная проповедь Евангелия побуждала слушателей принимать крест, и сейчас внимание многих историков направлено на тщательное изучение призывов церковных деятелей к участию в крестовых походах и сохранившихся текстов их проповедей. Конечно, многие крестоносцы были движимы идеалами, но их идеалы отличались от целей высших церковных иерархов, и предметом оживленного обсуждения стал сегодня вопрос о том, что думали и к чему стремились дворяне и рыцари. Историки Маркус Булл, Саймон Ллойд, Джеймс Пауэл, Джонатан Райли-Смит, Кристофер Тайермэн и другие сделали эту тему предметом своих занятий и наметили несколько направлений будущих исследований. Как мы увидим, на ранних стадиях развития крестоносного движения важным фактором, влиявшим на него, была обстановка внутри семей и особенно настроения женщин, а к концу XIII века главную роль в привлечении участников крестовых походов стали играть местные связи крупных феодалов. Религиозные представления общества, состоявшего из

расширенных семей, поначалу также были чрезвычайно важным фактором, но к 1300 году их заменили рыцарские (куртуазные) идеи.

Изменения в направлении исторических исследований потребовали временного расширения поля исследований. Так, Рансимуэ потребовалось всего сорок страниц в конце третьего тома на описание событий после 1291 года; его труд заканчивается смертью папы Пия II в Анконе в 1464 году. И Майер в последнем издании своих «Крестовых походов» посвятил крестоносному движению в период после 1291 года одну неполную страницу. Однако недавние исследования уже охватывают период времени до 1560, 1580, 1588 и даже 1798 годов. Этим мы все обязаны прежде всего Кеннету Сеттону, чья книга «Папство и Левант» рассматривает события с разгрома Константинополя (в 1204 году) до битвы при Лепанто (в 1571 году); благодаря этому изданию перед учеными предстали главные собрания материалов по истории поздних крестовых походов. Теперь уже ясно, что крестоносное движение не только не шло на убыль после 1291 года, но и в XIV веке было почти столь же активно, как и в XIII. Но еще больше сюрпризов принесло более пристальное изучение XVI века. В начале века ученые иногда называли борьбу Испании за Северную Африку крестовым походом, не придавая этому термину прямого значения. Сеттон же доказал, что эта борьба была именно крестовым походом в полном смысле этого слова. Он написал книгу о продолжении этой борьбы в XVII веке, и теперь ученые знают о документах по этому вопросу (большинство их хранится в итальянских архивах) вплоть до 1700 года. С историей испанских крестовых походов в Средиземноморье была связана и история государства-ордена рыцарей-госпитальеров св. Иоанна на Мальте, основанного императором Карлом V в качестве форпоста на морском пути из Константинополя в Северную Африку. Были опубликованы каталоги архивов рыцарей-монахов из Ла-Валлеты, содержащих материалы по истории этого замечательного маленького государства, последнего наследника крестоносного движения, просуществовавшего до 1798 года. Мы уверены, что вскоре будет опубликовано немало серьезных исторических трудов о поздних крестовых походах, которые ранее почти не привлекали внимания.

Какие бы подспудные течения ни имели место в историографии сорок лет назад, общепринятая история крестовых походов охватывала только крупные военные экспедиции на Восток и латинские поселения в Палестине и Сирии. События же после 1291 года не привлекали особого интереса историков, поскольку считалось, что история крестовых походов в этом году закончилась. С тех пор историография сделала огромные успехи, и оказалось, что крестоносное движение продолжалось более семи столетий. Раньше при изучении крестоносного движения основное внимание уделялось экономическим, колониальным и военным вопросам. Сегодня же для историков интересны в первую очередь религиозные, юридические и общественные аспекты, при этом особенное значение придается сведениям об истоках и идеях этого движения.

Глава 2

Истоки

МАРКУС БУЛЛ

«Его кровожадность была... беспрецедентна для нашего времени... Потому что он не стремился убедить в истинной виновности своих жертв и потом казнил их ударом меча, как это и было принято. Вместо этого он резал их как скот и подвергал чудовищным пыткам. Когда он вымогал у пленников, кто бы они ни были, выкуп, он приказывал подвешивать их за половые органы – иногда он даже проделывал это собственноручно, и, если вес тела оказывался слишком велик, тела жертв разрывались и кишки вываливались наружу. Других подвешивали за большие пальцы рук, а к плечам прикрепляли камни. А он ходил под ними и, если не мог добиться от них того, что они на самом деле не могли ему дать, бил их дубинкой до тех пор, пока они не соглашались на его условия или не умирали. Никто не знает, сколько

людей погибло в его темницах от голода, болезней и избиений...»

Это писал в 1115 году аббат маленького монастыря около Лапа в северо-восточной Франции Гвибер Ножанский о местном сеньоре Томасе Марльском. Приведенная цитата – не единственное упоминание его деяний. Гвибер довольно много писал о нем, и при этом всегда со смешанным чувством справедливого негодования и почти детского любопытства к чудовищным подробностям его действий. Оба – и Гвибер, и Томас – имели непосредственное отношение к первому крестовому походу, первый в качестве автора длинной хроники похода, второй – как его участник. Хроника Гвибера «История, называемая Деяния Бога через франков», видимо, не была столь популярной, как другие повествовательные памятники о крестовых походах, если судить по малому числу сохранившихся списков, но, тем не менее, современные историки видят в ней источник ценных сведений о движении и, в частности, потому, что автор пытался обобщать факты (сам он не участвовал в походах и получал информацию из вторых рук), применяя в описании событий ученые богословские понятия. Что же касается Томаса Марльского, то за время участия в первом крестовом походе он приобрел очень лестную репутацию, на которую Гвибер пытался бросить тень, утверждая, что тот грабил паломников, направлявшихся в Иерусалим.

Таким образом, Гвибер Ножанский изображает Томаса типичным бароном-разбойником Франции XI–XII веков, чем-то вроде дикаря, представлявшего угрозу обществу, каких было много во времена слабой центральной власти и недостаточного уважения к нравственному учению Церкви. Но подобная характеристика несправедлива и предвзята. Обделенный и не любимый отцом и мачехой, Томас был вынужден бороться за замки, земли и привилегии, бывшие, как он считал, его законным наследием. Можно также утверждать, что Томас не только не представлял угрозу обществу, но наоборот – твердой рукой он сумел создать относительную стабильность в той области Франции, где соперничество различных властей – королевской, церковной и графской – постоянно создавало благоприятную почву для всевозможных беспорядков. Написанный Гвибером портрет Томаса, если его рассматривать как репортаж с места событий, безусловно, тенденциозен и преувеличен. Но его истинная ценность для историка – как раз в этом преувеличении, ибо это и позволяет понять стандарты нормального поведения того времени, в сравнении с которыми те или иные действия являлись чудовищными преступлениями. Для того чтобы убедительно очернить Томаса, Гвиберу недостаточно было просто представить его жестоким, надо было доказать, что его жестокость выходила за все допустимые рамки. Другими словами, Томас и Гвибер, каждый по-своему участвовавшие в крестоносном движении, жили в обществе, которому было присуще насилие, само по себе не являвшееся чем-то из ряда вон выходящим.

Современные исследователи, занимающиеся историей средних веков, должны научиться не судить то время с точки зрения нашего века. Тогда насилие было распространено повсеместно и затрагивало в той или иной степени повседневную жизнь каждого. Юридические споры, например, часто решались победой сильнейшего в бою или выдержавшего какое-либо болезненное и опасное испытание. Кстати, именно в период первого крестового похода стало входить в обычай осуждать преступников на смерть или физические увечья, тогда как раньше было принято обходиться выплачиваемой жертвам или их семьям компенсацией. Тогда же участились случаи кровной мести между родами и даже внутри кланов. Причем противники редко ограничивались внутрисловесными поединками, и в результате эта борьба грозила полным разорением одной из сторон, поскольку между ними не прекращалась грубая, но эффективная экономическая война, направленная на захват чужих владений – то есть крестьян, скота, урожая и деревень. Жестокость была настолько привычна, что могла быть ритуальной. Так, около 1100 года гасконский рыцарь молился в Сордском монастыре о том, чтобы Бог помог ему поймать убийцу брата. Затем он заманил убийцу в ловушку, жестоко изуродовал ему лицо, отрубил руки и ноги и кастрировал, лишив его тем самым уважения, возможности воевать и способности продолжать род. В

благодарность за помощь свыше мститель преподнес окровавленные доспехи и оружие своего поверженного врага сордским монахам. И они приняли эти трофеи.

Этот случай – яркая иллюстрация неспособности средневековой Церкви сохранять независимость от царившего вокруг насилия. Раньше историки считали, что в первые века христианства Церковь придерживалась мирных позиций, но потом заразилась чуждыми ей ценностями от принявших христианство народов, и кульминацией этого процесса стали крестовые походы. Но эта идея не соответствует реальности, потому что во все времена отдельные люди, общества и организации очень по-разному относились к насилию. Реакции зависели от контекста. Главным элементом отношений средневекового мира с насилием был выбор. Светское общество инстинктивно чувствовало это каждый раз, когда оно оценивало чье-то поведение. Был ли, например, один рыцарь связан достаточно тесными родственными узами с другим, чтобы стать участником кровной мести, будь то в качестве агрессора или потенциальной жертвы? Входило ли участие в определенной военной кампании в договорные обязательства вассала перед его сеньором? Заслуживал ли осужденный преступник смертной казни и был ли он судим представителями законной власти? Какой опасности должен подвергаться в бою рыцарь или же в насколько бедственном положении находиться осажденный замок, чтобы сдача не превратилась в бесчестие? Список подобных вопросов может быть очень длинным, потому что реакция на насилие определялась ценностными суждениями, основанными на бесчисленном количестве переменных величин.

Отношение Церкви к насилию в основе своей было таким же, хотя накопленные за столетия знания и почти полная монополия на письменное слово, естественно, позволяли ей в области теории и абстрактных понятий быть намного увереннее светского общества. Именно Церковь была в состоянии выработать какую-то систематизацию относительно проблем, связанных с насилием. Церковь унаследовала от римского права, Ветхого и Нового Заветов и ранних христианских отцов Церкви (особенно от блаженного Августина [354–430]) систему понятий, в рамках которой возможно было анализировать случаи насилия и выносить оценочные суждения. Общепринятая точка зрения, восходящая к блаженному Августину и доведенная до совершенства в более поздние века, сводилась к тому, что о нравственной стороне поведения нельзя судить только по его событийному содержанию, вырванному из общего контекста; при оценке меры жестокости того или иного поступка принимали во внимание состояние духа совершившего его человека, преследуемые цели и правомочность действий лица или учреждения, по чьей воле или с чьего поущения этот поступок совершался.

Такая точка зрения допускала большую идеологическую гибкость в суждениях. Церковь могла принимать активное участие в военных действиях на разных фронтах, в частности там, где латинское христианство вступало в прямой контакт с мусульманским миром. Вторая половина XI века стала временем расширения сферы латинского влияния. На севере Пиренейского полуострова маленькие христианские государства учились пользоваться политической слабостью мусульманского аль-Андалуса (арабской Испании), и их внушительной победой стало завоевание в 1085 году королем Кастилии и Леона Альфонсом VI города Толедо, бывшего когда-то столицей вестготского королевства и разрушенного арабами и берберами в VIII веке. В Сицилии воинственные норманны, с мощью которых уже привыкли считаться в Южной Италии, постепенно уничтожали власть мусульман с 1061 по 1091 год. Папы обычно поддерживали такую христианскую экспансию. Но сами они могли играть только пассивную роль в этом процессе, поддерживая его морально и занимаясь вопросами церковной организации на захваченных территориях. Однако события в Испании и на Сицилии были чрезвычайно важны для Церкви, ибо уже два поколения западных христиан до первого крестового похода на глазах центрального церковного управления были вовлечены в религиозную войну, причем в этой войне у неверных отвоевывались прежние христианские земли. В связи с этим хотелось бы отметить, что поход в Святую Землю, захваченную арабами в VII веке, представлял собой аналогичный случай.

Когда речь идет о крестоносном движении, важно иметь в виду различие между высшими церковными иерархами, вершившими церковную политику и позже выработавшими планы первого крестового похода, и мирянами, ставшими добровольными воинами-крестоносцами. Общая картина войны на всей территории Средиземноморья была доступна, пожалуй, только взгляду папского престола, который имел в своем распоряжении разведывательные данные, знание географии и понимание давней исторической традиции, что позволяло видеть всю панораму христианского мира и учитывать возможные опасности. Однако, и на это важно обратить внимание, часто крестовыми походами неправильно называли все стычки между христианами и мусульманами до 1095 года. Такая точка зрения подразумевала, что первый крестовый поход явился последним и кульминационным в серии войн XI века, бывших крестовыми по своей сути, как бы пробой сил европейцев в борьбе с неверными. Но подобное мнение неприемлемо для тех, кто знаком с фактами.

Мы имеем достаточно много доказательств тому, что призыв Урбана II к крестовому походу в 1095–1096 годах явился полной неожиданностью для общества. Крестовые походы получили поддержку населения именно потому, что в них увидели новый способ борьбы с мусульманами, могущий оказаться действенным. Современники крестоносцев, комментировавшие популярность идеи крестовых походов, не распространялись о продолжении и эскалации антимусульманской войны. А если в них и мелькали какие-то высказывания по этому поводу, то чаще всего речь шла о далеких и уже мифологизированных временах Карла Великого (ум. в 814) и его империи франков, а не о более поздних событиях в Испании или на Сицилии.

Необходимо отметить, что пылкий отклик жителей Западной Европы на призыв к первому крестовому походу не основывался на устоявшейся ненависти к исламу и ко всему мусульманскому. Конечно, существовали грубые стереотипы и превратные толкования; например, считалось, что мусульмане придерживаются многобожия и поклоняются идолам, а о жизни пророка Магомета были широко распространены выдуманные, порой откровенно сказочные истории. Но все это не складывалось в цельную систему предубеждений, способную сорвать людей с насиженных мест, оторвать их от семей и вовлечь в опасную и дорогостоящую военную экспедицию против врагов в дальних странах. Причем среди первых крестоносцев были и те, кто уже раньше при мирных обстоятельствах имел дело с мусульманами – во время паломничества в Иерусалим, например. Но большинство никогда не видело мусульман, и после первых же столкновений с противником крестоносцы начинали испытывать противоречивые чувства. Храбрость и умение турок производили на них такое впечатление, что они начинали предполагать: а не являются ли турки их отдаленными родственниками, чем-то вроде потерянного племени, много веков назад свернувшего с пути, ведущего к западной христианской цивилизации. Такие мысли не выглядели нелепыми во времена, когда считалось, что черты характера передаются по кровному родству, и когда рассказы о происхождении людей от библейских или мифических предков имели самое непосредственное отношение к ощущению европейцами своего места в истории и общественной ценности личности. Сегодня распространен взгляд на крестовые походы как на великую борьбу систем веры, подогревавшуюся религиозным фанатизмом. Такое понимание связано с современными понятиями о религиозной дискриминации и с реакцией на политические конфликты на Ближнем Востоке и в других регионах. Однако подобная точка зрения должна быть решительно отвергнута, хотя бы в отношении первого крестового похода. Исследования последних десятилетий, направленные на то, чтобы как можно подробнее осветить историю идей и институтов, связанных с крестовыми походами, опровергают такой подход. До недавнего времени в крестовых походах привыкли видеть серию экзотических, иррациональных и – главное – малозначительных эпизодов в историческом развитии Западной Европы. Более того, изучением крестовых походов, главным образом, занимались ученые, специализировавшиеся на изучении истории восточного христианства или мусульманского мира, и их суждения, естественно, часто были неоправданно жестки. Но сейчас медиевисты делают все возможное

для включения крестоносного движения в общую картину западной цивилизации. Важным и плодотворным элементом такого подхода стало изучение тех сторон западноевропейской религии, культуры и общественного устройства, которые могли бы объяснить энтузиазм, с которым европейцы откликнулись на призывы к походу на неверных. Так на какую же благодатную почву упали эти призывы в конце XI века в Европе? И чему обязан первый крестовый поход своим осуществлением? Здесь можно назвать несколько факторов. Во-первых, тотальная милитаризация общества, подготовлявшаяся многие века. Политическими образованиями, возникшими после медленного и болезненного распада западной Римской империи, управляли аристократические кланы, получавшие свои богатства и власть от контроля над землей и военного лидерства. В средневековой Европе правительства не имели средств, административного умения и системы связи для самостоятельного управления страной. В создавшейся ситуации действенный контроль над державой мог быть обеспечен только следующим: превратить крупных местных феодалов в союзников и представителей короля, получив от них вассальную присягу на верность и обещание соблюдать государственные интересы в обмен на помощь в сохранении и упрочении их богатств и власти на местах. Поэтому центральная власть стремилась вырабатывать общие задачи для себя и своих вассалов, так как в этом случае гармонически сочетались взаимопомощь и удовлетворение своекорыстных интересов. И накануне первого крестового похода структура европейского общества была именно такой. В VIII – начале IX века короли Каролингской династии выработали политическую систему, мобилизовавшую все население франкского государства на частые захватнические войны в южной Галлии, Италии, Испании и центральной Европе. Однако из-за того, что подходящих жертв становилось все меньше, а викинги и мусульмане нападали на франков все чаще, в XI веке эта система начала давать сбои. Ситуация усугублялась еще и жестокими междоусобными войнами между отдельными представителями династии Каролингов. Следствием этого стало ослабление вассальной верности и ощущения общего дела, которые связывали королей с военными кланами страны. В каком-то смысле политическая жизнь вернулась туда, откуда все началось, – власть опять начала концентрироваться в руках наиболее богатых и воинственных кланов. Однако Каролинги оставили очень важное наследство – а именно то, что дворяне – «принцы», в смысле «те, кто управляет», – смогли навсегда сохранить и использовать созданные Каролингами институты общественного управления.

Начиная с 1950-х годов историки выдвинули тезис, согласно которому ослабление королевской власти в IX и X веках было прелюдией к еще более глубоким изменениям, происходившим в конце X – начале XI века. Поскольку этот тезис (французские медиевисты называют его *тшаиоп Геослале* – феодальная трансформация) сейчас превращен почти в догму, о нем стоит поговорить. Согласно вышеупомянутому тезису, начиная где-то с середины X века в крупных областях – осколках развалившегося франкского государства – возобладали центробежные тенденции, с которыми ранее Карлу Великому удавалось справляться. Королевская власть ослабла, а мелкие феодалы, многие из которых своим положением были обязаны тому, что представляли короля на местах, стали подлинными государями в областях. Продолжая политическое дробление государства, они расширяли сеньории, перехватывая власть у крупных феодалов, распространяя ее на еще сохранявшиеся свободные территории и подчиняя себе свободных землевладельцев, и сосредоточивали в своих руках судебную и военную власть в своих владениях. Они взимали с крестьян все возрастающую аренду и увеличивали объемы работ на барщине. Суды перестали быть общественными форумами, обслуживающими свободное население области, и превратились в инструмент власти правящей знати; попасть в сословие судей можно было только после принесения вассальной присяги сеньору. Одним из характерных внешних признаков торжества этой системы было постоянное увеличение числа новых замков, особенно после 1000 года. Эти замки словно бы заявляли, что власть в областях бывшей франкской империи полностью раздробилась.

Однако в последнее время ученые начали сомневаться в правильности этого тезиса,

поскольку модель феодальной трансформации IX и X веков, с одной стороны, подозрительно стройна, ибо предусматривает вряд ли возможное в реальной жизни четкое различие между общественными и частными институтами, а с другой стороны – слишком негативна, потому что отводит последним Каролингам (последний король этой династии умер во Франции в 987 году) роль бессильных номинальных владык до того, как это, судя по свидетельствам, случилось на самом деле. Очевидно и то, что социальное и экономическое положение тех, кто обрабатывал землю, было очень разным. Некоторые под давлением сеньоров превратились в сервов (крепостных крестьян), но другие продолжали удерживать свои права на землю и на относительную независимость. Судьба принцев тоже не была одинаковой. Например, герцоги нормандские и аквитанские и графы фландрские и барселонские упорно и зачастую успешно боролись против мелких феодалов, пытавшихся подмять под себя их владения. Складывается такое впечатление, что трансформация IX–X веков может даже оказаться просто оптической иллюзией. Хартии, документы о передаче земли и прав, являющиеся для нас одними из самых важных исторических источников, в XI веке становятся все менее четкими по формулировкам и все более повествовательными по стилю. Такая измена традиции обычно рассматривается как переход от публичной и систематической юридической системы к частной и обслуживающей сиюминутные интересы, а это – процесс, имеющий глубокие социальные и политические последствия. Но если изменения стиля документов могут быть объяснены другими факторами (может быть, старые хартии десятилетиями прикрывали социальные перемены и наконец были признаны несоответствующими развивающемуся и все усложняющемуся миру), то теория трансформации требует пересмотра. Сейчас изучение времени, непосредственно предшествовавшего крестовым походам, входит в новую фазу. Современные историки, занимающиеся IX и X веками, заняли более откровенную и честную позицию, чем их коллеги в XI веке, и готовы пересмотреть свои мнения и интерпретацию исторических источников.

И хотя еще слишком рано предсказывать, насколько новые изыскания повлияют на наше понимание причин первого крестового похода, очевидно, что сегодня в историографии существуют все предпосылки к изменению традиционных воззрений. Однако при любых подходах историки не перестанут интересоваться таким важным фактором в жизни общества XI века, как рыцарская элита. В связи с этим чрезвычайно интересна терминология хроник и хартий. К началу XI века воинов стали называть *miles* (в множественном числе – *milites*). На классической латыни слово «*miles*» означало солдата-пехотинца, основу римских легионов. Но по какому-то ассоциативному сдвигу в средние века так стали называть только тех воинов, которые сражались верхом на лошадях. Они-то и составили рыцарское сословие. Для того чтобы стать рыцарем, необходимо было обзавестись конями, доспехами и оружием, что можно было сделать либо за счет собственных богатств (земельных владений), либо зачислившись на почетную службу к богатому сеньору.

Ко времени первого крестового похода рыцари стали пользоваться тяжелым и очень длинным копьем, которое держали под мышкой. Такое оружие имело несколько предназначений. Во-первых, оно позволяло конному строю наносить удары, используя всю силу всадника и коня. Умение же эффективно пользоваться копьем требовало длительного обучения, тренировок и взаимопомощи, что способствовало солидарности воинов.

Во-вторых, такое копье несло и символический смысл: оно не было единственным оружием рыцаря, но в качестве наиболее заметного и наиболее подходящего для конного боя оно служило отличительным признаком принадлежности к рыцарскому сословию. Первостепенное значение тяжеловооруженной конницы на поле боя, таким образом, было и причиной, и следствием социального и экономического положения рыцарства. И вот здесь необходимо сделать две оговорки. Во-первых, при разговоре о рыцарстве XI века очень важно избегать устаревших и чересчур романтических ассоциаций. Средневековое рыцарство обычно вызывает заманчивые образы рыцарской доблести и благородных манер,

поведения и образа жизни, присущих общеевропейскому рыцарству, что нашло отражение в богатой и интересной рыцарской, «куртуазной» поэзии. Но куртуазная рыцарская культура развилась только к XII веку, а в 1095 году она находилась еще в младенческом возрасте. Тогда не было еще геральдической системы, имеющей такое важное значение для передачи смысла образами обществу, в большинстве своем неграмотному. Поэзия, выражающая рыцарские ценности, находилась на низком уровне. И еще не был установлен общепринятый ритуал посвящения в рыцари, который мог обязать всех рыцарей следовать единой системе норм нравственного поведения. В то же время правители и принцы были недовольны, когда к ним обращались просто как к *milites*, без добавочных высокопарных определений, поскольку они, хотя и ощущая себя частью военного сообщества, не хотели стоять на одной ступеньке с соратниками по оружию низшего ранга, многие из которых были выходцами из крестьян в третьем или четвертом поколении. И все же и высокопоставленные лорды, и скромные *тлпиез* принадлежали к общей культуре военной закалки, чести и высокого искусства верховой езды, что было мощным объединяющим фактором. Однако первый крестовый поход отнюдь не был таким рыцарским подвигом, каким представляли его себе будущие поколения.

Во-вторых, средневековая западная армия была неразрывно связана с административными и экономическими структурами, и ее невозможно вырвать из культурной и социальной среды и ожидать, что она сможет существовать в изоляции. Армии нуждались в конюхах, слугах, кузнецах, оружейниках и поварах, которые в свою очередь в случае надобности превращались в солдат. Главенствующее положение конницы не исключало и участие в боях пехоты, специализировавшейся в стрельбе из лука и арбалетов и в использовании оружия ближнего боя. К тому же вслед за всеми средневековыми армиями следовали женщины, обслуживавшие разнообразные нужды воинов. Было в армии и довольно много священников, отправлявших требы и служивших молебны за победы. Все это важно для понимания столь широкого отклика населения на призыв к крестовому походу. Когда Урбан II выступил с идеей освобождения Иерусалима, оказалось невозможным ограничиться только участием представителей рыцарского сословия, хотя, судя по сохранившимся проповедям папы, он имел в виду именно рыцарей, *тлпиез*, и не хотел обременять армию слишком большим количеством людей, не принимавших непосредственного участия в боях. Урбан II обращал свои призывы именно к *тлпиез* потому, что они были лучшими бойцами в Европе и могли стать ядром больших и боеспособных армий.

Первый крестовый поход стал возможен во многом и благодаря революции, начавшейся в западной Церкви в середине XI века. Начиная с 1040-х годов группа реформаторов, сначала при поддержке германского императора Генриха III, а потом в оппозиции к его сыну Генриху IV, захватила контроль над папским престолом. Реформаторы считали, что именно через этот институт они смогут наиболее эффективно бороться со злоупотреблениями в Церкви. Захват власти кажется вполне логичным поступком в любой борьбе, но методы реформаторов на деле противоречили обычной практике церковного обновления. Исторически церковная иерархия видела свою роль в том, чтобы быть чем-то вроде тормоза на пути сил, стремящихся, обычно снизу, к переменам. Такое отношение Церкви к переменам часто несправедливо описывалось как догматический и упрямый традиционализм, но его корни уходят далеко в глубь самосознания Церкви. Католики верят, что их Церковь – не творение рук человеческих и не случайный продукт исторического развития. Католическая Церковь – апостольская Церковь – часть Божественного замысла в отношении человечества. Имея в виду такое видение Церкви, нежелание быстрых и глубоких перемен может быть оправдано как разумное охранение Божественного плана. Однако когда за перемены выступают сами члены церковной иерархии, то это свидетельствует о серьезности положения. Это и произошло во второй половине XI века.

Программа реформ известна как Григорианская реформа по имени самого энергичного и громогласного реформатора – папы Григория VII (1073–1085). Реформа проводилась в

двух направлениях. К первому относились прежде всего такие проблемы, как нравственность клириков (особенно в сексуальных отношениях); уровень образования духовенства и его способность к обрядовому, литургическому и пастырскому служению; участие мирян в церковной жизни; назначение лиц на церковные должности. Другими словами, в этом направлении деятельность реформаторов сводилась к сохранению чистоты отправления культа, то есть они стремились очистить Церковь от всего, что мешало ей быть достойной посредницей между людьми и Богом, а также к созданию условий для правильного исполнения религиозных ритуалов. На другом уровне амбиции григорианцев лежали в области церковной организации. Главная задача состояла в согласовании деятельности на центральном, областном и местном уровнях. Для этого папских легатов наделили большей контролирующей и дисциплинарной властью, чаще стали собирать советы крупных церковных деятелей, расширили и упорядочили свод канонического (церковного) права, постоянно подчеркивали юридическую власть папы римского. Все эти меры, вместе взятые, вводили церковную жизнь в согласованную и четкую систему. Зрелые плоды административная церковная реформа принесла в XII и XIII веках. Но предпосылки к их возникновению были созданы уже к 1090 годам, и вследствие этого Урбан II, призвав к крестовому походу, смог мобилизовать ресурсы, энтузиазм и красноречие как отдельных церковных иерархов и клириков, так и целых религиозных общин, которые уже привыкли прислушиваться к идеям, исходящим от папского престола.

Проповедники крестовых походов вряд ли бы добились большого успеха, если бы европейцы не были готовы откликнуться на это добровольное предприятие. Крестовый поход был объявлен паломничеством к Святым Местам, и в этом заключалась его главная притягательная сила. Религиозная жизнь средневековой Европы может показаться странной современным наблюдателям, и в связи с этим необходимо напомнить, что многое из того, что сегодня считается чисто католическим, на самом деле является продуктом контрреформации. Это очень большая отдельная тема. Тем не менее здесь возможно выделить несколько аспектов, проливающих свет на притягательность идеи крестовых походов. Одной из основополагающих черт народного религиозного чувства было понятие греха и неотвратимого возмездия за него. Практически все проявления бытия как отдельного человека, так и общества не были свободны от греховности, и только те, чья жизнь намеренно проходила в строго регулируемых и социально нетипичных условиях – давшие обет безбрачия духовные лица, отшельники, монахи и монахини, – могли надеяться избежать бесчисленных соблазнов и падений повседневной жизни. Миряне уважали монашеские общины и оказывали им всяческую помощь, потому что считалось, что нравственная чистота поддерживалась внешним поведением. В конце XI – начале XII века начала набирать силу идея о том, что состояние души является наиболее важной частью набожности. Однако по делам все еще продолжали судить так же, как по мыслям и словам.

Такое отношение к значению дел (выраженное в определении грехов и способов очищения от них через покаяние) может показаться механическим, если не знать о всех ограничениях, налагавшихся на жизнь человека. Столь пристальное внимание к поступкам было совершенно естественным в социальной среде, где практически все жили тесными группами, не дававшими возможности вести отдельную частную жизнь. Человеческие общины вынуждены были регулировать свою жизнь, используя силу привычки следовать раз и навсегда установленным нормам поведения; такому подходу способствовала и вера в то, что неправильное поведение нарушает сплоченность общины. Грехи рассматривались как один из способов нарушить хрупкое равновесие небольших общин. Таким образом, социальная общность поддерживалась двумя способами: во-первых, преступники наказывались изоляцией, общественным порицанием и ритуализированным исправлением; во-вторых, их заставляли испытывать вину, чему особенно способствовали монахи, олицетворявшие в XI веке набожность. Итак, мы видим, что призывы к первому крестовому походу начали раздаваться в такое время, когда многие миряне были особенно чувствительны к общественному давлению, привыкли выискивать недостатки в своем

поведении и были уверены, что их духовное благополучие зависит от совершения положительных действий.

И еще одна черта средневековой религиозной культуры заслуживает особого упоминания, а именно глубокая привязанность к конкретному месту. Так же, как ученые выводили аллегории и морали из библейских цитат, не сомневаясь при этом в их фактической верности, люди всех сословий инстинктивно объединяли религиозные абстракции и физические ощущения. Такое восприятие особенно подчеркивается тысячами гробниц святых, разбросанных по всей Западной Европе: там христианство, антропоморфное и доступное, можно было увидеть, понюхать, услышать и потрогать. Святые играли центральную роль в религиозной жизни XI века и исполняли много полезных функций. Они позволяли Церкви предоставлять грешному населению возможность спасения, в то же время утверждая жесткие условия попадания в рай. Поскольку все святые когда-то были простыми смертными и потому понимали человеческую природу, они могли выступать заступниками в Небесном Суде. На земле их физические останки и принадлежавшие им предметы излучали *virtus* – благотворную духовную энергию, которая благотворно действовала на верующих. Теоретически святые не были привязаны к конкретным географическим местам, но, тем не менее, люди свято верили в то, что их *virtus* действует только там, где находятся их гробницы и где чтится их память. Такая связь идеи с конкретным местом прослеживалась и в отношении к самому Христу. Паломничество к местам Его жизни, смерти и погребения считалось особо благотворным и благочестивым религиозным опытом. В XI веке налаженные пути сообщения по центральной Европе и расширение итальянской морской торговли в Средиземноморье привели к тому, что все больше людей с Запада могли отправиться в Святую Землю. Поэтому неудивительно, что в рассказах о проповеди Урбана II в ноябре 1095 года в Клермоне упоминается о его ссылках на традицию паломничества. Он говорил, что многие ездили на Восток или знали тех, кто там был. Известно также, что Урбан рассказывал об ужасном осквернении Святых Мест турками. Независимо от правдивости этих рассказов, они послужили мощным стимулом к желанию освободить главные христианские святыни.

Многие сохранившиеся описания чудес, происходивших у гробниц святых, помогают нам понять религиозное настроение людей во время призыва Урбана II. Вот один пример – рассказ об усыпальнице святого Виннока в Бергском монастыре на северо-востоке Франции. Прежде всего следует отметить, что здесь мы имеем дело с литературным агиографическим произведением, так называемым *miraculum* – описанием чуда, написанным по определенным канонам жанра. Это означает, что события вовсе не обязательно происходили так, как они описаны, хотя они и могут быть основаны на фактах. Нас же в этом рассказе интересует, главным образом, то, что идеализированное описание действительности проливает свет на тогдашние чувства, настроения и поведение. Вот содержание этого рассказа. Была Пятидесятница (то есть дело происходило в начале лета), и в монастырскую церковь стекались толпы народа. Часть людей были из местных, остальные пришли издалека, наслышавшись о святом Винноке. В один из дней, когда верующие, толпясь, двигались к гробнице, маленькая слепая девочка, которую толпа считала приносящей удачу, оказалась позади всех, и ее, подняв на руки, стали передавать вперед, пока ребенок не оказался прямо перед ракой, в которой были выставлены мощи святого. Люди поднимали глаза к небу и стали молиться о даровании этой девочке зрения по заступничеству святого Виннока, обещая в случае свершения чуда чаще посещать храм. Вдруг у девочки начались конвульсии, а из глазниц потекла кровь. Через некоторое время припадок прошел, и девочка объявила, что может видеть.

Этот рассказ имеет прямое отношение к той религиозной обстановке, которая питала энтузиазм крестоносцев. Особенно любопытно для нас поведение толпы, иллюстрирующее общественную природу поведения верующих. Конечно, в этой истории девочка является центральной фигурой, но при этом толпа принимает самое непосредственное участие в событиях: люди выбрали эту девочку и объединили свои усилия для максимального

приближения ее к исходящей от святого энергии, а затем они сообща молились за нее. Мы видим, что события в церкви помогли закрепить уже существовавшую солидарность местных жителей и создали новую общность, объединив местное население с паломниками из других частей страны. Да и монахи не были сторонними наблюдателями. Судя по рассказу, там имело место спонтанное проявление религиозного воодушевления со стороны мирян, но вполне закономерно предположить некое «подталкивание», режиссирование со стороны монахов. Знание же того, когда и где происходили описываемые события, заставляет предположить, что бергские монахи старались создавать такие условия, в которых религиозные импульсы людей могли бы стимулироваться и направляться. Не случайно во время чуда была выставлена на обозрение рака. Когда же возбуждение толпы достигло критической точки, то это состояние поддержали и направили к коллективному утверждению веры, используя очень характерную для той эпохи тенденцию реагировать на возбуждение эмоциональным взрывом. Автор этого рассказа хорошо понимал настроения людей, сравнивая громкие и нестройные молитвы верующих с размеренным пением монахов в хоре. Этот небольшой рассказ иллюстрирует взаимоотношения Церкви XI века с мирянами. Прежде всего мы видим, что клирики и прихожане поддерживают друг друга. Каждому отведена своя роль в едином контексте обрядовой набожности с общими точками соприкосновения (усыпальница, рака, святой Виннок), направленная на выявление и поддержание общего энтузиазма.

Правда, один элемент рассказа слегка коробит – это обещание людей стать более набожными в случае явления им чуда. С одной стороны, это черта жанра – автор вмещает в одно упоминание причины и следствия гораздо более длительного и глубокого процесса, в результате которого культ святого Виннока распространил свое влияние на все церковные обычаи местного населения. С другой стороны, под этим упоминанием обещания толпы можно заметить более глубокое понимание мироощущения мирян, объяснение которого мы находим в другой истории. Гвибер Ножанский рассказывает о нескольких рыцарях, которые поспорили со священниками из Лана, что те не смогут получить у Девы Марии чудесное исцеление немому мальчику. Священники смутились, ибо этот случай казался им безнадежным. Но Дева Мария пришла им на помощь, мальчик начал произносить звуки, и рыцари униженно признали себя побежденными. Приводя этот рассказ, Гвибер ставил себе целью прославить Деву Марию и подтвердить подлинность ее мощей, хранившихся в Лане. Но, как и автор рассказа о бергском чуде, он тоже указывает на веру мирян в идею компенсации. Надо признать, клирики опасались, что верность мирян своей вере может зависеть от того, насколько их материальные запросы, их тревоги и даже их любопытство будут удовлетворяться религиозными институтами.

Из этих опасений, выраженных Гвибером и автором рассказа о бергском чуде, некоторые критически настроенные историки сделали вывод о том, что светская религиозность в средние века была поверхностной и принимающей все буквально, в узком смысле, или иными словами – не чем иным, как элементарно воспринятым от культуры оформлением основных психологических и социальных импульсов. Но такая интерпретация может быть оспорена. Эти историки допустили ошибку, установив для истинного религиозного убеждения стандарты, основанные на том, как вели себя набожные люди в конфессионально плюралистических обществах в христианском мире после Реформации. Другие же историки придерживаются идеи о том, что средневековые люди действительно были способны на глубокое религиозное чувство, но это чувство удовлетворялось пережитками язычества из дохристианских времен – талисманами, заговорами, колдовством, обожествлением и т. д., которые им были ближе, чем то, что предлагала Церковь. Но и в этом рассуждении содержится ошибка, заключающаяся в том, что способность средневековой Церкви переносить свою веру в поведение мирян судится по более поздним стандартам. В XI веке люди мало чем отличались от людей других времен в том, что редко могли поддерживать свое религиозное чувство на одном и том же уровне в течение всей жизни: болезни, старость, перемены в личном положении, домашние и общественные кризисы часто

приводили к повышению набожности во многих религиозных системах во все времена. Важнее другое – основной уровень религиозного чувства, свойственного большинству людей большую часть времени. Именно этот уровень и может служить постоянной культурной точкой отсчета. Если следовать этому стандарту, то западноевропейское общество перед началом первого крестового похода было полностью христианским.

Озабоченность духовенства таким меркантильным отношением к религии (компенсация за хорошие поступки) может рассматриваться и как признак силы Церкви, поскольку обмен услугами, предлагавшийся верующими в Берге, был слегка искаженным следствием проповеди церковными деятелями идеи того, что связь этого мира с другим является причинно-следственной. Во время первого крестового похода Церковь учила, что грехи могут быть искуплены, по крайней мере теоретически, покаянными делами. Для мирян покаяние обычно принимало форму периодов сексуального воздержания, ограничения в пище или же изменения привычного распорядка жизни: кающимся, например, не разрешалось носить оружие. Многие паломничества были предприняты прежде всего как акты покаяния. Однако отношение к покаянию менялось по мере того, как люди задумывались над тем, могут ли они, обычные смертные, избавиться от своих грехов собственными силами, без помощи всемилостивого Бога. Понимания же епитимьи как чисто символической демонстрации смирения после того, как грешник получает отпущение грехов через таинство покаяния, – система, принятая в современной нам Католической Церкви, – еще не существовало. В конце XI века продолжали верить в то, что исполнения наложенной епитимьи достаточно для искупления греха.

В свете этого становится понятна действенность призыва к первому крестовому походу, который Урбан II считал настолько дорогим, длительным и эмоционально и физически изнурительным делом, что оно могло быть «удовлетворительной» епитимьей, достаточной для искупления всех возможных грехов крестоносцев. Урбан прекрасно знал, как мыслят его слушатели. Он сам был сыном мелкого дворянина из Шампани и перед тем, как попасть в Ватикан, служил в Реймском соборе и в бургундском аббатстве Ключи. Происхождение Урбана II позволяло ему прекрасно понимать светскую религиозность. Миряне охотно признавали за собой подверженность греху, в частности тем, что отправлялись в паломничества или жертвовали деньги или имущество монахам, которые наиболее близко подходили в их глазах к недостижимому идеалу безгрешного человеческого существования. Но неизбежная погруженность в мирские проблемы делала для них невозможным исполнение всех длительных и нарушающих ритм жизни епитимий, особенно если принять во внимание все растущий список их прегрешений. Призыв же к крестовым походам разрубил гордиев узел. Наконец-то у мирян (и в первую очередь у военной элиты, чьи грехи были наиболее многочисленны и печально известны) появилась возможность совершить духовный подвиг и искупить грехи. Как верно замечает Гвнбер Ножанский, миряне получили надежду заслужить спасение, не отказываясь от присущего им социального положения.

Эффект такого призыва, да еще выраженного в таких понятиях, был подобен вспышке молнии. К тому же он был еще и усилен поездкой Урбана II по южной и западной Франции с осени 1095 до лета 1096 года. Проезжая через области, в которых десятилетиями не видели даже короля, папа привлекал к себе огромное внимание, освящая по дороге церкви и алтари и совершая торжественные церковные службы. (И здесь мы видим связь между обрядом и всеобщим религиозным одушевлением.; В своей поездке по Франции Урбан II делал остановки в крупных городах – Лиможе, Пуатье (два раза), Анжере, Туре, Сейте, Бордо и некоторых других. В каждом из этих городов было много известных церквей, давно уже служивших объединяющей силой для своих прихожан и жителей близлежащих земель. Теперь они, как и деревенские церкви, служили центрами записи крестоносцев. А в районах, куда папа не доехал, пытались разжечь интерес к крестовому походу другие церковные деятели. Похоже, монахи принимали наиболее активное участие в наборе новых воинов для похода: многие оставшиеся списки хартий описывают, как крестоносцы перед отъездом

посещали монастыри для того, чтобы найти там духовную поддержку и материальную помощь. Активнее всего на призыв к крестовому походу откликнулись во Франции, Италии и западной Германии, при этом районов западного христианства, которые бы совсем не были затронуты общим порывом, было крайне мало. Как заметил один историк, на Западе был задет «нерв изящного чувства». И доказательством тому служит тот факт, что с весны до осени 1096 года десятки тысяч людей вышли к пути с одной целью – освободить Иерусалим.

Глава 3

Крестоносное движение

1096–1274

САЙМОН ЛЛОЙД

После Клермонского собора и призыва взяться за оружие (см. главу 1) папа Урбан II оставался во Франции до сентября 1096 года. Одной, и может быть главной, причиной тому было стремление папы сделать как можно больше для организации похода, ставшего известным под именем первого крестового похода, бывшего в известной степени собственным творением Урбана II. Он переписывался с епископом Адемаром Ле-Пюнским, назначенным папским легатом при армии крестоносцев, и с Раймундом IV, графом тулузским, которого он хотел сделать военным руководителем похода (папа встречался с ним в 1096 году по крайней мере дважды). Урбан II не только сам призывал к военной экспедиции на Восток, но и просил церковных деятелей поддержать идею крестового похода в своих проповедях, а также рассылал письма и посольства и за пределы Франции, приглашая принять участие в крестоносном движении.

Урбан II считал, что крестоносное войско должно было состоять лишь из рыцарей и других боеспособных частей. Однако, по мере того как весть о походе на Восток распространялась по Западной Европе, все больше мужчин и женщин из всех социальных слоев населения принимали крест. Выражаясь современным нам языком, можно сказать, что Урбан потерял контроль над кадрами. А это, в частности, привело к возмутительным актам насилия против евреев в северной Франции и в прирейнских городах в западной Германии (то есть к первым проявлениям тех антисемитских выступлений, которые впоследствии так и сопровождали крестоносное движение). Многие (хотя, конечно, не все) участники этих погромов принадлежали как раз к тем социальным группам, которые Урбан II хотел удержать от присоединения к экспедиции, а именно – к городской и сельской бедноте.

Первыми на Восток отправились как раз эти бедняки (весной 1096 года) под руководством Петра Пустынника и бедного рыцаря Вальтера Неимущего (некоторые историки называют его Голяком). Этот поход получил название Народного, хотя в нем участвовали независимые группы бедного люда, без обоза, запасов провианта и без оружия; правда, некоторыми отрядами предводительствовали рыцари. Покидая северную Францию, Фландрию, Нормандию, Рейнскую область и Саксонию, они рвались к Константинополю, но лишь немногие его достигли. Гвибер Ножанский так описывает это движение: «Пока князья, нуждавшиеся в больших средствах на содержание тех, кто составлял их свиту, долго и мешковато готовились к походу, простой народ, бедный средствами, но многочисленный, собрался вокруг некоего Петра Пустынника и повиновался ему как своему предводителю, по крайней мере пока все это происходило в нашей стране... Хотя, как я сказал выше, это неурожайное время уменьшило у всех средства к пропитанию, но едва Христос внушил этим бесчисленным массам людей намерение пойти в добровольное изгнание, обнаружилось богатство многих из них... Каждый, стараясь всеми средствами собрать сколько-нибудь денег, продавал как будто все, что имел, не по стоимости, а по цене, назначенной покупателями, лишь бы не вступить последним на стезю Господню... Что сказать о детях, о старцах, собиравшихся на войну? Кто может сосчитать девиц и стариков, подавленных бременем лет? Все воспевают войну... все ждут мученичества, на которое

идут, чтобы пасть под ударами мечей... Причем можно было видеть самые забавные случаи, вызывавшие смех. Некоторые бедняки, подковав быков, как то делают с лошадьми, и запрягши их в двухколесные тележки, на которых помещался их скудный скарб вместе с малыми детьми, тащили все это с собою; когда дети эти лицезрели попадавший им на пути какой-нибудь замок или город, они вопрошали, не Иерусалим ли это, к которому стремятся...» В пути они добывали пропитание, грабя и разоряя все, что могли. Эти грабежи, полное – отсутствие какой бы то ни было дисциплины и свирепость невежественного люда беспокоили местных князей в странах, через которые они проходили. Прослышав про разбойников-крестоносцев, забеспокоились и византийские власти. Многие из этих крестоносцев были убиты в вооруженных стычках с местным населением, а те, которые все же добрались до Константинополя, в августе 1096 года были быстро переправлены греками через Босфор в Малую Азию. Там они разделились на две группы. Одна из них пыталась захватить Ни-кею, но была окружена турками и истреблена. Другая группа попала в октябре в турецкую засаду и почти вся была перебита. Оставшиеся в живых вернулись в Константинополь, служивший сборным пунктом основной армии крестоносцев. И только тогда начался настоящий первый крестовый поход.

Крестоносное войско объединяло большие отряды, во главе каждого из которых стоял один или несколько крупных феодалов, и представляло собой эффективную военную силу, на которую и рассчитывали Урбан II и византийский император Алексей. Главными силами командовали граф Раймунд Тулузский (его отряд был самым многочисленным), герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульон-ский с братьями Евста-фием и Балдуином, граф Гуго де Вермандуа (брат французского короля Филиппа I), герцог Роберт Нормандский с племянником Робертом, графом фландрским, и шурином, графом Стефаном Блуаским, и Боэ-мунд Тарентский с племянником Танкредом (последний вел за собой норманнов из южной Италии). Готфрид, Боэ-мунд, Балдуин и Раймунд стали потом властителями Иерусалимского королевства, Антиохийского княжества, Эдесского графства и графства Триполи соответственно. Все они покинули Европу поздним летом 1096 года, стянув свои силы к Константинополю к концу 1096 – началу 1097 года. Их долгая и упорная борьба через два года увенчалась успехом – 15 июля 1099 года крестоносцы захватили Иерусалим. Это был невероятный поход. Несмотря на исключительно неблагоприятные условия, ужасающие страдания и лишения (особенно во время затянувшейся осады Антиохии в 1097–1098 годах), крестоносному войску удалось освободить Святые Места. Неудивительно, что многие восприняли это как чудо.

Потрясающий успех экспедиции вызвал новый порыв энтузиазма в Западной Европе, и на Восток двинулась «третья волна» крестоносцев (так называемый крестовый поход 1101 года). Но в те годы еще никто не мог представить себе, что идея Урбана II – первый крестовый поход – положила начало многовековому крестоносному движению и что крестовые походы будут направлены не только против мусульман в Святой Земле, – иначе говоря, что крестоносное движение окажется одной из важнейших и определяющих характеристик западной культуры позднего Средневековья.

Но вернемся к крестоносному движению на Латинском Востоке. Политические обстоятельства, с которыми приходилось иметь дело поселенцам после 1099 года, требовали организации дополнительных экспедиций. В XII и XIII веках крестоносному движению была свойственна следующая закономерность. За очередными неприятностями на Востоке следовали обращения к Западу о помощи, а папский престол призывал к новому крестовому походу (хотя не всегда помощь оказывалась именно в форме крестовых походов и не всегда Восток просил именно о них). По этой схеме происходили почти все главные крестовые походы, которым традиция присвоила порядковые номера, а также множество менее известных военных экспедиций, которые, по сути, тоже были частью крестоносного движения, как убедительно показали последние исследования (что делает принятую нумерацию устаревшей). С течением времени ситуация на Востоке ухудшалась, и на протяжении XII–XIII веков на каждое поколение приходилось как минимум одно обращение

с просьбой о новом крестовом походе – сначала для того, чтобы укрепить латинские поселения, а после взятия Эдессы в 1144 году мосульским эмиром Эмадеддином Зенги и Иерусалима в 1187 году султаном Саладином – для их возвращения христианам. Крестовые походы, направлявшиеся в Константинополь для поддержки Латинской империи (1204–1261), возникшей после четвертого крестового похода, во время которого город был разграблен, также укладывались в ту же схему, только воевали их участники не против мусульман, а против византийцев, обосновавшихся в Никее и не смирившихся с потерями 1204 года.

Очень важно также отметить изменения в стратегии крестоносного движения на Востоке, что значительно меняло тыловую подготовку. Первый крестовый поход, как мы видели, двинулся в Палестину по суше через Константинополь. Тем же путем повели армии второго крестового похода (1147–1149) французский и германский короли Людовик VII и Конрад III. Но войска императора Фридриха I Барбароссы (третий крестовый поход, 1189–1192) последний раз прошли этой дорогой. Будущее крестоносного движения было решено его сподвижниками, королями Англии и Франции Ричардом I и Филиппом II, отправившимися в Святую Землю морем. Со времени третьего крестового похода Египет стал еще одной целью крестоносного движения. И это было вполне логично, поскольку завоевание или даже только ослабление богатого и политически значимого Египта облегчило бы восстановление Латинского Востока. Четвертый крестовый поход (1202–1204), вероятно, был первым, отправившимся на Восток именно с этой целью, однако он отклонился к Константинополю. Авангард же пятого крестового похода (1217–1229) все-таки высадился в Египте, в Дамiette, и стал спускаться по Нилу к Каиру, но потерпел поражение. Та же участь постигла и первый крестовый поход французского короля Людовика IX (1248–1254). А сам король умер в Тунисе в 1270 году, во время своего второго крестового похода, оказавшегося последним в ряду крупных интернациональных крестовых походов на Восток до 1300 года.

В XIII веке было несколько и других военных экспедиций, некоторые из которых направлялись морем прямо в Святую Землю, но, как мы уже выяснили, крестоносное движение никогда не ограничивалось только этим регионом. Необходимо обратить особое внимание на то, что еще Урбан II в то самое время, когда первые крестоносцы отправлялись в Иерусалим, совершенно недвусмысленно позволил или даже призвал каталонскую знать, принявшую крест и желавшую идти на Восток, выполнить свои обеты к Испании. В обмен на помощь Церкви в Таррагоне каталонцам было обещано прощение грехов. Таким образом, с самого начала крестоносного движения оно направлялось папой против мусульман в обоих концах Средиземноморья. Поэтому и неудивительно, что после первого крестового похода Испания стала еще одним постоянным театром военных действий крестоносцев, начиная с походов 1114 и 1118 годов. Крестовые походы в Испанию изменили природу и темп Реконкисты (отвоевания христианами Пиренейского полуострова у мусульман).

Неудивительно также, что крестовые походы вскоре стали направляться и против других народов на границах западного христианства. Особенно выделялась борьба германцев с язычниками на севере и востоке от германских земель. В 1147 году папа Евгений III объявил войну саксов с вендами крестовым походом, хотя и раньше, в 1108 году, в призывах к участию в этой войне использовались мотивы крестоносного движения. По мере дальнейшего *Drang nach Osten* (движение на Восток) крестовые походы направлялись все дальше за Эльбу и в Прибалтику – в Померанию, Пруссию, Ливонию, Эстонию, Литву и Финляндию. В 1241 году, когда полякам и венграм был нанесен жестокий и неожиданный удар со стороны вторгшихся в Европу монголов, был объявлен крестовый поход против этих последних. Однако отношение к монголам изменится в конце XIII века в связи с планами союза для совместной борьбы против мусульман.

Нам осталось обсудить еще две разновидности крестовых походов. Обе вызывали в те времена много споров, и эти споры продолжаются и сегодня. Первая – применение силы в Европе против политических противников папского престола. Вероятно, Иннокентий II

первым объявил в 1135 году такой крестовый поход в процессе жестокой борьбы с норманнским королем Сицилии Рожером II Гвискарсом. И хотя источники не дают совершенно ясной картины событий, можно предположить, что такая политика папского престола уходит корнями в священные войны реформистских пап конца XI века против своих противников, особенно против германского императора Генриха IV. Но как бы там ни было, первым таким настоящим крестовым походом стало выступление папы Иннокентия III в 1199 году против Маркварда Анвайлерского и его сторонников в Сицилии, противившихся политике, проводимой папским престолом в Италии. Вскоре последовали и другие «политические» крестовые походы. Например, в Англии в 1216–1217 годах был объявлен крестовый поход против английских бунтовщиков, вынудивших короля Иоанна Безземельного согласиться на Великую хартию вольностей, и против их французских союзников, которыми руководил принц Людовик, выбранный в 1215 году английским королем вместо Иоанна. Как и Сицилия, Англия к этому времени стала папским владением, а ее король – вассалом папского престола, что произошло в 1213 году после подчинения Иоанна Иннокентию III. Таким образом, крестовый поход в Англию был оправдан как действия против восставших подданных папского престола. Но из всех этих «политических» крестовых походов самыми значительными по политическим последствиям были походы против императоров династии Гогенштауфенов в Италии и Германии. Для папы борьба с германским императором Фридрихом II имела огромное значение, и в 1239 году он объявил против него крестовый поход. К этому времени Фридрих владел Южной Италией и Сицилией, и ему удалось разбить сторонников папы в Северной Италии. К началу 1240 года он угрожал самому Риму. После смерти Фридриха II крестовые походы объявлялись против его наследников вплоть до 1268 года, то есть до тех пор, когда последний из Гогенштауфенов, Конраднн, был захвачен в плен и казнен.

1199–1240 годы были очень важными в истории крестоносного движения, поскольку именно в это время были разрешены все сомнения и высших кругах папского государства о применении силы против противников папского престола и о правомерности объявления «политических» крестовых походов. В этот же период возникли и крестовые походы против еретиков. Есть довольно убедительные доказательства того, что и эти походы были задуманы папой Иннокентием III еще до того, как он был вынужден в 1208 году объявить крестовый поход против сторонников ереси катаров в тожской Франции, к тому времени уже основательно там обосновавшихся. Знаменитый Альбигойский крестовый поход, который не смог полностью искоренить ересь, но разрушил культурную, социальную и политическую структуру Лангедока, длился с перерывами двадцать лет. После этого похода вошло в практику объявлять крестовые походы и против других еретиков, например, против еретиков-штедингов в Германии (1232 год) и против боснийских еретиков (1227 и 1234 года).

Подводя итоги, мы можем определить процесс эволюции крестоносного движения, начиная с первого крестового похода. Урбан II не видел принципиальной разницы между борьбой с мусульманами в Испании и в Леванте, считая крестоносное движение вполне подходящим инструментом для отстаивания интересов христианства в обоих регионах. Его преемники пользовались той же логикой, когда пришли к идее борьбы не только с мусульманами, но и с другими врагами Церкви, что наглядно продемонстрировал второй крестовый поход. Крестоносцы одновременно воевали в Испании и Португалии, в северо-восточной Европе и в Сирии. При папе Иннокентии III был сделан еще один шаг – начались походы против еретиков и против политических противников папского престола, которых можно было представить – и так их и представляли – как угнетателей христиан и врагов Церкви. В призывах к крестовому походу против Гогенштауфенов или катаров использовались те же приемы, что и в проповеди походов на мусульман, славян или монголов. Более того, папа и другие деятели того времени подчеркивали, что внутренние враги представляют не меньшую угрозу (а может быть, и даже большую) чем враги внешние, и поэтому крестовые походы против них нужнее, чем экспедиции в Святую Землю. Таким

образом, папы объявляли крестовые походы против любого, им не угодившего. К середине XIII века подобное использование крестоносного движения стало частью повседневной реальности, но, должно отметить, далеко не все современники это одобряли. Одно дело – политика папского престола, и совсем другое – общественное мнение.

При изучении крестовых походов становится ясно виден большой эволюционный путь, пройденный этим движением. К концу периода крестовых походов крестоносное движение превратилось в сложное и тщательно разработанное дело, «дело креста», как называли его в то время. Наиважнейшие его аспекты мы рассмотрим ниже.

Пропаганда и проповедь

В основе всего крестоносного движения лежали призывы папы к крестовым походам, причем только папский престол имел власть и право объявлять такие походы и даровать духовные и материальные привилегии тем, кто будет в них участвовать. Но, как правило, для того чтобы подвигнуть большое количество людей к принятию креста, только призыва папы было недостаточно. Были необходимы и другие меры. Согласно одному рассказу о Клермонском соборе, Урбан II просил собравшихся прелатов объявить о его призыве во всех церквах их епархий и самим проповедовать дело креста. Однако известно, что надежды Урбана II на практике не оправдались, и в частности, потому, что прелаты не имели возможности быстро и легко распространить идею крестового похода на территории своих епархий: административная церковная структура была еще довольно примитивна, а отсутствие формальной официальной папской буллы о крестовом походе затрудняло проповедь. Да и сама проповедь только еще развивалась, многие клирики не привыкли и не умели проповедовать. Таким образом, первый крестовый поход стал пробой сил, моделью, которую потом развивали, расширяли и усложняли в течение XII и XIII веков, стремясь усилить резонанс папского призыва посредством распространения папских заявлений и активной проповеди на местах. При провозглашении первого крестового похода официальной папской буллы² выпущено не было. Но большинство последующих призывов носили официальный статус энциклик,³ основная форма которых была установлена документом *Quantum Praedecessores* (1145) при начале второго крестового похода: документ начинался с повествовательной части о том, почему необходим данный крестовый поход, затем следовали призыв принять крест и перечисление привилегий, даруемых крестоносцам. Из писем святого Бернарда Клервоского, которому была поручена проповедь крестового похода, и других источников видно, что энциклика должна была широко распространяться, однако на практике распространение было довольно беспорядочным. Только при папе Александре III была сделана попытка систематического распространения на местах папских булл о крестовых походах, обычно через местных священников. Так, например, в 1181 году папа поручил всем прелатам прочитав в церквах его буллу *Sogetur* и довести до сведения всех христиан ее содержание, особо подчеркивая привилегии, которыми будут пользоваться крестоносцы. Вероятно, именно для этого в епископальных канцеляриях и делались рукописные копии с буллы, которые потом распространялись по храмам епархии. В XIII веке такой способ обнародования папских энциклик стал общепринятым, и в некоторых случаях мы можем точно проследить последовательность административных действий по продвижению буллы от папской курии к провинциальным архиепископам, а от них к викарным епископам и к приходским священникам. Налаживание механизма распространения булл свидетельствует об усовершенствовании церковных административных структур и о все большей централизации Церкви под управлением папы.

² Булла – грамота, постановление или распоряжение папы римского, скрепленное печатью, которая также называется буллой.

³ Энциклика – обращение папы ко всем подчиненным ему церквям.

Теперь местным священникам предписывалось подчиняться распоряжениям относительно крестовых походов так же, как и в отношении других церковных дел, что было еще невозможно в 1095 году.

Можно выделить два типа проповеди крестовых походов. Первый – это проповедь на церковных или государственных собраниях, как это было на Клермонском соборе. Более поздними примерами могут служить выступление Иннокентия III перед 4-м Латеранским собором (1215) и проповеди Иннокентия IV и Григория X перед участниками 1-го и 2-го Лионских соборов (1245, 1274). А примерами выступлений перед светскими собраниями являются знаменитые пламенные проповеди св. Бернарда Клервоского перед Людовиком VII и французскими вельможами в Везеле в 1146 году и в том же году перед германским королем Конрадом III. Проповедники крестовых походов также старались проповедовать и во время менее официальных событий, например турниров, чтобы привлечь как можно больше влиятельных рыцарей, расширить число слышащих призывы к крестовым подвигам и (довольно часто после второго крестового похода) для объявления во всеуслышание о принятии креста самим принцем. Многие такие события тщательно планировались заранее. К примеру, в Париже в марте 1267 года состоялось заседание парламента (судебной палаты при королевском совете), на котором Людовик IX принял обет идти во второй крестовый поход, его примеру тут же последовали его три сына и другие его приближенные, причем на всеобщее обозрение были выставлены принадлежавшие королю реликвии Страстей Господних: Людовик тайно согласовал это мероприятие с папой еще в сентябре 1266 года.

Одновременно с проповедями, адресованными самым высшим слоям общества, практиковались и проповеди перед простым людом. И именно при рассмотрении последних мы видим тот прогресс, который происходил после Клермон-ского собора. До конца XII века, как видно из источников, проповедь на местах была несистематической и не управлялась из центра. При Иннокентии III ситуация начала резко меняться. Уже в 1198 году, перед началом четвертого крестового похода, был организован новый исполнительный орган для «дела креста». В каждую провинцию направлялись один или два посланца для распространения призыва к крестовому походу. С ними сотрудничали свободные проповедники, такие, как знаменитый Фульк, приходской священник из Нейп-на-Марне. В 1213-году, перед началом пятого крестового похода, была введена более сложная структура. Почти для каждой провинции устанавливался исполнительный совет, обладавший легатскими полномочиями в «деле креста», для проведения политики Церкви. Этим советам подчинялись делегаты, посылавшиеся в конкретные епархии и архидиаконства провинций. Тогда же впервые были созданы правила проповедования «дела креста». Правда, эта система не просуществовала дольше понтификата папы Иннокентия III, хотя в некоторых местах ей подражали – например, в Англии. Преемники Иннокентия использовали более прагматический и сиюминутный подход (частично из-за меняющейся политической ситуации на Западе). Несомненно, однако, что после Иннокентия III проповедь крестовых походов стала более последовательной и интенсивной, чем раньше.

Изменился также и состав самих проповедников. Любой церковный деятель, клирик или монах, мог быть призван к проповеди крестового похода, хотя кажется, что обычные приходские священники занимались этим редко. Так было в XII веке, так продолжалось и в XIII, но с некоторыми весьма важными изменениями. После пятого крестового похода проповедование папских легатов, прелатов и других церковных сановников все больше ограничивалось выступлениями на крупных, заранее спланированных мероприятиях, упомянутых выше, и организацией «рекламных кампаний» в провинциях и епархиях. Основная же тяжесть проповеди переходила к членам распространявшихся по христианскому миру в 1220-х и 1230-х годах нищенствующих орденов – к францисканцам и доминиканцам. Они-то и стали главными вершителями «дела креста» на местах. Будучи в силу своей апостольской миссии профессиональными проповедниками, эти странствующие монахи (в отличие от насельников традиционных монастырей) регулярно проповедовали перед народами Западной Европы.

После третьего крестового похода проповедование на местах стало планироваться заранее для того, чтобы охватить как можно больше людей, использовать полностью имеющиеся ресурсы и избежать дублирования действий. Временами политические обстоятельства мешали проповеднической деятельности, временами – способствовали, но централизованная система проповеди продолжала совершенствоваться. Доверенные лица направлялись для проповеди креста в конкретные места или по конкретным областям. Для этого необходимо было составлять планы маршрутов, и первым таким хорошо документированным туром стало путешествие под руководством Болдуина Фордского, архиепископа Кентерберийского, в Уэльс в 1188 году. В XIII веке подобные длительные путешествия происходили реже – частично из-за реорганизации Церкви, проводившейся Иннокентием III, частично из-за того, что проповедников (особенно монахов) становилось все больше и больше. К концу XIII века один монах был ответственен за проповедь в одном или двух архидиаконах, но и тогда он следовал заранее разработанному маршруту. Чаще всего проповеди произносились в городах и в крупных селах, то есть там, где можно было рассчитывать на широкую аудиторию. Монахам помогали местные священники, которым заблаговременно посылались уведомления о том, когда и где приезжий монах собирается читать проповедь. И приходскому священству, и прихожанам присутствие на проповеди вменялось в обязанность; пренебрегшему проповедью грозило церковное наказание. Если таков был кнут, то пряником служили частичные индульгенции для тех, кто слушал проповеди. Эта практика была введена Иннокентием III. К концу XIII века число дней освобождения от принесения покаяния достигало одного года и сорока дней.

Нельзя не отметить, что и искусство проповеди крестовых походов постоянно совершенствовалось. И хотя со времен Клермона большинство тем, использовавшихся папами, епископами и монахами, не менялось (что неудивительно), во второй половине XII века проповедники стали принимать во внимание состав слушателей, уделяя особое внимание доходчивости проповедей. Это сопровождалось заметным увеличением количества пособий для проповедников: собраний образцов проповедей, указателей тем, руководств по подбору примеров и т. д. и т. п. Это относилось ко всем родам проповеди, но особенно повлиял этот факт на проповедь креста. Наиболее популярным было руководство, составленное около 1266–1268 годов доминиканским монахом Гумбертом Романским. Гумберт, сам одно время проповедовавший крестовые походы, собрал в один сборник те материалы и проповеди, которые он считал наиболее полезными и эффективными. Вооруженные такими пособиями, проповедники крестовых походов XIII века были гораздо лучше подготовлены для своего дела, чем их предшественники. Таким образом, и в этом отношении проповедь креста стала более профессиональной.

В результате описанных выше изменений к концу XIII века Церковь смогла донести свой голос до всех уголков Западной Европы. Очень немногие оставались в неведении относительно восточной политики папского престола (что свидетельствует и о совершенствовании церковного устройства, и об упрочении власти папства). Тем не менее даже тогда, когда при Иннокентии III папство достигло зенита своего могущества, не все и не всегда происходило так, как желал папа. Начиная с 1095 года, например, к проповеди крестовых походов присоединились свободные проповедники, близкие к хилиазму.⁴

Именно благодаря их проповедям и отправились в первый крестовый поход отряды бедноты, произошли Крестовый поход детей (1212) и Крестовый поход пастушков (1251). То, с каким трудом папам удавалось поддерживать в Западной Европе так необходимый для успешного проведения крестовых походов мир, также свидетельствует об ограниченности папской власти. В 1170-х годах, например, несколько пап один за другим и интересах Латинского Востока безуспешно пытались помирить воюющих друг с другом королей Англии и Франции.

⁴ Хилиазм – вера в тысячелетнее земное царствование Христа после Его второго пришествия.

Состав крестоносных армий и набор участников

По свидетельству хрониста Роберта Реймского, Урбан II прилагал все усилия к тому, чтобы отговорить стариков, инвалидов, женщин, клириков и монахов принимать крест, что подтверждается и его сохранившимися письмами. На Клермонском соборе папа говорил: «Мы не повелеваем и не увещеваем, чтобы отправлялись в этот поход старцы или слабые люди, не владеющие оружием, и пусть никоим образом женщины не пускаются в путь без своих мужей, либо братьев, либо законных свидетелей. Они ведь являются больше помехой, чем подкреплением, и представляют скорее бремя, нежели приносят пользу. Пусть богатые помогут беднякам и на свои средства поведут с собою пригодных к войне. Священникам и клирикам любого ранга не следует идти без дозволения своих епископов, ибо если отправятся без такого разрешения, поход будет для них бесполезен. Да и мирянам негоже пускаться в паломничество иначе, как с благословения священника». Урбан II прекрасно понимал, что эффективная помощь восточным христианам может быть оказана только профессиональными военными, а не гражданскими лицами, пусть и охваченными религиозным энтузиазмом. Война – для воинов, священная война – не исключение, и мирное население не должно в ней участвовать. К тому же у таких людей были свои обязанности, которые препятствовали их участию в походе. Например, если бы принял крест священник, то спасение душ его прихожан подверглось бы опасности, да и монахи были связаны обетами вести духовные, а отнюдь не мирские войны, не говоря уже о запрещении клирикам носить оружие. В XII веке папы пытались придерживаться этой же линии, однако все с меньшим успехом. Огромные количества гражданских лиц принимали крест и отправлялись в крестовые походы (особенно в Святую Землю), создавая массу проблем крестоносным армиям. Всех невозможно было даже прокормить, что приводило к ситуациям, когда армии на пути на Восток голодали, а цены на провизию подсакивали и доходили до абсурда. Присутствие невоенных мешало поддержанию дисциплины и порядка, что в свою очередь в немалой степени подогревало трения с византийцами, считавшимися союзниками крестоносцев. Плюс к этому на гражданских участников похода уходили те ресурсы, которые могли бы поддерживать настоящих воинов.

Это стало ясно из опыта первого и второго крестовых походов (что прекрасно описано в свидетельствах очевидцев), и монархи, ставшие во главе третьего крестового похода, решили пресечь невоенным доступ в крестоносные армии. Но ни они, ни лидеры последующих экспедиций не смогли добиться в этом полного успеха: привилегии, даруемые принявшим крест, и желание посетить Святые Места притягивали слишком многих. Это, кстати, еще одно указание на неполноту власти папского престола, особенно заметную, если взглянуть на резкое изменение политики папства при Иннокентии III по отношению к обетам.

На протяжении всего XII века папы очень строго относились к выполнению обетов, разрешая отсрочку, изменение или освобождение от них только в исключительных случаях – таких как увечье, внезапная болезнь или банкротство. Во всех же других случаях люди должны были выполнять свои обеты под страхом церковного наказания. Однако в 1213 году Иннокентий III радикально изменил эту политику в связи с набором участников для пятого крестового похода. Принимая во внимание те трудности, которые создавало присутствие в армии большого числа невоенных, он заявил, что всем, кроме монахов, разрешается принять крест, но обеты можно будет потом выкупить, изменить или факто отсрочить их выполнение. Его преемники продолжили такую политику, и к середине XIII века была введена система выкупа обетов, суть которой сводилась к получению денег в обмен на индульгенцию крестоносна. Принять крест по-прежнему мог любой, независимо от социального положения и профессиональной пригодности на поле боя, но большинство призывалось – или даже принуждалось – к выкупу обетов. Вырученные таким образом деньги шли на содержание тех, кто действительно мог и умел воевать. Такая ситуация могла сложиться опять же только тогда, когда церковная администрация достигла определенного

уровня организации и когда денежное обращение стало обычным делом вследствие развития европейской экономики.

Боевой костяк крестоносного движения формировался, конечно же, из военных сословий Западной Европы – мелкого, среднего и крупного рыцарства, сеньоров (в чисто военном обозначении – тяжелая кавалерия) и их помощников – пеших и конных оруженосцев, лучников, арбалетчиков, специалистов по ведению осады городов и т. д. Бралась в армию и некоторые представители невоенных слоев населения, нужные для конкретных целей: например, священники для совершения таинств и, поскольку они все были грамотными, для помощи в административных вопросах; купцы для обеспечения снабжения и т. п. Со временем такие люди, как врачи, конюхи и другие подсобные работники, тоже оказывались в крестоносной армии в составе свиты крестоносца. В тех случаях, когда крестоносное ополчение отправлялось к своей цели морем, были необходимы и моряки. Но ядром армии того времени всегда оставались рыцари, вокруг них и для помощи им группировались другие роды войск. И вообще, принимая во внимание экономическую, социальную и политическую структуру Средневековья, надо помнить, что предводителями всегда были представители класса сеньоров, все же другие шли следом, и поэтому небезынтересно обсудить здесь вопрос набора участников крестоносных кампаний.

Необходимо провести разделительную черту между мотивацией и идеями, с одной стороны, и конкретным механизмом вербовки, с другой. Крестовые идеи быстро проникли в культуру западного рыцарства: участие в крестоносном движении стало считаться неотделимой частью идеального поведения рыцаря. Это относилось ко всем членам рыцарского сословия, но, тем не менее, лишь малая часть каждого поколения рыцарей на самом деле уходила в крестовые походы. Оставляя в стороне личный энтузиазм и рвение или отсутствие таковых, можно сказать, что конкретный состав каждого крестоносного ополчения зависел, в основном, от функционирования социальной и политической структуры – проводника, через который передавался призыв к участию в походе. Из-за иерархической структуры общества, в котором богатство и власть были сконцентрированы наверху, вас-сально-сеньориальные связи были особенно важны. Если король или принц принимал крест, большинство приближенных ко двору следовали его примеру, в частности, опасаясь немилости своего господина. Записанный Жаном де Жуан-вилем разговор двух рыцарей Людовика IX накануне принятия им креста в 1267 году – яркий тому пример. Один рыцарь заметил: «Если мы не примем крест, мы потеряем благосклонность короля; если же мы примем крест, мы потеряем благосклонность Господа Бога, поскольку сделано это будет не для Него, а только из-за боязни огорчить короля». Да и сам Жуанвиль признает, что принести обет его вынудили обстоятельства.

Само собою, чем ниже стоял сеньор на иерархической лестнице, тем меньшим влиянием он пользовался, однако суть дела от этого не менялась. Существует бесчисленное количество свидетельств о том, как какой-нибудь граф, епископ или другой сеньор принимал крест – и немедленно то же делали его домочадцы и вассалы. Так было с самого начала крестоносного движения. Если же сеньор хотел оставить кого-нибудь из своих подчиненных дома, то последний был вынужден подчиняться ему, даже если и рвался в поход. Иными словами, прежде чем принять крест, вассал должен был испросить разрешение своего господина. Знаменитый тому пример – аббат Самсон из Бери-Сент-Эдмундс, которому Генрих II в 1188 году в интересах короля и державы не разрешил принять крест.

Родственные связи тоже играли немаловажную роль в вербовке крестоносцев. Было совершенно естественно ожидать, что родственники будут поддерживать друг друга. Нередко сыновья отправлялись в поход вместе с отцами, братья с братьями, дядя с племянниками. Однако не стоит преувеличивать влияние родственных отношений. Похоже, что участие в крестовом походе обсуждалось на общем семейном совете, который решал, кто пойдет в поход, а кто останется дома. Конечно, неслучайно, что с Фридрихом Барбароссой в третий крестовый поход отправился один из его сыновей, в то время как другому сыну (будущему Генриху VI) на это время было поручено управление империей. Семейные

совещания, вероятно, предшествовали и решениям братьев, сыновей и племянников Людовика IX, которые последовали за ним в два его крестовых похода. Порою, когда кто-либо из родственников пренебрегал советами семьи, вспыхивали довольно серьезные семейные ссоры. Вспомним хотя бы бурное возмущение Генриха II обетом, произнесенным без отцовского разрешения в 1183 году его старшим сыном и наследником юным Генрихом.

Трудно сказать, какую роль в наборе участников крестовых походов играли более дальние родственные связи, но часто мы видим в одной крестоносной армии близких и дальних родственников. Сомнительно, чтобы это получалось всегда чисто случайно, скорее всего, тут не обходилось без предварительных решений. Жан де Жуанвиль, к примеру, не пишет, что он принял крест, посоветовавшись со своим двоюродным братом Жаном, графом саарбрюкским, но тот факт, что они вместе наняли корабль для участия в первом крестовом походе Людовика IX, явно не случаен, поскольку Жуанвиль намеренно подчеркивает в своем рассказе их родство.

Определенная роль в этом вопросе принадлежала местным и региональным связям, что лучше всего видно на примере ополчений из конкретных городов или местностей, жители которых в силу городской социальной и политической структуры были привычны к совместным действиям. Но связи такого рода влияли и на рыцарское сословие, хотя и не всегда легко определить их роль, так как сами эти связи зачастую были замешаны на родственных или вассальных отношениях. Тем не менее Жоффруа де Виллардуэн, участник и хронист четвертого крестового похода, при перечислении тех, кто принял крест на севере Франции, делил их по, так сказать, политико-географическим «признакам». Сначала он назвал тех, кто принял крест в Шампани вслед за графом Тибо Шампанским, потом рыцарей из Блуа и Шартра под руководством графа Луи Блуаского; потом рыцарей из Иль-де-Франса, из Фландрии и т. д. Жоффруа де Виллардуэн указывал на некоторые родственные связи среди берущих крест, однако современные исследования показали, что между названными им лицами существовали и связи иного рода. Здесь мы видим сочетание различных отношений, тесно связывавших рыцарство каждой конкретной области: родственные и вассальные связи, дружба, соседство, общий опыт и политические воззрения. Аналогичная картина наблюдается и в других крестоносных ополчениях. Иными словами, и крестовых походах, как и в других мероприятиях, люди одного общества и одних принципов зачастую действовали сообща. Это можно проиллюстрировать и примерами боевых формации во время военной кампании. В Тунисе в 1270 году, например, король Сицилии Карл Анжуйский и граф прованский стояли во главе отрядов итальянцев, апжунпев и провансальцев, а наваррцы, шампанцы и бургундцы воевали под знаменами короля паваррского и графа шампанского Тибо III. Иногда эти различия внутри армий были отмечены визуально – например, в 1188 было решено, что участвующие в третьем крестовом походе подданные Филиппа II будут носить красные кресты, подданные Генриха II – белые, а подданные графа фландрского – зеленые.

Хотя описанные выше связи оказывали папспльнейшее влияние на вербовку участников походов, важно отметить и другие факторы, особенно если мы хотим понять, почему некоторые рыцари из конкретного местного общества, баронского сообщества или свиты принца отправлялись в поход, а другие – нет. Во-первых, в силу различных, как духовных, так и мирских, причин некоторые были настроены вполне скептически или даже враждебно к крестоносному движению. Энтузиасты же этого дела не раз принимали крест, поскольку считали крестовые войны совместимыми со своими духовными идеалами и рыцарскими ценностями. Были среди крестоносцев и те, кто унаследовал династическую традицию участия в крестовых походах, часто усиленную другими традициями, полученными через брачные контракты. Для тех, кто родился в семьях с такими традициями, преданность крестоносному движению была гораздо сильнее и серьезнее, чем у других. И все же принятие креста каждым конкретным лицом никогда не было только актом свооодной волн, но каждый раз перед ним вставал вопрос – ответить или нет на призыв, направленный к его соотечественникам и ровесникам, членам одного сословия.

Финансирование

Войны могут быть весьма разорительными мероприятиями для ведущих их обществ и отдельных людей, и крестовые походы тому подтверждение. К сожалению, точные суммы, затраченные на конкретные кампании, не известны, поскольку не сохранилось подробных финансовых отчетов, но остались сведения (особенно по крестовым походам XIII века), позволяющие составить общее впечатление о размерах финансовых затрат на эти экспедиции. Наиболее подробной информацией мы обладаем по первому крестовому походу Людовика IX. В XIV веке французское правительство подсчитало, что с 1248 года и до его возвращения во Францию в 1254 году Людовик потратил 1 537 570 ливров. Сюда входят деньги, выплаченные за провиант и одежду для короля и его двора, плата рыцарям, лучникам, пехотинцам, покупка лошадей, мулов и верблюдов, наем и оснащение кораблей, подарки и займы крестоносцам, выкуп, уплаченный за короля, когда в апреле 1250 года он попал в плен к мусульманам, работы по укреплению крепостей в Святой Земле и т. д. и т. п. Эта сумма в шесть раз превышает королевский годовой доход в 250 000 ливров, но считать ее полной нельзя, так как известно, что Людовик субсидировал через договоры, подарки и займы около 25 % последовавших за ним крестоносцев. Сюда также не входят деньги, потраченные на такие мероприятия, как строительство новой королевской гавани в Эг-Морте (на южном побережье Франции, в Лионском заливе Средиземного моря) для отправки французского крестоносного флота или расходы по установлению мира и стабилизации ситуации во Франции перед отправлением в крестовый поход. Вероятно, общая сумма составляла что-то около 3 000 000 ливров, то есть в 12 раз больше годового дохода короля. При этом надо помнить о личных расходах участвовавших в походе крупных феодалов (таких как Альфонс Пуатевинский или Карл Анжуйский) и рыцарей (таких как Жан де Жуанвиль) и их вассалов. Так что общая стоимость крестового похода Людовика IX была гораздо выше, чем суммы, потраченные самим королем. В свете всего этого неудивительно, что финансовые вопросы постоянно волновали крестоносцев всех сословий. Более того, самоокупаемые крестовые походы не назовешь: хотя количество добычи и трофеев могло быть огромным, его стоимость очень редко компенсировала расходы и потери.

Готовившемуся к походу крестоносцу всегда нужны были средства, и каждый решал этот вопрос согласно своим обстоятельствам. Можно, однако, выделить некоторые типичные приемы. Конечно, если у крестоносца были кое-какие сбережения, он их использовал, однако рыцарское общество не отличалось бережливостью (хотя известно, что некоторые рыцари, принимая крест, немедленно начинали сокращать свои расходы). Еще можно было собрать деньги, ранее отданные в долг, или же разрешить споры с другими землевладельцами с целью получить от них ренту. Современные исследования показывают, какую важную роль в финансировании участия в крестовом походе играли члены семьи, друзья, знакомые и сеньоры крестоносца. Крестоносец также вполне мог рассчитывать и на какие-нибудь субсидии в виде займов или даже подарки от своих друзей и знакомых. Примеров тому очень много. Так же обстояли дела и с представителями других социальных групп. Городские братства и гильдии, например, предоставляли своим членам средства для участия в крестовых походах. Более того, как мы увидим далее, практиковалось заключение контрактов с крестоносцами, по условиям которых сеньор оплачивал услуги рыцарей во время крестового похода.

Но наиболее верным способом получить на руки достаточное количество наличных денег с самого начала было использование прав и материальных ценностей. Можно было успешно продавать продукцию со своих земель (в частности, хорошо продавались стройматериалы), скот и движимое имущество. Когда в 1236 году Ричард, герцог Корнуэльский, принял крест, он тут же срубил и продал свой лес, а про Альфонса Пуатевинского (брата Людовика IX) известно, что для своего второго крестового похода в 1270 году он выручил довольно значительную сумму денег, продав лесоматериалы со своих

земель. Иногда же хозяева собирали средства, предоставляя своим сервам возможность выкупа, что, в частности, сделал тот же Альфонс Пуате-винский, или продавая права и привилегии горожанам, находившимся под их юрисдикцией. Например, в одном случае граф Гуго Сен-Польский в марте – апреле 1202 года образовал три (или четыре) городские общины на своих землях с целью собрать деньги на свое участие в четвертом крестовом походе. А Ричард I в 1189 году в обмен на огромную для тех времен сумму в 10 000 марок облегчил дань короля Шотландии и передал ему несколько замков.

Однако продажи земель, особенно наследственных, старались не допускать, поскольку здесь речь шла об интересах семьи и рода, хотя, конечно, иногда по той или иной причине прибегали и к этой мере. Вот два примера из начального периода истории крестоносного движения – продажа Готфридом Бульонским Верденского графства перед отправлением в первый крестовый поход и продажа виконтом Буржским города и виконства королю Филиппу I. для того чтобы профинансировать свое участие в крестовом походе 1101 года. Почти 150 лет спустя преемник Филиппа Людовик IX таким же образом помог отправиться в крестовый поход графу Жану Маконскому, купив у него графство за 10 000 ливров. Начиная с 1095 года более распространенным способом получения денег стали различные займы, причем чаще всего залогом являлись поместья. Деньги выдавались либо под залог имущества, либо имущество передавалось во временное распоряжение займодавца с тем, чтобы доходы с него покрыли займ. Факты указывают на то, что в первый век крестовых походов в роли таких займодавцев чаще всего выступали монастыри, хотя кредиторами могли являться иногда и члены семьи крестоносца. Например, Роберт, герцог нормандский, перед своим отбытием в первый крестовый поход заложил в 1096 году все герцогство Нормандское своему брату, английскому королю Вильгельму II Рыжему, за 10 000 марок. Займодавцами могли быть не только царственные особы и их родственники, но также сеньоры и купцы, однако в большинстве известных случаев ими были все же монастыри (хотя вполне возможно, что это является превратным впечатлением вследствие того, что сохранилось много именно монастырских документов). В XIII веке картина несколько изменилась. И хотя церковные учреждения вследствие их состоятельности продолжали быть источниками кредитов как для крестоносцев, так и для других нуждающихся, в результате экономического роста и социальных перемен все чаще в качестве займодавцев стали выступать купцы, крупные землевладельцы, сеньоры и родственники крестоносцев, а иногда даже и простые рыцари.

Общественные и экономические изменения вызвали к жизни новые формы финансирования крестоносного движения. Наиболее важным нововведением можно считать появление светского и церковного налогообложения на нужды крестоносного движения. Опыт ранних крестовых походов, особенно первого, показал на практике, насколько разорительны такие предприятия, но идея собирать налоги специально для проведения походов смогла воплотиться только после усовершенствования аппарата светского государства и папской монархии, произошедшей вследствие большей централизации и более глубокого осмысления и формулирования идеологии крестоносного движения и христианского мира в целом.

Первыми на этот путь встали светские государи, взяв за основу уже сложившиеся вассально-ленные отношения, при которых вассалы были обязаны в случае нужды помогать сеньорам. Теперь правом сеньора стало и принудительное обложение вассалов налогом, тогда как раньше считалось, что он может просить только о добровольной помощи; и хотя это нововведение нередко вызывало протесты, во Франции оно вошло в практику уже с конца XII века. То же самое относится и к обложению пошлиной в пользу сеньора горожан и крестьян, живших на принадлежавшей ему земле. Это, к примеру, позволило Людовику IX получить на нужды своего первого крестового похода около 274 000 ливров от городов королевского домена. Короли в качестве суверенов могли добиваться взносов со стороны всех своих подданных, хотя при этом многое зависело от общей политической ситуации. В 1146 году Людовик VII, похоже, пытался обложить таким всеобщим королевским налогом

всех своих подданных, но имеющиеся у нас данные не дают об этом достаточно информации, и истоки общего налогообложения на нужды крестоносного движения следует искать в тех мерах, которые предприняли в 1166 году Людовик VII и Генрих II для того, чтобы собрать деньги для Святой Земли: они ввели обязательную для своих подданных пошлину, сумма которой зависела от индивидуальных доходов и ценности имущества. А в 1185 году во Франции и в Англии был введен прогрессивный налог на доход и имущество для помощи Святой Земле. Но первым обязательным налогом, непосредственно связанным с крестовым походом (третьим), была знаменитая Саладинова десятина (1188 год). Этот налог был также введен во Франции и в Англии, и его отличало то, что он был гораздо выше предыдущих, а именно – одна десятая доля годового дохода и движимого имущества всех подданных, как мирян, так и клириков и монахов. Не платили налог только крестоносцы, получавшие десятину от каждого своего вассала, не отправлявшегося в поход. Саладинова десятина принесла колоссальный доход – один из хронистов пишет, что только в Англии было собрано 70 000 фунтов, хотя, возможно, он и преувеличивает. Во Франции введение этого налога натолкнулось на сопротивление, что помешало Филиппу II получить столь же значительную сумму. Более того, Филиппу даже пришлось пообещать, что ни он, ни его преемники не будут более облагать своих подданных подобным налогом, и, судя по всему, они это обещание сдержали. И все же средств на третий крестовый поход было собрано довольно много. В XIII веке в некоторых государствах время от времени проводились сборы подобных пошлин, например – в Англии в 1270 году на крестовый поход Эдуарда Английского, но никогда уже эти обложения не были столь широкомасштабными, как Саладинова десятина, и обычно они были добровольными, а не обязательными для всех.

Совершенно иначе обстояли дела с церковными сборами. С самого начала крестовых походов отдельным церквям и церковным деятелям направлялись требования денежных пожертвований на крестоносное движение. Вильгельм Рыжий, например, заставил английских клириков заплатить его брату Роберту 10 000 марок – сумму, за которую тот закладывал Нормандское герцогство. В 1199 году, перед началом четвертого крестового похода, папа Иннокентий III приказал всем клирикам внести на «дело креста» сороковую часть их годового дохода.

При этом он уверял, что это не создаст прецедента, но, конечно, одним разом такое обложение не ограничилось, да и сумма требуемой пошлины возросла. Затем, в 1215 году для финансирования пятого крестового похода был введен трехгодичный налог в размере двадцатой доли дохода, такой же налог взимался и в 1245 году после падения Иерусалима, потом его заменили десятина во Франции и Англии, пятилетняя сотая часть (что равнялось одной двадцатой доле годового дохода) в 1263 году и шестилетняя десятина в 1274 году. Обязательные церковные сборы на нужды походов в Святую Землю проводились во всех католических странах. Наряду с этим существовали и местные сборы на другие крестовые походы – например, во Франции в 1209 и 1226 годах на Альбигойский крестовый поход.

Для сбора и перевозки налоговых денег был необходим штат сборщиков налогов, чья деятельность строго контролировалась. Система сбора налогов достигла своего апогея в 1274 году, когда папа Григорий X, продолжая дело своих предшественников (особенно Иннокентия III и Гонория III), разделил христианский мир на двадцать шесть налоговых областей и в каждую назначил по главному сборщику податей. Последние сами назначали себе заместителей и помощников. В это же время был изменен и принцип оценки доходов налогоплательщиков. При Иннокентии III налог взимался с суммы, заявленной самим плательщиком. Теперь же доходы стали определяться независимыми экспертами, что препятствовало мошенничеству, не позволяя указывать заниженные суммы годового дохода. Сначала собранные деньги либо выплачивались прямо на местах крестоносцам, либо сразу посылались в Святую Землю для распределения между прибывшими уже туда рыцарями, но к 1240-м годам использование денег стало более централизованным – папы передавали средства отдельным руководителям крестоносных армий. Обычно (при отсутствии политических обстоятельств, могущих помешать этому) в папскую казну от таких налогов

поступали огромные средства. Так, французская Церковь собрала для первого крестового похода Людовика IX около 1 000 000 ливров, что дало возможность королю первые четыре года своего похода не нуждаться в дополнительных средствах. Располагая имеющимися у нас данными, не приходится удивляться тому, что в продолжение всего XIII века церковные деятели так горько сетовали на принудительное налогообложение. Созданная папами система была действительно эффективна, хотя полностью искоренить мошенничество и злоупотребления, увы, не удалось.

К перечисленным суммам необходимо прибавить и другие – частные пожертвования и завещания в пользу крестовых походов; монеты, собираемые верующими для Святой Земли в сундуки, поставленные в каждой церкви по распоряжению папы Иннокентия III в 1199 году, и деньги, получаемые за принудительное принятие креста в качестве наказания за различные преступления (впоследствии преступники откупались от креста деньгами). Не надо забывать и о денежном выкупе ранее принятого креста (см. выше). Все это приносило огромные доходы, что видно по тем значительным суммам, которые получали из этих источников крестоносцы, происходившие главным образом из военного сословия.

Возникновение и развитие финансирования папским престолом профессиональных военных, участвовавших в крестовых походах, было следствием центральной идеи – поскольку крестоносное движение служит благу всей Церкви и воины сражаются за это благо, представители всех других социальных групп должны поддерживать тех, кто рискует жизнью за весь христианский мир.

Практические аспекты

Описанные выше мероприятия по финансированию крестовых походов решали главные трудности крестоносцев, но оставались еще не менее сложные проблемы, встающие перед армиями всех времен: транспорт, провиант, снабжение, дисциплина, командные структуры и организация, не говоря даже о вопросах стратегии и тактики, разведки и т. д. В отношении походов на Восток, о которых нам известно больше всего, все эти проблемы усугублялись огромными расстояниями, продолжительностью экспедиций (в XIII веке – до шести лет) и многонациональным составом армии. Надо было научиться организовывать и эффективно командовать людьми, говорившими на разных языках, придерживавшихся разных обычаев, воспитанных в разных военных традициях, руководимых, как правило, гордыми и несговорчивыми командирами, которые нередко ссорились между собой и даже на время крестового похода не забывали о политических распрях на своей родине. Примером таких ссор может служить ожесточенное соперничество во время третьего крестового похода между Ричардом I и Филиппом II и их отрядами. Принимая все это во внимание, успех первого крестового похода кажется еще более значительным.

Неудивительно, что некоторые из вышеперечисленных проблем оказались трудноразрешимыми. Как и всегда в истории, какие-то ошибки никого ничему не научили, другие научили, но не были приняты во внимание следующими поколениями, даже несмотря на настойчивые попытки отдельных участников похода передать свой опыт потомкам. Одо Дюильский, французский хронист второго крестового похода, писал специально для следующего поколения крестоносцев в надежде, что ошибки прошлого будут учтены. Например, он дает практические советы относительно того, каким путем лучше идти и какие повозки использовать для транспортировки грузов. Начиная со времен Иннокентия III, папы тоже старались осмысливать прошлый опыт и предлагать советы по наилучшей организации и проведению крестовых походов. Свидетельством тому служат рекомендации, изложенные в записках, переданных Григорию X перед 2-м Лионским собором (1274 год), созывавшимся для обсуждения нового крестового похода и Святую Землю.

По прибытии на место назначения крестоносцы должны были быстро сориентироваться и, вне зависимости от заранее выработанной стратегии, быстро реагировать на постоянно меняющуюся обстановку. Поскольку ответственность за действия,

от которых зависела их жизнь, возлагалась на них же самих, предварительному планированию и подготовке стали уделять самое пристальное внимание. Это было результатом, с одной стороны, накопленного со времени первого крестового похода опыта, с другой – изменений в военном деле на Западе, а с третьей – усовершенствования управления и администрации в Европе, что способствовало более эффективному планированию и подготовке крестовых походов как командирами, так и рядовыми участниками.

Возможно, мы не обладаем достаточной информацией, но из дошедших до нас сведений видно, что перед первым крестовым походом его предводители не озаботились сколько-нибудь серьезной предварительной подготовкой. Похоже, они договорились друг с другом сделать Константинополь сборным пунктом своих армий, но маловероятно, что вопросы снабжения на время прохождения других стран по пути на Восток обдумывались заранее. Весьма показательны, например, столкновения на византийской территории и тот факт, что соглашение с императором Алексием о предоставлении провианта и о безопасном пропуске крестоносцев было достигнуто только по прибытии в Константинополь. Также нет никаких указаний и на то, что крестоносцы хоть мало-мальски были подготовлены к плаванию по Адриатическому морю и что существовала предварительная договоренность о судах. Эти и другие факты свидетельствуют о полном отсутствии заранее созданной общей формальной командной структуры.

Второй крестовый поход выглядел уже несколько иначе, и после него можно проследить определенную схему развития. Начнем с морских перевозок. Первые указания на то, что вся крестоносная армия может отправиться на Восток морским путем (через Средиземное море), появляются в переговорах Людовика VII и Рожера II Сицилийского в 1146–1147 годах, причем Рожер предлагал предоставить крестоносцам свои корабли и продовольствие. В конечном итоге Людовик все же решил последовать Конраду III и воспользоваться сухопутным путем. Отправляясь в третий крестовый поход, Ричард и Филипп хотели отплыть со своими силами на кораблях из южной Франции. Ричард собрал в Англии, Нормандии, Бретани и Пуату значительный флот, отправившийся в 1190 году в Марсель, где должен был ждать его сам король. Король и флот разминулись, но в конце концов эта северная флотилия соединилась с кораблями, нанятыми в итальянских портах для перевозки сил Ричарда на Восток. Около 200 кораблей провели зиму в Мессине и отправились в путь в апреле 1191 года. Соперник Ричарда Филипп II заключил первый дошедший до нас договор о морских перевозках крестоносцев. В феврале 1190 года он нанял за 5 850 марок генуэзские суда для перевозки 650 рыцарей, 1 300 оруженосцев, 1 300 лошадей и продовольствия на восемь месяцев с момента отплытия. С этого времени все крестовые походы на Восток отправлялись морским путем, причем о перевозках договаривались заранее с одним или несколькими средиземноморскими портами, чаще всего с Пизой, Генуей, Венецией и Марселем.

К такому решению проблемы привело стремление избежать тягот и лишений, выпавших на долю «первопроходцев» крестоносного движения, и страданий, подобных испытанным армией Фридриха Барбароссы в Малой Азии во время третьего крестового похода, а также изменения в стратегии восточных походов, когда местом назначения стал Египет. Этому способствовало и перекрытие после 1204 года пути через Анатолию из-за того, что враждебные крестоносцам византийцы обосновались в Никее. Но морской путь и высадка в Египте стали возможными в этот исторический период только вследствие развития средиземноморского мореплавания. В частности, длительные морские путешествия по Средиземному морю стали безопасными лишь после того, как западные мореплаватели завоевали там главенствующие позиции. Немаловажным был и тот факт, что увеличивались размеры, грузоподъемность и возможности кораблей: главные трудности в перевозке больших армий решались в результате технических и технологических усовершенствований. Особенно важно было наладить транспортировку лошадей, без которых армии, ядро которых составляла тяжелая конница, оказывались абсолютно беспомощными и непригодными. Во время венецианского крестового похода 1123 года впервые лошадей перевезли по морю

прямо в Святую Землю; ко времени третьего крестового похода это стало уже обычным делом. Однако, как говорилось ранее, мы должны с осторожностью относиться к идее постепенного и равномерного прогресса крестоносного движения. Например, очевидно, что, несмотря на предварительное планирование Людовиком IX высадки на побережье Египта, его флот был плохо оснащен для такой задачи, ибо состоял, в основном, из парусных судов, севших на мель далеко от берега, в результате чего рыцарям пришлось добираться до земли вплавь. Были необходимы весельные суда, что и учел в 1224 году император Фридрих II, готовя нападение на Египет.

Теперь обратимся к вопросу снабжения. И Людовик VII. и Конрад III учли печальный опыт первого крестового похода. Перед выступлением в поход они пытались заручиться разрешением правителей тех стран, через которые они должны были проходить, на получение провианта и на безопасное следование. В 1146 году, например, Людовик писал об этом Рожеру II (тогда еще он думал о морском пути), византийскому императору Мануилу Комнину, самому Конраду и королю венгерскому Гезе II. Людовик и Конрад должны были следовать одним и тем же путем, но они решили выступить в разное время специально для того, чтобы облегчить решение продовольственных и дисциплинарных проблем, объединить свои силы только в Константинополе.

Когда же крестоносные армии оставили сухопутные пути и стали переправляться на Восток на кораблях, многое изменилось. Из сохранившихся контрактов видно, что перевозчики обычно обеспечивали крестоносцев едой и вином (или водой) на оговоренный срок со дня отплытия, иногда они предоставляли и другие товары, а также фураж для лошадей. Вдобавок к этому предводители похода и отправлявшиеся с ними крупные феодалы заранее запасались провиантом и отправляли его в порт или, как это сделал Ричард I, перевозили его на Восток на собственных кораблях: огромные количества солонины, фасоль, сыр, мука, сухари, вино и другие продукты были погружены к 1190 году на отплывавшие на Восток королевские корабли. Людовик IX перед своим первым крестовым походом собрал значительное количество провианта в Эг-Морте и на Кипре. Жан де Жуанвиль рассказывает о горах винных бочек и холмах пшеницы и ячменя. Всевозможное военное снаряжение, естественно, тоже запасалось впрок и отправлялось к месту назначения. Сохранившиеся документы свидетельствуют о закупке арбалетов, луков и стрел, кольчуг, подков, небольших наковален, бревен и прочего. Крестоносцы, конечно, могли покупать продовольствие, оружие, лошадей и другие необходимые предметы в Святой Земле, но, судя по дошедшим до нас сведениям, это было чрезвычайно дорого, тем более что с наплывом такого количества покупателей цены росли не по дням, а по часам. Если целью экспедиции был Египет, то с собой надо было везти как можно больше и продовольствия и оружия. Предводители крестового Похода брали на себя обеспечение армии всем необходимым – например, осадными орудиями, а отдельные отряды брали с собой все, что только могли увезти. Жан де Жуанвиль рассказывает, как он, граф Саарбрюкский и их восемнадцать рыцарей спускались в 1248 году к Марселю по Соне и Роне, и то время как их боевых коней вели берегом, а за ними следовали лодки, нагруженные провиантом и оружием. Крестоносцы должны были также брать с собой все наличные деньги на случай любых возможных расходов во время кампании. Это было особенно важно для предводителей похода, поскольку ожидалось, что они будут покрывать не только свои расходы, но и хотя бы часть расходов своих последователей. Приведем в пример опять же Ричарда I. который взял на себя оплату расходов тех крестоносцев, у которых кончились собственные средства. Наличные деньги играли немаловажную роль и в поддержании внутренней дисциплины крестоносных армий.

Организация, командная структура и дисциплина всегда были очень важной проблемой, особенно в крупных многонациональных армиях, состоявших из отрядов, набранных в самых разных уголках Европы. Основные отряды имели свою собственную структуру и субординацию, и надо было еще суметь объединить их в более крупные подразделения для того, чтобы потом создать твердую командную структуру, сделав из этих

подразделений единую армию. Соперничество между предводителями первого крестового похода и между королями, стоявшими во главе второго и третьего крестовых походов, выявило необходимость назначения признаваемого всеми главнокомандующего. Первая такая попытка произошла во время четвертого крестового похода – командующим был назначен Гуго Шампанский, а после его смерти – Бонифаций Монферратский. Если же крестовый поход с самого начала был задуман и проводился одним человеком, такой проблемы не возникало. Например, Людовик IX единолично командовал армией во время своих двух крестовых походов. Но и признание единого главнокомандующего не всегда вело к объединению и следованию дисциплинарным нормам. Отчасти именно из-за такой ситуации лидеры крестовых походов стали прибегать к предварительному заключению формальных контрактов, в которых были строго оговорены обязанности участника кампании, причем нарушение условий контракта могло повлечь за собой строгое наказание. Возможно, такие контракты появились уже в XII веке, но до нас они не дошли. В XIII же веке они заключаются все чаще и чаще, а во время крестовых походов Людовика IX становятся просто нормой. Например, крестовый поход 1270 года был почти полностью организован на контрактной основе. Когда Людовик отправлялся в свой первый поход, около 400 рыцарей были связаны с ним контрактами, по условиям которых король снабжал их деньгами, перевозочными средствами и, в некоторых случаях, пропитанием, а они обязывались привести с собой своих вассалов. Людовик заключил договоры и с командирами крупных отрядов, такими, как Альфонс Пуатевинский, Ги Фландрский, Роберт Артуаский и Эдуард Английский, которые в свою очередь должны были заручиться услугами оговоренного числа рыцарей путем заключения с ними субконтрактов (тексты некоторых из них сохранились до наших дней). Экспедиция 1270 года дает наиболее полную картину крупной интернациональной крестоносной армии, построенной сверху донизу на основе контрактов. Итак, мы видим, что со времени первого крестового похода в организации кампаний произошли весьма значительные изменения.

Некоторые последствия

Столь всеохватывающее и всепроникающее явление, как крестоносное движение, не могло не оказать сильнейшего влияния на жизнь своей эпохи. И действительно, оно затронуло в той или иной степени почти все стороны жизни не только средневековой Европы, но и ее ближайших соседей. В мировой истории крестоносное движение сыграло огромную роль в переделывании политической и культурной карты, поскольку оно способствовало экспансии латинского христианского мира, что привело к возникновению новых латинских государств в северо-восточной Европе, на Пиренейском полуострове и, конечно, на Востоке, хотя некоторые из этих государств просуществовали не так уж и долго. На Западе крестоносное движение определило многие чрезвычайно важные политические изменения, наиболее значительное из которых – победа папского престола над Гогенштауфенами. И хотя Альбигойский крестовый поход не смог полностью искоренить ересь катаров, он сильно повлиял на политическую обстановку и на культуру южной Франции, способствовав подчинению этой области власти французского короля. Впервые, и именно благодаря крестоносному движению, французская королевская власть укрепилась в Лангедоке и на побережье Средиземного моря. В этот исторический период папский престол посредством объявлений крестовых походов попытался сделать реальностью свои претензии на управление делами всего христианского мира, кульминацией чего стало правление папы Иннокентия III.

Крестоносное движение также способствовало и изменению взгляда жителей Запада на самих себя, оно помогло им воспринять себя наследниками и носителями общих культурных ценностей и традиций, несмотря на местные различия и разногласия. Но поскольку главной объединяющей и отличительной чертой западных европейцев была латино-христианская культура, то и бездна, разверзшаяся между ними и другими народами, была обусловлена

прежде всего непримиримыми религиозными расхождениями. Крестовые походы, будучи идеологической борьбой, усилили в западной культуре ксенофобию, до этого сравнительно незаметную, и утвердили ту точку зрения, при которой превосходство латинского христианства принималось на веру безоговорочно. Одним из следствий этого явления стало резкое изменение отношения к евреям на Западе, погромы 1096 года свидетельствуют о новых веяниях, охвативших вскоре всю западную культуру. Еще одним важным следствием оказалось изменение рыцарских ценностей, что повлияло на самоопределение рыцарского сословия и на культурное отделение его представителей от других социальных групп.

По мере развития крестоносного движения в его орбиту втягивалось все больше и больше жителей Западной Европы. Так, к середине XIII века было очень немного мирян, которые не слышали хотя бы одной проповеди крестового похода, а по мере введения практики откупа от обета все большее число людей принимало крест. Налогообложение на крестоносное движение и другие денежные сборы облегчали кошельки практически всех жителей – крестьян, горожан, клириков и др. Нужда крестоносцев в наличных деньгах предоставляла разнообразные возможности тем, кто желал расширить свою деятельность в определенных местностях. Например, богатство итальянских морских республик росло благодаря контрактам с крестоносцами на перевозки и на провиант, а возникновение на Востоке латинских поселений позволяло купцам этих республик расширять торговлю. Необходимость в оружии и продовольствии вызывала временный рост потребления определенных товаров в родных странах крестоносцев, хотя довольно трудно определить, перевешивала ли экономическая выгода от производства необходимых крестоносцам товаров тот разлад, который крестоносное движение вносило в экономическую жизнь.

Говоря о наиболее заметных и явных последствиях крестоносного движения, мы ничего не сказали еще о влиянии этого движения на самих крестоносцев, их семьи, их друзей и живших на их землях крестьян. Крестоносное движение оказало самое глубокое и самое сильное влияние именно на очень личном человеческом уровне. Как и во всех войнах, большинство возвратившихся из крестовых походов вернулись домой с физическими или душевными травмами; они уже не могли жить прежней жизнью, как и их жены и дети и все те, кто тесно были с ними связаны теми или иными узами. Современная историография только начинает изучение этого аспекта крестоносного движения.

Глава 4

Умонастроения крестоносцев, идущих на восток 1095–1300

ДЖОНАТАН РАЙЛИ-СМИТ

В крестоносном движении участвовали представители всех социальных (в том числе и беднейших) слоев населения. Гвибер Ножанский объяснял столь массовое участие в первом крестовом походе охватившими Западную Европу междоусобицами, стихийными бедствиями, эпидемиями и тяжкими экономическими условиями. Он описывал отправление в поход целых семей, с женами и детьми, на повозках, нагруженных всем домашним скарбом. Это напоминало массовое переселение. Папа Урбан II с самого начала не хотел отягощать военную экспедицию такими неподходящими спутниками. Папа стремился, как он писал в 1097 году, «воздействовать на души рыцарей», но поскольку крестовый поход проповедовался им как паломничество, как духовный подвиг, доступный всем, ему и его преемникам было нелегко ограничивать участие в крестовых походах только профессиональными военными. Даже введенная Иннокентием III практика выкупа крестовых обетов не могла кардинальным образом изменить ситуацию. В конце концов размеры расходов, связанных с участием в походе, оказались более эффективным препятствием, чем все официальные меры. Пока крестоносные армии шли на Восток сухопутным путем, к ним примыкало значительное число бедняков, но после того, как

предпочтение стало отдаваться морским перевозкам, бедняки были вынуждены оставаться дома – на нанм кораблей требовалось слишком много средств. Конечно, какое-то количество бедняков продолжало стремиться на Восток, но это уже не мешало профессиональной армии. Народные же крестовые походы, многие из которых возникли именно вследствие невозможности участвовать в профессиональном крестоносном движении, – Поход детей в 1212 году, Народный крестовый поход в 1309 году и Крестовые походы пастушков в 1251 и 1320 годах – были неудачными: их участникам не удалось даже покинуть пределы Западной Европы.

Беднейшие слои населения стали важным элементом крестоносного движения, и остается только пожалеть, что дошедшие до нас материалы, раскрывающие суть этого явления, столь скудны. Немного больше мы знаем о купцах, ремесленниках, горожанах. Например, в декабре 1219 года гражданин Болоньи Барцелла Мерксадрус, заболев в лагере крестоносцев около Дамьетты (Египет), составил завещание, в котором назначал свою жену Джулетту наследницей всего его имущества и причитающейся ему части добычи; он оговаривал также право своей супруги на место в палатке, в которой они жили вместе с другими крестоносцами. Но наибольшая часть сохранившихся сведений характеризует облик магнатов и рыцарей. Наиболее богатые и именитые из них часто упоминаются в повествовательных памятниках тех времен. Эти люди занимали определенное общественное положение, должны были содержать во время похода оруженосцев и других членов своей свиты, владели имуществом, которое и продавали или сдавали в аренду за наличные деньги, необходимые в походе, и часто после них оставались юридические документы – бесценная информация, позволяющая судить об их умонастроениях.

Крестоносцы часто принимали крест (давали определенный обет) при большом стечении народа под влиянием речей проповедника, чьей задачей и было эмоциональное воздействие на свою аудиторию, доведение слушателей до религиозного экстаза. Считается, что к третьей четверти XII века принятие креста и ритуал вручения символов паломничества – сумы и посоха – слились в единую церемонию. Но так было не всегда. Король Франции Людовик VII, готовясь ко второму крестовому походу, принял обет 31 марта 1146 года в Везеле. Людовик и его знатные приближенные взяли присланный королю папой крест во время частной церемонии, после чего Людовик вместе с проповедником – св. Бернаром Клервосским – вышел к народу и стоял на возвышении так, чтобы все видели взятый им крест. Проповедь Бернара вызвала такой бурный отклик, что заготовленных заранее матерчатых крестов не хватило и Бернар разрывал свою рясу на кресты для будущих крестоносцев. Больше года спустя, 11 июня 1147 года, в Сен-Лени Людовик получил из рук папы символы паломничества – суму и орифламму (знамя французских королей); последняя была дана, видимо, вместо традиционного посоха.

В первые десятилетия крестоносного движения подобные церемонии проводились повсюду. После принятия креста дворяне и рыцари договаривались с местным епископом, аббатом или приором о получении сумы и посоха и церковного благословения. Зачастую эта последняя церемония сопровождалась каким-нибудь пожертвованием в пользу данного церковного учреждения. Например, 22 мая 1096 года в здании капитула в Лерене Фульк Дон де Шаторенар передал аббатству довольно крупные владения. Он получил из рук аббата платок (вместо сумы пилигрима) и посох, причем аббат напутствовал его идти в крестовый поход в качестве акта покаяния и подарил ему мула. Вероятно, подобные церемонии продолжали совершаться и после того, как принятие креста и вручение символов паломничества слились в один ритуал. В 1248 году Жан де Жуанвиль получил суму и посох из рук аббата в Шемпноне.

Сделав крест наглядным символом следования обету, Урбан II связал принятие и ношение его со словами самого Христа: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мер. 19:29) и: «Если кто хочет идти за Мною, Отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16:24 Или Лк. 14:27).

Предводители крестоносного рыцарства Боэмунд Та-рентский, Раймунд Тулузский, Готфрид Бульонский, Роберт Норманд-кий, Роберт Фландрский и Евстафий Булонский писали 11 сентября 1098 года Урбану из Сирии: «Ты, который возгласил этот поход и ловом своим побудил всех нас покинуть наши земли и оставить то, то в них было, ты, кто предписал нам последовать Христу, неся его крест, и внушил нам мысль возвеличить христианское имя!».

Некоторые впадали в исступление, выжигая кресты на своем теле. Но и вид обычных матерчатых крестов, нашитых на одежду, был, вероятно, достаточно внушителен (скульптура начала XII века в Бельвальском монастыре в Лотарингии, изображающая крестоносца с нашитым на груди крестом из полос материи шириной в 5 см, яркое тому свидетельство). Ополчения стали различаться по цвету и стилю крестов, носимых их участниками. Скорее всего, эта практика возникла в конце 1140-х годов у вендских крестоносцев – они носили эмблему креста, нарисованного на шаре. Мы также знаем, что при планировании третьего крестового похода было решено, что французское ополчение будет иметь красные кресты, английское – белые, фландрское – зеленые.

Крестоносцы должны были носить на своей одежде кресты во время всего крестового похода до возвращения домой. В 1123 году на 1-м Латеранском соборе епископы упоминали о тех, кто «снял свой крест», так и не отправившись в поход. Таким образом, крестоносец всегда отлился от некрестоносца, и это было очень важно. Предводители первого крестового похода были уверены, что в Европе остаются значительные крестоносные силы, которые могут быть посланы им на поддержку, или Церковь сможет заставить уклоняющихся исполнять свои обеты. В уже цитированном выше письме предводители похода писали Урбану: «Заверши то, к чему сам призвал нас, прибуди к нам и уговори всех, кого можешь, прийти с тобою... Мы одолели турок и язычников, но не можем справиться с еретиками, с греками и армянами, сирийцами и яковитами... [далее следует текст приписки, вероятно, сделанный рукой Боэмунда]. Мне сообщено нечто такое, что идет сильно против Бога и всех христоролюбцев, именно то, что принявшие святой крест получают от тебя дозволение оставаться среди христоролюбцев. Я этому весьма удивляюсь, ибо коль скоро ты – зачинщик священного похода, то откладывающие отправление в путь не должны были бы получать у тебя сочувствия и какого-либо расположения до тех пор, пока не выполнят обета... И [надо], чтобы ты не расстраивал нас и не портил то доброе, что затеял, но [напротив] чтобы своим прибытием и [привлечением] всех благих мужей, каких можешь привести с собой, ты поддержал нас». Требования такого рода направлялись на Запад во все времена существования крестоносного движения, и время от времени предпринимались попытки определить точное число «лжекрестоносцев». Но гораздо легче было осуждать тех, кто уклонялся от выполнения обетов, чем заставить их следовать своим обещаниям.

Еще одной причиной того, почему так важно было знать, кто действительно принял крест, являлось то, что крестоносцам даровались особые права. Поначалу даже среди высшего духовенства наблюдалось некоторое смятение в отношении по крайней мере одной из привилегий, данных крестоносцам на Клермонском соборе, – обещания Церкви защищать семью и имущество крестоносца во время его отсутствия. Гуго II де Ле-Пюис, принявший крест во время крестового похода 1107 года, считал, что подвергается опасности со стороны замка, возведенного в его виконтстве графом Ротру де Мортань (который, к слову, был участником первого крестового похода). Епископ Иво Шартрский, хотя и был одним из лучших знатоков канонического права своего времени, передал дело в светский суд. Это привело к беспорядкам, и Гуго обратился к папе; тот вернул дело в церковный суд. Иво отметил, что церковные деятели не могли вынести решение, потому что «этот церковный закон об охране имущества рыцарей, отправлявшихся в Иерусалим, для них новый, и они не знали, подпадают ли под защиту наравне с имуществом крестоносцев и их военные укрепления».

К XIII веку, однако, привилегии были точно определены, причем крестоносцам предоставлялись защита со стороны закона, так как многие из этих привилегий имели отношение к юридическим вопросам. Кроме индульгенций (о которых мы поговорим чуть

позже) и защиты семьи и имущества даруемые привилегии включали в себя отсрочку выполнения вассальных обязательств или ответа перед судом до возвращения крестоносца домой или же ускорение судебного разбирательства перед отправлением в поход; предоставление отсрочки выплаты долгов или процентов; освобождение от пошлин и налогов; разрешение священнику продолжать получать доход с прихода во время своего отсутствия и дозволение рыцарю продавать или закладывать свой феодал или неотчуждаемую собственность с целью получения денег для участия в походе; снятие церковного отлучения; разрешение вступать в сделки с отлученными от Церкви лицами и освобождение от последствий отлучения; возможность использовать крестовый обет для замены другого, еще не выполненного обета и право выбрать себе личного исповедника, обладающего властью отпускать грехи.

Крестоносцы, безусловно, были заметными фигурами. Вопрос, касающийся того, как на социальное положение крестоносцев повлияло их участие в столь престижных предприятиях, пока не изучен, но несомненно, что принимаемый ими титул *Jerosolimitanus* (нерусалимлянин) вызывал уважение не только в ближайших местностях, но даже за пределами страны. Путешествие Боэмунда Тарентского в 1106 году по Франции после его возвращения из первого крестового похода вылилось в триумфальное шествие, кульминацией которого стало его венчание с дочерью французского короля в Шартрском соборе.

Многие французские дворяне просили Боэмунда крестить их детей, он выступал перед многочисленными собраниями с рассказами о своих приключениях в Святой Земле, а его испытания в мусульманском плену вошли в *Miracula* (сборник рассказов о чудесах) святого Леонарда, чью гробницу сей достойный муж не забыл посетить. Два или три поколения потомков участников первого крестового похода продолжали гордиться своими предками.

Гораздо менее приятным следствием принятия креста часто было злословие. Никто другой в те времена не подвергался такой яростной критике, как крестоносцы. Дело в том, что ответственность за неудачи в священной войне, ведущейся во имя Господне, никак не могут быть приписаны самому Богу; они, как это указано в Ветхом Завете, являются следствием недостойности исполнителей Его воли, в данном случае – крестоносцев. И постольку поскольку идеологической необходимостью было обвинение их во всех ошибках и неудачах, крестоносцы подвергались оскорблениям и обвинениям во всех случаях военных неудач.

Но в любом крестовом походе, был ли он удачным или нет, каждый крестоносец рисковал жизнью, здоровьем или материальным благополучием, и неудивительно, что над документами, составленными отправлявшимися в поход рыцарями, витает дух неуверенности и беспокойства. В 1096 году Стефан Блуаский подарил Мармотьескому аббатству лес, «чтобы Бог, по молитвам святого Мартина и его монахов, простил мне мои прегрешения, и помог мне на пути из моей отчизны, и вернул обратно в целостности и сохранности, и не оставил мою жену Аделу и наших детей». И он и многие другие утешались мыслью, что дома непрестанно молились за них. В 1220 году Ранульф Честерский возвращался из Дамииетты. Корабль попал в шторм, все боялись кораблекрушения. Сам Ранульф оставался абсолютно безучастным, но где-то около полуночи он вдруг начал предпринимать всяческие активные действия, потому что в это время «мои монахи и другие верующие, которых мои предки и я поселили в различных местах, начинают божественную службу и поминают меня в своих молитвах».

Беспокойство Стефана Блуаского о безопасности своей семьи, которую он оставлял без защиты, не было исключением. Многие испытывали те же чувства, несмотря на все обещания Церкви присматривать за их родными. Часто писали, что папа Урбан II надеялся направить воинственность рыцарей за пределы Западной Европы и таким образом обеспечить более мирное существование дома. Но все должны были понимать, что отсутствие крупных магнатов будет иметь обратный эффект; может быть, именно поэтому проповедь крестовых походов сопровождалась призывами церковных соборов к

внутреннему миру. Фландрия страдала от беспорядков, пока граф Роберт не вернулся из первого крестового похода. Когда Ги де Рошфор в 1102 году въехал в свои владения, ему предъявили длинный список жалоб, поскольку в его отсутствие «почти никто не мог добиться справедливости». В 1128 году Болдуин де Берн Анжуйский составил чрезвычайно подробный договор со своим братом Руалем «в отношении своих земель и всего имущества и своей жены и единственной дочери». Руаль обещал всегда заботиться о племяннице и ее матери, не посягать на то имущество, на которое они имели право, и помогать им против всякого, кто попытается их обидеть, всеми способами, вплоть до применения военной силы. Этот договор, ясно демонстрирующий ту опасность, которую представлял собой младший и, вероятно, неженатый брат жене и дочери крестоносца, был засвидетельствован десятью мужчинами, а сеньор Болдуина выступал его гарантом.

И действительно, в XIII веке (даже в Англии, где защиту имущества и семей крестоносцев брала на себя королевская власть) участь ближайших родственников, особенно женщин, которые вынуждены были в течение нескольких лет сами управлять имениями и растить детей в окружении жадных соседей и завистливых родичей, могла быть ужасной; судебные записи содержат печальный список всевозможных напастей, выпадавших на их долю. Желю Питера Даффилда задушили, пока он сам участвовал в пятом крестовом походе. Ральф Ходенг вернулся домой и обнаружил, что его дочь и наследница вышла замуж за его же собственного крестьянина. Неудивительно, что крестоносцы, насколько это было возможно, предпочитали сами обезопасить свои семьи. Например, в 1120 году Жоффруа де Ле-Луэ за определенную сумму поручил свою жену монахиням монастыря Ле-Ронсере-д'Анжер; он пообещал дополнительную плату в качестве вступительного взноса, если она сама захочет стать монахиней. В то же самое время Фульк де Ле-Плесси-Маке поручает монахиням свою дочь. Если он не вернется, монахини разрешат ей выйти замуж или поступить в монастырь «согласно ее желанию и желанию ее братьев и других друзей». Если она решит не принимать монашеского обета, он обещает прислать в монастырь одну из своих племянниц в качестве послушницы и гарантирует внесение за нее вступительного взноса. Отправляющийся во второй крестовый поход Гуго Руфус де Шампальмен трогательно заботится о своем больном брате Ги. Он пожертвовал часть своего имущества монахам в Корбиньи с тем, чтобы с доходов от этого имущества они выплачивали его брату регулярную пенсию деньгами и натурой, а в случае смерти похоронили бы своего подопечного на монастырском кладбище.

Не менее важным для крестоносцев было и обеспечение надлежащего управления своими владениями на длительный срок их отсутствия – в начале первого крестового похода речь шла о трехгодичной кампании, и в 1120 году Фульк де Ле-Плесси-Маке рассчитывал на не менее долгий срок. Ответственными управляющими назначались члены семьи или вассалы. Обычно, когда речь шла о семье, право управления передавалось старшему или младшему сыну или брату. Участник первого крестового похода Жеральд де Ландерон поручил своему брату Ожеру, приору монастыря Сен-Пьер-де-ла-Реоль, присматривать за его замками и его сыновьями. Ожер обещал «воспитывать сыновей до того времени, когда он сам сделает из них рыцарей». Нередко матери или жены брали эту ответственность на себя. Но иногда в семье не находилось никого, кто был бы в состоянии управлять всем хозяйством. В 1101 году Г и де Бре поручил свои земли и свою дочь соседу, Оливеру де Латуру, чьи отец и дядя участвовали в экспедиции 1096–1099 годов. В конце концов Оливер женился на вверенной ему дочери де Бре. Жоффруа де Иссудун передал свой замок на попечение одного из своих вассалов, а Гуго де Галлардон доверил замок и дочь своим рыцарям. Начиная с конца XII века, английские крестоносцы назначали юристов, долженствующих блюсти их интересы.

Крестоносцы понимали, что их предприятие может потребовать огромных затрат, и мы уже видели, насколько разорительными оказывались крестовые походы. Не сохранилось почти никаких сведений о том, что первые крестоносцы возвращались домой разбогатевшими, хотя они и привозили с собой разнообразные христианские реликвии и

передавали их храмам. Сообщается, что Ги де Рошфор вернулся в 1102 году «в славе и в достатке», но что это означает – неизвестно. Рыцарь Гримальд, проезжая через Ключи, решил стать монахом, составил завещание в пользу монастыря и пожертвовал одну унцию золота. Хадвида де Шини, участвовавшая в крестовом походе вместе со своим мужем Додо де Кон-ла-Гранвиль, передала монастырю Сен-Убер-ан-Арден церковные облачения из дорогой ткани и украшенную драгоценными камнями чашу из девяти унций золота. Но этим и ограничиваются упоминания о богатой добыче, привезенной, возможно, из первых экспедиций, так что нетрудно предположить, что подобных случаев было немного. Надо помнить и о дороговизне обратного пути, и о трудностях перевозки большого количества золота или драгоценных предметов на такие большие расстояния.

С другой стороны, вернувшиеся крестоносцы и их семьи должны были выкупать заложенные перед походом земли и имущество, отдавать долги, и острая нужда в деньгах заставляла некоторых из них прибегать к любым способам эти деньги получить. Так, когда Фульк I Матефлонский вернулся в 1100 году с Востока, он попытался брать плату за пользование построенным им самим мостом и обложил пошлиной держателей свиней. Фульк также сумел разрешить в свою пользу давний спор с монахинями в Ле-Ронсере-д'Анжер. В начале XI века графиня Хильдегарда д'Анжу передала деревню Сейш-сюр-ле-Луар монахиням. Матефлонский замок построили в этом приходе чуть позже, и в его стенах была возведена деревянная церковь. По мере роста населения эта церковь оказалась мала, и Фульк и монастырь в Ле-Ронсере решили заменить деревянную церковь каменной, что и было сделано. Фульк пообещал передать монастырю свою часть церковной десятины и оплатить нового священника (хотя на последнее ему выделили значительную сумму). Однако он не сдержал своего слова и не заплатил десятину, поэтому во время его отбытия в крестовый поход отношения с монастырем были весьма натянутыми. В отсутствие Фулька его сын Гуго признал правоту монахинь и заплатил десятину из своих личных денег, пересчитав ее с большей суммы, чем раньше. И вот Фульк вернулся и захотел (или сделал вид, что хочет) аннулировать эту договоренность, но его уговорили оставить уговор в силе на будущее.

Доля Фулька в десятые с деревни Сенш-сюр-ле-Луар дорого обошлась монахиням, что и заставило их держаться твердой линии в другом подобном деле. Жоффруа Ле Раль нуждался в деньгах для участия в крестовом походе и продал монахиням десятую часть доходов с мельницы в той же деревне. По возвращении он решил продать всю мельницу, видимо, для покрытия своих долгов, но хотел, чтобы десятина продавалась вместе с мельницей – это увеличивало бы ее стоимость. Жоффруа страшно разгневался, когда аббатисса Ле-Ронсере категорически отказалась согласиться на это. Он захватил мельницу, но был приведен к аббатиссе, судим, признал свою вину и уплатил штраф.

Крестовые походы были так тяжелы, опасны и разорительны, что чем больше об этом узнаешь, тем удивительнее кажется желание столь многих людей в них участвовать. О чем они думали? К чему стремились? И почему неудачи, которые, казалось бы, должны были обернуться цинизмом, безразличием и отчаянием, только подогревали их рвение?

В течение последних шестидесяти лет объектом пристального изучения стало богословие христианского насилия, и то, как оно повлияло на идеи христианской священной войны вообще и на идеологию крестоносного движения в частности, становится более или менее ясно. В отклике людей на призывы к крестовым походам теперь видят реакцию на популяризацию этой идеологии проповедниками, способными связать ее с привычными, понятными каждому религиозными принципами. Но даже в контексте теории христианского насилия крестоносное движение выделяется как нечто необычное и неожиданное. Первый крестовый поход стал кульминацией культа поклонения Гробу Господню, который привлекал массы паломников в Иерусалим в течение всего XI века. Но этот поход был не только самым массовым паломничеством, но и – войной. В Провансе два брата, Жоффруа и Гн де Синь, приняли крест «с одной стороны ради паломничества, а с другой – чтобы под защитой Господа прекратить осквернение язычниками [Святых Мест] и положить конец тому безумию, из-за которого столь многие христиане подвергаются притеснениям,

пленению и умерщвлению». А в Лнмузене Эмери Брунус «осознал свои грехи и хотел вместе с другими христианами идти на войну с мусульманами и посетить Гроб Господень, находящийся в Иерусалиме».

Паломничество – акт покаяния и благочестия, требующий душевного состояния, традиционно противоположного настроению воина. Намерения рыцарей-паломников XI века, имевших возможность путешествовать со всеми возможными удобствами и блеском, были совершенно мирными. Крестоносцы же рассматривали военные действия как составную часть своего паломничества. Официально их действия назывались выражением любви к братьям и сестрам – христианам и к Господу Богу, и посвящение себя этому считалось «истинной жертвой», самопожертвованием. Хотя часто внешне крестовые походы выглядели не менее пышными, чем турниры, они были и актом покаяния так же, как и военной экспедицией. Война как акт благочестия – форма религиозного служения, которое можно сравнить с вознесением молитвы.

Таким образом, можно сказать, что папа Урбан II проповедью крестовых походов произвел своего рода идеологическую революцию. Представление о том, что военные действия могут быть актом покаяния, развилось в 1070-х и 1080-х годах из диалога папы Григория VII и группы церковных реформаторов, объединившихся вокруг Матильды Тосканской. Урбан позаимствовал эту идею, не имевшую прецедента во всей истории христианства, и нашел ей оправдание и обоснование, связав войну с паломничеством в Иерусалим. Автор Монтекассинской Хроники, вероятно – член папской курии, сопровождавший Урбана во Францию, описал действия папы как пастырское попечение о воинах, поскольку он предоставлял им возможность спасти свои души, через акт покаяния, не требующий отказа от их профессиональных занятий и принижения своего общественного статуса при совершении мирного паломничества без оружия, должного оснащения и коней. Описание крестового похода как действия, специально созданного для того, чтобы дворяне и рыцари могли воевать не только ради выгоды, но и из благочестия, мы находим в знаменитом отрывке из уже упоминавшейся хроники Гвибера Ножанского: «Бог создал в наше время священные войны для того, чтобы рыцари и толпа, бегущая по их следу... могли найти пути к обретению спасения. И таким образом, они не должны полностью удаляться от мирских дел, уходя в монастырь или выбирая другую форму церковного служения, как это было раньше, но могут удостоиться в какой-то мере Божественной благодати, продолжая заниматься своим делом с той свободой и с тем внешним видом, к коим они привыкли».

Такой подход нашел живой отклик. В Лпмузене Брюн де Трэй собирался вступить в Орейский монастырь, но, услышав о призыве папы, отказался от своего намерения, ибо увидел в крестовом походе возможность вести более праведную жизнь, не удаляясь от мира. Он даже уговорил монастырь на внесенные в качестве вступительного взноса деньги купить ему доспехи, а вместо него вступил в монастырь его молодой родственник. Возможно, что нечто подобное произошло и с Эдом Бевеном из окрестностей Шатодуна. Между Эдом и аббатством в Мармотье велась тяжба из-за каких-то владений. Когда же Эд тяжело заболел, он призвал местного priора и сказал ему, что хочет вступить в монастырь и отказывается от всех своих имущественных притязаний в качестве вступительного взноса. Приор поехал с этим известием в Мармотье, но по возвращении оттуда нашел Эда выздоровевшим и намеревающимся отправиться в Иерусалим вместо того, чтобы становиться монахом. В южной Италии норманнский рыцарь Танкред мучился несоответствием своей жизни христианским идеалам. Он чувствовал раздвоение и «никак не мог решить, следовать ли Евангелию или мирским законам». Танкред обрел душевное равновесие «после призыва к оружию для служения Христу, [который]... привел его в необычайное воодушевление».

Идея благочестивой войны была столь необычна, что удивительно, как она не вызвала протестов со стороны высшей церковной иерархии. Если бы первый крестовый поход закончился неудачей, наверняка раздались бы голоса против отождествления войны с паломничеством, но его триумф доказал как участникам, так и наблюдателям, что это действительно была Божья воля. «Господь воистину возродил Свои давние чудеса», – писал

папа Пасхалий II. Письма крестоносцев и описания очевидцев преисполнены чувством изумления, которое охватило армию, вошедшую в 1097 году в Сирию, достигшую Антиохии и в конце концов – Иерусалима. Они видели на небесах, может быть, и случайные, но реальные знамения – кометы, сияние, падающие звезды; ночами им являлись Христос, святые и души умерших крестоносцев, подтверждавших живым истинность реликвий и суливших награду на небесах. Все это вселяло в крестоносцев уверенность в том, что их победоносное шествие по Святой Земле – результат прямой божьей помощи и знак того, что война как акт благочестия и покаяния угодна Богу. Матфей Эдесский описывает в своей «Хронографии» такое событие: «Ночью... одному благочестивому франку явился святой апостол Петр и сказал: „В левой части той церкви хранится оружие, которым безбожное племя иудеев пронзило Христа в ребро. Это [копье] находится перед алтарем. Выкопайте его и с ним идите в бой, им вы одолеете ваших врагов, как Христос сатану“. Видение повторилось, оно явилось и в третий раз, о нем рассказали Готсрриду и Боэмунду и всем князьям. Они стали молиться и, вскрыв указанное место, нашли там в церкви, называемой храмом святого Петра, копье Христа». Очевидцы событий используют в описаниях похода сравнения, которые до тех пор встречались только в рассказах о монашеской жизни: Христово воинство, крестный путь, небесный Иерусалим, духовная брань и т. д.

Эта фразеология была подхвачена комментаторами и теоретиками, делавшими упор на покаянный характер крестовых походов и на то, как их успех подтверждал Божественное одобрение подобных действий. Слабость более традиционного богословия в обстановке всеобщей эйфории видна по письму Сигеберта из Жамблу, написанному в 1101 году. Сигеберт⁵ всегда был противником радикальных реформ и критиковал идею войны как акта покаяния, которую развивал Пасхалий II в письме к Роберту Фландрскому. Хотя Сигеберт цитирует то место письма Пасхалия, где говорится о возвращении Роберта домой после освобождения Иерусалима, он ни разу не упоминает крестовый поход.

После проповеди благочестивой войны и широкого отклика на нее огромного числа верующих история Западной Европы сделала неожиданный поворот, а крестоносцы вступили на неизведанный путь. Крестоносцы были уверены в том, что их усилия и страдания пойдут им на пользу и не пропадут даром. Они также верили, что это поможет и их близким: в 1100 году Герберт де Туар, приехав к епископу Пуатевинскому за символами паломничества, хотел получить заверение в том, что трудности предстоящей экспедиции будут способствовать спасению души его отца. Клермонский собор и папа Урбан II суммировали в индульгенции все блага этого акта покаяния. Урбан намеревался доказать, что предстоящие крестоносцам испытания будут настолько тяжелы, что с лихвой искупят перед Богом не только их недавние грехи, в которых они еще не раскаялись, но и все предыдущие, которые не были удовлетворительно искуплены.

Однако создается впечатление, что после завершения первого крестового похода энтузиазм в Западной Европе несколько поостыл и возродился только сорок четыре года спустя – с началом пропаганды второго крестового похода. Проповеди крестовых походов на Восток произносились, как мы видели, в 1106–1107, 1120, 1128 и 1139 годах, крестовые походы в Испанию проповедовались в 1114, 1118 и 1122 годах, но они находили отклик лишь во Фландрии и в графствах Пуату, Анжу, в Шартрене, южной Нормандии и в Иль-де-Франсе – именно здесь сохранялась живая традиция крестоносного движения. В других местах найти желающих участвовать в новых экспедициях было трудно. Из Лимузена, где первый крестовый поход вызвал необычайный энтузиазм, в 1102–1146 годах не отправился ни один крестоносец. (Нельзя, впрочем, сказать, что исчезло стремление посетить Гроб Господень – из этих мест в начале XII века в Иерусалим отправлялось много пилигримов, то есть традиция мирного паломничества продолжалась.) То же происходило и в Шампани, откуда в первый крестовый поход ушло очень много рыцарей. Не сохранилось упоминания ни об одном шампанском крестоносце в 1102–1146 годах, однако засвидетельствованы

⁵ Сигеберт из Жамблу – лотарингский хронист (ок. 1030–1112).

многочисленные случаи паломничества. Среди многих именитых паломников мы видим графа Гуго Труаского, который провел в Иерусалиме четыре года (1104–1108) и ездил туда опять в 1114 и 1125 годах, после того как он вступил в орден тамплиеров. Ту же ситуацию мы наблюдаем и в Провансе.

Схожую картину можно увидеть, если переместить взгляд с географии набора в крестовые походы на семьи. Первые крестоносцы обычно отправлялись группами из родственных кланов, и это обстоятельство подталкивает на мысль, что семейные традиции участия в крестоносном движении были заложены в экспедициях 1096 и 1101 годов. Действительно, многие из тех, кто принял крест для участия во втором крестовом походе, следовали примеру отцов и дедов. Однако во многих семьях, из которых в первый крестовый поход ушло немало крестоносцев, очень немногие, если таковые вообще были, участвовали в экспедициях до 1146 года. Бернарды де Бре из Лимузена послали четверых в первый крестовый поход и четверых во второй, но никто из них не принимал участия в экспедициях между этими двумя походами. Из потомков графа бургундского Вильгельма Сорвиголола некоторые были заметными фигурами в первом крестовом походе и семеро руководили вторым, но только один стал крестоносцем в 1102–1146 годах. Судя по этим кланам, кажется, что энтузиазм 1096 года возродился только в 1146 году.

Можно предположить, что для многих рыцарей начала XII века первый крестовый поход был единственным в своем роде, им трудно или даже невозможно было представить себе, что такой уникальный благодатный шанс покаяния может быть предоставлен еще раз. После 1102 года они вернулись к традиционной практике благочестия. Возможно, дальнейшие исследования покажут, что такая же картина наблюдалась и в период между 1149 и 1187 годами и что только начиная с третьего крестовые походы стали частью повседневного существования.

В любом случае ситуация в период между 1102 и 1146 годами объясняет, почему святой Бернар проповедовал второй крестовый поход как уникальную возможность спасения, предоставляемую каждому, кто возьмет крест: «[Бог] показывает себя нуждающимся, или делает вид, что нуждается, в нашей помощи, а на самом деле все время хочет помочь нам в нашей нужде. Он хочет, чтобы в нем видели должника, дабы Он мог уплатить тем, кто борется за него, им причитающееся: Прощение грехов и вечную славу. Именно поэтому я называю вас благословенным поколением, вас, которые родились во времена искупления и живете в год, приятный Господу, год великого ликования». Речь Бернара об индульгенции была великолепна: «Возьмите знак Креста, и вы получите отпущение грехов, которые исповедуете со смиренным сердцем. Материя [из которой сделан крест] недорого стоит, если ее продать, но если нашить ее на верное плечо, она стоит царства Божия». Однако предлагаемая им интерпретация была преждевременной. Папы еще очень настороженно относились к новому богословию покаяния, согласно которому никакой акт покаяния не может сам по себе полностью искупить грехи. Только через 50 лет Иннокентий III поддержал точку зрения Бернара. В его понтификат индульгенция перестала быть обещанием награды за искупительный покаянный акт, она стала гарантией Божьей благодати, милосердия и любви, ведь только Бог по великой милости своей мог принять покаяние и простить грехи. Не будет преувеличением сказать, что лишь в XIII веке индульгенция стала тем, что она есть, когда ее сформулировали на понятном людям языке (хотя и оставались еще нерешенными многие связанные с ней вопросы, в частности, Фоме Аквинскому пришлось отвечать на вопрос о том, с какого именно момента она вступает в действие).

С самого начала люди, ощущая себя заключенными в мир греха, из которого нет выхода, понимали, что крестовый поход дает им возможность очиститься и начать новую жизнь. Составлявшие ими дарственные грамоты выдержаны в тоне смирения и покаяния. Графы и бароны в самоуничижительных выражениях отказывались от имущества или прав, которые они оспаривали у Церкви или захватили силой. Становясь паломниками, представители знати, конечно, не хотели оставлять дома людей, и особенно членов

религиозного сообщества, имевших к ним претензии или обиды. В 1101 году Эд I Бургундский вместе с главными своими вассалами «прибыл на собрание капитула монастыря св. Бениня Дижонского... и, сидя в окружении монахов... я исправил те несправедливости, которые чинил до сих пор. Я признал свою вину и, взывая к милосердию, попросил отпустить мне грехи. В случае же моего возвращения [из крестового похода] я пообещал не совершать в будущем дурных поступков». Похоже, что он устроил подобную же церемонию и в Жеврей-Шамбертене, где отказался от несправедливой тяжбы с тамошними клюнийскими монахами.

Приготовления к крестовым походам всегда проходили в атмосфере раскаяния. Во время второго крестового похода поговаривали о том, что король Франции Людовик УП-взял крест либо в печали по тем, кто погиб, когда сгорела церковь во время его нападения на Витри в 1144 году, либо для того, чтобы искупить свой отказ признать нового архиепископа Буржского. Король германский Конрад III принял крест под впечатлением проповеди святого Бернара Клервосского, слушая которого, он осознал, что и его не минет Страшный Суд. Филипп Глостерский принял обет после болезни, которая остановила его от совершения убийства на почве кровной мести, а Гумберт де Боже – после того, как в видениях он слышал, что должен изменить свое поведение. Покаянные настроения достигли апогея, когда западный христианский мир испытал шок после захвата Иерусалима Саладином в 1187 году. Тон был задан папским посланием «АисНса СгетепсН», объявлявшим третий крестовый поход: «На всех нас лежит долг признать наши грехи и искупить их добровольным очищением, обратившись к Господу Богу нашему с раскаянием и делами благочестия; и мы должны начать с исправления самих себя и потом обратиться к злобе и предательству врагов наших». Далее в послании крестовый поход представляется как «возможность раскаяния и творения благих дел». И после этого повсюду началась проповедь этого похода в тех же покаянных тонах. Неудивительно, что и шестьдесят лет спустя нежелание крестоносца оставлять кого-либо в обиде на себя заставило короля французского Людовика IX назначить монахов-следователей для сбора и рассмотрения жалоб на королевских чиновников, а Жана де Жуанвиля – созвать свой феодальный суд для выслушивания всех обид, которые возникали бы у его вассалов.

К этому времени, однако, проявились и кое-какие новые веяния. «Он прибыл наиболее благородно из всех, поскольку галеры его были украшены и снизу и сверху ватерлинии изображениями его герба... На галере было не менее 300 гребцов, каждый с щитом, на котором красовался его герб, и к каждому щиту был прикреплен вымпел с вышитым золотом гербом. И по мере его приближения казалось, что галера летела, когда гребцы вели ее вперед, и казалось, что молнии сверкают на небе при шелестении вымпелов и звуках цимбал, барабанов и сарацинских труб». Так Жан де Жуанвиль описывал прибытие в Египет Жана д'Ибелина, графа яффского. Папы не одобряли пышность и роскошь – в посланиях о втором и третьем крестовых походах содержались строгие указания на этот счет, однако развитие светской рыцарской культуры, в которой христианство в своем мирском (в отличие от чисто церковного) аспекте сочеталось с военными и аристократическими традициями, усиливало такие всегда присущие крестоносному движению тенденции, как стремление к чести и к славе. Начиная по крайней мере с четвертого крестового похода, крестоносное движение стало куртуазной «авантюрой», приключением, высшим достижением рыцарской доблести. В крестоносное движение, ставшее неотъемлемой частью европейской жизни, были привнесены светские идеалы; равновесие между понятиями священной войны и рыцарскими подвигами нарушалось.

Может быть, конечно, крестоносное движение и всегда было более мирским, чем духовным, каковым рисуют его исторические свидетельства. Большинство повествовательных памятников о первом, втором и третьем походах принадлежат перу представителей духовенства, и только в XIII веке после появления цикла о крестовых походах «Рыцарь лебедя», вошедшего в канон рыцарской литературы, рыцари – Жоффруа де Виллардуэн, Робер де Клери, Конон де Бетюн, Тибо Шампанский, Жан де Жуанвиль –

обрели свой голос как в стихотворных, так и в повествовательных описаниях походов. Развитию светской рыцарской культуры способствовали три фактора. Первый – практика экспедиций на Восток рыцарей, не принимавших крестоносного обета. Начало традиции оказания помощи Святым Местам или христианским поселениям положили в 1099 году Гальдемар Карпенель де Даргуар и Вильгельм V де Монпелье. В конце XIII века наиболее известным рыцарем-некрестоносцем, воевавшим на Востоке, был Жоффруа де Сержен. Подобная практика продолжалась вплоть до XVI века, примером чему служит помощь рыцарям-госпитальерам на Родосе. Такие действия характеризовались в преждевременном куртуазных тонах, начиная, по крайней мере, уже с 1120-х годов, когда временное пребывание где-то после 1102 года в Святой Земле Карла Фландрского (Карл Благо Фландрии) описывалось языком, более свойственным XIV веку, и называлось «prouesse» (рыцарская доблесть) в служении Богу. После того как его посвятили в рыцари, Карл отправился в Иерусалим «и там, подняв оружие на языческих врагов нашей веры... боролся за Господа нашего Иисуса Христа и... посвятил Ему первые плоды своих трудов и подвигов».

Вторым фактором было усиление роли вассальных отношений в наборе участников крестовых походов. Конечно, вассальные отношения всегда играли в этом важную роль, однако во времена ранних крестовых походов не менее важное, а может, и более существенное значение имели семейные связи. В первый крестовый поход целые группы крестоносцев посылались знатными и рыцарскими семьями и семьями кастеллянов – смотрителей замков в Лимузене, Фландрии, Лотарингии, Провансе, Иль-де-Франсе, Нормандии и Бургундии, например графами бургундскими и кастеллянами Монтлери из Иль-де-Франса. Из пяти сыновей графа бургундского Вильгельма Сорвиголова трое отправились в крестовый поход, а четвертый, папа (Пасхалий) *имя папы в оригинале книги пропущено*. – Автор OCR II, проповедовал поход 1120–1124 годов. В крестоносном движении приняли участие и внуки Вильгельма. Три члена рода Монтлери отправились в первый крестовый поход вместе с удивительно большим количеством членов родственных семей, из которых семья Шомон-ан-Вегзен послала четырех крестоносцев, Сен-Валери – трех, Бруа, Ле-Бурк де Ретель и Ле-Пюис – по два, а Куртене и Понт-Эшенфрей – по одному. Два поколения этого рода в то время выставили в общей сложности двадцать три крестоносца и поселенца, из которых шесть стали первыми фигурами на Латинском Востоке.

Приверженность целых семей крестоносному движению прослеживается также и в вопросе о расходах. При необходимости получения наличных денег семьи соглашались на заклад земель. Можно сказать, что многие из них разрабатывали наиболее разумную линию поведения, продавая имущество (такое как церкви и десятины), их право на которое и так все чаще оспаривалось по мере роста реформаторского движения. Вероятно, для решения подобных вопросов родственники собирались на семейные советы. Сообщение об одном таком совещании сохранилось в бретонском документе. Крестоносец Тибо де Плоасм сообщил своему брату Гильему, что без финансовой помощи он вынужден будет продать свое наследство. Гильем не хотел, чтобы брат потерял свою часть поместья, и достал нужную сумму, продав часть доли в мельнице, которая и так уже была заложена. Некоторые другие довольно сложные сделки дают основания полагать, что им предшествовали внутрисемейные совещания. Гуго де Шомон-сюр-Луар, владелец Амбуаза, заложил в 1096 году свои владения кузену Роберу де Рошкорбону; сверх того его дядя по материнской линии дал племяннику значительную сумму денег. Танкред, норманнский рыцарь из Южной Италии, обошелся без продажи своей доли наследства, потому что ему помог деньгами его опекун. Саварик де Вержи купил феод своего племянника и немедленно заложил его, чтобы дать последнему денег. Перед отбытием со своим сыном Жоффруа из Туара Фантен оставил одну часть своих земель жене, а другую – Жоффруа, последний же немедленно продал ее матери.

Можно найти объяснения тому, почему некоторые семьи были как бы предрасположены к участию в крестоносном движении. Это – давние семейные традиции

паломни-скому монашескому движению и сочувствие реформаторскому церковному движению, почитание некоторых конкретных святых. Жены часто приносили с собой в семью мужа традиции своего рода. Из четырех сестер Бургундского графского дома три были женами первых крестоносцев, а четвертая стала матерью участника крестоносного движения. Хотя, вероятно, клан Ле-Пюис обладал своими собственными подобными традициями, небезынтересно, что мать семейства была одной из четырех сестер Монтлери, которые все были женами или матерями крестоносцев. По этому пути последовали и обе ее дочери.

Конечно, и в XIII веке семьи не потеряли своего значения, и крестоносные традиции, передававшиеся из поколения в поколение, продолжали подчинять себе тех, кто был в состоянии взять крест, но, когда феодальные отношения достигли своего пика, наиважнейшим фактором стали сеньориально-вассальные связи. Это повлияло даже на образ Христа, каким его представляла крестоносная проповедь, всегда принимавшая во внимание настроения своей аудитории. Если раньше Христос, как правило, сравнивался с отцом, потерявшим свою наследственную долю и призывающим своих сыновей вернуть ему ее, то теперь все чаще перед слушателями возникал портрет властелина, требующего от своих подданных выполнения службы. Образ Христа-властелина можно найти уже в песне времен второго крестового похода: «Господь был тяжело опечален потерей своего наследия. Он желает испытать друзей своих и вассалов своих на верность. Если кто-либо имеет феода от сеньора своего и бросает сеньора, когда тот подвергается нападению и теряет свое наследство, такой вассал по всей справедливости должен быть лишен феода. Вы владеете своим телом, своей душой и всем, что есть у вас, по благосклонности высшего императора; сегодня он призывает вас на помощь в бою и, хотя не связаны вы с ним по феодальному закону, он предлагает вам такие богатые награды, как отпущение всех грехов ваших, как бы тяжело вы ни согрешили и какое бы наказание ни заслуживали, и как жизнь вечную, что должны вы поспешить на помощь ему по доброй воле».

Третьим фактором стали крестовые походы в другие регионы. Полные энтузиазма крестоносцы часто рвались воевать на нескольких фронтах. Леопольд VI Австрийский участвовал в крестовых походах в Испанию и в Лангедок, воевал в третьем и пятом крестовых походах и принял крест для участия в четвертом. Французский рыцарь Петр Пийар сопровождал Людовика IX в обоих его походах на Восток и участвовал в походе Карла Анжуйского в Южной Италии. К XIV веку среди рыцарей распространилось мнение, что географический регион их крестовых подвигов – вещь второстепенная, важнее всего – бороться с врагами Христа, где бы те ни находились. Они проявляли «странное безразличие к тому, где и с кем воевать». Естественно, не все другие театры войны имели те же традиции паломничества, что и Иерусалим.

В начале XIII века мы видим попытку руководителя крестоносного движения в Прибалтике создать культ Матери Божьей в Риге, распространяя миф о том, что Ее вдовья часть наследства (как бы в параллель отцовской доле наследства Христа) – это земли ливонские. С течением времени в крестоносном движении произошло смещение центра тяжести с освобождения или защиты Иерусалима (или вообще помощи Святой Земле) на защиту христианского мира вообще. Кампании помощи Христианской республике (как часто называли христианский мир) все чаще и чаще производили впечатление войны в защиту государства, а не войны как акта благочестия. В XIV веке действия крестоносцев в Северной Африке или в Европе характеризовались понятиями служения Христу своей доблестью (проиеззе), почти лишенной покаянного смысла.

Вполне возможно, что самый знаменитый пример кризиса крестоносного движения после 1291 года – падение ордена тамплиеров, описанное в главе 9, – способствовал частичной секуляризации движения. В обвинениях, предъявленных тамплиерам, говорилось, в частности, что они якобы отрицали божественность Христа, Его распятие и даже сам крест. Их обвиняли в том, что при ритуале вступления в орден они плевали на распятие, топтали его ногами и даже мочились на него. Подобные обвинения были бы ужасны в любом

христианском обществе, но тогда они представляли еще и особо резкий вызов идее, лежащей в основе крестоносного движения, и традициям, основой которых были власть Христа и образ креста. Французское правительство предало эти обвинения широкой гласности, и обществу предстала отвратительная картина известного ордена, претендующего на воплощение в традиционной религиозной форме идеалов крестоносного движения и в то же время богохульственно отрицавшего свои же собственные основы. Эти обвинения, безусловно, нанесли сильный вред крестоносному движению.

По мере своего превращения к XIII веку в неперемнный атрибут средневековой жизни крестоносное движение становилось и менее радикальным. Светские рыцарские идеалы способствовали некоторому размыванию революционной идеи, заявленной в 1095 году. Понимание войны как акта покаяния и благочестия, конечно, оставалось и даже продолжало проповедоваться, хотя и во все более декоративной форме, рыцарями-госпитальерами на Мальте вплоть до XVIII века. Но оно уступило ведущее место более традиционному образу военного служения Христу. Идея покаянной войны, одно из наиболее радикальных направлений европейской мысли, была слишком неудобной для того, чтобы обеспечить себе постоянное место в богословии и практике христианского насилия.

Глава 5

Песни

МАЙКЛ РАТЛЕДЖ

Литература всегда отражает проблемы своего времени, в противном случае ее никто не читает; иначе говоря, она не может стать популярной. Но в средние века слова «литература» и «популярный» означали не совсем то, что означают сегодня. Например, песни первой и второй мировых войн становились популярными благодаря массовому распространению либо через ноты (что подразумевало не только всеобщую грамотность, но и немалое число людей с музыкальным образованием), либо через концертные залы, либо через граммофонные пластинки и радиозаписи. Однако эти песни вряд ли можно назвать «литературой», хотя они и были очень популярны. С другой стороны, никто не будет оспаривать литературные достоинства военных стихов Уилфрида Оуена и Руперта Брука или же таких романов, как «На Западном фронте без перемен», «Молчание моря» и «По ком звонит колокол», хотя они и не стали столь популярны, как песни, то есть не распространялись так же широко и быстро.

В средние же века в силу ограниченной грамотности литература отражала заботы и интересы лишь грамотного класса: того класса, который и создает и читает литературу. «Популярный» означало популярность в аристократических кругах – при дворах, в замках. «Литературой» тогда называлось все то, что писал для своих слушателей образованный человек. Существовала еще и литература на латинском языке, предназначенная для высокообразованных чиновников и клириков. Но ни она, ни «официальные» жанры, такие, как хроники, история и анналы, не будут рассматриваться в этой главе. Нас интересует только то, что люди считали развлечением, то есть слышали, видели на сцене и т. п., хотя это и не исключало назидательных, пропагандистских и просветительских функций материала.

Четыре первых крестовых похода совпали по времени с периодом бурного развития во Франции и Германии литературы на национальных языках, в которой нашло отражение и крестоносное движение. Этот период называли «Возрождением XII века», что вполне справедливо, по крайней мере в отношении литературы. Во Франции и в Германии появляются произведения героического эпоса – самую старую известную нам французскую эпическую поэму «Песнь о Роланде» почти наверняка можно датировать временем первого крестового похода. «Chanson d'Antioche» («Песнь об Антиохии»), рассказывающая об осаде этого города в 1098 году, дошла до нас в двух версиях – французской и провансальской. «Canço de la Crotzada» («Песнь о крестовом походе») повествует на провансальском языке о

событиях Альбигойского крестового похода. Сохранились и более традиционные исторические описания, например сочинения Робера де Клери и Жоффруа де Виллардуэна.

Старофранцузские эпические поэмы именуются «жестами» или «Рассказами о деяниях» – «Chansons de geste» (geste – деяния, подвиги, совершенные одним или несколькими героями или целым родом). Вопрос о том, насколько верно эти поэмы отражают крестоносное движение, является спорным. Действие наиболее известной и самой ранней поэмы «Песнь о Роланде» основывается на действительном историческом событии. В 778 году Войска Карла Великого возвращались из Испании после удачной военной экспедиции. В Пиренейских горах в Ронсевальском ущелье на арьергард Карла напали либо баски (по сообщениям хроник IX века), либо мавры из Сарагосы (по словам арабского хрониста XIII века Ион аль-Асира) и перебили франков, причем погибли сенешаль Эггихард, начальник королевской гвардии Ансельм и маркграф Бретонской марки Роланд. Сегодня, по прошествии столетий, уже трудно сказать точно, были ли нападающие маврами и насколько серьезен был бой. В «Песне о Роланде» единичное военное столкновение превращено в крупную конфронтацию между империей Карла и силами ислама, которая заканчивается завоеванием Сарагосы и насильственным крещением ее жителей.

День миновал, и ночь на землю пала.
Луна взошла, и звезды засверкали.
Взял город Сарагосу император.
Он тысячу баронов посылает —
Пусть синагоги жгут, мечети валят.
Берут они и ломы, и кувалды,
Бьют идолов, кумиры сокрушают,
Чтоб колдовства и духу не осталось.
Ревнует Карл о вере христианской,
Велит он воду освятить прелатам
И мавров окрестить в купелях наспех,
А если кто на это не согласен,
Тех вешать, жечь и убивать нещадно.
Насильно крещены сто тысяч мавров,
Отсрочку только Брамимонде⁶ дали:
Пусть в милый край французский едет с Карлом
И добровольной христианкой станет.

(«Песнь о Роланде», CCLXV, перевод со старофранцузского
Ю. Корнеева)

В «Песни о Роланде» нет ни одного упоминания о крестовых походах, и не раз приводились обоснованные аргументы в пользу того, что образ мусульман в этой поэме никак не соотносится с тем, что знал поэт XI века о мусульманах в Испании или в Палестине. Тем не менее представленный в «Песни о Роланде» образ мусульман как чудовищ и идолопоклонников имеет параллели и в других произведениях. Более того, мы вполне допускаем, что автор «Песни» понимал, что его произведение может использоваться и в пропагандистских целях. Однако надо признать, что в старофранцузском эпосе конкретные указания на крестовые походы в Палестину очень редки.

В тот же период существовала литература на народных языках, в которой тема крестовых походов появилась примерно с середины XII века. Это – так называемые «крестовые песни». К сожалению, «крестовых песен» времен первого крестового похода не сохранилось, но от этого периода вообще очень мало осталось написанного на народном языке. Самые ранние известные нам песни относятся ко второму крестовому походу или к

⁶ Брамимонда – жена правителя Сарагосы.

Реконкисте, они написаны на старопровансальском или старофранцузском языках. Неоднократно вспыхивали споры о том, что такое «крестовая песнь», и действительно, песен, в которых крестовый поход был бы главной темой, очень немного. И все же во многих дошедших до нас произведениях крестоносное движение играет роль либо одной из тем, либо аллегории. Сохранилось 106 таких песен на провансальском языке, около 40 – на французском, 30 – на немецком, 1 – на испанском и 2 – на итальянском. Признавая трудность точного определения «крестовой песни», мы будем для простоты называть так любую песню, в которой упоминаются крестовые походы, будь то походы на Восток, в Испанию, во Францию или в Италию.

Говорить о крестовой песне как о жанре невозможно – упоминания о крестовых походах можно найти в произведениях различной поэтической формы. Среди наиболее ранних песен, написанных провансальскими трубадурами Маркабрюном и Серкамоном, известны сирвенты (строфические песни на политические или общественные темы или же направленные против личных врагов) и разновидность пастурели (лирические пьесы, изображающие встречу поэта с девушкой, оплакивающей отсутствие своего возлюбленного). Позднее появляются канцоны – любовные песни (например, песни зрителя замка Куси [1188/1191] и почти все немецкие песни), плачи по павшим героям (например, плач Гаусельма Файдита по Ричарду 1 Английскому [1199]), похвалы типа «Сетования о монсиньоре Жоффруа де Сержене» (1255/ 1256) Рютбёфа и тенсоны (спор или прение), такие как «Гостил я в раю на днях» (1194) Монаха Монтаудонского. Как мы видим, нет никаких указаний на то, что поэты создавали новые формы или жанры специально для того, чтобы говорить о крестовых походах.

Со времени второго крестового похода сохранилось очень мало песен – одна на французском языке и, может быть, десять на провансальском. В этих песнях и в тех, которые сохранились от нескольких последующих десятилетий, о походах в Испанию говорится так же часто, как и о походах на Восток. Начиная с 1160 года значительно возрастает количество и популярность трубадуров и их северных коллег труверов; соответственно о третьем и четвертом крестовых походах сохранилось гораздо больше песен и стихов. Большинство «крестовых песен» немецких миннезингеров также относятся к этим походам. А в южнофранцузских песнях встречаются завуалированные намеки и на альбигойские войны. Походы XIII века отражены в целом ряде песен, главным образом – французских и немецких.

Если утверждение, которым начинается эта глава, справедливо, то можно и не задаваться вопросом, почему крестовые походы так часто упоминаются в песнях трубадуров, труверов и миннезингеров, тем более что некоторые из поэтов сами были известными крестоносцами. «Крестовые песни» писали как руководители походов (например, Тибо IV, граф Шампанский, и Фолькет, епископ Тулузы во время Альбигойского похода), так и крупные магнаты (например, Конон де Бетюн и Г и де Куси) и простые рыцари. К тому же благосостояние многих трубадуров зависело от щедрости владетельных крестоносцев. Например, трубадур Раймбаут де Вакейрас в песне-послании к Бонифацию Монферратскому напоминает о былых благодеяниях последнего и о том, как они вместе участвовали в осаде Константинополя. В стихах, воспевающих героем крестовых походов, часто встречаются упоминания об их щедрости. Хорошим примером сказанного служит диалог монаха-трубадура Монаха Монтаудонского с Богом. Бог спрашивает монаха, почему он не попросил помощи короля Ричарда:

Монах, потерпел ты крах,
Когда не пошел вдогон
За тем, чей лен – Олерон;
Так нот: кто был с ним в друзьях,
Кого он спас в свое время,
Кто знал, что в его ларах
Вес стерлингов не сочтен, —

И предал! – король не с теми.

Господь, этой вашей взмах
Десницы к тому, что он
Не встречен, ибо пленен,
Привел – все в ваших руках;
Плывет сарацинов племя
К Акре на всех парусах,
И, значит, тот обречен,
Кто вдел ради вас ногу в стремя.

(«Гостил я в раю на днях», перевод А. Нашита)

В песне упоминается пленение Ричарда королем Австрии. Леопольдом, когда Ричард возвращался в 1192 году из Акры. Схожая идея, выраженная в таком же шуточном тоне, встречается и в стихотворении парижского поэта Рютбёфа:

На скупость люди стали прытки.
От смерти я терплю убытки
(О мой король, нет хуже пытки!):
Пустились все мои друзья
За вами вслед, собрав пожитки,
В Тунис, где лютый враг в избытке,
Где люд опаснее зверья.

(«О собственной бедности», 1270 год, перевод А. Ларина)

Рютбёф жалуется на то, что в результате крестового похода Людовика погибли те, кто оказывал поэту материальную поддержку.

Могущественные покровители поэтов и сами поэты не только следили за происходящими событиями, но и часто сами участвовали в них. Однако это не единственное объяснение тому, что крестовые походы играли столь важную роль в куртуазной поэзии этого периода.

Ведь для участия в крестовых походах необходимы были именно те качества, на обладание которыми претендовали все знатные бароны и графы и которые отличали их от людей, принадлежавших к другим социальным группам. А поскольку существовала прямая связь между знатным происхождением и землевладением, то некоторые из этих качеств можно назвать феодальными. В их число входили верность сюзерену, следование вассальному долгу *auxillium* (вооруженная помощь при нападении врагов) и *consillium* (советы и отправление правосудия). Причем крестоносное движение чаще всего описывается именно в таких понятиях. В Святой Земле видят законную территорию Господа, которую захватили разбойники и которую вассалы обязаны вызволить любыми способами. Если они этого не сделают, то они изменяют своему феодальному долгу. В одной из песен (1189 год) говорится: «...Проклят должен быть тот, кто покинет своего сеньора в беде». А самая ранняя известная нам «крестовая песня», датируемая примерно 1145–1146 гг. (автор неизвестен), описывает эту ситуацию еще яснее:

Chevallier, mult estes guariz
Quant Deu a vus fait sa clamor
Des Turs e des Almoraviz
Ki li unt fait tels deshenors.
Cher a tort unt ses fieuz saiziz;
Bien en devums avoir dolor,
Cher la fud Deu primes servi

E reconnu pur segnuur.

(«Рыцари, счастливы вы, что Господь Бог воззвал к вам о помощи против турок и альморавидов, которые совершили против Него такие бесчестные дела. Они незаконно захватили Его феоды, и мы должны это оплакивать, ибо впервые именно там совершались Господу службы и признавали Его господином».⁷⁾

По аналогии с феодальными представлениями Бог изображается сеньором, а рыцари – вассалами, обязанными оказывать своему сюзерену всяческую помощь и поддержку. Рефрен песни сулит райское блаженство всем, кто последует за королем:

Ki ore irat od Loovis
Ja mar d'enfern n'avrat pouur,
Char s'alme en iert en Pareis
Od les angles nostre Segnor.

(«Всякий, кто последует теперь за Людовиком, может не бояться ада, потому что душа его будет в раю с ангелами Господними».)

Рыцарям напоминает о воинской доблести, которую они должны проявить, выполняя свой долг перед Христом: «Рыцари, подумайте хорошо, вы, которые так прославились своим умением владеть оружием, отдайте ваши тела как дар Тому, Кого распяли за вас». В этой песне Людовик VII представлен как образец рыцаря Христова: описано, как он отказывается от богатства, власти и земель, то есть ведет себя как человек, уходящий от мира ради того, чтобы вести святую жизнь. Затем вспоминаются раны Христа и Страсти Господни. И это не просто благочестивое напоминание: это делается с намерением возбудить в слушателях желание отомстить врагам Господним. «Теперь Он зовет вас, ибо ханааниты и злобные последователи Зенги причинили много зла Ему, и теперь идите и дайте им то, что они заслужили!». В песне столкновение рыцарей с мусульманами выходит за рамки событий земных, оно представлено как столкновение сил ада и рая: Бог созывает своих друзей и назначает время и место турнира – Эдессу; призом будет спасение, месть же Бога будет осуществлена руками крестоносцев. Им напоминают, как Моисей разделил воды Красного моря и как фараон и его приверженцы утонули (это один из нескольких случаев, когда в песнях мусульмане отождествляются с последователями фараона).

Во многих песнях крестовый поход прославляется как возможность для рыцарей и баронов проявить все те качества, которые отличают людей истинно благородных и верных Христу.

Мы восхваляем наши имена,
Но станет явной скудость суесловий,
Когда поднять свой крест на рамена
Мы в эти дни не будем наготове.
За нас Христос, исполненный любви,
Погиб в земле, что туркам отдана.
Зальем поля потоком вражьей крови,
Иль наша честь навек посрамлена!

Земная жизнь была забот полна,
Пускай теперь при первом бранном зове
Себя отдаст за Господа она.

⁷ Здесь и далее прозаические пересказы песен даются в переводе с английского.

Войдем мы в царство вечных славословий,
Не будет смерти. Для прозревших внове
Блаженные наступят времена,
А славу, честь и счастье уготовит
Вернувшимся родимая страна...

Господь сидит на царственном престоле, —
Любовь к Нему отвагой подтвердят
Все те, кого от горестной юдоли
Он спас, прияв жестокий смерти хлад.
Простит Он тех, кто немощью объят,
Кто в бедности томится иль в неволе,
Но все, кто молод, волен и богат,
Не смеют дома оставаться в холе.

**(Конан де Бетюн, «Увы! Любовь, зачем ты мне велела», пер.
Е. Васильевой)**

Такого рода наставления служат не только подходящими темами для «крестовых песен», но они еще и прекрасно соответствуют очень важному поэтическому правилу. Средневековых ученых и поэтов учили, что два важнейших принципа риторики – это хвала и порицание. И еще их учили думать и рассуждать в диалектических схемах. Таким образом, идеология крестоносного движения предоставляла идеальную тему для литературы того времени: те, кто отзывался на призыв, были достойны похвалы, а те, кто оставался глух, заслуживали порицания.

«Все трусы здесь останутся, те, кто не любит ни Бога, ни добродетель, ни саму любовь, ни достоинство. Каждый из них говорит: „Но что будет с моей женой? И я ни за что на свете не покину своих друзей“. Такие люди рассуждают глупо, ибо нет более истинного друга, чем Тот, который был распят за нас.

Те же храбрые рыцари, которые любят Бога и честь этого мира, Отправятся в путь, ибо они мудро желают прийти к Богу; но сопливые, с блеклыми щеками – останутся. Они слепы, я в этом не сомневаюсь, те Люди, которые отказываются хоть раз в жизни помочь своему Богу и теряют честь мира сего».

(Тибо Шампанский, «Seigneurs, sachiez, qui or ne s'en ira»)

Трубадур Маркабрюн особенно умело пользовался такими приемами:

«Ибо Господь, который знает все, что есть, и все, что будет, и все, что было, обещал нам корону и титул императора. И красота тех, кто пойдет к месту омовения – ...превзойдет красоту утренней звезды. Но только в том случае, если мы отомстим за то зло, которое было сотворено Богу нашему здесь и по направлению к Дамаску.

Так много людей следуют примеру Каина, первого преступника, и никто не служит Богу. Мы увидим, кто Ему истинный друг, ибо, силой места омовения, Иисус будет жить среди нас, а негодяи, верящие в прорицания и ворожбу, обратятся в бегство.

И пусть распутные пьяницы, обжоры, пузогреи и всякая рвань придорожная останутся вместе с трусами; Бог желает испытать в месте омовения доблестных и здоровых, а другие пусть охраняют свои жилища и выдвигают всяческие объяснения, и потому я отсылаю их к их позору».

(Маркабрюн, «Мир во имя Господне»)

«Место омовения», о котором говорит Маркабрюн, – аллегорическое название крестового похода в Испанию. Эта песня – одна из самых ранних (около 1149) и самых известных песен о крестовых походах. Пожалуй, именно в ней лучше всего выражена мысль поэтов о том, что в крестовом походе *cortezia* (куртуазия) проверяется на деле, паоход является как бы нравственной пробой на истинную куртуазию. Маркабрюн объясняет нежелание некоторых баронов поддержать испанскую экспедицию отсутствием у них *joven* – буквально «молодости», «юности», но под этим словом имеется в виду не возраст, а набор качеств, которые должны отличать, по мнению Маркабрюна и других трубадуров, молодых рыцарей и баронов, а именно: душевная щедрость, молодая энергия, преданность и верность. Те же, кто отказывается от участия в этой экспедиции, «конченные люди, упавшие духом, потерявшие *proeza*; они не любят ни радости, ни удовольствия» (там же). *Proeza* означает воинскую доблесть и искусность в бою, и это же слово означает энтузиазм и стремление к честно заслуженной славе. В своих песнях Маркабрюн предстает строгим морализатором, бичующим праздность и немощность плоти. Он создаст портрет идеального барона – энергичного, склонного к аскетизму, жаждущего славы, добродетельного, достойного своего общественного положения. Сочетанием этого образа с религиозной аллегорией и диалектической структурой сирвенты идеальный барон и его обязанности отождествляются со славой и религиозным императивом крестового похода. Не идущие в поход изменяют ценностям своего класса:

Desnaturat son li Frances
Si de l'afar Deu dizon no...

(там же)

(«Французы противятся природе, если отказываются выполнять Господни труды».)

Современник Маркабрюна Серкамон также считает участие в крестовом походе свидетельством безупречной нравственности и способом избежать зла: «Теперь человек может омыться и освободиться от вины, кто каковую имеет; и если он достоин, он направится к Эдессе и оставит губительный мир, и таким образом сможет он избавиться от той ноши, которая заставляет многих спотыкаться и погибать» (Серкамон, «*Puois nostre temps comens`a brunezir*»). Из дальнейшего текста видно, что «ноша» – это *malvestatz*, слово, в которое Серкамон вкладывает значения алчности, гордости, вероломства, сластолюбия и трусости. А в сирвенте Пейре Вндаля «*Bagon, Jhesus qu'en crotz fon mes*» (около 1202) о крестовом походе говорится как о возможности отблагодарить Христа: «Бароны, Иисус, который был распят для спасения христиан, созывает нас и посылает возвратить Святую Землю, где он умер из любви к нам». При этом наказанием за отказ явиться на зов будут посмертное осуждение и потеря рая. Откликнуться же на зов означало отказаться от мира, то есть от места греха, где люди предают даже собственных друзей. Баварский поэт Альбрехт фон Иохансдорф, автор пяти песен о крестовых походах, предлагает интересную интерпретацию этой идеи. Указав на то, что Святая Земля еще никогда не подвергалась такой опасности (песня написана вскоре после победы Саладина при Гаттине), он приводит один из самых распространенных вопросов глупцов: «Почему Бог не может позаботиться об этом без нашей помощи?» Ответ же на это дается, исходя из того, что Христос принес себя в жертву не по необходимости, а из любви: «Он не должен был так страдать, но Он был исполнен жалости к нам. И если теперь ни один человек не исполнит жалости к Его кресту и Его гробу, он не достигнет райского блаженства» («*Die hinnen varn*»). Действия крестоносца отождествляются с искуплением Христом грешников. Крестовый поход предпринимается из жалости и любви. Трувер XII века, не оставивший нам своего имени, пел о том же:

«Вы, которые любите по-настоящему, проснитесь! Не спите! Жаворонок будит день и своей песней возвещает, что пришел день мира, который Бог в своей доброте даст тем, кто возьмет крест из любви к Нему и будет терпеть боль ночь и день. Тогда убедится Он, кто истинно любит Его.

Он, который был распят за нас, любил нас не равнодушной любовью, а любовью истинной и ради нас в страшных мучениях пронес Святой Крест в своих руках, на своей груди, как кроткий ягненок, простой и благочестивый: потом Его прибили тремя гвоздями, пронзив руки и ноги».

Трактовка крестового похода как акта любви была частью религиозной догмы того времени, однако по литературным (в отличие от церковных) источникам прослеживается и иная связь между крестовыми походами и любовью. Любовь была одной из главных тем средневековой лирики. Немецкие поэты даже назывались миннезингерами – Minnesänger, что означает «те, кто поет о любви». Обычно поэт говорил от имени человека, влюбленного – как правило, безнадежно – в неназываемую и недоступную Даму. Основными чертами этой fin'amor в песнях трубадуров, труверов и миннезингеров являлись бесконечное стремление к Даме, тоска по ней, неразрешимые трудности и восхваление любимой. Это могло обыгрываться самыми разными способами. Если на пути влюбленного встречалась неодолимая преграда, то он описывал ее: например, дама занимает такое высокое положение и обладает такой безупречной репутацией, она так «далека» от поэта, что он даже не надеется достичь тех высот, где она обитает. Могут встречаться трудности и опасности иного порядка: географическая удаленность, соперники, клеветники (их называли Iosegniers) или даже просто робость влюбленного. Неудивительно, что этот жанр стал использоваться для метафорического изображения крестового похода. Бесконечное стремление к Даме оборачивается в этих песнях еще не осуществленным намерением отправиться в крестовый поход или путешествие столь далеким, что ему не видно конца. В песне, написанной во время третьего крестового похода, Гартман фон Ауэ намеренно отождествляет Minne (любовь к прекрасной даме) с любовью Божьей, а крестовый поход – с ответом на эту любовь:

Привет прощальный мой собрату и соседу.
Поклон мой вам, друзья и господа!
Меня спросить хотите вы, зачем я еду?
Откроюсь вам без ложного стыда.
Любовь меня взяла в полон, и дал я ей обет:
По вольной воле буду я покорен ей во всем.
Она велит, и я иду святым путем.
Кто клятву не сдержал, тому спасенья нет.

(Перевод В. Микушевича)

И только во второй строфе автор дает понять, что имеет в виду крестовый поход. Однако чаще поэты предпочитали сопоставлять идею крестового похода с человеческой любовью не через аллегория, а просто используя традиционную лексику любовной поэзии. В наиболее ранних песнях крестовый поход видится глазами женщины – возлюбленной ушедшего крестоносца. В качестве примера приведем песню Маркабрюна «Близ родника, среди сада» (около 1147 года). Она начинается кратким описанием весенней природы – некоего идиллического пейзажа, что было присуще жанру пастурели. В пастурели обычно лирический герой песни – чаще всего рыцарь – встречает девушку. Девушка поет о горестях и радостях любви, рыцарь же пытается добиться ее благосклонности, но получает отказ. Вот как это выглядит у Маркабрюна:

Владельца замка дочь, она
Была здесь без друзей, одна;
Я, все, чем радостна весна,
Открыть прелестнице спеша,
Хотел сказать ей, как нежна
Листва и песня птиц звучна;
Она ж переменилась вдруг.

Пролились слезы, как родник,
И бедный вымолвил язык:
«О Иисус, сколь ты велик!
Тобой уязвлена душа:
Ты оскорблен был, но привык
Столь к поклонению, что вмиг
Находишь для отмщенья слуг.

Мой друг, чей благороден нрав,
Чей вид изыскан, величав
И смел, сейчас летит стремглав
К тебе, тем сердце мне круша;
Ах, знать, Людовик был не прав,
Их проповедью в бой подняв,
Коль мучит душу мне недуг».

(Перевод А. Наймана)

В этой песне король и крестовый поход играют роль клеветников, разлучающих влюбленных в традиционной канцоне. Интересно, что здесь девушка печалится и о потере Святых Мест, и об уехавшем освобождать их возлюбленном. Наш следующий пример более типичен для *chanson de femme* – женской песни, в которой девушка жалуется на свою несчастную любовь, обычно из-за того, что ее выдают замуж за нелюбимого человека, и находит утешение в мыслях о своем возлюбленном. Мы приводим песню Гвийо Дижонской (около 1190 года), рассказывающую о легендарной «дальней любви». Здесь преградой на пути к счастью является отсутствие возлюбленного-крестоносца. Девушка не смиряется с разлукой и черпает силы в эротических мыслях о своем любовнике и в необычном талисмани, который он ей оставил.

«Я буду петь, чтобы утешить свое сердце, ибо не хочу умереть или сойти с ума из-за моей горькой потери, когда я вижу, что никто не возвращается из этой чужой страны, где находится тот, кто один может успокоить мне сердце, даже когда я просто слышу разговоры о нем.

Господь, когда они кричат „Вперед!“, помоги тому пилигриму, за которого болит мое сердце, ибо сарацины – злодеи.

Я буду терпеть свою утрату, пока не истечет год. Он в паломничестве; да даст Бог, чтобы он вернулся из него! Но что бы ни случилось, я, наперекор своей семье, не выйду замуж за другого. Любой, кто заговорит со мной об этом, – глупец.

Господь, когда они кричат „Вперед!“ и т. д.

Однако я исполнена надежды, потому что я приняла его служение. И когда дует сладкий ветерок из той сладостной страны, где сейчас тот, кто мне так желанен, я с радостью поворачиваю туда лицо, и мне кажется, что я чувствую его под своей меховой накидкой.

Господь, когда они кричат „Вперед!“ и т. д.

Мне так жаль, что я не могла проводить его в путь сама. Он прислал мне рубашку, которую носил, чтобы я могла держать ее в руках. Ночью, когда любовь к нему мучит меня, я кладу ее рядом со мной в постель и до утра прижимаю к себе, чтобы облегчить свои страдания.

Господь, когда они кричат „Вперед!“ и т. д.»

Рефрен песни совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, где именно находится возлюбленный девушки.

Одним из наиболее частых мотивов «крестовых песен» был разлад тела с душой, борьба между стремлением к возлюбленной и долгом крестоносца, причем сердце могло отделиться от тела и пересечь пространство, разделяющее даму и ее рыцаря. Фридрих фон Хаузен, рыцарь-миннезингер из окружения Фридриха Барбароссы, убитый в третьем крестовом походе, обыгрывал этот мотив во многих своих песнях. Например:

С моим упрямым сердцем в ссоре тело,
Которое, собравшись на войну,
Разить уже язычников хотело,
А сердце, выбрав милую жену,
Не хочет оставлять ее одну.

(Перевод В. Микшевича)

Моделью для этой песни могло послужить стихотворение Конона де Бетюна (около 1188 года):

Увы! Любовь, зачем ты мне велела
В последний раз переступить порог
Прекраснейшей, которая умела
Так много лет держать меня у ног!
Но вот настал разлуки нашей срок...
Что говорю? Уходит только тело,
Его призвал к себе на службу Бог,
А сердце ей принадлежит всецело.

(Перевод Е. Васильевой)

Другим распространенным мотивом была «смерть за любовь». В женской песне неизвестного автора «Jerusalem, grant damage me fais» («Иерусалим, ты приносишь мне большое зло»), вероятно, написанной в середине XIII века, этот мотив переплетается с идеей крестового похода как акта любви: «Опора мне Господь! Мне нет спасенья: я и умереть должна, таков мой рок, но знаю я, тому, кто умирает за любовь, только день пути до Бога. О, я бы с радостью пустилась в этот путь, если б только могла найти своего любимого, который остается здесь совсем один». Слова «умирает за любовь» имеют здесь двойное значение – традиционную смерть от разбитого сердца (имеется в виду героиня) и смерть во время крестового похода ее возлюбленного, погибающего за любовь Божию. Таким образом, смерть женщины как бы уподобляется гибели рыцаря, и они оба оказываются на расстоянии однодневного пути от Бога. Эта строфа является классическим примером любовной поэзии и идеологии крестоносного движения. Она компенсирует почти вызывающие слова героини в первой строфе: «Иерусалим, ты приносишь мне большое зло», – настроение, которое мы уже встречали в пастурели Маркабрюна и которое присутствует в песне Ринальдо Аквинского «Gia mai non mi conforto» («Я уже никогда не утешусь», около 1228):

La crose salva la giente
E me facie diaviare,
La crose mi fa dolente

E non mi vale Dio pregare.
Oi me, crocie pellegrina,
Perche m' ai cosi distrutta?

(«Крест спасает людей, но меня сводит с ума, крест ввергает меня в печаль, и молитва не помогает мне. О, крест пилигримов, почему ты уничтожил меня?»)

Гартман фон Ауэ, однако, отводит женщине более позитивную роль: «Женщина, которая свободно посылает любимого мужа в этот путь и живет дома так, что все прославляют ее добродетель, получает половину его награды. Она будет здесь молиться за обоих, а он будет воевать за двоих» («Swelch vrowe sendet lieben man»).

До сих пор мы говорили об отражении в крестовых песнях социальных амбиций, религиозных представлений и литературных обычаев того времени, но что эти песни рассказывают о реальных событиях и обстоятельствах походов? Один из наиболее часто упоминаемых аспектов похода – опасность самого пути, что неудивительно, особенно если вспомнить об одном из первых трубадуров, герцоге Аквитанском Гильеме IX, который по дороге в Святую Землю потерял почти всех своих людей. Гаусельм Файдит, участвовавший в третьем крестовом походе, написал по возвращении домой песню «Del gran golfe de mar» (1192/1193), из которой явствует, что он не был в восторге от путешествия. Особенно не понравилось ему плыть по морю:

Под звон ручья среди дубрав
Брожу, забвению предав
И барки колыханье,
И шторм, и злодеянья
Морских разбойничьих орав.

(Перевод В. Дынный)

Автор признает доблесть и достоинства крестоносцев, но ему отвратительно, что некоторые из них пускаются в плавание лишь для грабежа и разбоя: «Любой, подвергающий себя таким неудобствам ради достижения Бога и для спасения своей души, поступает правильно, но если он пускается в море... чтобы грабить и со злыми намерениями, часто случается, что когда он думает, что он возвышается, то на самом деле он падает, и тогда в отчаянии он... выбрасывает все: душу и тело, золото и серебро». Мораль ясна, но, возможно, здесь есть и юмористический подтекст: те, которые отправляются в море со злыми намерениями, будут страдать от морской болезни!

Нейдхарт фон Ройенталь в песне «Ez grüonet wol diu heide» (вероятно, написанной во время экспедиции Фридриха II в 1228–1229 годах) обращается к родным, оставшимся дома: «Если спросят вас, как приходится нам, пилигримам, расскажите, как дурно обращаются с нами французы и итальянцы, поэтому мы устали от этого места... мы все живем в нищете и страданиях, более половины армии погибли...» Нейдхарт фон Ройенталь откровенно разочарован во всем предприятии, и его не остановит от возвращения домой такое сравнительно безопасное приключение, как морское путешествие: «Тот кажется мне глупцом, кто остается здесь в этом августе. Я бы посоветовал ему не медлить и возвращаться домой через море, это не так плохо. Нигде не может быть человеку лучше, чем дома, в его собственном приходе».

Сражения в песнях описывались редко. Действия мусульман обычно упоминаются вскользь или в общих выражениях: «...Церкви сжигаются и покидаются: Бог более не приносится в них в жертву...» («Chevalier mut estes guariz», написано по случаю взятия Эдессы). И только в единственной дошедшей до нас крестовой песне, написанной на испанском языке, содержится более или менее подробное (хотя, может быть, и полученное

из вторых рук) описание событий, последовавших за взятием Иерусалима хорезмийцами в 1244 году. Песня обращена к участникам 2-го Лионского собора (1274), и, несомненно, приводящиеся в ней ужасные подробности должны были иметь пропагандистское значение: «Потом проходят нежные девы, в цепях и муках. Они горько оплакивают постигшую их в Иерусалиме судьбу. Христиане видят, как их сыновей зажаривают живьем, их женам отрезают груди, пока они еще живы, они идут по улицам Иерусалима с отрезанными руками и ногами (так!). Они [мусульмане] делают одеяла из церковных одеяний, они превращают в конюшню Гроб Господень, они делают в Иерусалиме пики из святых крестов» («Au, Iherusalem!») То, как описываются здесь хорезмийцы, очень напоминает более ранние крестовые песни: «Эти маврские собаки удерживали священное жилище семь с половиной лет, они не боятся умереть, лишь бы захватить Иерусалим. Им помогают те, кто из Вавилона, и африканцы и из Эфиопии... Теперь за наши грехи черный день привел маврские полчища... Христиан мало, меньше, чем овец. Мавров много, больше чем звезд» («Au, Iherusalem!»).

Другой поэт, Гаваудан, в песне «*Senhor, per los nostres peccatz*» (1195) тоже высказывает мысль о том, что успехи мусульман в Святой Земле есть следствие греховности христиан; он опасается, что удачливость мусульман на Востоке может вселить в них мысль о захвате Испании: «Сеньоры, из-за наших грехов сила сарацин растет. Саладин захватил Иерусалим, который до сих пор не отвоеван; поэтому король Марокко разослал послания о том, что он вместе с вероломными андалузцами и арабами вооружится против христианской веры и будет воевать против всех христианских королей». Далее рассказывается о несметном войске мусульман и ненасытной жадности врага: более многочисленнее, чем дождевые капли, они захватывают поле боя и питаются падалью, после них ничего не остается. Поэт говорит об их гордости: мусульмане считают, что все принадлежит им и что все должны им поклониться. Упоминание же о родных местах его слушателей вполне могло означать, что Гаваудан пытался набрать желающих идти в крестовый поход путем запугивания: «Марокканцы, альморавиды захватили горы и поля. Они похваляются друг перед другом: „Франки, дайте нам дорогу! Прованс и Тулуза – наши, как и вся земля отсюда и до Ле-Пюи!“ Никогда еще не слышали мы из уст таких лживых собак и проклятых неверных такой дерзкой похвальбы». Затем он призывает не отдавать свое наследство этим *sas negres outramaris* (черным иностранным собакам) и спасти жителей Испании, оказавшихся в опасности. Мусульмане описываются здесь примерно так же, как и в «Песне о Роланде»:

Полк первый – ботентротцы на подбор.
Набрал эмир мейсинов во второй:
Люд этот волосат, большеголов,
Щетиной весь, как кабаны, зарос...

В десятом – люд из Оксианской степи,
Проклятый род, что в Господа не верит.
Не видел мир отъявленной злодеев.
Их кожа, как железо, отвердела,
Им не нужны ни панцири, ни шлемы.
Жестоки и хитры они в сраженье.

(«Песнь о Роланде», перевод Ю. Корнеева)

Грехи мусульман – гордость и неверие, они звероподобны, а сила их в количестве, которое выражается не числами, а перечислением чемов, из которых они происходят; их похвальба вызывает у христиан Грах перед вторжением и завоеванием.

Поскольку крестовые песни – это чаще всего сирвенты, в них гречаются и похвала и критика (как в адрес отдельных лиц, так и по поводу политических событий). Интересно, что Маркабрюн в сирвенте «*Lavador*» утверждает, что крестовые походы в Испанию важнее

восточных. Та же тема возникает и в песне Гаваудана, в которой он обращается к императору, королю Франции Филиппу II и его баронам и к королю Англии Ричарду I с призывом помочь Испании. Спасение зависит от выбора правильного пути: «Иисус Христос, проповедовавший нам, дабы мы не пришли к плохому концу, указывает нам правильный путь» («*Senhor, per los nostres peccatz*»). «Правильный путь» здесь – это не только обычная христианская метафора пути к спасению, но еще и указание на путь в Испанию.

Нередко поэты призывали баронов или королей взять крест и выступить в поход; они пытались подвигнуть сильных мира сего делать больше, чем делалось раньше. Гаусельм Файдит в сирvente «*Tant sui fermes e fis vas Amor*» (1188/1189) говорит о позоре, который ложится на всех из-за того

«...что лживый народ, не верящий в Христа, отнимает у Него Его наследие и оскорбляет Его в том самом месте, где Он страдал и умер. Всем надлежит ехать туда и, в первую очередь, принцам, занимающим столь высокое положение, и никто не может называться верующим и верным Ему, если он не поможет Ему в этот час.

Графу же, господину моему, я хочу сказать, что, поскольку он первым удостоился чести принять крест, пусть он заслужит похвалу Божию, а похвалы заслуживаются в самом походе!»

«Граф» – вероятно, Ричард, в то время граф Пуатевинский, одним из первых принявший крест после битвы при Гаттине. Практически вся «крестовая» карьера Ричарда Львиное Сердце отражена в песнях трубадуров. Он и сам писал песни, но его произведение «*Ja nus om pris ne dira sa raison*» не является крестовой песней, хотя и написано в Вене, во время пленения его Леопольдом на обратном пути из Святой Земли:

«Ни один человек, находящийся в темнице, не может иначе выразить свое состояние, как в плаче, но для того, чтобы утешиться, он может написать песню. У меня много друзей, но их дары скудны; позор им, если из-за выкупа я останусь здесь на две зимы.

Неудивительно, что мое сердце грустит, когда мой сюзерен попирает мои земли. Если бы он помнил о нашей клятве, которую мы оба произнесли, то, я уверен, я не находился бы более в темнице».

«Сюзерен» Ричарда – король Франции Филипп II – воспользовался пленением Ричарда для того, чтобы вторгнуться в Нормандию, несмотря на то что в декабре 1190 года они оба поклялись защищать земли друг друга во время крестового похода. Гаусельм Файдит и Пейроль оплакивают смерть Ричарда, оба они придерживаются невысокого мнения о других правителях: «Англия получила плохую замену королю Ричарду, а Франция с ее цветами имела хорошего короля и хороших баронов, и в Испании был хороший король, и Монферрат имел хорошего маркиза, а империя – уважаемого императора; я не знаю, как будут вести себя те, кто пришел вместо них» (Пейроль, «*Pus flum Jordan*»), Он писал это в 1221 или 1222 году, считая, что монархи его времени сильно проигрывают при сравнении с лидерами третьего крестового похода.

С началом Альбигойского крестового похода трубадуры оказались в довольно странной ситуации. Если в песнях, связанных с Реконкистой, злобными иноземными захватчиками были мавры, то для поэтов Лангедока таковыми становились французы. В 1209 году прошел слух об убийстве Раймона Роджьера, виконта Безье, по приказу Симона де Монсрора. Гильем Ожьер Новелла в своем плаче о нем употребляет те же выражения, в каких крестовые песни описывали мусульман: «Они убили его. Никогда еще не бывало большего преступления, никогда не было нанесено такого зла и никогда еще не было такого отступничества от воли Божьей, воли Нашего Господа, чем то, что сделали предатели-собаки, потомки вероломного Пилата, те, кто убил его» («*Quascus plor e planh*»). А Гильем

Фигейра в своих знаменитых сирвентах открыто обвиняет Рим сначала к потере Дамьетты (из-за «трусливых переговоров» папы), а потом в предложении французским крестоносцам ложного прощения грехов: «Рим, поистине я знаю, что, пообещав ложное прощение грехов, ты обрек баронов Франции на муки за стенами рая и ты же, Рим, погубил французского короля, выманив его из Парижа своей ложной проповедью» (D'un sirventes far'). «Ложное прощение грехов» и «ложная проповедь» – выражение точки зрения Гильема, который считал, что поход против катаров не являлся настоящим крестовым походом и поэтому участники его не могли и не должны были получать те же привилегии и индульгенции. Людовик VIII умер в Монпенсье в 1226 году от болезни, которой он заразился в Лангедоке. В то время как в крестовых песнях путь в рай традиционно отождествляли с крестовым походом, Гильем уверял в своих сирвентах, что именно эта экспедиция является препятствием к спасению: «Таким образом, как зимой, так и летом человек, идущий твоим путем, следует за плохим проводником, потому что дьявол унесет его в огонь ада» (там же).

Политические мотивы были довольно редки во французских и немецких песнях, до тех пор пока в конце XIII века не появились произведения парижанина Рютбёфа. Он писал в новой, более емкой, чем песни труверов, форме, называемой *dit* (изречение, сказание), что давало ему возможность выражать свои мнения, комментировать события и характеризовать людей. Его излюбленной темой были нищенствующие ордена, которые, как он считал, отвлекали от крестоносного движения и необходимые для того средства, и самого Людовика IX.

Подводя итоги, мы можем сказать о крестовых песнях следующее. Для поэта-исполнителя события крестовых походов поставляли Материал для сирвент, а также служили кладезем вариаций на тему куртуазной любви и различных аллегорических фигур и структур мысли. Для слушателей же (мы не должны забывать, что эти песни создавались для немедленного исполнения) они в занимательной и приятной форме представляли информацию и пропаганду, которые обычно приходилось выслушивать из уст проповедников и писцов. Одновременно с этим песни помогали слушателям определить свое место в мире и показывали им, как крестовые походы могут дать им возможность проявить добродетели своего класса. Однако при этом в песнях отражались и беспокойство, и неуверенность поэтов во времена неудач, их протесты против несправедливости или против злоупотребления Божьим делом.

Мы закончим эту главу стихотворением Тибо Шампанского, которое так и называется – «Песнь о крестовом походе»:

Будь милостив, Господь, к моей судьбе.
На недругов Твоих я рати двину.
Воззри: подъемлю меч в святой борьбе.
Все радости я для Тебя покину, —
Твоей призывной внемлю я трубе.
Мощь укрепи, Христос, в своем рабе.
Надежному тот служит господину,
Кто служит верой, правдою Тебе.

Я покидаю дам. Но, меч держа,
Горжусь, что послужу святому храму,
Что вера в Бога сил в душе свежа,
Молитвенно летя вслед фимиаму.
Дороже вера золота: ни ржа,
Ни огонь ее не ест: кто, дорожа
Лишь ею, в бой идет, не примет сраму
И встретит смерть ликуя, не дрожа.

Владычица! Покровом окружа,
Дай помощь! В бой иду, Тебе служа.
За то, что на земле теряю даму,
Небесная поможет госпожа.

(Перевод С. Пинуса)

Глава 6

Латинский Восток

1098–1291

ДЖОНАТАН ФИЛЛИПС

Первый крестовый поход положил начало присутствию в восточном и Средиземноморье латинского христианства, которое продолжалось почти 200 лет. В этом походе участвовали отряды из разных регионов Европы, в том числе из Фландрии, Нормандии, Лангедока и Лотарингии, но, несмотря на это, всех обосновавшихся в Леванте крестоносцев и мусульмане, и сами восточные латиняне называли франками. Захват Кипра в 1191 году укрепил позиции латинян, и этот остров оставался христианской колонией еще долго после падения всех материковых поселений. После разграбления Константинополя в 1204 году Крестоносцы распространили свою власть на большую часть Византийской империи. Греки, впрочем, довольно скоро отвоевали почти все свои территории, однако латинское княжество Ахайское и венецианский Крит просуществовали еще довольно долго. Каждое из этих западных поселений имело свой неповторимый облик. В этой главе мы рассмотрим историю этих поселений и то влияние, которое они оказали на захваченные земли.

Латинский Восток, 1098—1187

Между 1098 и 1109 годами франки основали четыре поселения в восточном Средиземноморье: графство Эдесское, княжество жнтиохийское, королевство Иерусалимское и графство Триполи. Вопрос о том, являлись ли эти территории западноевропейскими колониями, спорен. Некоторые историки считают, что само понятие «колониализм» обременено слишком многочисленными ассоциациями, чтобы употреблять его применительно к изучению истории крестоносного движения. При слове «колониализм» вспоминаются такие события, как британские поселения в Северной Америке или испанское вторжение в Новый Свет. Разделяя традиционную точку зрения, эти ученые считают, что колония должна либо находиться под политическим управлением метрополии, либо подвергаться экономической эксплуатации в пользу нее, либо представлять собою поселение, основанное в результате широкомасштабной миграции населения. Все эти характеристики не относятся к латинским образованиям в Леванте до 1291 года.

Гвибер Ножанский около 1108 года описывал франкских поселенцев как «новых колонистов святого христианского мира». Автор «L'estorie de Eracles», написанной в XIII веке, писал: «Эта страна была покорена не одним каким-то главным властелином, а крестовым походом и движением пилигримов и собравшихся из многих мест людей». Завоевание было предпринято для того, чтобы освободить и передать под контроль христиан Гроб Господень в Иерусалиме, и поэтому к крестовым походам можно попробовать применить понятие «религиозной колонизации». Основанная крестоносцами «колония» может быть определена как территория, захваченная и заселенная в первую очередь по религиозным причинам, причем жители этой территории продолжают поддерживать тесные связи со своими родными странами главным образом из-за общей веры и из необходимости получать из дома материальную и военную помощь.

После захвата Иерусалима стратегические и экономические соображения требовали, чтобы франки в первую очередь утвердились в приморских городах Леванта. В 1101 году пали Арсуф и Кесария, в 1104 – Хайфа и Акра, в 1110 – Бейрут и Сидон, в 1124 – Тир. И только один порт, Аскалон, не контролировался христианами, что было особенно опасно, поскольку он служил базой для египетского флота и именно оттуда совершались набеги на приморские поселения и в южную часть Иерусалимского королевства. Король Иерусалима Фульк Анжуйский (1131–1143) начал строить замки поблизости от Аскалона, и эти действия привели к успешной осаде и захвату города в 1153 году. Однако распространение франкского контроля на удаленные от моря районы было медленным и часто встречало сопротивление соседских мусульманских государств. Так, например, Антиохия в 1110–1115 годах подверглась целому ряду нападений турков-сельджуков. Захваченная франками в первом крестовом походе часть Киликии удерживалась ими с трудом: византийцы совершали набеги на этот регион, и одновременно с этим на власть там претендовали местные армянские князья, которые к концу 1130-х годов и вытеснили все-таки оттуда франков. Иерусалимский король Балдуин I начал экспансию на юг и восток от Мертвого моря, после чего на базе замка аль-Шаубак было основано Трансиорданское владение.

Франки захватили страну, населенную людьми разных национальностей и верований: евреями, друзами, зороастрийцами, христианами – армянами, маронитами, якобитами, несторианами и, конечно, греками – и мусульманами – шиитами и суннитами. Некоторые европейцы ранее встречались с жителями восточного Средиземноморья, совершая паломничества или занимаясь торговлей, но поскольку крестоносцы стремились захватить и заселить Святую Землю, отношения между ними и местным населением складывались совсем не так, как у мирных путешественников и купцов.

Взаимоотношения латинян с местным населением было важным фактором в процессе заселения. Первые годы завоевания крестоносцами этих земель сопровождалась кровавой резней, но вскоре стало ясно, что такой подход никак не способствует нормализации жизни. Франки контролировали довольно большие территории, но у них не было достаточно людей для их заселения. После взятия Иерусалима многие крестоносцы вернулись домой. В 1101 году в Иерусалим вступили очередные отряды крестоносцев, но опять же очень немногие из них остались на Латинском Востоке. И хотя с Запада постоянно прибывали поселенцы, их было недостаточно для того, чтобы франки могли восстанавливать ими же разрушенные города и защищать их. Вследствие этого отношение латинян к местному населению изменилось. В 1110 году в Сидоне мусульмане добились разрешения оставаться на своих землях и возделывать их для завоевателей. На севере князь Танкред Антиохийский настолько стремился оставить на своих землях местных работников, что устроил возвращение их жен из Алеппо, где они укрылись от франков. Такие эпизоды не означали кардинальных изменений в положении местного населения, но они свидетельствуют о том, что франки стали осознавать необходимость выработки какого-либо *modus vivendi* по отношению к жителям захваченных территорий. Тяжелое положение франков на Востоке повлияло и на их взаимоотношения с соседями-мусульманами. Такая важнейшая деятельность, как торговля, не могла развиваться без мирного взаимодействия обеих сторон, и поэтому было заключено несколько мирных соглашений. Иногда связи с мусульманами становились довольно надежными и крепкими. Например, мусульманский писатель Усама ибн Мункыз (1095–1188) находился в дружественных отношениях с некоторыми тамплиерами, и они защитили его от нападения слишком ревностного европейца. Этот случай демонстрирует еще и то, что новым крестоносцам было в диковинку, каким образом поселенцы могли и мирно сосуществовать с мусульманами, и вести против них священную войну.

Как мы уже выяснили, не в интересах франков было выгонять или преследовать всех, кто не исповедовал латинской веры, и поэтому они сравнительно терпимо относились к другим исповеданиям и обрядам – восточно-христианским, еврейским и мусульманским, хотя, конечно же, на всех иноверцев были наложены определенные ограничения. Например,

мусульмане и евреи (которые занимали на Латинском Востоке такое же положение, как христиане и евреи в исламских государствах) могли посещать Иерусалим, но не имели права, по крайней мере теоретически, там жить. Мусульмане и евреи стояли на низшей ступени общественной лестницы (так это зафиксировано в юридических документах), выше них находились восточные христиане, а в самом привилегированном положении – католики-франки. Монофизитам⁸ же (якобитам, армянам и маронитам – последние присоединились к Риму в 1181 году) разрешили сохранить их религиозную автономию, но, поскольку они, хоть и будучи христианами, считались еретиками, им было запрещено приближаться к Гробу Господню. Однако, несмотря на религиозные разногласия, иногда между монофизитами и франками заключались браки, особенно в графстве Эдесском, где большинство населения было армянским. Местная знать считалась вполне достойной того, чтобы поставлять женихов и невест для западных поселенцев, и в результате графство превратилось во франко-армянский анклав.

Что же касается православных греков (которых было особенно много в Антиохийском княжестве), то складывается впечатление, что во время первого крестового похода папа Урбан II и сами крестоносцы планировали сохранить за Иерусалимским и Антиохийским патриархами их каноническую власть, но политические и экономические обстоятельства вынудили правителей новых поселений, которые и так не очень симпатизировали грекам, вместо православных глав церквей поставить латинских патриархов и епископов.

Еврейское же население Леванта еще до прибытия первых крестоносцев из-за сведений о погромах в Рейнских землях было полно решимости дать отпор захватчикам, и в первые годы завоевания евреи ожесточенно сражались и погибали вместе с мусульманами. Однако, когда ситуация более или менее стабилизировалась, многие евреи поселились в городских центрах, контролируемых франками. Как и все не католики; они не могли получать феодалы, но немалое их число занималось фермерством и ремеслами. Во многом евреям на Латинском Востоке жилось лучше, чем в Западной Европе. Они могли довольно свободно следовать своим религиозным обрядам, и их никто не заставлял носить особую одежду, указывающую на их веру, что в Европе вызывало враждебность к ним и преследования. Следует также отметить, что на Латинском Востоке не произошло ни одного погрома.

Большая часть уроженцев Запада жила в городских центрах, но при этом значительное число франков поселилось в деревнях или в поместьях. Возникали «новые города» (*villeneuve*), в которых местные магнаты давали свободным западным крестьянам землю в обмен на 10 процентов их продукции.

Побережье Леванта и некоторые земли внутри страны вокруг Галилейского моря были чрезвычайно плодородны, и на них можно было выращивать по несколько урожаев в год. Прекрасный климат, Старинные римские акведуки и ирригационные каналы давали фермерам возможность выращивать, кроме им привычных зерновых культур, маис и просо. Немаловажную роль в экономике этих мест играли виноградарство, садоводство и выращивание оливок. Культивировались также и более специализированные культуры, такие, как сахар и хлопок, главным образом – на экспорт. В сельских местностях можно было встретить и мелкую промышленность – так, около Эдессы добывалась железная руда. Что же касается местных крестьян, то для них мало что изменилось, если не считать смены магнатов. После жестокостей, Связанных с завоеванием новых земель, франки обычно хорошо относились к местному населению, главным образом из-за его значения для экономики страны. Местные жители должны были платить подати из расчета традиционного исламского хараджа (*kharaj*, поземельный налог), что могло составлять до одной трети земледельческого урожая и половины продукции виноградников и оливковых рощ. В отличие от Западной Европы, очень мало земель входило в сеньориальный домен (часть поместья, находящаяся в непосредственном владении феодала и не сдающаяся в аренду. –

⁸ Монофизитство отрицает единосущие человечества Христа нашей человеческой природе и признает только одну, божественную природу Христа; в 448 год) патриарший собор в Константинополе осудил это учение как ересь.

Прим. пер.), где крестьяне работали на землевладельца определенное количество часов каждую неделю.

В то время как деревня не претерпевала значительных изменений, города Леванта – особенно приморские – зажили новой бурной жизнью. Порты Латинского Востока превратились в процветающие торговые центры, привлекавшие купцов со всех концов света. Тир и Акра стали пунктами назначения для торговых путей на восток и с востока. Превращение этих франкских поселений в место встречи Востока и Запада вызвало повышенный интерес к ним со стороны таких крупных торговых городов, как Генуя, Венеция и Пиза. Итальянцы понимали, что поселенцы нуждаются в морской помощи для завоевания побережья, и недурно зарабатывали такой помощью. За свое участие в осаде Тира венецианцы выторговали право на обладание одной третью города и прилегающих территорий, а также некоторые налоговые и юридические привилегии. Торговые общины обычно занимали целые специально для них отведенные районы. Например, генуэзский квартал в Акре включал центральную площадь с церковью Св. Лаврентия (покровителя Генуи) и дворцом, в котором заседала судебная палата. Квартал имел собственные укрепленные ворота, а также собственные пекарни, лавки гостиницы для приезжающих купцов. Вромя от времени торговые интересы итальянцев брали верх над религиозными верованиями – например, они игнорировали папское запрещение на торговлю с мусульманами сырьем, которое те использовали в военных целях. Итальянские морские перевозки были жизненно необходимы латинским поселенцам, это была их главная связь с Европой. После захвата Иерусалима количество европейцев, желающих совершить путешествие на Восток, резко возросло, и итальянцы занялись перевозкой паломников к Святым Местам и обратно. Пилигримы помогали и латинской экономике, тратя деньги на проживание в Иерусалиме и делая пожертвования церковным организациям.

Но наибольшую пользу латинянам итальянские купцы приносили своими торговыми операциями. Непрерывный поток товаров, проходивших через порты Леванта, приносил франкам довольно большой доход, особенно в первой половине XIII века. Несмотря на значительные налоговые послабления, предоставленные западным купцам, объем торговли с лихвой покрывал все издержки. К тому же торговцы из Византии, Северной Африки, Сирии и Ирака не получали таких налоговых льгот, как итальянцы, и должны были уплачивать налоги и на продажу, и на товары, прибывающие и покидающие порты. Многие из этих податей были установлены еще мусульманами, что свидетельствует о том, что поселенцы сохраняли местные обычаи (и особенно в тех случаях, когда они могли приносить им доход). Акра была самым оживленным портом на франкском побережье. Мусульманский писатель Ибн Джубайр так описывал ее в 1185 году: «Акра... порт назначения многих кораблей. Это цель кораблей и караванов и место встречи мусульманских и христианских купцов со всего мира. Ее дороги и улицы заполнены народом, так что трудно поставить ногу на землю. Город вонючий, грязный, полный отходов и фекалий».

Товары, прибывшие по морю, переносились на берег и препровождались на многочисленные базары, которые существовали при всех крупных портах. На мелких рынках продавались рыба, овощи и такие предназначенные на экспорт продукты, как сахар. Главным источником доходов была торговля пряностями: значительный объем азиатских товаров попадал через франкские поселения в Византию и в Западную Европу. С Запада везли мануфактуру. Назначенные чиновники взвешивали товар и взимали налог, обычно исходя из стоимости, а в случае весовой продукции (вина, масла и зерна) – из количества. Процент налога варьировался от 4 до 25. Король или магнат мог пожаловать отдельному лицу часть дохода, иногда в форме процента от определенного налога. После того как такие суммы вычитались базарными или портовыми чиновниками, оставшиеся деньги поступали в местную и в центральную казну.

Политическое развитие Иерусалимского королевства наглядно показывает, как франки сочетали привычные западные традиции с необходимостью адаптироваться к обстоятельствам, в которые они попали на Востоке. Крупные землевладения напоминали

европейские марки,⁹ где бароны пользовались большой политической самостоятельностью, могли сами вести свои дела, отправлять правосудие и определять отношения с соседями. Нередко рыцарям в феоде наряду с землей или взамен ее жаловались различные виды доходов с торговли, что крайне редко делалось на Западе. Такая практика оберегала рыцарей от финансового краха в случае потери всех земель. Однако все они были королевскими вассалами и им вменялось в обязанность являться на военную службу по первому же вызову, тогда как на Западе от выполнения этой обязанности можно было откупиться деньгами. Король владел самыми богатыми и престижными территориями, в том числе портами Тир и Акра и, конечно, самим Иерусалимом. Хотя в XII веке король утратил некоторые привилегии, такие как чеканка монет и право на товары с потерпевших крушение кораблей, он сохранял статус короля милостью Божьей и огромные богатства. И если при этом он оказывался умелым и энергичным правителем, то его положение было достаточно прочным. В Иерусалимском королевстве вассалам редко удавалось успешно оспаривать королевскую власть.

Главным судом королевства был Высший Суд, в котором заседали королевские вассалы. Время от времени для обсуждения политических вопросов созывался также *parlement* (парламент)¹⁰ – собрание представителей знати, церковных деятелей, важных членов военно-монашеских орденов и иногда влиятельных горожан. Эти парламенты решали введение экстраординарных общих налогов для оплаты военных предприятий (например, в 1166 и 1183 годах) или обсуждали выбор подходящего жениха – часто европейца – для высокородной наследницы. Они также могли участвовать в решении дипломатических проблем. В 1171 году перед собранием стоял вопрос о том, к кому на Западе стоит обратиться за военной помощью: знатные рыцари хотели отправить в Европу послов и были поражены, когда король Амальрих заявил о своем намерении лично поехать в Константинополь и попросить греков о помощи. Рыцари возмущались и протестовали, но король обладал достаточной властью, чтобы выполнить свой план.

До восшествия в 1174 году на престол Балдуина IV Прокаженного правители Иерусалима обычно брали верх в спорах со знатью. Для сохранения своей власти они могли прибегать к юридическим решениям или использовать королевскую власть при распределении земель. Примером первого может быть *assise sur la ligece* (акт о преданности) Короля Амальриха (около 1166 года), согласно которому все вассалы Главных землевладельцев, получивших земли от короля (подвассалы), иолжны были клясться в верности королю, становясь таким образом и его вассалами. Таким образом, возникала прямая связь между короной и большинством ленников, часто через голову магнатов. Королю такое положение было чрезвычайно выгодно, поскольку он мог рассчитывать а помощь субвассалов даже тогда, когда их прямой сюзерен находился с ним в конфликте. Субвассалам это тоже было на руку, так как теперь они могли жаловаться на своего сеньора прямо королю, тогда как раньше владельцы крупных феодалов пользовались на своих землях иммунитетом¹¹ и могли поступать со своими ленниками, как им заблагорассудится.

Рост власти магнатов не отвечал интересам короля, и он мог помешать этому несколькими путями. Если человек умирал, не оставив наследников, его владения переходили королю. Смертность в Святой Земле была довольно высока, и подобное случалось нередко. Короли даже обдумывали план разделения территории королевства на несколько небольших и потому менее опасных феодальных владений. Другой способ ослабить власть баронов заключался в раздаче им ленов в виде мелких участков в разных

⁹ Марка – пограничный округ с военным управлением в средневековой Европе.

¹⁰ Судебная палата при королевском совете, как и в самой Франции.

¹¹ Иммунитет – пожалование феодалам судебных, финансовых и административных прав.

местах. Это затрудняло оппонентам короля создание территориальной базы для оппозиционных действий. Все это могло бы способствовать дальнейшей концентрации власти в руках короля, однако начиная с 1140-х годов огромные расходы на поддержание укреплений и возмещение убытков в результате мусульманских набегов приводили к тому, что бароны были вынуждены отдавать земли и замки религиозным организациям и военно-монашеским орденам.

Заметная черта влиятельных семей в латинских поселениях XII века – видное положение женщин. Особенно активны были дочери иерусалимского короля Балдуина II (1118–1131). После смерти короля его старшая дочь Мелисанда, ее муж Фульк (граф Анжуйский) и их маленький сын Балдуин были провозглашены соправителями. Несмотря на все попытки править единолично, Фульк не смог сместить Мелисанду и был вынужден признавать королеву равноправной правительницей. Когда Фульк умер в 1143 году, его сыну, Балдуину III, было только 13 лет, и Мелисанда приняла регентство. В 1145 году Балдуин достиг совершеннолетия, но его мать отказалась передать ему власть и правила еще семь лет. Для XII века это было нечто невероятное – женщина на престоле, обладающая единоличной властью. С Мелисандой можно, вероятно, сравнить только Урраку, королеву Леона и Кастилии (1109–1126). Балдуин III пытался взять власть в свои руки, в Иерусалиме начались раздоры. Мать и сын организовали каждый собственную администрацию и выпускали указы каждый от своего имени. Было принято, что правитель сам должен вести войска в бой, что, по сути, закрывало путь женщинам, но в Иерусалимском королевстве – вероятно, наименее защищенной части Латинского Востока – Мелисанда продолжала удерживать власть. Она назначила военачальника и, вероятно, справлялась неплохо, потому что Балдуин до 1152 года не мог заручиться достаточной поддержкой для того, чтобы отстранить ее от власти. И даже после того, как Балдуин стал полновластным королем, Мелисанда продолжала играть влиятельную роль в управлении Иерусалимом. Но история королевы Мелисанды ни в какое сравнение не идет с бурями, которые подняла ее младшая сестра Алиса, пытавшаяся управлять Антиохийским княжеством после смерти мужа в 1130 году. Большинство местных магнатов были настроены против нее, и Алиса обратилась за помощью к грекам, мусульманам из Алеппо, правителям Триполи и Эдессы и к Антиохийскому патриарху. Только через семь лет раздоров и междоусобиц она была вынуждена уступить власть Раймону Пуатевинскому, которого местные бароны с пригласили для женитьбы на ее дочери.

Отношения между правителями франкских поселений складывались, как правило, вполне благополучно, хотя без разногласий, конечно же, не обходилось. Хотя каждое из политических образований Латинского Востока (Иерусалимское королевство, Антиохийское княжество, Эдесское графство и графство Триполи) было вполне самостоятельным, объединение усилий против общего врага было, конечно, в интересах поселенцев. Между Иерусалимом и его северным соседом, графством Триполи, существовали довольно тесные отношения, и граф Триполи являлся вассалом короля иерусалимского. Графы Эдессы платили ленную дань Иерусалиму, а к 1130-м годам стали также вассалами князя Антиохийского. Антиохийских правителей формально ничто не связывало с иерусалимской короной – теоретически они признавали сюзеренитет греческого императора. Тем не менее антиохийцы старались поддерживать дружеские отношения со своими южными соседями, поскольку им часто приходилось обращаться к Иерусалиму за военной помощью. В 1110–1137 годах король иерусалимский пятнадцать раз помогал своим северным братьям по вере и даже на протяжении тринадцати лет сам был регентом княжества. О взаимоотношениях этих отношений свидетельствует тот факт, что антиохийцы воевали вместе с иерусалимскими войсками в 1113, 1129 и 1137 годах. Антиохия, впрочем, была много слабее и чаще нуждалась в поддержке. Во время второго крестового похода проявились и признаки соперничества между этими четырьмя территориями. Вильгельм Тирский, историк Иерусалимского королевства, живший в XII веке, писал, что, когда король Франции Людовик VII прибыл в марте 1148 года в Антиохию, туда приехали представители всех

латинских поселений, и каждый пытался убедить короля обосноваться именно на его территории.

В 1140-х годах военная ситуация резко ухудшилась. Первым серьезным ударом стало взятие Эдессы эмиром мосульским Зенги в декабре 1144 года. Хотя переход по Малой Азии двух больших армий второго крестового похода под предводительством Людовика VII и германского короля Конрада III закончился поражением, в июле 1148 года объединенные силы крестоносцев и поселенцев осадили Дамаск. Осада была снята через неделю. Похоже, что христиане допустили тактическую ошибку, опасаясь подхода к мусульманам свежих подкреплений, но это простое объяснение не удовлетворило ни крестоносцев, ни поселенцев, и они обвиняли друг друга в предательстве. Крестоносцы вернулись домой, оставив поселенцев самих решать свои проблемы.

Для Антиохии, расположенной дальше всех к северу, мусульманская опасность всегда была наибольшей, и теперь ситуация ухудшалась на глазах. Вильгельм Тирский писал, что христиане оказались под таким давлением, как если бы их перемалывали между двумя жерновами. Преемник Зенги Нур ад-Дин из Алеппо делал все возможное для объединения разрозненных мусульманских владений северной Сирии. В 1149 году в бою при Инабе он убил Раймона Антиохийского и послал его голову халифу в Багдад для подтверждения своего положения как ведущего воина мусульман-суннитов. Влияние Нур ад-Дина стало к тому же распространяться на юг, и в 1154 году под его властью оказался Дамаск. Впервые христиане имели перед собой объединенную мусульманскую Сирию. Но в это время у поселенцев было два сильных короля, готовых дать отпор врагам, – Балдуин III (1143–1163) и его преемник Амальрих (1163–1174).

Основные политические стремления Амальриха сводились к завоеванию Египта. Фатимидские халифы были слабы, Нур ад-Дин уже контролировал Алеппо и Дамаск, и допустить, чтобы он захватил еще и Египет и окружил бы поселенцев со всех сторон, было нельзя. В 1163–1169 годах Амальрих раз пять пытался завоевать Египет. Но даже для того, чтобы эффективно защищаться от мусульманских нападений (не говоря уже о таких амбициозных планах, как покорение Египта), поселенцам требовалась дополнительная военная сила. И первую очередь, они обратились за помощью к Западной Европе. Смысл существования франкских поселений заключался в защите Святых Мест от лица всего латинского христианского мира. Поселенцы считали, что их братья по вере помогут защитить наследие Христа, поскольку благополучие Святой Земли – это забота всех христиан. Они также пытались использовать свои родственные связи с западными баронами для того, чтобы убедить как можно больше людей принять крест.

Начиная с 1160 года поселенцы начали посылать письма и послов к главным лицам Западной Европы. Папский престол поддержал их инициативу и призвал к новым крестовым походам. На Левант послали материальную помощь, и, что было гораздо важнее, на восток отправились несколько небольших военных экспедиций под предводительством таких лиц, как графы фландрские и Неверские. Эту военную помощь, конечно, приняли с благодарностью, но поселенцам был нужен широкомасштабный крестовый поход. Они надеялись на короля Франции Людовика VII и короля Англии Генриха II, но этих королей слишком занимали собственные политические раздоры.

Между тем сложившаяся ситуация требовала принятия срочных мер. Куда еще могли обратиться поселенцы? Оставалась Византия. Греки с самого начала принимали участие в делах Латинского Востока. Конфликт с Боэмундом Тарентским разрешился тем, что в 1108 году Боэмунд принес присягу верности византийскому императору и признал его сюзереном Антиохии. Довольно большая численность православных христиан на севере Сирии также обуславливала греческий интерес в этих землях. Король Балдуин III решил укрепить связи с Константинополем и в конце 1150 года разрешил грекам купить некоторые франкские земли в Эдессе и таким образом закрепиться в регионе. В 1158 году Балдуин взял жену из императорской семьи, то же сделал девять лет спустя и его преемник Амальрих, а император Мануил Комнин женился на Марии Антиохийской. Эти браки способствовали военному

сотрудничеству. Было решено, что первой целью греко-франкского союза будет Египет, но в начале 1169 года Нур ад-Дин опередил христиан. Этот успех мусульман еще больше усилил угрозу Иерусалимскому королевству. С Запада так и не присылали крупных военных сил, и Амальрих продолжал вести прогреческую политику. В 1171 году он сам отправился в Константинополь, где, возможно, дал вассальную присягу императору. Такое путешествие иерусалимский король предпринимал впервые, что свидетельствует об отчаянном положении Амальриха. В 1177 году греки прислали помощь, однако со смертью Мануила (1180 год) греко-франкское сотрудничество закончилось. Надежды на греко-франкский союз не оправдались, хотя в некоторых случаях страх перед греками останавливал мусульман. Например, в 1164 году Нур ад-Дин разгромил на севере Сирии франкскую армию, и помощники убеждали его двигаться на Антиохийское княжество, но Нур ад-Дин отказался, поскольку был уверен, что если он захватит слишком много христианских территорий, то греческого вмешательства не миновать.

1174 год стал поворотным пунктом и для франков, и для их врагов. Смерть Нур ад-Дина в мае этого года предоставляла франкам возможность действовать, к тому же, по чистой случайности, им повезло и они смогли договориться с сицилийским флотом о помощи при нападении на Египет. Но как раз тогда, когда сицилийцы прибыли на Левант, заболел и умер Амальрих. Кампания не состоялась, сицилийцы вернулись домой. Это разочарование усугублялось тем, что преемник Амальриха Балдуин IV был прокаженным, а значит, не мог в полную силу управлять страной и не мог иметь детей. Балдуин правил до своей смерти (то есть до 1185 года), но правил он уже раздробленным королевством. Две знатные фракции боролись за влияние на короля. Его преемником стал племянник, Балдуин V, еще младенец, который умер в течение года.

Пока же франки враждовали между собой, мусульманский мир набирал силу. Египетский султан Саладин к 1186 году организовал коалицию мусульманских сил, которые он собирался вести на франков во имя джихада (священной войны). Христианам срочно была нужна помощь, и в Европу отправилась делегация во главе с патриархом Иерусалима и магистрами военно-монашеских орденов, чтобы убедить европейских правителей встать на защиту Гроба Господня. Поселенцы были в таком отчаянии, что даже предложили принести вассальную присягу королю Франции Филиппу II и королю Англии Генриху II. Но, увы, это не помогло. В 1187 году Саладин вторгся на франкские территории и 4 июля разгромил при Гаттине франкскую армию, которой командовал Гвидо де Лузиньян, король-консорт, муж сестры Балдуина IV. Франкские поселения оказались практически в полной изоляции. В последующие месяцы Саладин занял Иерусалим и оттеснил латинян к берегу, и единственным палестинским городом, еще контролировавшимся христианами, остался Тир. Триполи и Антиохия пострадали меньше, хотя обе колонии потеряли часть своих восточных территорий. Как мы уже знаем, ответом Западной Европы на это стал третий крестовый поход.

Кипр

В мае 1191 года король Англии Ричард I (Ричард Львиное Сердце) отвоевал Кипр у Исаака Комнина, родственника византийской правящей династии, провозгласившего себя независимым императором. Ричард плыл к Святой Земле, и часть его флота, включая корабль, на котором находились его сестра и невеста, попала в шторм и вынуждена была сделать остановку около Кипра. Исаак отнесся к крестоносцам враждебно, и в ответ на это Ричард применил военную силу и завоевал остров. Так было основано Кипрское королевство, просуществовавшее до 1489 года. Поскольку сам Ричард был христианином и отнял территорию у другого христианского владыки по собственной инициативе, захват Кипра вряд ли можно назвать религиозной колонизацией, йю, тем не менее, остров завязал тесные отношения с другими латинскими поселениями в восточном Средиземноморье и активно участвовал в защите Святой Земли. Расположение острова – при попутном ветре от

Кипра до Сирийского берега можно доплыть за один день – Целало его идеальной базой снабжения для крестовых экспедиций. Лучший пример этому – первый крестовый поход Людовика IX. Кипр был первой остановкой Людовика, он пробыл на острове восемь месяцев и потом вместе с королем Генрихом I и кипрскими баронами отправился в июне 1249 на завоевание Египта. Кипрские франки не всегда охотно участвовали в таких экспедициях, и в 1271–1272 годах, во время крестового похода Эдуарда Английского, некоторые из них говорили, что им не следовало бы нести военную службу за пределами острова и что раньше они помогали своему королю в чужих землях исключительно по доброй воле. В конце концов киприоты согласились сопровождать короля в походах, но не более чем четыре месяца в год.

Затем Ричард продал остров Гвидо де Лузиньяну, бывшему королю Иерусалима, чей брат и преемник Эмери основал династию, которая управляла Кипром почти 300 лет. По сравнению с латинскими поселениями на материке опасность мусульманских набегов для Кипра была не так велика, но страх перед ними заставил Эмери в 1195 году присягнуть западному императору Генриху VI. Император возложил на Эмери корону, а в 1197 году, женившись на наследнице иерусалимского престола Изабелле I, Эмери стал королем-консортом Иерусалима. Хотя местом, где он проводил большую часть времени, была Акра, а не Никосия, это не означало объединения двух королевств: каждое продолжало сохранять свои собственные учреждения и собственные финансы. Эмери не допускал, чтобы средства Кипрского королевства расходовались на защиту Иерусалима, однако он допускал возможность использования кипрской армии для защиты жителей материка. Брак с Изабеллой был бездетным, и после смерти Эмери два королевства какое-то время управлялись разными династиями.

Консолидируя власть франков на Кипре, первые Лузиньяны жаловали сотням рыцарей, оруженосцев и бюргеров территории и права, что принималось охотно, особенно после побед Саладина, обернувшихся значительными территориальными потерями на материке. На Кипре не было крупных феодальных владений с самоуправлением, и судебные функции принадлежали главным образом короне. Лузиньяны были достаточно дальновидны, чтобы не допустить к владению замками или укрепленными городами светских вассалов (практика, к которой из-за постоянной мусульманской угрозы не могли прибегнуть правители Латинского Востока на материке). Такая политика не позволяла знати создавать областные силовые базы, что обеспечивало относительное внутреннее спокойствие на острове (за исключением спровоцированной извне гражданской войны в 1229–1233 годах). Не принадлежали королю, вероятно, только крепости и Колосси и Гастрии, входившие в обширные владения орденов госпитальеров и тамплиеров.

Плодородные приморские долины острова, расположенные террасами поля и хорошо налаженная ирригационная система позволяли киприотам выращивать зерновые и сахар, а также производить оливковое масло и вино (некоторые его сорта были такими густыми и вязкими, что, как сообщали современники, их можно было намазывать на хлеб, как мед). При Лузиньянах кипрская экономика быстро развивалась, центром экономической активности стал город Лимассол. Процветанию острова способствовали и его расположение на торговом пути на материк, и растущий интерес к острову итальянских торговых кампаний. Когда еще остров принадлежал Византии, венецианские купцы получили там некоторые привилегии, но при Лузиньянах предпочтение стали отдаваться генуэзцам, особенно после гражданской войны 1229–1233 годов, во время которой генуэзский флот оказал королю Генриху I помощь в обмен на существенные привилегии для генуэзских купцов. С киприотами начали торговать также и пизанцы, каталонцы и киликийские армяне. К концу XIII века торговым центром острова стала Фамагуста, поскольку располагалась она на 50 миль ближе к матерiku, чем Лимассол, и была более удобным пунктом для растущей торговли с Сирией и Киликией. После падения Акры в 1291 году европейцам запретили торговать с мусульманами напрямую. Тогда западные купцы прибегли к помощи христианской Киликии, и сирийские христиане перевозили товары из Леванта в Фамагусту,

где их покупали европейцы. Кипр превратился в важнейший пункт на международном торговом пути, и Фамагуста стала богатым интернациональным городом.

Одной из важнейших перемен, произошедших на Кипре при франках, было появление Римско-Католической Церкви. Большинство местного населения принадлежало к Греческой Православной Церкви, но главой кипрской церкви франки поставили латинского архиепископа, и греческие епископы попали в подчинение к епископам католическим. Православных заставили признать главенство папы римского (то, чего не происходило на материке). В 1261 году православный архиепископ формально согласился на это, но простые священники противились такому подчинению. Время от времени возникали кризисные ситуации. Так, греки настаивали на использовании для евхаристии дрожжевого хлеба, поскольку для них он символизировал воскресение; за это они подверглись преследованиям – тринадцать православных приняли мученическую смерть, а многие другие были отлучены от Церкви. Притеснения Православной Церкви усугублялись тем, что франки конфисковывали ее владения. Сохранившиеся на Кипре до наших дней латинские соборы, церкви и монастырские здания свидетельствуют о главенствующем положении Римско-Католической Церкви в тот период.

Больше половины времени между 1205 и 1267 годами королевский престол занимали несовершеннолетние короли и регенты. Это способствовало возвышению семьи Ибелинов, уже укоренившейся в Иерусалимском королевстве и теперь занявшейся делами Кипра. Около 1218 года Филипп д'Ибелин стал регентом при своем племяннике, младенце короле Генрихе I. Филипп пользовался достаточно сильной поддержкой для того, чтобы не бояться покушения на свою власть со стороны матери Генриха. Но в 1228 году на остров прибыл император Фридрих II; он твердо намеревался положить конец власти Ибелинов, во главе которых в то время стоял брат Филиппа Жан. Император был возмущен, что они проигнорировали его сюзеренитет и короновали Маленького Генриха даже без упоминания о нем. Фридрих потребовал передать ему опекунство над королем и все доходы с королевских владений. Он пригласил Жана д'Ибелина на банкет, любезно принял его, а затем дал знак вооруженным людям – и Жан был немедленно арестован. Пленника вынудили передать Генриха императору, после чего Жан бежал в замок св. Илариона в горах на севере острова. В скором времени Фридрих отбыл на материк, а когда вторжение папы в Южную Италию заставило его вернуться домой, он продал кипрское регентство пяти своим приверженцам. Последовала четырехлетняя гражданская война, в которой Ибелины боролись против сторонников императора как в Палестине, так и на Кипре. Императорский маршал Ричард Фланжии осадил их крепость в Бейруте и подогревал оппозицию к ним на Кипре. Тогда Жан д'Ибелин заручился поддержкой генуэзского флота и большинства кипрского населения и к 1233 году изгнал императорские войска с острова. В 1247 году папа Иннокентий IV освободил короля Генриха от присяги, данной Фридриху, и Кипрское королевство попало под непосредственную защиту Ватикана.

Король Кипра Гуго III (1267–1284) в 1269 году стал королем Иерусалима. Христианская Палестина страдала от междоусобиц, и все усилия Гуго объединить силы франков на борьбу с мамлюкским султаном Бейбарсом ни к чему не привели (см. ниже). После падения Акры в 1291 году Кипр наводнили беженцы. Остров остался единственной латинской территорией в северо-восточном Средиземноморье и естественной отправной точкой для новых попыток основаться на материке.

Франкская Греция

12 апреля 1204 года Константинополь пал под ударами участников четвертого крестового похода. Три дня после этого в городе бесчинствовали мародеры. Еще перед атакой крестоносцы решили выбрать латинского императора, который взял бы власть над одной четвертью греческой территории, и в мае 1204 года состоялась коронация графа Фландрского Балдуина. Остальные три четверти территории были разделены между

венетианцами и другими крестоносцами.¹² Захват Византийской империи являлся прямым следствием крестоносного движения, но ничего религиозного в этом не было – это завоевание было предпринято в первую очередь для получения материальных и территориальных выгод. Венецианскую Грецию, которую отличали тесные связи с Венецией и осуществление политического и экономического управления из метрополии, можно считать примером традиционного колониализма. Процветание и относительная безопасность франкской Греции привлекали поселенцев Латинского Востока и ослабляли «религиозные колонии» Леванта.

Влияние латинского завоевания было различным на всех уровнях и во всех областях Византийской империи, поскольку сами пришельцы из Западной Европы происходили из разных обществ, что отражалось и на методах управления. Греки привыкли жить в обществе, в котором все свободные люди подчинялись единому закону независимо от социального или экономического положения. Латиняне же практиковали «классовый подход» – для знатных людей, для горожан и для крестьян законы были разными. Землю разделили на лены, а с греками, сохранявшими верность Православной Церкви, обращались как с вилланами.¹³ Довольно скоро, впрочем, различия между завоевателями и завоеванными стали стираться. Франкам было нужно использовать ресурсы их новой земли, а для этого прекрасно подходила уже существовавшая византийская налоговая система. Для уяснения ее тонкостей они прибегли к помощи византийских архонтов – бывших землевладельцев и чиновников. Архонты принадлежали к греческой аристократии, и хотя они не изменяли своей вере и сохраняли культурную обособленность, ко второй половине XIII века они начали получать лены от франков. С 1262 года имеются свидетельства о посвящении греков в рыцари, что говорит о включении архонтов во франкскую иерархию. У местных жителей и у завоевателей возникали общие интересы, что помогало компенсировать численную слабость франков при нападениях враждебного Болгарского государства с севера и греков Малой Азии и Эпира. Включение во франкскую феодальную систему улучшало положение греков (может быть, именно этим объясняется тот факт, что жители оккупированной Византии очень редко восставали против завоевателей).

Венецианские владения включали Крит, Модон и Корон в южном Пелопоннесе и европейское побережье Мраморного моря. Самым важным центром был Крит, находящийся на пересечении торговых путей между Египтом, Сирией и Константинополем. Венецианцы входили в соприкосновение с греками гораздо меньше, чем другие европейцы, поскольку они сразу установили централизованную бюрократию, и такие дела, как назначение налогов, творились единой властью, а не распределялись между лицами, как это было в других местах франкской Греции. Был выбран *podesta*,¹⁴ но его власть ограничивалась исполнением указаний Венеции.

Как и в других восточных поселениях, франки в Византии не пытались навязывать грекам католические обряды (в любом случае численность православного населения не позволила бы это сделать). Но они поставили патриархом Константинопольским латинянина и заменили православных епископов католическими. Католические церковнослужители жили главным образом в городских центрах, и тем немногим европейцам, которые поселились в сельских местностях, бывало трудно найти священника, практикующего латинские обряды. Это вынуждало их для совершения таинств прибегать к услугам местных

¹² Франки не смогли захватить всю Византийскую империю, и на ее территории возникло несколько самостоятельных греческих государств. Самым влиятельным и устойчивым из них оказалась Никейская империя в Малой Азии. Главной целью никейских императоров стало отвоевание Константинополя и восстановление Византийской империи.

¹³ Виллан – лично свободный крестьянин, державший землю от помещика и обязанный ему различными повинностями.

¹⁴ Подеста – глава исполнительной власти в средневековых итальянских городах.

православных священников, что повело к известной степени эллинизации. Однако культурно франки не смешивались со своими подданными, и на венецианском Крите были запрещены браки между европейцами и греками (по крайней мере, в теории).

Плодородность Пелопоннесского полуострова и Крита способствовала экономической экспансии. Возрастал спрос на экспорт пшеницы, оливкового масла, шерсти, вина и таких предметов роскоши, как шелк. Франки богатели, но вовсе не чувствовали себя в безопасности. Император Генрих I (1206–1216) сумел укрепиться во Фракии, однако за одно десятилетие греки, которыми управлял император в ссылке в Никее, отвоевали почти все свои земли в Малой Азии. Угроза монгольского нашествия временно остановила никейцев, но в июле 1261 года византийский император Михаил VIII Палеолог захватил Константинополь.

Другим франкским поселениям иоисзло больше. Аханское княжество было самым блестящим франкским образованием и в годы правления князей Виллардуэнов считалось образцом доблести и куртуазности во всем христианском мире. Княжеский двор в Андранде был образцом для цвета французского рыцарства и местом обучения наилучшим куртуазным манерам, что свидетельствует о непрерывавшихся тесных связях поселенцев со своей родиной. Один из поздних историков заметил, что и Ахане говорили на таком же прекрасном французском языке, как и в Париже. Князь Жоффруа II (1229–1246) проезжал по Пелопоннесу в «ахейском стиле» – окруженный восьмьюдесятью рыцарями с золотыми шпорами. Период спокойствия позволил знатым сеньорам развлекаться турнирами и охотой. Стены их дворцов украшали прекрасные фрески, которые, к сожалению, в большинстве своем не дожили до сегодняшнего дня.

В 1259 году преемник Жоффруа князь Гильем II (1246–1278) был захвачен никейцами в бою при Пелагонии, и его заставили принести вассальную присягу своим врагам. Ахейя продолжала существовать, но потеряла свою независимость.

Латинская Палестина и Сирия, 1187—1291

В июле 1191 года, захватив Кипр, Ричард I Английский и король Франции Филипп II добились заметного успеха, оказав помощь франкским Поселенцам при отвоевании Акры. Хотя главная цель – возвращение Иерусалима – достигнута не была, к концу третьего крестового похода Кристиане укрепились на побережье от Тира до Яффы, а перемирие с Саладином позволяло паломникам беспрепятственно посещать Иерусалим. Смерть Саладина в 1193 году дала христианам возможность консолидировать свои силы на возвращенных территориях. Первые десятилетия XIII века отмечены экономическим ростом франкских государств, рядом кризисов с престолонаследием и несколькими тестовыми экспедициями в Египет, завоевание которого считалось наилучшим путем к возвращению Иерусалима.

Экономическое существование Иерусалимского королевства зависело от христианского контроля над портовым городом Акрой. Большую часть XII века Александрия доминировала в торговле в восточном Средиземноморье, но около 1180-х годов азиатские торговые пути начали направляться в Акру. Английский хронист Матвей Парижский писал, что около 1240 года в Акре королевские доходы составляли 1 000 фунтов серебра в год, что превышало доходы короля Англии.

Итальянские торговые республики (Пиза, Генуя и Венеция) прислали в Левант постоянных представителей. Купцы увеличивали свои доходы за счет растущего товарооборота, а король – за счет налогом. Правда, в какой-то момент торговые кампании приобрели такую силу, что начали оказывать дестабилизирующее влияние на политическую жизнь королевства: в 1256 году торговое соперничество между венецианцами и генуэзцами привело к акрской войне св. Саввы, в этот разрушительный конфликт оказались вовлечены также франкские бароны и военно-монашеские ордена. В то же время относительное спокойствие на побережье способствовало росту населения в Акре и Тире. В городских центрах процветали еврейские общины, привлеченные в эти города экономическими

возможностями. Особенно заметной была еврейская община Акры.

Император Священной Римской империи Фридрих II принял крест для пятого крестового похода, но политические проблемы на Западе задержали его дома. В 1225 году Фридрих женился на Изабелле И. наследнице иерусалимского престола. Иерусалимская корона была довольно престижна, и Фридрих решил вплотную заняться делами Святой Земли. К 1227 году он набрал большую крестоносную армию, но заболел, и ему опять пришлось отложить поход. За невыполнение обета в назначенный срок папа Григорий IX отлучил его от Церкви. Наконец, в 1228 году император смог отправиться на Восток. Его действия на Кипре мы описывали выше, а на материке он столкнулся с новыми проблемами. Изабелла умерла во время родов, и Фридрих стал регентом при маленьком сыне, Конраде, оставшемся на Западе. Он намеревался восстановить в Иерусалимском королевстве твердую королевскую власть, которая пошатнулась после Еалдунна IV, но бароны не желали терять свои позиции и решили всячески ему противодействовать, вооружившись в первую очередь законом, а точнее – знанием юридических тонкостей. Возникла школа юристов, связанная с баронскими семьями и включавшая самих баронов. Причины этого следует искать в особенностях феодальной системы Латинского Востока, особенно в обязанности вассалов по вызову сеньора давать *conseil* (совет), т. е. помогать представлять дело в суде. Престиж вассалов, хорошо знавших юриспруденцию, укрепился еще больше, когда после падения Иерусалима пропали записи государственных законов, хранившиеся в сундуке в Храме Гроба Господня, и трудно было сослаться на писаное право. Таким образом, в первые десятилетия XIII столетия память и обычаи играли главную роль в вынесении решений (в то время как в Европе в это время наблюдался противоположный процесс – письменные документы приобретали больший вес, чем устное предание). На Латинском Востоке появились профессиональные юристы, опытные в произнесении публичных речей, которые могли рассчитывать на свою память о прошлых делопроизводствах. По мере развития юриспруденции было написано несколько важных юридических трудов, в первую очередь – *Livre de Jean d'Idelin* («Книга Жана д'Ибелина», ок. 1205), автором которой был граф Яффы Жан д'Ибелин, чье пышное прибытие в Египет описывал Жан де Жуанвиль. Хотя мы должны с осторожностью относиться к убежденности самих юристов в собственной значимости, однако нельзя отрицать, что они играли немаловажную роль в выборе правителей королевства во время отсутствия законных наследников или при несовершеннолетних монархах. Знатные рыцари использовали юридический опыт юристов из своего числа в конфликте с Фридрихом. Они не признали конфискацию земель Ибелинов в окрестностях Акры и воспротивились попыткам передать владение Тороном Тевтонскому ордену через голову законного наследника. *Assise sur la ligece* (акт о преданности), введенный в XII веке королем Амальриком для усиления королевской власти (см. выше), теперь, в совершенно иных обстоятельствах, оказался полезным оружием в руках баронов. Поскольку закон гласил, что сеньор не вправе ущемлять права вассала без формального решения суда, бароны настаивали на том, чтобы это правило относилось и к королю, как к любому сеньору, чтобы в случае несоблюдения справедливости они могли с полным правом прибегнуть к силе для отвоевания конфискованных земель и отказать в помощи своему сюзерену, лишая тем самым короля всякой власти. Ибелинские лены были отвоеваны владельцами, а в случае с тевтонскими рыцарями Фридрих сам пошел на попятный, аоняв, что он может оказаться без военной помощи местных франков. Такое решение конфликта свидетельствовало о слабости императора и силе знати.

Больше повезло Фридриху в его действиях против мусульман. Вторжение в Египет пятого крестового похода испугало египтян, и султан аль-Камль, испугавшись последствий экспедиции Фридриха, согласился в феврале 1229 года передать христианам Иерусалим, оставив за мусульманами район мечети (бывшего храма Соломона) и запретив укреплять город. Было подписано десятилетнее перемирие, и Фридрих обязался помогать султану против всех его врагов – как мусульман, так и христиан. В марте 1229 года Фридрих вступил в Иерусалим и короновался в Храме Гроба Господня, хотя его положение как отлученного от

Церкви привело к тому, что патриарх Иерусалимский наложил на город интердикт.¹⁵ Фридрих отплыл с Востока в июне 1229 года; на пути в Акрскую гавань местное население забросало его отбросами.

Отъезд Фридриха не означал прекращения императорского вмешательства в дела Латинского Востока. В 1231 году сподвижник Фридриха Ричард Филанжиери пытался овладеть Бейрутом, но бароны отстояли город.¹⁶ Тем не менее Ричард сохранил за собой Тир, и королевство разделилось на две части.

Оппозицию Ричарду возглавляли Ибелины. В Тире Ричард лишил венецианцев нескольких статей дохода, и венецианские купцы перешли на сторону его врагов. Генуэзцы и так были враждебно настроены по отношению к императору, и представители этих двух итальянских торговых общин предложили Ибелинам передать им Тир. Летом 1242 года купцы и франки решили объединить свои усилия и выгнать Ричарда из города. Это требовало юридического обоснования, и юрист Филипп Наваррский (ум. 1265), близкий к Ибелинам и оставивший нам описание событий того времени, сочинил доказательства в оправдание прекращения регентства Фридриха. Он аргументировал это тем, что регентство прекратится, как только Конрад достигнет совершеннолетия (а это должно было случиться в апреле 1243 года), а поскольку Конрад не приезжал на Восток, чтобы заявить свои притязания на трон, нужда в регенте сохранялась. Ближайшей родственницей Конрада в Палестине была Алиса Кипрская, и ей-то поручили регентство. Сторонники императора вскоре потеряли на Востоке всякое влияние.

Политические бури бушевали не только в Иерусалимском королевстве. В 1201 году на правление Антиохией стали претендовать армяне и триполийцы, и только через много лет междоусобиц и споров победа досталась Боэмунду IV (1219–1233). Он правил Антиохией и Триполи, хотя административная и юридическая системы обоих поселений оставались раздельными. Боэмунд жил в Триполи, и в его отсутствие в Антиохии возросло влияние большой греческой общины. Политическая жизнь северной Сирии усложнялась еще и действиями военно-монашеских орденов, центрами которых были хорошо укрепленные замки – Маргат, Баграс, Тортоса, Крак-де-Шевалье и Шастель-Бланк. Время относительного благополучия истекло в 1240-х годах. Поселенцы нарушили перемирие с египетским султаном, и оказалось, что этим они разворошили осиное гнездо. Мусульмане призвали на помощь хорезмшанцев (жителей Хорезма, согнанных со своих мест монголами) и с их помощью в августе 1244 года захватили Иерусалим. Два месяца спустя христианская армия потерпела сокрушительное поражение в битве при Ла-Форбье, в которой было убито более тысячи рыцарей.

Новые обращения о помощи к Западной Европе привели на Восток первый крестовый поход Людовика IX, короля Франции. После поражения его армии в Египте Людовик пробыл несколько лет в Палестине и потратил огромные средства на улучшение защитных укреплений Акры, Сидона, Яффы и Кесарии.

Вторжение Людовика в Египет привело к замене Эйюбидской династии правлением мамлюков. Примерно в то же время на сиене появились монгольские армии. В 1258 году они разграбили Багдад, а два года спустя атаковали Алеппо. Боэмунд VI, князь Антиохии и Триполи (1252–1275), стал их союзником, но правители Иерусалимского королевства, зажатою между монголами и мамлюками, разрешили египтянам пройти через Палестину. Египтяне разбили монголов в 1260 году в битве при Айн-Джалуте. Мамлюкским султаном стал могущественный Бейбарс, вскоре распространивший свою власть и на Сирию.

Военный ответ поселенцев был обусловлен нехваткой людских ресурсов. Основной элемент оборонительной стратегии франкской территории заключался в удержании во что

¹⁵ Интердикт – временный запрет совершать богослужения на какой-либо территории

¹⁶ Когда Фридрих пытался установить в Иерусалимском королевстве абсолютизм по примеру королевства Сицилии, восставшие бароны и города создали для борьбы против него Братство св. Адриана

бы то ни стало отдельных хорошо укрепленных пунктов, часто находившихся под контролем военно-монашеских орденов. У христиан не было возможности организовать большую единую армию и в то же время содержать в замках соответствующие гарнизоны, хотя нововведение Людовика IX – основание постоянного французского полка на Востоке – было вполне многообещающим. Этот полк финансировался французской короной и состоял примерно из ста рыцарей вдобавок к лучникам и конным и пешим солдатам. В отличие от военно-монашеских орденов, это войско не должно было защищать одну отдельно взятую крепость и могло по необходимости направляться в наиболее уязвимые места.

Начальник войска стал занимать должность сенешаля¹⁷ Иерусалимского королевства.

Но в конце концов оказалось, что этот полк был создан слишком поздно и что был он слишком малочислен. Наступательные действия франков сводились обычно к быстрым набегам, потому что для долговременных территориальных захватов у них не хватало ресурсов, и они избегали решительных сражений. Между крестовыми походами силы поселенцев были настолько слабы, что шансы выиграть такое сражение практически сводились к нулю. Бейбарс, талантливый военачальник и стратег, видел слабые стороны франков и успешно ими пользовался, методично отвоевывая у противника территории. Поселенцы, не имевшие возможности активно бороться с султаном, могли только с болью и ужасом наблюдать, как разоряют их земли. Даже такие укрепленные по последнему слову техники крепости, как Маргат и Крак-де-Шевалье, не могли устоять перед огромными армиями захватчиков. Под ударами Бейбарса падал очередной замок или город, и франкская территория становилась еще меньше. Монгольское вторжение в Ирак и северную Сирию перерезало торговые пути, и вместо Леванта центром восточной торговли стало Черное море.

Финансовые тяготы легли на все слои населения. Гуго III Кипрский столкнулся с тем, что Иерусалимское королевство стало неуправляемым, когда Карл Анжуйский купил корону на иерусалимский трон у одного из претендентов и стал добиваться ее для себя. Гуго решил тогда сконцентрировать все свое внимание на Кипре. Его преемник король Генрих II вернул Акру, и его коронование было отпраздновано пышными турнирами, но мамлюки уже стягивали свои войска вокруг оставшихся франкских территорий. В 1287 году пал Триполи, а 5 апреля 1291 года начался штурм Акры. Огромная армия пробилась себе путь сквозь городские стены. Король и его приближенные бежали на Кипр, но многие защитники города погибли. 28 мая сопротивление было окончательно сломлено, и через три месяца пришел конец христианскому присутствию на материке. В восточном Средиземноморье ни одна территория, когда-либо бывшая мусульманской, больше не контролировалась христианами. Движение, которое раньше было религиозной колонизацией, теперь эксплуатировало ресурсы территорий, издавна принадлежавших христианам.

Глава 7

Искусство Латинского Востока

1098–1291

ЯРОСЛАВ ФОЛДА

Когда 15 июля 1099 года армии первого крестового похода захватили Иерусалим, они осуществили почти все задачи, поставленные перед ними Урбаном II в его знаменитой речи в Клермоне. Урбан, красочно описав притеснения неверными христианских церквей на Востоке и осквернение или разрушение ими христианских святынь, призвал всех, носящих оружие, помочь братьям по вере и освободить Святую Землю от язычников.

Крестоносцы принесли с собой на Восток художественные традиции своих родных мест – Лотарингии, долины реки Маас, Нормандии, Иль-де-Франса, южной Франции и южной Италии конца XI века. Они также привезли с собой некоторые предметы искусства,

¹⁷ Сенешаль – представитель короля в Высшей судебной палате и управляющий королевскими замками.

необходимые в длительной экспедиции – молитвенники, церковную утварь (чаши, походные алтари, реликварии и т. п.), а также разрисованные знамена, доспехи и оружие и, конечно, монеты, в частности денежные знаки из Валенсии и Луккн. Примечательно, что крестоносцы, прибывшие в Святую Землю, стали заказывать предметы искусства, не походившие на те, к которым они привыкли на родине. Перемены вкуса были, видимо, вызваны новым окружением, в которое они попали, и той особой ролью, которую это искусство должно было играть. В результате возникла богатая и многонациональная социально-религиозная и художественная среда, созданная художниками и меценатами из разных стран; появились новые для выходцев из Западной Европы формы искусства – например, иконопись, открылся доступ к древним местным христианским традициям – византийским, сирийским, армянским, также к богатой мусульманской культуре. Искусство франков иногда называют «искусством крестоносцев».

Новым поселенцам понадобилось несколько лет для того, чтобы обустроиться в своих новых владениях. Везде нужно было строить укрепления и церковные здания, однако предметное искусство трех северных поселений – Эдессы, Аптпохнп и Триполи – почти не сохранилось. В основном, до нас дошли металлические деньги: монеты на Антпохни и Эдессы с рисунком ярко выраженного византийского влияния и монеты Триполи, рисунок которых отражает французские (в первую очередь тулузские) нумизматические традиции. Франкские художественные традиции XII века лучше всего прослеживаются на примере Иерусалимского королевства, занимавшего территорию от Бепру га до Акабы.

Захватив в 1099 году Вифлеем, Иерусалим и Назарет, крестоносцы завладели всеми главными святынями христианства – местом рождения Христа, Голгофой и Гробом Господним, то есть землей, где произошло Божественное воплощение. Две христианские святыни играли также и важную политическую роль – в церкви Рождества Христова в Вифлееме короновались латинские короли первой четверти XII столетия, а храм Гроба Господня в 1100–1187 годах был королевской усыпальницей, а с 1131 года здесь происходили коронации.

Место погребения Христа было главной христианской святыней, и неудивительно, что в первую очередь крестоносцы занялись устройством комплекса храма Гроба Господня. В 1100 году умер Готфрид Бульонский, и его гробницу поместили при входе в часовню Адама у подножия Голгофы, что создало прецедент для захоронения всех последующих королей вплоть до 1187 года. В 1114 году было решено разместить при Гробе Господнем августинских каноников, и для них было построено большое отдельное помещение к востоку от византийского *triporticus* (крытой аркады византийского храма Гроба Господня), перестроенного в 1040-х годах.¹⁸

Крестоносцы уделили особое внимание эдикуле¹⁹ над самим Гробом Господним – небольшому, отдельно стоящему сооружению над гробницей, находящейся в ротонде Анастасис. Русский паломник Даниил Черниговский, посетивший Святую Землю в 1106–1108 годах, упоминает о серебряной статуе Христа в человеческий рост, помещенной франками на верху эдпулы. Свидетельство Даниила – единственный источник наших сведений о первых попытках крестоносцев украсить гробницу. Вот как описывает «Житие и

¹⁸ Когда в 325 году Елена, мать Константина Великого, нашла гробницу Христа, Константин велел соорудить на том месте первую церковь, строительство которой было закончено в 335 году. По его приказу с холма были вывезены все горные глыбы, кроме двух – одной из самой Голгофы, где был поднят крест, увенчанный дароносицей, и другой – из гробницы Христа, которую отделили огромной ротондой, дав ей название Анастасис, что означает Воскресение. Сама церковь возвышалась с восточной стороны ротонды и имела пять нефов и одну крипту в память о нахождении креста. Эта церковь была разрушена персами в 614 году. Реконструкция началась пятнадцатью годами позже. Крестоносцы увидели церковь в том виде, в котором она была создана при византийском императоре Константине Мономахе. Они сочли ее недостаточно красивой для места, где был погребен Спаситель, и начали работы по капитальной перестройке и украшению церкви.

¹⁹ Эдикула – ниша с колоннами, увенчанная фронтоном.

хождение игумена Даниила из Русской земли» церковь Гроба Господня: «Церковь Воскресения Господня такова. По форме она круглая; в ней двенадцать круглых цельных столпов, а шесть квадратных сложенных; она красиво вымощена мраморными плитами, дверей у нее шесть, а па хорах у нее шестнадцать столпов. А над хорами на потолке мозаичное изображение святых пророков – как живые стоят. А над алтарем мозаикой изображен Христос... Верх же церкви не до конца сведен камнем, но расперт каркасом из тесаного дерева, так что она без верха, ничем не покрыта. Под самым же тем непокрытым верхом – Гроб Господень... Это как бы маленькая пещерка, высеченная в камне, с небольшими дверцами, через которые может, став на колени, войти человек... Пещерка же та святая отделана снаружи красным мрамором наподобие амвона, и столбики из красного мрамора стоят вокруг числом двенадцать. Сверху же над пещеркой построен как бы теремец красивый па столбах, а наверху того теремпа стоит Христос, изваянный из серебра, выше человеческого роста». В 1119 году эдикула была заново украшена мраморной скульптурой и мозаиками. Известный рисунок Бернарда фон Брейденбаха,²⁰ распространявшийся в XV веке в виде гравюры на дереве, и раскрашенная модель Яна ван Скореля (1520-е годы) позволяют нам создать некоторое представление об эдикуле, но, к сожалению, не передают деталей франкских изменений, известных нам только по рассказам поздних паломников. Нужно отметить, что ранние работы в храме Гроба Господня отражали главным образом западные традиции.

В Иерусалиме заказчиками были короли и патриархи. В Вифлееме же сами паломники заказывали иконы для церкви Рождества Христова. В южном приделе этой церкви икона Богородицы с Младенцем Glycophilousa была написана прямо на колонне (пятой). На ней можно прочитать дату – 1130, это самый ранний образец из сохранившейся монументальной живописи крестоносцев. На этой иконе художник-европеец, наверняка учившийся писать в Византии, сочетает греческий тип изображения Богородицы на троне со свойственным итальянской живописи ощущением близких человеческих отношений между Марией и ее Сыном. Богородица написана на фоне пещеры, что здесь, в Вифлееме, может означать только грот Рождества. Таким образом, перед нами первый образец иконографии, связанной с конкретной святыней, причем икона написана для паломника художником, хорошо знакомым с византийскими, западноевропейскими и местными традициями.

Эта фреска 1130 года – важный пример перемены, которую мы наблюдаем в искусстве крестоносцев во втором поколении переселенцев. Фульхерий Шартрский²¹ во время захвата крестоносцами Тира в июле 1124 года писал:

«Посмотрите же и поймите, каким образом Господь в наши времена превратил Запад в Восток. Бывшие раньше уроженцами Запада, мы стали жителями Востока; бывший римлянин или франк стал здесь жителем Галилеи или Палестины; жившие в Реймсе или Шартре оказались горожанами Тира или Антиохии. Мы уже забыли родные места, и одни не знают, где родились, а другие не желают об этом и говорить. Некоторые уже владеют в этой стране домами и слугами по праву наследования; некоторые женились на иностранках, сирийках или армянках и даже на принявших благодать крещения сарацинках. Один живет с зятем, или невесткой, или тестем, другой окружен племянниками и даже внучатыми племянниками. Этот обрабатывает виноградники, тот – поля. Они говорят на разных языках, но уже научились понимать друг друга. Разные наречия становятся общими для той и другой нации, и взаимное доверие сближает самые несхожие народы. Чужеземцы стали местными жителями, и странники обрели пристанище».

Донаторами,²² способствовавшими переменам в искусстве после 1131 года, были

²⁰ Бренденбах написал книгу «Паломничество в Святую Землю», снабженную рисунками городов и достопримечательностей; книга была напечатана в 1483 году.

²¹ Фульхерий Шартрский – французский хронист, участник первого крестового похода.

²² Донатор – даритель, заказчик произведения, которое жертвовалось затем храму или городу.

патриархи иерусалимские, король Фульк и особенно королева Мелисанда – первые правители, коронованные в храме Гроба Господня. По инициативе Фулька было построено много замков. Во всех походах его армии несли с собой символ королевства – реликварный Честного Креста. Реликвии приобрели такое большое значение, что в Иерусалиме около Гроба Господня возник квартал златокузнецов и ювелиров, которые изготавливали специальные реликварии для паломников. Хранящийся в Барлетте реликварный Честного Креста был, вероятно, сделан в Иерусалиме около 1138 года.

Самым важным заказом короля Фулька была Псалтырь Мелисанды (начало 1135 года). Денег на эту рукопись король не пожалел. Не меньше семи человек работали над роскошным манускриптом: четыре иллюстратора (в том числе Базилеус – художник-крестоносец, работавший в византийских традициях), переписчик из северной Франции, резчик по слоновой кости (для изготовления обложки) и вышивальщик по шелку (для оформления шелкового с серебряными нитями корешка книги). В оформлении Псалтыри сказались вкусы крестоносцев, которые видели и византийском искусстве образец аристократизма, и религиозные чувства самой Мелисанды. Этот манускрипт – самая значительная из сохранившихся работ XII века скриптория²³ при Гробе Господнем; как и вифлеемская икона 1130 года, Псалтырь Мелисанды являла собою новую фазу в развитии искусства крестоносцев, объединявшего традиции Запада и Востока.

Королева Мелисанда была в 1131–1161 годах чрезвычайно важной фигурой в Латинском королевстве (см. главу 6): дочь короля Балдуна II, жена короля Фулька, мать двух королей – Балдуина III и Амальриха, Кня имела большое влияние как в политике, так и в культурной жизни. Отец Мелисанды был франком, а мать – армянкой, и она воплощала в себе это слияние восточной и западной культур, проявлявшееся в искусстве этого времени. 1140-е годы были особенно плодотворными для искусства крестоносцев, чему в немалой степени способствовала сама королева.

Знаменитый историк Латинского Востока Вильгельм Тирский, писавший в 1180-х годах, сообщает, что для своей младшей сестры Иветты Мелисанда построила монастырь св. Лазаря в Вифании, на месте погребения евангельского Лазаря. Судя по всему, она принимала живейшее участие и в других крупных проектах, одним из которых могла быть реконструкция монастыря св. Анны в то время, когда там находилась Иветта (до 1144 года). В 1141 году Купол Скалы²⁴ был прекращен в церковь *Tetplum Domini*, и, вероятно, именно Мелисанда дала средства на новые мозаики и на великолепную декоративную металлическую решетку внутри церкви. В начале 1140-х годов королевская резиденция была перенесена в южную часть цитадели, что, несомненно, было сделано при участии Мелисанды.

Но наиболее важным проектом 1140-х годов была реконструкция храма Гроба Господня. Хронисты на удивление мало пишут об этой церкви, бывшей целью всех паломников, патриаршим собором и главным храмом Латинского королевства. Храм Гроба Господня был освящен 15 июля 1149 года, спустя 50 лет после захвата Иерусалима крестоносцами и вскоре после того, как отбыли обратно в Европу руководители неудачного второго крестового похода.

План переделки существовавшей около Гроба Господня византийской церкви, вероятно, возник в начале 1130-х годов, когда церемония коронования стала проходить в Иерусалиме (раньше короли короновались в Вифлееме – см. выше). Основные работы проводились в 1140-х годах. Программа была очень впечатляющей: Святые Места оформлялись в контексте единого архитектурного комплекса, сосредоточенного вокруг эдпулы Гроба Господня. Голгофы и Темный Христовой (где, по преданию, находился

²³ Скрипторий – мастерская по переписке рукописей.

²⁴ Купол Скалы – мечеть Омара, построенная на месте Храма Соломона.

Христос вместе с двумя разбойниками во время приготовления орудий казни). Был разработан план паломнической церкви²⁵ в форме неравноконечного креста (по западному образцу) – с средокрестием, трансептом, хором, крытой внутренней галереей и системой радиусных часовен, – который позволял включить уже существующую ротонду в строение с двумя куполами колокольной и великолепным новым южным главным входом. И внутри, и снаружи на капителях появились выпуклые фигуративные и нефигуративные орнаменты, внутреннее пространство церкви и капеллы Голгофы покрылось мозаиками, из которых до наших дней сохранилась только одна – образ Христа. На южном фасаде трансепта мозаикой была выложена композиция на тему *Noli Me Tangere*,²⁶ перемычки украшены резьбой в итальянском стиле. Над левой дверью были изображены сцены из жизни Христа, связанные с Иерусалимом и его окрестностями. Над правой дверью перемычка в виде спирали с завитками напоминала дерево жизни (*arbor vitae*) под, вероятно находившимся на тимпане изображением Распятия. В реконструкции храма Гроба Господня, этом уникальном проекте крестоносцев, архитектурное и декоративное решение являло собой воплощение сплава восточных и западных традиций. Работы полностью завершились, вероятно, не раньше конца 1150-х годов, и храм стал образцом для последующих подобных проектов, например в Вифлееме и в Назарете. Какова бы ни была роль Мелисанды в реконструкции храма Гроба Господня, после перехода власти в руки Балдуина III (1152 год) единственный проект, связанный с ее именем, – это ее гробница в долине Иосафата, при входе в церковь Могилы Девы Марин. Вильгельм Тирский оставил нам словесный портрет этой выдающейся женщины. Балдуин III начал свое царствование с выпуска новой монеты с изображением Башни Давида, т. е. Иерусалимской цитадели, в которой удалось вырвать власть из рук своей матери. В 1153 он одержал важную военную победу – захватил Аскалон, находившийся с 1099 года под властью Фатимидов. С этого времени военно-монашеские ордена тамплиеров и госпитальеров начали играть главную роль в защите Латинского Востока. В этот период относительного процветания и стабильности в Рамле, Газе и в Севастии были сооружены церкви в Честь Иоанна Крестителя. Собор в Севастии, в котором находилась гробница св. Иоанна, был первой крупной латинской церковью на востоке, капители фасада которой были украшены фигурами людей и животных, как это было принято во Франции. Этот собор замечателен еще и тем, что и его архитектуре ясно видна прямая связь с собором в Сансе (Франция). Большинство же латинских церквей строилось в специфическом левантско-романском стиле, то есть с широкими стрельчатыми арками и плоскими крышами, которые часто увенчивались куполом.

Балдуин III не прославился как меценат, эта слава досталась его младшему брату Амальрику. В 1163 году Амальрик стал королем и вскоре после этого решил договориться с Византией о совместной борьбе против египетских Фатимидов. Он ввел монету с изображением византийского Анастасиса (ротонды в храме Гроба Господня), велел переделать королевские регалии по византийским образцам и в 1167 году женился на византийской принцессе Марии. Его наиболее важный вклад в искусство был также и актом государственной мудрости и церковной дипломатии. В 1167–1169 годах Амальрик совместно с императором Мануилом Комнином и епископом Вифлеема Ральфом участвовал в большом проекте по обновлению интерьера церкви Рождества в Вифлееме.²⁷

²⁵ Паломническими церквями называли романские храмы, в которых хранились ценные реликвии, привлекавшие большое число паломников.

²⁶ «Не прикасайся ко мне» – слова воскресшего Иисуса Христа, сказанные им Марии Магдалине, когда та пришла к гроту и не нашла в нем Иисуса, а потом встретила Его в саду и сначала не узнала, а приняла за садовника (Ин. 20:11–18).

²⁷ Базилика в Вифлееме была построена в 332 году Константином Великим, и строительство велось под наблюдением самой Елены, матери императора. До наших дней от этой постройки дошла только основная конструкция – пять нефов, разделенных колоннами, и небольшая часть древнего мозаичного пола. Базилика была разрушена почти два века спустя и восстановлена в VI веке Юстинианом, который добавил три апсиды,

В созданных в Вифлееме мозаиках и фресках соединились традиции восточного православия и пришедших с Запада крестоносцев. В надписи на латыни на южной стене алтаря, от которой сохранились лишь фрагменты, воздавалась хвала Амальрику как «щедрому другу, защитнику чести и врагу нечестивости», императору Мануилу как «щедрому дарителю и благочестивому правителю», епископу Ральфу – как «щедрому... достойному епископского трона». Там же по-гречески тоже написано о трех локаторах и приводится имя мозаичиста (Эфраим), закончившего работы в 1169 году.

Работы по внутренней отделке церкви имели не меньший размах, чем в храме Гроба Господня. В апсиде, трансептах и гроте были сделаны мозаики Мадонны с Младенцем, сцены из жизни Христа и сцена Рождества – все в византийском стиле, в центральном нефе на золотом фоне – мозаики с изображением первых семи вселенских соборов (на южной стене) и шести поместных (на северной стене). Под соборами располагались поясные изображения предков Христа. Между верхними окнами, освещающими хоры, шагающие ангелы направлялись в направлении апсиды (в промежутке между восьмым и девятым окном можно и сейчас прочесть имя автора – *Basilius pictor*). На внутренней западной стене находилось большое изображение «Древа Иессеева».²⁸

На колоннах нефа к уже существующим были добавлены новые фрески с изображениями восточных и западных святых с надписями по-латински и по-гречески.

Поскольку в украшении интерьера церкви Рождества приняли участие художники с различными традициями, этот храм стал вехой в развитии искусства крестоносцев. Мозаичист Базилеус, создавший в центральном нефе мозаики с ангелами, был православный сириец, в южном трансепте работал венецианский художник Зал (Иоанн), а руководил работами греческий монах и мозаичист Эфраим. В церкви Рождества византийские мозаики и греческий язык текстов решений соборов сочетаются с элементами искусства крестоносцев – такими, как «Древо Иессеево», двуязычные надписи, латинский язык на изображении седьмого вселенского собора и сама идея запечатления имен заказчиков и художников. Все это привело к очень гармоничному, изысканному, красивому результату, органично соединившему достижения различных культур.

Вифлеемские росписи, вероятно, вдохновили донаторов и на другие проекты – в Абу-Гоше, в капелле Дамасских ворот, в Вифании и даже в замке Крак-де-Шевалье, но при этом больше нигде не делались мозаики. Любопытен и тот факт, что наиболее важные последующие работы в Латинском королевстве (до падения Иерусалима в 1187 году) были скульптурными. В начале 1170-х годов госпитальеры украсили свой замок в Бельвуаре предметной скульптурой, а тамплиеры в 1170–1180 годах содержали большую мастерскую в Иерусалиме, и которой выполнялись скульптурные работы для монастырских зданий в районе *Tetplum Salomonis*. Наиболее важным проектом в 1170-х годах стала реконструкция церкви Благовещения в Назарете, стоявшей на месте дома, где жила Дева Мария и где к ней явился архангел Гавриил. Средства на эти работы дал архиепископ Назарета.

Храм Благовещения был единственной церковью на Латинском Востоке, портал которой украшался скульптурами как во французских церквях XII века: на тимпане фигура Христа на троне с ангелами, знаки зодиака на камнях свода, статуи апостолов и пророков по обеим сторонам дверей. Но наиболее интересна скульптурная программа внутреннего пространства храма. Эдикула над Гротом Благовещения была украшена замечательными многоугольными «повествовательными» капителями, на которых были изображены эпизоды из жизни апостолов, основавших, по преданию, эту церковь в честь Девы Марии. Более того, большие прямоугольные капители появились и на контрфорсах (опорах, придающих стене устойчивость). Скорее всего, авторами этих скульптур были франкские поселенцы, уже расположив их трилистником, переделал атриум в нартекс и соорудил две боковые лестницы, ведущие в грот Рождения.

²⁸ «Древо Иессеево» – иллюстрация к пророчеству Исаи о пришествии Мессии: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на нем Дух Господень» (Ис. 11:1).

родившиеся на Латинском Востоке и обученные мастерству французскими мастерами; в их произведениях прослеживается влияние как христианских традиций, так и мусульманской архитектурной скульптуры.

Украсить Назаретскую святыню монументальной скульптурой было довольно смелым решением (мы должны помнить, что эта скульптура, несомненно, была раскрашенной). Вероятно, авторы этого проекта стремились таким образом придать Назарету своеобразный, неповторимый облик. Это решение свидетельствовало и об изменениях, произошедших в искусстве крестоносцев: художники и скульпторы стали сочетать типично западные средства выражения с восточными стилистическими приемами и элементами иконографии. И если раньше наиболее заметные достижения искусства крестоносцев мы наблюдали в живописи (как в монументальной, так и в миниатюре) и в архитектуре, то в 1170–1180 годах главным способом выражения становится предметная скульптура.

После смерти Амальриха (1174 год) удача изменила Латинскому Востоку. Король Балдуин IV доблестно пытался противостоять Саладину, но в 1185 году умер от проказы. Его преемник Балдуин V пробыл у власти меньше двух лет (он умер в возрасте восьми лет). Скульпторы из мастерской тамплиеров изготовили для юного короля самую искусно украшенную из всех королевских гробниц. В это же время проводились работы по реконструкции и отделке Большой Горницы – места Тайной Вечери в церкви св. Марии на горе Сион. Большая Горница – один из последних проектов крестоносцев перед падением Иерусалима и один из немногих памятников, в которых заметно влияние готики на левантийско-романский стиль искусства крестоносцев XII века.

2 октября 1187 года, потерпев поражение в битве с армией Саладина при Гаттине, франки потеряли Иерусалим. Латинскому Востоку и, следовательно, искусству крестоносцев был нанесен сильный, почти смертоносный удар, и не только потому, что были потеряны земли, но и в силу того, что многое подверглось разрушению и уничтожению. После взятия Иерусалима мусульманский хронист Имад ад-Дин аль-Исфাহани писал: «Иерусалим был очищен от грязи злобных франков».

Третий крестовый поход частично восстановил Латинское королевство, к Латинскому Востоку прибавилась новая важная территория – Кипр, захваченный в 1191 году королем Англии Ричардом I Львиное Сердце. Но Святые Места остались под властью мусульман.

Искусство крестоносцев продолжало существовать и развиваться и после 1187 года, особенно после возвращения Акры в 1191 году, но контекст, в котором оно оказалось, изменился в корне. Главными городами стали порты Акра и Тир. Меценаты и заказчики переменили место жительства: патриарх Иерусалимский, госпитальеры и тамплиеры разместились в Акре, а что касается короля, то теперь он далеко не всегда жил на территории королевства, проводя много времени на Кипре. Появились и новые заказчики на предметы искусства – ими зачастую становились бюргеры, купцы и даже солдаты. Таким образом, на Латинском Востоке наравне с прежними, преимущественно церковными, стали существовать и новые, светские формы искусства крестоносцев. Искусство теряет свою непосредственную связь со Святой Землей, со Святыми Местами и становится частью торгового и художественного «языка франков» (Пандиа Гатса) средиземноморского мира XIII века.

Конечно, какая-то преемственность с искусством XII века сохранялась. В 1190-х годах скриптории в Акре (и, возможно, в Антиохии) занимались книжной миниатюризацией. Находящийся сейчас в Неаполе молитвенник был, вероятно, сделан южно-итальянским художником, работавшим в Акре в стиле скриптория при Гробе Господнем. А в монументальной Библии, хранящейся в Сан-Даниэли-дель-Фриули, буквы в виде людей и животных выполнены в уникальной изысканной манере, сочетающей византийские, армянские и даже сирийские элементы стиля и иконографии. Ничего подобного этим буквам не было ни в Иерусалиме, ни на Западе. Неповторимый стиль неизвестного художника может быть объяснен разве что в контексте искусства Антиохии, несмотря на отсутствие схожих примеров в ту эпоху.

Поскольку Святые Места после третьего крестового похода оставались в руках

мусульман, папа Иннокентий III в 1202 году направил на Восток еще один крестовый поход. Как мы уже знаем, он отклонился к Константинополю, и в результате после 1204 года на Ближнем Востоке возник третий латинский анклав. Нам известно, что в Латинской империи, состоявшей из Константинополя и франкской Греции, строилось много замков, но мало что сохранилось от церковной живописи и скульптуры. Открытым остается и вопрос, развивались ли в империи книжная миниатюра и иконопись. До нас дошел только один большой цикл фресок с изображениями святого Франциска в часовне св. Франциска Ассизского в константинопольской церкви Христа Акаталептос (Календеране Джами); он был создан примерно в 1250 году. После разграбления Константинополя участниками четвертого крестового похода в Европу было отправлено большое количество трофеев, в том числе реликварии и другие предметы ювелирного искусства. Однако у нас нет достаточных оснований считать, что в Латинской империи успешно развивалось франкское искусство, связанное с работой по металлу.

Несмотря на перемирие с мусульманами, необходимость в строительстве новых замков в Латинском королевстве сохранялась. В связи с этим госпитальеры расширили и укрепили свой огромный замок Крак-де-Шевалье (вероятно, после землетрясения 1202 года): были выстроены дополнительные внешние стены и сторожевые башни, главная часовня была переделана – у нее появился новый южный вход, а на северной стене часовни, стоявшей вне замка, была написана фреска на тему Введения во Храм. Живопись в Крак-де-Шевалье и в часовне замка Маргат, выполненная в 1200-х годах, свидетельствует о том, что военномонашеские ордена (и особенно госпитальеры) заказывали для своих «обитателей» предметное искусство. Зимен 1217–1218 года тамплиеры с помощью участников крестовой экспедиции под командованием Андрея II Венгерского и Леопольда VI Австрийского возвели замок Шастель – Пелерен (Chastel Pelerin). Замечательная круглая церковь была наиболее заметным архитектурным компонентом замкового ансамбля, но сейчас от нее остались лишь руины, а от фигуративного декора замка сохранились лишь три искусно выполненные резные головы в готическом стиле на консолях большого зала. Во время крестового похода Фридриха II в конце 1220-х годов в горах к северо-западу от Акры был построен замок Монфор (Montfort), ставший штаб-квартирой тевтонских рыцарей. Это один из первых замков крестоносцев. На месте которого производились раскопки: было найдено много разных предметов, в том числе фигуративная скульптура небольшого размера, лепная скульптура, украшенная листовым орнаментом, и фрагменты цветных витражей.

После 1204 года на помощь Святой Земле неоднократно направлялись военные экспедиции. Но только Фридриху II удалось вернуть Святые Места, причем не насильственным путем, а с помощью дипломатии. В феврале 1229 года Фридрих подписал договор с султаном аль-Камилем, по которому христиане могли вернуться в Иерусалим, Вифлеем, Лидду и Назарет, но они не имели права на новые застройки или на сколько-нибудь заметные изменения, в том числе и художественные, Святых Мест.

Нам не известны почти никакие значительные произведения искусства Латинского Востока, созданные в 1220 – начале 1240-х годов. Похоже, впрочем, что рукописи продолжали иллюстрироваться (Псалтырь Риккардиана [Riccardiana Psalter], находящаяся сейчас в Британском музее). В 1230—1240-х годах в Англии были получены важные реликвии, вероятно – в соответствующих реликвариях, изготовленных в Латинском королевстве, возможно – в Иерусалиме. Филипп д'Обиньи заказал себе могильную плиту с надписью и с украшениями, в 1236 году он был похоронен под ней около входа в храм Гроба Господня (это – последнее известное нам захоронение крестоносца в этом Святом Месте).

Когда перемирие, заключенное Фридрихом в 1229 году, истекло, вновь начались открытые военные действия, и в августе 1244 года хорезмийские турки захватили и разграбили Иерусалим. Из Святых Мест христианам остались доступны лишь Вифлеем и Назарет. В 1248 году на помощь Святой Земле поспешил король Франции Людовик IX. После неудачной попытки завоевать Египет он прибыл в Латинское королевство, где провел четыре года, укрепляя Акру, Кесарию и Яффу. По его инициативе был также построен новый

замок в Сидоне. Людовик вдохнул новую жизнь в религиозную и культурную жизнь королевства. Он был чрезвычайно благочестивым монархом, и его посещение святыни в Назарете (1251 год) еще раз подчеркивало ту центральную роль, которую играли Святые Места в европейском христианстве.

Людовик также повлиял на развитие живописи крестоносцев в Акре. Во время его пребывания на Востоке в Акре были изготовлены две очень важные рукописи, которые определили стиль и уровень франкской живописи во второй половине XIII века. Одна из них, «Арсенальная Библия» (Arsenal Bible), представляла собой собрание избранных текстов из Ветхого Завета, переведенных на старофранцузский язык, и содержала королевскую программу украшения фронтисписа. Эти миниатюры утверждают идеалы королевской власти в Святой Земле и прославляют знаменитых женщин Ветхого Завета (возможно, в честь отважной жены Людовика Маргариты, последовавшей за мужем в крестовый поход и выкупившей его из египетской тюрьмы). Стиль «Арсенальной Библии» объединяет орнаментальные мотивы готических витражей с византийскими формами; вероятно, над этой книгой работал франкский живописец, обученный в франко-итальянских традициях. Эту работу можно сравнить с фресками святого Франциска в Константинополе.

Те же франко-итальянские художественные особенности с сильным византийским влиянием видны и во второй акрской рукописи – Перуджинском Служебнике (Perugia Missal). Стиль Служебника близок к стилю Арсенальной Библии и напоминает иконопись, сохранившуюся в монастыре св. Екатерины на горе Синай: сравните распятие в рукописи с иконой Распятия в монастыре св. Екатерины, и вы увидите очень схожую стилистику и иконографию.

В 1250–1291 годах наблюдается появление иконописи как нового средства выражения в искусстве крестоносцев. И хотя в XII веке уже писались иконы для франкских заказчиков, наибольшее их количество сохранилось именно со второй половины XIII века (главным образом, в монастыре св. Екатерины на горе Синай). Из всего франкского искусства эти иконы представляют наибольшую трудность в определении уого, где они были написаны, откуда происходили их авторы, кто был Заказчиком и т. д., но они являются самыми замечательными примерами франкского искусства того времени. Возьмем хотя бы двустороннюю икону с изображением Распятия на одной стороне и Воскресения на другой и посмотрим, что мы можем о ней сказать. Вероятно, она была выполнена художником венецианского происхождения, иконография совмещает византийские и франкские элементы, надписи сделаны ольшпми, красивыми латинскими буквами, а выразительный стиль с четкими наклонными линиями напоминает византийский оригинал, которому подражал иконописец.

Некоторые иконы крестоносцев выполнены несколькими художниками. Например, на центральной панели триптиха, находящегося в монастыре св. Екатерины, изображена на троне Мадонна с Младенцем в окружении ангелов, а на боковых панелях – четыре сцены из жизни Христа, отражающие радости и горести Девы Марин. Эти сцены выполнены в стиле, напоминающем миниатюры в Арсенальной Библии, а Мадонна с Младенцем написана в манере итальянской живописи XIII века со следами влияния византийской иконописи.

Это центральное изображение триптиха является ярким примером сложности изучения искусства крестоносцев после 1250 года. Необходимо ответить на множество вопросов. Как различные живописные произведения франков соотносятся с византийским (константинопольским и провинциальным), армянским, итальянским (*maniera greca* – греческая манера) и кипрским (*maniera surlia* – кипрская манера) искусством этого периода, а также с искусством «*lingua franca*», находящимся под большим влиянием Византии, но явно не византийским по своему происхождению? К тому же нам неизвестно, где именно, в каком художественном контексте и для какого заказчика эти произведения создавались. Мадонна с Младенцем на нашем триптихе, например, безусловно является произведением искусства крестоносцев, если судить по смешению художественных элементов, и, вероятно, была написана в Акре, в то время как Мадонна (Kahn Madonna) в Национальной галерее в

Вашингтоне считается константинопольской, будучи выполненной в чисто византийском стиле, а Мадонна в музее изобразительных искусств им. Пушкина в Москве выполнена в греческой манере (*maniera greca*) и местом ее написания считают Пизу. С другой стороны, знаменитая «Mellon Madonna» в Национальной галерее в Вашингтоне представляет собой пример искусства «*lingua franca*».

Несмотря на все эти трудности, был достигнут определенный прогресс в изучении иконописи крестоносцев. Кроме икон, считающимися акрскими (из-за стиля) и синайскими (из-за привязанности иконографии к конкретному месту в 1250–1291 годах), мы знаем теперь иконы крестоносцев, происхождение которых прослеживается к лиде (икона св. Георгия, теперь в Британском музее), Ресафе (икона св. Сергия, теперь на Синае), к области Кадисской долины около Триполи (икона св. Марины, теперь в Менильской коллекции в Хьюстоне). Может быть, другие «проблематичные» иконы, например – многочисленные Мадонны с Младенцем «Одигитрия» в монастыре св. Екатерины на Синае, смогут пролить свет на развитие искусства на Кипре.

В 1254 году Людовик IX вернулся во Францию, и с этого времени территории, принадлежащие франкам, стали катастрофически уменьшаться, методично захватываемые неумолимыми мамлюками. Но и в эти опасные времена художественная деятельность в Акре не прекращалась; более того, даже появился новый тип светского искусства. Отрезанные от своих братьев-христиан, поселенцы все больше и больше рассчитывали не на своих художников, а на приезжавших с Запада. Последним крупным художником-крестоносцем, которого удалось идентифицировать, был иллюстратор, прибывший из Парижа где-то после 1276 года; он работал в Акре в последнее десятилетие ее существования. Этот «Мастер-Госпитальер» руководил большой мастерской, которая выполнила несколько иллюминированных рукописей, главным образом – светских, для членов ордена св. Иоанна и других заказчиков. Среди его работ – иллюстрированная «History of Outremer» Вильгельма Тирского, «Histoire Universelle», «Livre de Cesar» и даже «Livre des Assises» Жана д'Ибелина – все на старофранцузском языке. Художник работал в стиле французской готики 1270-х годов, восточная же атмосфера добавила к этому стилю новые сочетания красок и элементы иконографии. «Мастер-Госпитальер» не закончил свой последний цикл иллюстраций, и его рука больше нигде не встречалась. Мы можем только гадать, не умер ли он во время последней осады Акры в мае 1291 года.

Те франкские поселенцы, которые остались в живых после падения Акры, частично переселились на Кипр, где ненадолго обосновались госпитальеры и тамплиеры. Франкская культура восточного Средиземноморья продолжала существовать на Кипре Лузиньянов, во франкской Греции и, после 1309 года, на Родосе. Но то многонациональное, многокультурное искусство крестоносцев, процветавшее в поселениях на сирийском и палестинском побережье и особенно в Иерусалимском королевстве, уже нигде не воскресло с прежней силой. Латинский Восток продолжал существовать после 1291 года, хотя и в совершенно других условиях, но искусство крестоносцев умерло.

В XII веке искусство крестоносцев развивалось во всех направлениях и во всех формах, в XIII веке же главными средствами выражения стали архитектура и живопись. После 1187 года франкское искусство, испытав сильное влияние Византии и восприняв некоторые аспекты сирийской и армянской традиций, соединило все это с западно-европейской культурой (особенно французской и итальянской), что в результате дало яркий феномен синтеза многих художественных традиций. Искусство крестоносцев было частью «*lingua franca*» Средиземноморского мира, но при этом оно не теряло своего неповторимого образа.

Развитие искусства крестоносцев в 1187–1250 годах было гораздо менее последовательным, чем раньше, но становление Акры в 1250-х годах как центра франкской живописи придало новый импульс художественной культуре крестоносцев. И если в XII веке искусство крестоносцев черпало вдохновение из религиозной и политической значимости Святых Мест в Иерусалиме, Вифлееме и Назарете, то после 1250 года, а точнее, даже после 1187 года, паломническая тема потеряла свое прямое влияние. В XIII веке искусство

крестоносцев превратилось в искусство процветающих торговых портовых городов. А тот факт, что от этого искусства сохранилось очень немного, свидетельствует о целенаправленной мусульманской политике «очищения» отвоеванных территорий от всех следов франков. Христианские Святые Места после 1291 года не разрушались мусульманами, но в Назарете и в других местностях было провозглашено, что «камень не будет поставлен на камень, чтобы возродить церковь».

В итоге оказалось, что крестоносцы не смогли достичь тех целей, которые поставил перед ними в 1095 году Урбан II. Но они создали великолепное искусство, которое осталось жить в веках.

Глава 8

Архитектура Датинской востока

1098–1571

ДЕНИС ПРИНГЛ

В постройках латинских поселенцев на Левантском материке и на Кипре представлены почти пять веков развития архитектуры – от романизма до Возрождения. Несмотря на различные художественные традиции новоприбывших и разнообразие культур, с которыми они столкнулись на Востоке, франки сумели выработать собственный целостный и своеобразный архитектурный стиль.

В средние века в Леванте традиционными строительными материалами были известняк, песчаник и базальт. Из мела и известняка изготовлялись известковый раствор и штукатурка. Каменоломни обычно находились недалеко от места строительства, хотя лучшие виды песчаника, поддающиеся обработке по всем направлениям, иногда перевозили за несколько километров. Например, в Бельвуаре в Галилее (1168–1187) большая часть замка была построена из местного базальта, добытого из близлежащего карьера, а белый известняк хорошего качества для часовни везли 15 километров.

В Сирии и Палестине для стен использовался более твердый известняк, известный как *pari*, а более мягкий (*maliki*, или «королевский») – для угловых камней кладки, дверей, окон и скульптурного орнамента. В некоторых местностях, например в Вифлееме, известняк был настолько твердым, что его можно было использовать как мрамор. Однако источником всего настоящего мрамора, из которого были сделаны такие памятники, как королевские гробницы в храме Гроба Господня или изысканная архитектурная скульптура комплекса Храма Соломона, были античные колонны и саркофаги, завезенные в Палестину и римские и византийские времена. Для придания прочности портовым строениям и фортификациям в Акре, Аскалоне, Сидоне. Яффе и Кесарии франки использовали цилиндрические секции античных колонн – как мраморные, так и гранитные (точно так же поступали до них и Фатимиды).

Во время мусульманского завоевания Леванта (VII век) большая часть лесов страны уже была вырублена. В средние века и Леванте деревья для строительства можно было найти только в кедровых рощах на горе Ливан или в знаменитых лесах около Бейрута, откуда в 1184 году епископу разрешили привезти балки для кафедрального собора. У некоторых зданий, таких, как мечеть Эль-Акса (*Templum Salomonis*), мечеть Омара (Купол Скалы – *Templum Domini*) в Иерусалиме и церковь Рождества в Вифлееме, крыши были деревянные, но материал для них был привезен еще в византийские времена из других стран, а когда чинили крышу в Вифлееме (ок.1480), лес везли из Венеции. И хотя дерево часто использовалось при строительстве (для возведения строительных лесов и для кружал,²⁹ а иногда и для некоторых деталей здания – например, для антресолей: в замковых башнях, для балконов и т. п.), все-таки основным материалом был камень. И именно это больше чем что

²⁹ Кружало – металлическая или деревянная дуга, на которой возводят свод, арку и пр.

бы то ни было отличает архитектуру крестоносцев в Леванте.

Конечно, древесина использовалась для внутренней отделки домов, замков и церквей, но эти предметы не сохранились. Архитектурные металлические детали тоже почти все пропали. До наших дней дошла лишь часть декоративных металлических решеток, опоясывавших скалу в Templum Domini; похожие решетки можно увидеть в мечетях Каира.

Заказчики строительства нам иногда известны (либо по документальным источникам, либо по настенным надписям), но о самих строителях мы, как правило, ничего не знаем. Известна только одна надпись в православном монастыре преподобного Георгия Хозевита (между Иерусалимом и Иерихоном), на греческом и арабском языках, которая перечисляет имена тех, кто в 1179 году восстанавливал монастырь: сирийские христиане Ибрахим и его братья, сыновья Мусы из Джифны. Наиболее умелыми каменщиками на Латинском Востоке были, по всей видимости, греки, армяне (чьи опознавательные знаки мы видим в церкви Благовещения в Назарете), сирийские христиане и франки.

Иерусалимское королевство, графства Эдесское и Триполи и княжество Антиохийское

Завоевавшие Левант мусульмане ввели ограничения на строительство новых церквей, В правление халифа аль-Хакима (996—1021) почти все храмы на территориях, находившихся в сфере влияния Фатимидов, были уничтожены (включая и храм Гроба Господня). В 1036 году византийцам разрешили восстановить храм Гроба Господня, тогда же заново отстроили несколько православных церквей около Иерусалима, в том числе монастырь Креста (ок. 1020–1038) и церкви св. Иоанна в Эйн-Кареме и в Севастии. В 1058 году яковиты (сирийские христиане-моно-физиты) восстановили церковь св. Марии в Абуде, а итальянские монахи-бенедиктинцы – церкви св. Марии Латинской и св. Марии Магдалины (для монахинь) в Иерусалиме. Но, тем не менее, прибывшие в Левант крестоносцы оказались в стране с очень небольшим количеством церковных зданий.

С приходом крестоносцев возрождали старые храмы и строили новые не только латиняне, но и местные христиане. В 1160-х годах был перестроен армянский кафедральный собор св. Иакова. Разумеется, при планировке этой церкви в первую очередь принимались во внимание необходимые условия для совершения армянской литургии, однако отделка, которую мы видим на капителях и дверях, похожа на франкские работы того же времени; более того, отметки на кладке нартекса³⁰ позволяют заключить, что строительные работы были организованы по западному образцу. Большая яковитская церковь св. Марии Магдалины в бывшем Еврейском квартале (сейчас – мусульманский квартал) города тоже, вероятно, построена в XII веке.

В 1160-х и 1170-х годах относительно хорошие отношения между византийским императором Мануилом I Комнином и иерусалимскими королями Балдуином III и Амарихом ознаменовались проектами по реконструкции многих православных церквей и монастырей, например, монастыря преподобного Георгия Хозевита, церкви св. Ильи недалеко от Вифлеема, церквей св. Иоанна Крестителя на Иордане и св. Марии Каламонской около Иерихона. В самом Иерусалиме были восстановлены, в частности, церкви св. Архангела Михаила, св. Николая и св. Феклы. В Вифлееме в церкви Рождества были обновлены фрески и мозаики на средства, пожертвованные византийским императором, хотя церковь находилась под юрисдикцией латинского епископа. По всей видимости, в XII веке в Вифлееме, так же как и в храме Гроба Господня в Иерусалиме и в соборе св. Георгия в Лиде, православные и латинские священнослужители мирно уживались.

Патриарший собор Иерусалима, храм Гроба Господня, – самое святое из всех святых мест: место смерти, погребения и воскресения Христа. В 1042–1048 годах византийцы переделали ротонду над Гробницей Христа в церковь, прибавив галерею и восточную

³⁰ Нартекс (притвор) – входное помещение христианского храма в виде крытой галереи или открытого портика.

апсиду.³¹ В первой половине XII века латиняне увеличили здание, убрав апсиду и построив на ее месте хоры³² и трансепт,³³ объединив таким образом под одной крышей все места, связанные со Страстями Господними, – такие, как Темница Христа, Голгофа и Камень Помазания. К востоку от храма, на месте большой базилики, возведенной Константином I (335 г.) и разрушенной аль-Хакимом (1009 г.), они создали крытую аркаду (клуатр), расположив вокруг нее монастырские здания для каноников, служивших в храме. Под клуатром находилась крипта с часовней св. Елены (св. Елена, по преданию, нашла крест, на котором был распят Христос).

Нам ничего не известно об архитектуре патриаршего собора в Антиохии. Однако сохранились многие другие соборы латинских архиепископов и епископов, а также мы обладаем историческими описаниями и археологическими данными. Самыми большими были архиепископские соборы в Тире и Назарете. Последний занимал площадь примерно 68X30 м. Сегодня мало что осталось от этого грандиозного здания – оно было разрушено в 1263 году султаном Бейбарсом, и на его месте в 1959–1969 годах построили новую церковь. Насколько мы знаем, это была однефная базилика с тремя приделами и с семью нишами, заканчивавшаяся тремя сильно выступающими апсидами; восточная ниша была почти квадратной – это может означать, что первоначально она увенчивалась куполом или световым барабаном. Контрфорсы³⁴ нефа были сделаны в форме креста. В северном приделе располагалась эдикула над Пещерой Благовещения (или Дома Девы Марии). Собор в Тире был похож по размерам на назаретский, но имел I выступающие трансепты.

Другие кафедральные церкви, кажется, не обладали столь величественными размерами. В Кесарии в 1960–1961 годах при раскопках обнаружили остатки кафедрального собора. Его общая площадь – всего 155X22 м, это церковь с тремя приделами и полукруглыми апсидами с восточной стороны. Как и в других небольших церквях, свод покоился на прямоугольных контрфорсах с полуколоннами,³⁵ неф (как, вероятно, и приделы) имел крестовый свод. Были найдены также фрагменты пола, сделанного из кубиков мозаики и мрамора. Это здание, по всей видимости, было построено в середине XII века, однако восточная его сторона после ущерба, нанесенного церкви в 1191 или в 1219–1220 годах, перестраивалась. Новые пилястры³⁶ отличаются от старых и не совсем совпадают со своими основаниями. На время реконструкции перед святилищем была возведена временная апсида, чтобы можно было проводить богослужения.

Кафедральные соборы таких же или схожих размеров и стилей строились в XII веке во многих местах – в Бейруте, Джубейле, Тортосе (Тартусе), Караке, Хевроне и Лидде. Церковь в Хевроне была очень узкой, и сделано это было для того, чтобы она смогла поместиться внутри огороженной территории при гробнице древних патриархов Авраама, Исаака и Иакова (с их женами – Саррой, Ревеккой и Линой). Эта церковь была сооружена вскоре после того, как в 1120 году один из августинских каноников случайно обнаружил вход в

³¹ Апсида – выступ здания, перекрытый полукуполом или полусводом; в христианских храмах располагается в алтарной части храма.

³² Хоры – верхняя (на втором ярусе) открытая галерея или балкон, где располагались певчие.

³³ Трансепт – поперечный неф (проход) в церковных зданиях.

³⁴ Контрфорс – устой, поперечная стенка или вертикальный выступ, укрепляющий основную несущую конструкцию.

³⁵ Полуколонна – колонна, выступающая из плоскости стены по всей высоте на половину диаметра.

³⁶ Пилястр – плоский вертикальный выступ стены в виде части четырех-столба, как правило, с каннелюрами (вертикальными желобками в стволе столба) и капителями (венчающими частями столба).

пещеру-гробницу с мощами патриархов.

Собор в Джубейле (1115 год) тоже построен по несколько неправильному плану, может быть, это связано с тем, что раньше на этом месте стояла другая церковь. Первоначально собор имел три придела с шестью нишами и полукруглые апсиды, аркада нефа держалась на удлиненных четырехугольных столбах с полуколоннами на западной и восточной сторонах, свод нефа был цилиндрическим, а своды приделов – крестовыми. Однако в 1170 году здание было сильно повреждено во время землетрясения, после чего восстановили только восточную его часть. Как и в Кесарии, при реконструкции столбы с полу колоннам и были заменены гладкими прямоугольными. К северу от третьей ниши находится открытый баптистерий (вероятно, сохранившийся от первоначального строения), состоящий из трех арок с зигзагообразной лепниной, которые поддерживают купол на парусах свода.

Некоторое развитие этого стиля заметно в Севастии. Севастийскую церковь построили в 1170-х годах, она была четырехугольной (54X26 м) с выступающей центральной апсидой, фасад которой был украшен (как и в бейрутском соборе) округлыми пилястрами. Центральным неф имел четыре ниши, три из которых увенчивались состоявшими из шести частей нервюрными сводами, а четвертая (вторая с востока) образовывала трансепт с куполом или световым барабаном. Столом нефа, поддерживавшие свод, перемежались парами свободно стоящих колонн, которые первоначально, возможно, предназначались для поддержки верхнего ряда окон и нервюрных сводов приделов. Нурш Кенаан-Кедар в своей недавней работе выдвигает гипотезу, что эта постройка могла быть спланирована и выполнена кем-то, кто был хорошо знаком с собором в Сансе, архиепископ которого в 1170-х годах помогал Севастии. К этому же периоду относится и близстоящая церковь у Колодца Иакова, схожая с первой по стилю, хотя и не по планировке.

В Тортосе строительство собора началось, предположительно, во второй четверти XII века, но закончено было только в XIII. Капители колонн нефа демонстрируют стилистические изменения от романизма (в восточной части) к ранней готике (в западной). В XII веке во время мусульманских набегов франкские жители таких городов, как Яффа, Лидда и Назарет, нередко спасались на крышах церквей. Однако собор в Тортосе, единственный из сохранившихся латинских церквей, имеет признаки фортификационных работ. Две прямоугольные ризницы в форме башен, выступающих с северо-восточного и южно-восточного углов здания, явно предназначались для обеспечения флангового прикрытия, а опоры, видные на северной и южной стенах, вероятно, поддерживали навесные бойницы (как и на церкви Сент-Мари-де-ла-Мер в Камарге [конец XIII века]). Камиль Энлар нашел также следы двух башен над нишами западного придела. Такое превращение храма в небольшой замок произошло, вероятно, в 1260-х годах, когда Тортосе угрожали мамлюки.

Латинские приходские церкви строились там, где жили франки. А они, в основном (за исключением некоторых областей, таких, как Иерусалим и Акра, где франки довольно часто селились и в сельской местности), обосновывались в городах, и только очень немногие проводили свои дни в деревнях, замках и сельских монастырях. В Газе, Рамле и Наблусе приходские церкви не уступают размерами кафедральным соборам. Приходские церкви более скромных размеров находятся в Амиуне, Аль-Бире, Аль-Кубайбе, Ионе, Бант-Нубе, Саффурие, Тиверии и Каймуне. Деревенские церкви чаще всего были похожими на прямоугольные коробки с цилиндрическим или крестовым сводом над нефом и полукруглой апсидой; такие церкви можно видеть в Фаме, Синджиле, Баитине, Даббурийе, Зирине, Амвасе и в городах Тиверия и Бейрут.

Важным элементом латинской религиозной жизни на Востоке были монашеские ордена. В XII веке августинские каноники перестроили церковь Вознесения на Масличной горе по восьмиугольному плану (по такому же плану был построен Тетрлит Випит [Купол Скалы], где они также служили). В долине Иосафата над византийской криптой с гробницей Богородицы была построена новая церковь, и к западу от нее появились постройки бенедиктинского аббатства. Сразу за иерусалимскими Иосафатовыми воротами³⁷ при

³⁷ Сейчас называются Львиными воротами; мусульмане называют их еще Вороними Девы Марин, поскольку,

церкви св. Анны жили бенедиктинские монахини. Второй по размеру после храма Гроба Господня была церковь Св. Марии на горе Сион, построенная на месте Успения Божьей Матери. До наших дней от нее сохранилась лишь часовня над южной галереей, которая когда-то находилась над святилищем главной церкви и считается той самой комнатой, где совершилась Тайная Вечеря. Раннеготический нервюрный свод этой постройки был изменен, вероятно, в конце XIV века, когда часовня перешла к францисканцам.

За пределами Иерусалима бенедиктинцы имели большой храм на оре Фавор, на месте Преображения Господня. В 1143 году бенедиктинские монахини с помощью короля Фулька и королевы Мелисанды основали в Вифании аббатство св. Лазаря, включив в него как старую изантийскую церковь, теперь посвященную св. Марии и Марфе, так новую, посвященную св. Лазарю, построенную над самой его гробницей. В 1157 году цистерцианцы основали обитель в Бельмонте около Триполи, а в 1161 году – еще одну, названную Спасение, около Иерусалима. Скит Бельмонтской обители (св. Иоанн в Лесах) возник в 1169 году в Эйн-Кареме. Планы этих построек очень скромны – вокруг небольшого прямоугольного двора расположены однефная церковь и монастырские строения, что совершенно не похоже на цистерцианские монастыри Европы. Более классическая цистерцианская церковь в форме креста была воздвигнута монахами ордена премонстрантов над могилой пророка Самуила, к северо-западу от Иерусалима. В 1220–1283 годах кармелиты тоже построили небольшую церковь и монастырь на западном склоне горы Кармель.

Церковная архитектура военно-монашеских орденов требует специального рассмотрения. На Западе некоторые из сохранившихся храмов и капелл тамплиеров и госпитальеров построены по круглому или многоугольному плану, вероятно – в подражание ротонде храма Гроба Господня (или, в случае тамплиеров, церкви *Tetplum Domini*), однако на Латинском Востоке церкви этих орденов обычно имели более привычную прямоугольную форму. Таковы, например, часовни госпитальеров в замках Крак-де-Шевалье, Маргат и Бельуар и их церкви в Баит-Джибрин, в немецком госпитале в Иерусалиме (Св. Мария Немецкая) и в Абу-Гоше (*Castellum Emmaus*). Последняя была построена около 1140 года в воспоминание о встрече воскресшего Христа с учениками по дороге в Эммаус. Замковые часовни тамплиеров в Тортосе и Шастель-Бланке тоже были прямоугольными, причем последняя имела форму донжона.³⁸

Кроме церковных зданий, латинские поселенцы за время своего пребывания в Леванте воздвигли немало и гражданских построек. Из них до сих пор изучались главным образом замки, большинство же остальных сооружений относятся к разряду гражданского строительства.

Большинство городов и селений Латинского Востока существовали с давних времен, они возникли и были обнесены стенами задолго до прихода крестоносцев. Поэтому существует очень немного свидетельств о работах над городскими стенами в XII веке. После же 1187 года, когда франки потеряли материковые территории и под их контролем осталась только узкая прибрежная полоса, они стали активно заниматься укреплением таких городов, как Аскалон, Бейрут, Тир, Сидон, Акра, Кесария, Яффа и Тортоса, причем средства для этого они, как правило, получали с Запада.

Города обеспечивались водой из цистерн и колодцев, хотя в Тире, Антиохии, Кесарии и Иерусалиме сохранились древние акведуки. В Иерусалиме и по сей день существуют крытые рынки XII века, и над входом многих лавок написаны слова *SCA ANNA*, что означает, что они принадлежали аббатству св. Анны. В Акре сохранилась часть здания королевской таможни. В Тире, Сидоне, Кесарии, Арсуфе и Яффе сохранились и портовые сооружения

по преданию, она здесь родилась, а христиане – Ворота святого Стефана, потому что здесь первомученик Стефан был забросан камнями

³⁸ Донжон – главная сторожевая башня средневекового замка.

крестоносцев, включая те, которые были созданы во времена Аббасидов и Фатимидов;³⁹ а недалеко от замка тамплиеров Шастель-Пелерен при раскопках были обнаружены бани XIII века.

Документальные и археологические данные свидетельствуют о существовании двух различных типов городских домов. О восточном типе, обращенном к улице глухой стеной, а фасадом – на внутренний двор, в котором находилась цистерна для сбора дождевой воды с крыш, мы знаем из иерусалимских письменных источников и из результатов раскопок в Кесарии. Найденные в Кесарии дома были, вероятно, построены в XI веке, но подверглись расширению и всяческим переделкам в XII веке, когда в них поселились франки. Второй тип домов – скорее, западный, они похожи на дома в средиземноморских городах: на первом этаже находились открывавшиеся на улицу лавки, магазины или лоджии, а верхние этажи были жилыми. Примеры этому можно найти в Иерусалиме, Акре, Кесарии и Наблусе. Новые жители старых городов не только пользовались уже сложившейся инфраструктурой, но и осуществляли новые проекты. В Акре к 1212 году было застроено и окружено стенами новое предместье – Монмусар, что увеличило размеры города вдвое. В 1220–1265 годах появился окруженный стенами пригород при тамплиерском Шастель-Пелерене. Мы также знаем о «новых городах» франков, которые находились в сельской местности и были сельскохозяйственными центрами, однако при этом имели городскую площадь и среди их жителей были и торговцы, то есть эти центры представляли собой будущие города. Подобные поселения в Аль-Кубанбе (*Paḡva Mahumeria*), Аль-Бире (*Madpa Mahumeria*) и в Аль-Зибе (*Casal Imbert*) были построены по четкому плану, дома выходили на главную улицу, а за ними тянулись арендованные у местного феодала участки земли. В Аль-Шаубаке (*Montreal*) в Трансиордании и в Милье (*Castrum Regis*) в Галилее поселения находились внутри стен замков.

Археологи нашли ряд гражданских построек и в сельской местности. По функциональному признаку их можно охарактеризовать так: замки, принадлежавшие магнатам или военно-монашеским орденам; маленькие замки или укрепленные усадьбы (по типу английской *moated manorhouse* – усадьба, обнесенная рвом), в которых жили не слишком богатые феодалы и рыцари; судебные здания (*курии*), где размещались местные чиновники, управляющие или деревенские старейшины, п. наконец, обычные деревенские дома франков и местных жителей. К сожалению, эти постройки сохранились плохо, и многие уже давно превратились в руины.

Деревенских домов сохранилось совсем мало. Наиболее прочные постройки в «новом городе» в Аль-Кубайбе – дома городского типа, с мастерскими на первом этаже и жилыми помещениями наверху. До наших дней дошли и несколько рыцарских резиденций, например – к Хирбат-аль-Бурдже, Кидне и Баит-Итабе. Последний первоначально был отдельно стоящим двухэтажным зданием (13,3X29 м), его входная дверь была защищена навесной бойницей со смотровой щелью, узкая лестница в стене вела в зал на первом этаже. Потом его включили и постройку из четырех флигелей, выходящих в центральный двор с входом с южной стороны. К залу теперь можно было пройти прямо из двора по внешней лестнице. В 1161 году рыцарь Джон Гетман продал Баит-Итаб храму Гроба Господня, чтобы выкупить себя у мусульман. Похоже, что этот дом был центром его владений.

Известны и другие постройки с центральным двориком. Многие из них являлись центрами феодальных владений. Но один, в сельской местности рядом с Аква-Беллой, скорее всего, был церковным зданием, возможно – больницей госпитальеров, которые владели поп деревней в 1160-х годах. А другой, возникший вокруг башни в Аль-Раме, к северу от Иерусалима, считается административным зданием смотрителя храма Гроба Господня, здесь жители «нового города» должны были вносить плату за аренду. Таким образом, по внешнему виду здания не всегда можно судить о его предназначении.

Замки феодальных владетелей функционально мало чем отличались от усадеб или

³⁹ Аббасиды (750—1258) и Фатимиды (909—1171) – династии арабских халифов.

домов с внутренними дворами, но они были более тщательно укреплены. Многие замки появились на базе неукрепленных или слабо укрепленных строений. В случае с замками св. Ильи (Аль-Тайиба) и Бельмонт (Суба), недалеко от Иерусалима, первоначальная территория, состоявшая из почти не укрепленной усадьбы с внутренним двором, позже была обнесена многоугольной крепостной стеной с наклонным скатом.

Еще более защищенными сооружениями были башни; судя по документальным свидетельствам, только на территории Иерусалимского королевства находилось не менее семидесяти пяти башен. Некоторые стояли сами по себе, некоторые были окружены стенами, а другие со временем превратились в большие замки – например, в Триполи, Латруне, Мирабеле и Бофоре. При этом многие башни, видимо, служили также и более мирным целям, например – епископская башня в Вифлееме, замки смотрителей в Аль-Раме и Аль-Бире и некоторые другие. В них были расположены жилые помещения и хранилища. Небольшие башни иногда играли роль пристанища или смотрового пункта. Даже в сравнительно маленькой башне в Джабе, которую продал аббатству св. Марии на горе Сион рыцарь Амальрик де Франклье (ок. 1171–1179), на первом этаже была жилая комната.

Однако некоторые замки сразу строились исключительно с военными целями. Примерами могут служить четырехбашенные замки вокруг Аскалона, строительство которых (ИЗО—1140-е годы) описывает Вильгельм Тирский: Бланшгард (Tall as-Safi), Ибелин (Yibna), Баит-Джибрин и, возможно, Газа. В 1136 году Баит-Джибрин был передан госпитальерам, и, вероятно, его гарнизон состоял из группы рыцарей, живших одной коммуной, с общей спальней, трапезной, кухнями, часовней и другими монастырскими постройками, расположенными вокруг центрального внутреннего двора. Несколько позднее (после 1168 года) по схожему плану госпитальеры построили замок Бельвуар. Замки Монфор (Qal'at Qurain) и Джиддин (Judyn) были построены в начале XIII века в Галилее рыцарями Тевтонского ордена по типично немецкому образцу, с главной башней и прилегающими строениями, обнесенными высокой стеной. Однако такие замки были не только у военно-монашеских орденов. Бланшгардом и Ибелином владели светские феодалы, а Дарум (Dair al-Balah) и Милья (Castrum Regis), построенные еще до 1160 года, принадлежали королю.

В XII–XIII веках в искусстве фортификации на Латинском Востоке был достигнут определенный прогресс. Въезд в замок был укреплен сложным сочетанием крепостных ворот, опускаемых решеток и ловушек, часто подъезд к нему делался извилистым, а не прямым (например, у Бельвуаре, Тире, Тортосе, Иерусалиме и Кесарии); в стенах были проделаны на разных уровнях многочисленные бойницы, на верху стен – навесные бойницы. Однако основные изменения коснулись внешних укреплений, которые были рассчитаны на отражение нападающих и их осадных машин еще до того, как они подойдут к главным стенам. Сходное развитие в строительстве фортификаций происходило и в Западной Европе, но там оно отставало от Латинского Востока, поскольку франки столкнулись с концентрическими укреплениями еще при осаде Иерусалима (1099), Акры (1103), Тира (1124) и Аскалона (1153). Замки в Бельвуаре и Бельмонте (до 1187 года) и в Даруме (1192) были уже построены по концентрическому плану. Однако совершенства концентрические замки достигли в XIII веке. К ним относятся замки госпитальеров Крак-де-Шевалье и Маргат и замки тамплиеров Шастель-Пелерен и Тортоса, последний из которых ни разу не был взят врагом.

Разумеется, франки строили не только храмы и замки. До сих пор в сельских местностях можно увидеть остатки разнообразных сооружений времен латинского присутствия – таких, как горизонтальные деревянные мельницы и плотины, цистерны, мосты, дороги, конюшни, кухни и всяческие механизмы для производства сахара, соли, оливкового масла, вина, железа, стекла и извести.

Киликийская Армения (1100/2—1375)

С середины XI века Киликия⁴⁰ (главным образом – ее горные районы), находившаяся под властью Византии, заселялась армянами, вынужденными покидать свои родные места, спасаясь от персов и турок. В январе 1199 года в Тарсе (крупном городе равнинной Киликии) было овозглашено независимое армянское государство, и царем стал рубенид князь Левон (под именем Левона II, 1198–1219), объединивший свою династию с провизантийскими настроенными Хетумидами и включивший в состав своего государства как горные, так и равнинные районы Киликии. Культура Киликийской Армении была столь же смешанной, как и ее население.⁴¹ Начиная с 1097 года южное и восточное побережье Киликии стали франкскими колониями; с 1190 года на благодатных киликийских землях начали обосновываться венецианцы, генуэзцы и военно-монашеские ордена. Царь Хетум I в 1240-х годах сумел достичь мирного соглашения с монголами, но главной угрозой для маленького армянского государства стали египетские мамлюки, которые и захватили его в 1375 году.

Бурная история и культурное разнообразие Киликийской Армении отразились и на ее архитектуре. Киликийский ландшафт в изобилии украшали крепости. Однако определение времени их возникновения и культурной принадлежности их строителей только недавно обрело научную основу благодаря работе Роберта Эдвардса. Армянские замки отличаются: нерегулярный план (в соответствии с местностью), часто с несколькими рядами внутренних дворов, расположенных террасами; закругленные внешние углы и круглые или подковообразные башни; расширяющиеся книзу стены; отсутствие донжонов; парапетные стены с закругленными на концах зубцами – мерлонами, разделенные на секции вклинивающимися башнями; отсутствие рвов; петляющая дорога к воротам; створчатые двери с задвижным брусом, смотровой шелью и навесной бойницей; помещения над воротами с двумя входами, разделенными сводчатым проходом с ловушкой; казематные бойницы или амбразуры; стрельчатые арки и своды. В большинстве замков были также часовни и цистерны для воды.

Раньше считалось, что большинство киликийских крепостей были построены после провозглашения Левона царем, однако сейчас ясно, что немалое их количество возникло много раньше, когда Хетумиды и Рубениды закрепляли свою власть в этой стране. Во многих замках остались следы работ разных времен. Например, крепость в Анаварзе построена еще до первого крестового похода, участники которого пристроили к ней донжон. Замок Корикос был воздвигнут византийцами в начале XII века, а Левон II и Хетум I производили в нем ремонтные работы. Другие крепости, такие как Баграс и Силифке, сооружены франками.

Кроме больших замков, встречались и другие укрепленные сооружения: наблюдательные пункты – небольшие огороженные территории, расположенные в стратегических местах для наблюдения за дорогами, их гарнизоны могли сносятся с соседними населенными пунктами с помощью дымовых сигналов или вестников; поместья, похожие на башни мелких феодалов и небогатых рыцарей во франкской Палестине и Сирии. Примером последнего может служить Белен Кеслик Калеси – двухэтажное здание размером 18X8,5 м с входом на нижнем этаже, который был защищен навесной бойницей. Лестница в углу подвала с цилиндрическим сводом вела в главное жилое помещение с прорезными окнами.

В целях безопасности армянское население жило, в основном, вокруг замков, многие из которых были расположены высоко в горах. Поселений на побережье или в равнинных местностях было немного, а селений городского типа совсем мало (только Сис –

⁴⁰ Киликия – область в юго-восточной части Малой Азии, была византийской провинцией. Во второй половине XI века Рубен, происходивший из древнего и могущественного армянского рода Багратидов и основавший династию Рубенидов, вытеснил византийцев из Горной Киликии и провозгласил независимое армянское государство, границы которого шаг за шагом расширяли его преемники.

⁴¹ В древний период Киликию населяли малоазийские племена, впоследствии значительную часть ее населения составляли греки и сирийцы, в VIII–XII вв. появились арабы и сельджуки.

разрушенный в 1266 году мамлюками, Таре, Адана и Мисис, о которых известно, что в них стояли церкви). Единственная сохранившаяся до наших дней городская церковь – храм св. Павла (или Божьей Матери) в Тарсе, он построен в первые десятилетия XII века по западному образцу.

Большинство сохранившихся армянских церквей и часовен находится в крепостях. Одна из самых значительных – церковь в южном дворе в Анаварзе, построенная в 1111 году Торосом I в память о его предках. В 1905 году это здание описала Гертруда Белл, но с тех пор оно претерпело значительные разрушения. Церковь была построена из гладко обтесанного камня на бутобетонном основании по прямоугольному плану, с тремя приделами с цилиндрическими сводами и тремя полукруглыми апсидами. Колонны были прямоугольными. Первоначально интерьер украшали фрески, которые, к сожалению, не сохранились. И западная, и южная двери имели перемычки и подпорные арки, для изготовления которых были использованы материалы античных строений. Свет в церковь попадал через окна западного фасада и круглое окно фронтона; углы стен украшали скульптурные колонки.

В Кандире в 1251 году была освящена церковь коннетабля Смбата, во многом похожая на церковь Тороса I.

Большую часть церковных зданий составляли часовни. Как правило, это были просто однефные помещения с цилиндрическим сводом и полукруглой апсидой.

Кипр, 1191-1571

Франки провели на Кипре почти четыреста лет, и здесь лучше, чем во всех других местностях, заселявшихся латинянами, представлены различные архитектурные стили – от ранней готики (собор св. Софии в Никосии) до ренессанса (фасад Палаццо дель Проввидиторе [1552 год] в Фамагусте). Никосия была центром государственного и церковного управления, а Фамагуста (на восточном берегу Кипра) с 1291 года взяла на себя роль Акры и стала главным западным торговым городом в Леванте; за городскими стенами этого города находятся замечательные латинские церкви, сохранившиеся до наших дней (несмотря на то, что часть каменных построек была использована в качестве материала при строительстве Порт-Саида в середине XIX века).

Строительство кафедрального собора св. Софии в Никосии началось при архиепископе Юсторже де Монтагю (1217–1249), однако неф и нартекс были закончены только к 1319 году, при его преемнике Джованни дель Конте, а освящение храма произошло в 1326 году (причем западные башни собора так и не были закончены). Собор св. Софии построен в стиле французской готики XIII века и представляет собой однефную церковь с круглым хором и крытой аркадой. Столбы нефа имеют цилиндрическую форму, а свод аркады покоится на четырех античных колоннах. К собору примыкало пять часовен, в том числе часовня Девы Марии (1270) в южном трансепте, часовня св. Николая в северном трансепте и часовня св. Фомы Аквинского (в южной части собора), которая в конце XV века была украшена фресками со сценами из жизни этого святого.

Строительство кафедрального собора св. Николая в Фамагусте началось ок. 1300 года, а надпись к западу от южного входа констатирует возобновление работ в 1311 году по указанию епископа Балдуина Ламбера. Это трехнефный и трех-апсидный храм, тоже в стиле французской готики, без трансептов, с богатым декором внешних стен. Западный фасад с тремя большими дверьми с остроконечными балдахинами, колесовидным окном и когда-то высокими колокольнями напоминает собор в Реймсе (1220-1230-е годы). Вполне вероятно, что это сходство не случайно: ведь именно в этом соборе Фамагусты короновались кипрские короли династии Лузиньянов. Однако интерьер собора больше напоминает лучистую архитектуру собора св. Урбана в Труа (1262 год). К 1567 году в Никосии было восемьдесят церквей, но до нашего времени сохранились только шесть, в том числе бенедиктинское аббатство Девы Марии Тпрской (начало XIV века; сейчас – армянская церковь Божьей

Матери) и небольшая готическая церковь св. Екатерины (нынче – мечеть Гайдар Паша). Начиная с XV века происходит постепенное понижение строительных стандартов и общее огрубление архитектуры. Это особенно заметно по северному фасаду церкви св. Николая (сейчас известной как церковь Бедестан) в Никосии: готический стиль лишается гармонии и выразительности.

В архитектуре Никосии и Фамагусты преобладали западные влияния (даже в православных, несторианских и армянских церквях), но в кипрских деревнях церкви по-прежнему строились в византийской традиции. Однако и в сельских храмах встречаются элементы готики. Известны случаи, когда к некоторым деревенским церквям пристраивались часовни для латинских поселенцев. А в греческой церкви в Морфу купол покоится на готическом своде.

В сельской местности сохранилось очень мало латинских монастырей. Самый интересный из них – Беллапэ близ Кпрении (XIII–XIV вв.). Первоначально он был обителью августинцев, основанной королем Эмери (1194–1205), при Никосийском же архиепископе Тьерри (1206–1211) монастырь стал премонстрантским аббатством. Благодаря покровительству и щедрости короля Гуго III (1267–1284) и его преемников аббатство процветало. Постройки аббатства расположены вокруг прямоугольного двора, к которому в XIV веке была пристроена крытая аркада с нервюрными сводами, изящными стрельчатыми арками, опирающимися на стройные колонны с небольшими капителями с листовным орнаментом. С южной стороны находится церковь, построенная в начале XIII века. В восточной части аббатства в верхнем этаже здания капитула над криптой с цилиндрическим сводом находились спальные помещения. К северу располагалась трапезная, к западу – владения келаря и огород. Были при монастыре и королевские гостевые апартаменты, которые построил для себя король Гуго IV (1324–1359).

От самого раннего латинского замка на Кипре, построенного в 1191 году тамплиерами в Гастрпи, остался только вырубленный в скале ров. Известен еще один из самых первых латинских замков – Саранда Колонес в Пафосе, но мы знаем о нем только по раскопкам. Он, вероятно, был возведен вскоре после 1191 года и разрушен во время землетрясения 1222 года. Исходя из сходства этого замка с Бельвуаром, считают, что он тоже принадлежал госпитальерам, однако наверняка это не известно. Замок был построен по концентрическому плану, с прямоугольной внутренней территорией, прямоугольными угловыми башнями и круглой восточной оашней. Внешняя стена имела несколько башен самых разных форм: цилиндрическую, прямоугольную, треугольную, многоугольную и др. К воротам вел деревянный мост над вырубленным в скале рвом. Найденная в подвале замка сахарная мельница позволяет заключить, что он был центром феодального поместья.

В юго-западной части Кипра при франках сахарный тростник был главным источником доходов. Замок госпитальеров в Колосси, построенный в 1454 году магистром Жаком де Мийи, находился в центре поместья, в котором производился сахар, и прямо рядом с сахарной факторией. В Куклии (Старый Пафос) при раскопках около королевского поместья были найдены остатки сахарорафинадной фактории с водяными мельницами для перемалывания тростника и печами. Следы сахарного производства сохранились и в других районах Кипра.

На латинском Кипре замки строили лишь король и военно-монашеские ордена, имевшие на острове значительные владения. В Кирении Лузиньянам достался византийский замок с цилиндрическими угловыми башнями и крепостной стеной с юга, защищенной башнями в форме волнореза. В XIII веке Лузиньяны возвели стены с северной и восточной сторон, выходящих к морю, и добавили новые внешние стены на западе и юге. Можно предположить, что были построены и угловые башни, но до нас дошла только одна, на северо-востоке. Королевские покои располагались в западной части замка, недалеко от ворот, над внутренними воротами находилась часовня. В 1544—1560-х годах венецианцы превратили замок в артиллерийскую крепость, перестроив западную стену и добавив бастионы в северо-западном, юго-восточном и юго-западном углах.

Королевские замки XIII–XIV веков вокруг Киренни тоже развились из уже существовавших византийских крепостей. Они построены по нерегулярному плану и вписываются в рельеф.

В период венецианского присутствия на острове основное внимание уделялось обороне двух главных городов – Фамагусты и Никосии. В Фамагусте в 1492–1496 годах стены цитадели Лузиньянов были надстроены, а по углам были возведены круглые бастионы для защиты от артиллерии; к городским стенам тоже добавили бастионы, на верху которых установили артиллерийские орудия. В 1544–1565 годах были дополнительно построены восьмиугольный бастион (Diamante Bastion) в северо-восточном углу, новые ворота на юго-западной стороне с круглым равелином перед ними, бастион (Martinegro Bastion) в северо-западном углу и бастион с оборонительными выступами для защиты фланговой артиллерии. В этих работах участвовали специалисты по военному строительству из Северной Италии, в том числе Микеле Санмикели и его племянник Джанджироламо, умерший в Фамагусте в 1558 году.

В Никосии венецианские инженеры снесли крепостную стену с круглыми башнями, восемью воротами и рвом, построенную в 1372 году Петром II, поскольку сочли ее слишком протяженной для успешной защиты. Прежняя стена была заменена более короткой, окружавшей только центр города. Строительством новой стены руководил Джулио Саворньяно, в ней было трое ворот и одиннадцать бастионов с округлыми оборонительными выступами, в каждом могло находиться до 200 человек и четыре артиллерийских орудия. Ров и внешние оборонительные укрепления закончить не успели – 9 сентября 1570 года город захватили турки. Тем не менее никосийские стены представляют собой один из самых замечательных образцов фортификационного строительства времен итальянского Возрождения за пределами самой Италии.

Глава 9

Военно-монашеские ордена 1120–1312

АЛАН ФОРИ

Причины и происхождение

Возникновение военно-монашеских орденов было одним из проявлений разнообразия религиозной жизни западного христианского мира в конце XI – начале XII века. Члены этих орденов следовали правилам, в целом основывавшимся на уже существовавших монастырских уставах, они принимали монашеские обеты – бедности, целомудрия и послушания. Но жили они в миру и – более того – воевали. Конечно, в каждом ордене были свои клирики, но большинство братьев являлись мирянами, причем именно они-то и руководили орденами. Членами орденов могли быть как рыцари, так и простолюдины, которые составляли отдельную группу. А некоторые военно-монашеские ордена допускали в свои ряды даже женщин (но в военных действиях они участия не принимали).

Первым военно-монашеским орденом стал орден тамплиеров (или храмовников). Рыцари называли себя так по месту жительства своего великого магистра в Иерусалиме близ бывшего храма Соломона. Орден был основан⁴² в 1119 году для охраны паломников, путешествовавших по Палестине, но уже через несколько лет стал частью христианских военных сил, воевавших с мусульманами. Задачи, которые ставили перед собой тамплиеры, выдвигала сама жизнь: мы знаем из писаний пилигримов, что после первого крестового похода дороги в Иерусалимском королевстве были отнюдь не безопасны, а правители латинских поселений не располагали достаточными военными силами для их охраны.

⁴² Создание ордена приписывают бургундскому рыцарю Гуго де Пэну и его семи товарищам.

Существует мнение, что христианские военно-монашеские ордена были созданы в подражание мусульманской организации *gibat* – то есть укрепленному монастырю, насельники которого совмещали духовные подвиги с вооруженной борьбой с врагами ислама. Однако между такими мусульманскими монастырями и христианскими военно-монашескими орденами имелись существенные различия: например, члены *gibat* уходили в такой монастырь только на определенный период времени и потому более походили на крестоносцев, чем на членов военно-монашеских орденов. К тому же не доказано, что франки, жившие в Латинском королевстве в начале XII века, знали о существовании этих мусульманских организаций. Исторические факты свидетельствуют о том, что военно-монашеский орден был порождением христианского общества той эпохи. К этому времени западные христиане уже видели в вооруженной борьбе за правое дело средство спасения души и акт милосердия, что стало для мирян, стремившихся вести религиозный образ жизни, альтернативой поступлению в монастырь: ведь церковный запрет на ношение оружия, в котором некоторые видели препятствие к развитию военно-монашеских орденов, относился только к священнослужителям. Конечно, возникновение подобных организаций вызывало у многих сомнения и опасения. Так, одно письмо, написанное вскоре после создания ордена тамплиеров, свидетельствует о том, что даже некоторые братья этого ордена были не вполне уверены в легитимности своего предприятия. Отчасти это объясняется тем, что в средние века всякое новшество приживалось с трудом. Многие считали военно-монашескую организацию низшей формой религиозного служения по сравнению с обычным монастырем с его духовным, созерцательным направлением. Против военно-монашеских орденов выступали и те, кто продолжал считать греховным любое насилие. Именно против мнения этих последних и направил написанный в поддержку тамплиеров труд «*De laude novae militiae*» Бернар Клервоский. Однако, несмотря на все сомнения и возражения, тамплиеры быстро заручились в церковных кругах надежной поддержкой, что видно из решения собора в Труа, на котором в 1129 году при содействии св. Бернара был выработан устав ордена, утвержденный папой Гонорием II. В это же самое время орден стал получать помощь и из многих стран Западной Европы, причем уже через несколько лет там появились отделения ордена.⁴³

Помимо ордена тамплиеров в Святой Земле появились и другие подобные организации, но история их возникновения была несколько иной. В военно-монашеские ордена были реорганизованы некоторые уже существовавшие в Иерусалимском королевстве религиозные учреждения. Незадолго до первого крестового похода при госпитале св. Иоанна Милостивого в Иерусалиме было организовано религиозно-благотворительное братство для помощи бедным и больным пилигримам.⁴⁴ Деятельность этого братства особенно

⁴³ Тамплиеры носили оружие и латы под белым плащом, украшенным красным крестом. Орден состоял из трех групп: 1) рыцарей – полноправных членов ордена, которыми могли быть только лица знатного происхождения; 2) клириков, проводивших богослужения в орденских церквях; 3) служителей, заведовавших хозяйственными делами ордена. Во главе организации стоял великий магистр, имевший резиденцию в Иерусалиме и избиравшийся рыцарями из их же среды; великий магистр управлял делами вместе с советом (капитулом), и ему подчинялись магистры провинциальных капитулов, находившихся в европейских странах.

⁴⁴ Основателем братства считается богатый купец Мавр из Амальфи, который вместе с несколькими друзьями добился у египетского халифа разрешения построить в Иерусалиме приют для паломников и при нем часовню в честь Девы Марии. Для совершения служб были присланы бенедиктинские монахи, получившие название иоаннитов, или госпитального братства св. Иоанна. После взятия Иерусалима крестоносцами братство было отделено от церкви Девы Марии, в 1113 году папа Пасхалий II утвердил устав братства, и на госпиталь посыпались богатые дары как деньгами, так и земельными владениями. Раймон Дюпюи, избранный в 1118 году ректором иоаннитов, соединил братство в определенную замкнутую общину, обязал ее членов принести обет бедности, целомудрия и послушания и ввел особое одеяние – черный плащ с белым полотняным крестом на левой стороне. Вскоре он также вменил иоаннитам в обязанность биться с неверными и тем самым превратил братство в военно-монашеский орден. Затем Раймон Дюпюи ввел вместо простого креста восьмиконечный, а для военных действий появилась новая «форма» – красный плат, надевавшийся на броню. Члены ордена делились на три группы – рыцари, клирики и служащие. Раймон сам принял титул магистра (в 1267 году был введен титул великого магистра), а Фридрих Барбаросса принял орден под покровительство империи. На

расширилась после завоевания Иерусалима крестоносцами, оно раскинуло целую сеть приютов и больниц не только на Востоке, но и в западноевропейских странах, превратившись в огромную организацию, в которую текли обильные приношения со всего христианского мира. Уже в первой половине XII века братство взяло на себя (по-видимому, следуя примеру тамплиеров) военные задачи по обороне христианских паломников и христианских владений на Востоке от «неверных». Превратившись в военно-монашеский орден госпитальеров (или иоаннитов), братство стало представлять собой огромную материальную и военную силу на Востоке.

Тевтонский орден вырос из братства при германском госпитале, датой его основания считается 1199 год.⁴⁵ В это же время в Акре была основана обитель черного духовенства, из которой потом возник военно-монашеский орден св. Фомы Акрского (в 1220-х годах). Принял на себя военные функции и госпиталь св. Лазаря для прокаженных, первое упоминание о котором в источниках относится к 1142 году. Одной из первых акций, к которой, как нам известно, принимали участие члены этой организации, было сражение при Ла-Форбье в 1244 году.

Дошедшие до нас источники не объясняют причин трансформации монашеских и благотворительных организаций в военно-монашеские ордена. Очевидно, пример был предоставлен тамплиерами, но непонятно, почему ему следовали. В некоторых случаях прослеживаются действия конкретных лиц: так, милитаризация общества св. Фомы Акрского может быть отнесена к инициативе епископа Винчестерского Питера де Роша, приехавшего на Восток в то время, когда обитель черного духовенства находилась в состоянии упадка. Но могли быть и другие причины. В частности, среди членов этих организаций (кроме св. Фомы Акрского) наверняка были люди, способные держать в руках оружие, и вполне возможно, что к ним обращались за военной помощью в связи с постоянным недостатком военной силы у поселенцев на Святой Земле.

Военно-монашеские ордена возникли в Святой Земле, но очень скоро они в протяжении всей истории ордена устройство его было следующее: во главе стоял Великий магистр, члены делились по нациям или языкам, которых было восемь: Прованс, Овернь, Франция. Италия, Арагон (с Каталонией и Наваррой), Кастилия (с Португалией), Германия и Англия, каждая нация выбирала главу для внутреннего управления и выдвигала кандидата на одну из восьми почетных должностей ордена, постоянно остававшуюся в руках одной и той же нации: великий командор (главный казначей) – из провансальцев, великий маршал (начальник пехоты) – из овернцев, госпитальер (глава благотворительных учреждений) – из французов, адмирал (начальник флота) – из итальянцев, великий консерватор (внутренняя администрация) – из арагонцев, туркопильер (начальник кавалерии) – из англичан, великий баллий (начальник фортификации) – из немцев, великий канцлер (внешняя политика) – из кастильцев. Восемь глав наций составляли тайный совет великого магистра. Нации делились на великие приорства, приорства и баллии, во главе которых стояли великие приоры, приоры, баллии и командоры. Занимать должности в ордене имели право лишь знатные рыцари с достаточно длинной родословной, их называли *cavalitri de gustizia*, произведенные в рыцари за заслуги назывались *cavalieri di gdazia*. Члены ордена, не связанные обетами, назывались донатами и носили на плече лишь пол-креста. Герб ордена – серебряный восьмиконечный крест на красном поле, с гершиской короной, из которой исходил венок роз, обрамлявший щит; внизу небольшой поаннитский крест и девиз – *pro fide*.

⁴⁵ В 1128 году в Иерусалиме образовался небольшой кружок богатых немцев, поставивших себе целью оказание материальной помощи больным и бедным паломникам из Германии. Вскоре кружок разросся в целое общество, члены которого стали называться братьями св. Марии Тевтонской. Около 1189 года сын Фридриха Барбароссы придал обществу военный характер – был принят устав тамплиеров, введена форма одежды (белый плащ с черным крестом) и изменено название (теперь общество называлось Домом св. Девы Иерусалимской). В 1191 году папа Климент III утвердил орден в качестве отделения ордена госпитальеров, а папа Иннокентий III в 1199 году объявил орден самостоятельным, и с тех пор он назывался Тевтонским. Большой роли в Палестине этот орден не играл, так как сразу вмешался в европейские дела, а вскоре после падения Акры гроссмейстер ордена Герман Зальц вместе с рыцарями переправился в Венецию, где и основал свою резиденцию. Устройство ордена было следующее: во главе стоял гроссмейстер, при нем в качестве совещательного органа – орденский капитул; один раз в год собирался общий капитул ордена. Гроссмейстер имел пять помощников: великого комтура, заведовавшего финансами ордена, верховного маршала, верховного госпитальера, верховного гардеробмейстера и орденского казначея. Земли Тевтонского ордена были разделены на области, которыми управляли особые комтуры.

распространили свою деятельность и на другие территории христианского мира. Первыми вступили в войну в Испании тамплиеры и госпитальеры. Вначале Пиренейский полуостров привлекал к себе внимание орденов как источник доходов и потенциальная возможность пополнить свои ряды, но в 1143 году граф барселонский уговорил тамплиеров принять участие в Реконките, а к середине XII века к ним присоединились и госпитальеры. А уже в третьей четверти XII столетия в Испании возникло несколько собственных военно-монашеских орденов. В Кастилии в 1158 году был основан орден Калатравы, а в Леонском королевстве в 1170 году – орден Сантьяго-де-Компостела. Ок. 1173 года возник орден Монтегаудио, владения которого находились главным образом в Арагонском королевстве, а к 1176 в Португалии появилась организация, впоследствии ставшая орденом Авиш, а в Леонском королевстве был создан орден Сан-Хулиан-дс Перейро, предшественник ордена Алькантары. В 1170–1300 годах появились ордена Сан-Хорге-де-Альфама и Санта-Мария-де-Эспанья. Эти испанские ордена с самого начала были военными организациями, основанными по примеру орденов тамплиеров и госпитальеров. Ни при попытке объяснить появление этих организаций необходимо принимать во внимание как надежды и планы их основателей и первых членов (основателем ордена Монтегаудио, к примеру, был разочаровавшийся член ордена Сантьяго), так и настроения испанских королей, покровительствовавших этим орденам. Христианские правители Испании, безусловно, надеялись таким образом заручиться основательной военной поддержкой как на суше, так и на море (Альфонс X Кастильский всячески поддерживал орден Санта-Мария-де-Эспанья, надеясь на помощь мореходов в борьбе с мусульманами за контроль над Гибралтарским проливом). Следует также отметить, что орден Калатравы появился после того, как тамплиеры, которым ранее пожаловали замок Калатраву, оказались неспособными его защищать. К тому же местные ордена не должны были посылать средства в Святую Землю, а правители, покровительствуя сразу нескольким военно-монашеским организациям, могли контролировать ситуацию таким образом, чтобы ни один отдельный орден не стал слишком могущественным. На первых порах испанские правители даже надеялись использовать эти местные организации в борьбе со своими христианскими же соперниками, но ордена быстро распространились по всей территории полуострова и по отношению к конфликтам между христианскими королями заняли нейтральную позицию.

Однако, несмотря на поддержку королей, не все испанские военно-монашеские ордена процветали. Орден Монтегаудио в 1188 году был вынужден объединиться с орденом госпиталя Святого Искупителя в Теруэле, а в 1196 году они влились в орден тамплиеров. Некоторые из братьев не смирились с этим союзом и обосновались в Монфрагуэ на реке Тахо в Кастилии; позднее эта группа вошла в орден Калатравы. Эти перемены были обусловлены внутренними трудностями ордена Монтегаудио и группы в Монфрагуэ. Объединение же ордена Санта-Мария-де-Эспанья с орденом Сантьяго-де-Компостела произошло после того, как последний понес огромные потери в сражении при Моклине в 1280 году. Другие же испанские ордена сохранились, но остались сугубо местными, испанскими организациями. Время от времени выдвигались предложения о распространении их действий на территории Северной Африки, Святой Земли и даже прибалтийских стран, но ни один из этих планов не был осуществлен.

В Центральной Европе, в отличие от Испании, тамплиеры и госпитальеры не были первыми военно-монашескими орденами, взявшими оружие за правое дело. В начале XIII века европейцы больше рассчитывали на новые, европейские военно-монашеские организации и на Тевтонский орден. Именно они сыграли главную роль в покорении Пруссии и Ливонии, которые были полностью разгромлены к концу XIII века. Орден меченосцев и Дрбринский орден были основаны для защиты миссионеров: первый возник в Ливонии в 1202 году при поддержке епископа Альберта,⁴⁶ а второй – в Пруссии, вероятно –

⁴⁶ Епископ Альберт (1199–1229) был основателем Ливонского государства, окончательно обратившим ливов в христианство. Заручившись помощью датского короля Кнуда IV, Альберт вступил на ливонскую территорию с мечом в одной руке и распятием в другой. Ему удалось усмирить ливонских язычников, и в 1201 году он основал новый город – Ригу, куда и перенес епископскую кафедру. Для утверждения и распространения

в 1228 году, по инициативе епископа Прусского Христиана и польского князя Конрада Мазовецкого. В 1230-х годах обе эти организации вошли в состав Тевтонского ордена.

Тевтонский орден впервые появился в Центральной Европе в 1211 году, когда венгерский король Андрей II предложил ему трансильванскую область Бурзу под условием защищать ее от набегов половцев. Тевтонский орден увидел в этом предложении возможность расширения своей деятельности в Европе, к чему он и стремился, так как в Святой Земле ордену приходилось постоянно соперничать с тамплиерами и госпитальерами. Но в 1225 году король Андрей отобрал у них эти земли, вероятно, испугавшись стремления Тевтонского ордена к полной самостоятельности. Примерно в это же время князь Мазовецкий Конрад предложил ордену Кульмскую землю с условием, чтобы рыцари защищали ее от пруссов. Последовавшие переговоры, в которые включился и германский император Фридрих II, привели к созданию на территории Пруссии независимого государства под управлением Тевтонского ордена. Примерно к 1230 году орден стал весьма влиятельной организацией на территории Пруссии, а потом, объединившись с меченосцами, распространил свое влияние и на Ливонию.

После того как Тевтонский орден был изгнан из Венгрии и утвердился в Пруссии, венгерские и польские правители пытались искать помощи у других военно-монашеских организаций. В 1237 году Конрад Мазовецкий даже предпринял попытку возродить Добрыньский орден в замке Дрогичин на реке Буг, но успеха не добился. Тамплиеры же вскоре покинули польские земли, пожалованные им в 1250-е годы. Госпитальеры также отказались защищать Северо-восточную область, простиравшуюся от Трансильванских Альп до Дуная, которая была пожалована им в 1247 году венгерским королем Белой IV.

Бела IV надеялся на помощь госпитальеров в борьбе не только против язычников, но и против раскольников. И хотя венгерскому королю такая помощь оказана не была, тамплиеры, госпитальеры и рыцари Тевтонского ордена внесли свою лепту в защиту Латинской империи франков, созданной в 1204 году после четвертого крестового похода. В XIII веке крестовые походы все чаще направлялись против инакомыслящих внутри христианства, и потому неудивительно, что борьба с греками стала вполне подходящим делом для военно-монашеских орденов. Предпринимались также попытки использовать рыцарские ордена против еретиков, противников папы и других нарушителей спокойствия в Западной Европе. Папы неоднократно призывали военно-монашеские ордена к вмешательству во внутренние конфликты на Кипре и в Иерусалимском королевстве, а в 1267 году папа Климент IV предложил госпитальерам выступить на стороне Карла Анжуйского против последних Гогенштауфенов в Южной Италии. Были и попытки основать новые ордена на юге Франции для борьбы с ересями. Однако эти ордена просуществовали очень недолго, за исключением итальянского ордена Пресвятой Девы Марии, чей устав, утвержденный в 1261 году, вменял рыцарям в обязанность защиту веры и Церкви и подавление гражданских беспорядков. И все же главной функцией военно-монашеских орденов в XII–XIII веках была борьба с нехристианами на границах западного христианского мира.

Военное дело

В наиболее крупных орденах в военных действиях участвовали как рыцари, так и простой служилый люд – сержанты. У рыцарей было более пышное оснащение и по три-четыре коня, в то время как сержанты имели только одного. При необходимости сержанты

христианства и немецкой культуры к востоку от Балтийского моря Альберт основал в 1202 году военно-монашеский орден меченосцев. Рыцари ордена давали обеты безбрачия, послушания папе и епископу и обещали всеми способами распространять христианство. Во главе ордена стоял магистр, следующую иерархическую ступень занимали комтуры или командоры, занимавшиеся военным делом, сбором десятины, светским судом, наблюдением и орденскими землями; вместе с магистром они составляли капитул. Первым магистром ливонского ордена меченосцев был Фьюнольд фон Рорбах.

могли выполнять функции пехоты, но оружие и доспехи у них и у рыцарей были схожими, и сержанты никогда не использовались в качестве легкой кавалерии, какая встречалась у мусульман. И сержанты и рыцари были постоянными членами ордена, но иногда бок о бок с ними воевали рыцари, вступавшие в орден только на определенный срок. В Святой Земле ими были приходившие с Запада крестоносцы. В уставе тамплиеров таким лицам уделено три пункта. Иногда орден требовал отбывания воинской повинности у своих вассалов, а иногда даже использовалась наемная военная сила. В Святой Земле в орденах службу по найму могли нести местные жители, которым предоставлялись лошади и луки.

На всех фронтах рыцари-монахи были только составной частью всей христианской армии, однако в Сирии и в Прибалтике они пользовались большей свободой действий, чем в Испании. Испанской Реконкистой руководили христианские правители полуострова, и они предпочитали строго контролировать все военные операции. Во многих грамотах, выданных в Испании военно-монашеским орденам, указано, что они должны начинать и заканчивать военные действия только по королевскому приказу, и, как правило, ордена следовали этому правилу, несмотря на отдельные протесты со стороны папского престола. Но при этом испанские короли не стремились подавить инициативу как таковую в военно-монашеских орденах, и иногда ордена проводили собственные военные кампании, – повествовательные источники, например, свидетельствуют о захвате в конце 1220 – начале 1230-х годов нескольких мусульманских замков орденами Сантьяго-де-Компостела и Калатравы, но подобные мероприятия проводились в рамках общей королевской политики. На Востоке дела обстояли иначе. В 1168 году Боэмунд III Антиохийский предоставил госпитальерам полную свободу действий и даже пообещал соблюдать перемирия, которые они заключат. Так же поступил в 1210 году и царь Киликийской Армении Левон II. И хотя в XII веке в Иерусалимском королевстве ордена не пользовались подобной свободой действий, в XIII веке падение авторитета королевской власти в Иерусалиме позволило военно-монашеским орденам проводить собственную политику в Палестине и Сирии. В начале века тамплиеры и госпитальеры придерживались агрессивных наступательных позиций на севере королевства и даже получали дань от соседних мусульманских государств; на юге они проводили независимую политику в отношении Египта и Дамаска, а позднее, с усилением власти мамлюков, заключали с ними собственные договоры. Но наибольшей самостоятельностью пользовались военно-монашеские ордена в Прибалтийских землях. В Пруссии Тевтонский орден являлся независимым государством. Меченосцы и позднее рыцари Тевтонского ордена в Ливонии не обладали такой юридической независимостью, но на практике никто и не пытался ими руководить. Генрих Ливонский так писал о магистре меченосцев в начале XIII века: «Он воевал в боях за Господа, руководя и предводительствуя армией Господа во всех экспедициях, невзирая на то, присутствует ли епископ или отсутствует».

Военные действия рыцарских орденов на разных фронтах в какой то мере отличались своими целями и методами. В Сирии и Испании главной задачей наступательной войны было укрепление власти на территориях, а не обращение мусульман в христианство. В Прибалтике же территориальные захваты сопровождались крещением язычников. Но при этом в XII–XIII веках все рыцарские ордена проводили военные кампании главным образом на суше. Даже орден Санта-Мария-де-Эспанья не ограничивался морскими выступлениями. В восточном Средиземноморье тамплиеры и госпитальеры только к концу XIII века начали создавать собственные флотилии.

На суше действия орденов включали как защиту крепостей, так и сражения на открытом пространстве. В Палестине и Сирии в XII веке тамплиеры и госпитальеры защищали большое число замков, которые были им проданы или переданы правителями и феодалами, не имевшими средств или достаточного количества людей для их удержания. Подсчитано, что в 1180 году госпитальеры имели в своем распоряжении на Востоке около двадцати пяти замков. Среди менее крупных укреплений, находившихся в их руках, встречаются форты, возведенные на дорогах для предоставления убежища паломникам, идущим в Иерусалим или Иорданию. Однако в XII веке большинство замков этих двух

орденов находились не в Иерусалимском королевстве, а на севере Сирии. В 1144 году граф Триполи Раймунд II передал госпитальерам несколько крепостей, в том числе Крак-де-Шевалье на восточной границе своего графства, а на севере княжество Антиохийское поручило тамплиерам защиту приграничного района Аманус. Наиболее важным замком госпитальеров в Антиохии был замок Маргат, пожалованный ордену в 1186 году его прежним владельцем после того, как тот «понял, что он не может удерживать замок Маргат так, как необходимо в интересах христианства, из-за нехватки необходимых средств и непосредственной близости неверных». Большинство этих крепостей были потеряны после поражения при Гаттине, но некоторые удалось впоследствии отвоевать. В XIII веке тамплиеры и госпитальеры обзавелись новыми замками, а Тевтонский орден в это время также взял на себя защиту некоторых замков, главным образом в тылу Акры. Как видим, основная тяжесть защиты христианских поселений легла на военно-монашеские ордена.

Ордена не только предоставляли людские ресурсы для защиты крепостей, но и брали на себя строительство новых укреплений и восстановление и фортификацию старых. Так, в 1217–1218 годах тамплиеры построили Шастель-Пелерен и восстановили замок Сафад, отбив его у мусульман в 1240 году. Госпитальеры тоже строили новые замки, например Бельвуар, и укрепляли старые – такие как Крак-де-Шевалье.

Меньше известно о строительстве в Испании, но мы знаем, что многие приграничные крепости на полуострове находились под контролем военно-монашеских орденов. В XII веке в Арагоне и Каталонии наиболее активными были тамплиеры и госпитальеры: попытка Альфонса II выдвинуть испанский орден Монтегаудио провалилась. Однако на юге королевства Валенсии, завоеванном в середине XIII века, арагонский король Хайме I отдавал явное предпочтение ордену Сантьяго-де-Компостела. В Португалии в XII веке правители тоже, в основном, полагались на тамплиеров и госпитальеров, а в XIII обратились к испанским орденам Авиш и Сантьяго-де-Компостела. В центре же полуострова кастильские и леонские короли всегда предпочитали иметь дело с местными орденами, особенно с орденами Калатравы и Сантьяго-де-Компостела, и именно им поручали защиту крепостей на границах. В Прибалтике по мере захвата новых территорий военно-монашеские ордена – тевтонские рыцари в Пруссии и меченосцы в Ливонии – строили крепости на пути своего продвижения. В обеих областях примитивные языческие деревянные сооружения предавались огню, а на их месте возводились новые (хотя вначале рыцари строили укрепления тоже из дерева и только позже нормой стали кирпичные строения). Иногда складывается ложное впечатление, что все замки, находившиеся в руках орденов, защищались большим числом братьев, но это не так. В 1255 году госпитальеры утверждали, что они намереваются держать в Крак-де-Шевалье шестьдесят рыцарей. А для защиты Сафада потребовалось восемьдесят тамплиеров. Но, насколько нам известно, обычно число защитников было гораздо меньшим, особенно в землях Прибалтики и в Испании. Хронист сообщает, что после укрепления Тевтонским орденом замка Торн на Висле в 1231 году в нем было оставлено только семь рыцарей. А некоторые небольшие укрепления вообще не имели постоянного гарнизона.

Братьям, защищавшим замки, часто помогали дополнительные военные силы. Это могли быть вассалы из близлежащих районов. Но рассчитывать на такую помощь можно было только после успешного окончания колонизации окружающих земель. В некоторых районах твердая власть над пограничными территориями возникала только после заселения их поселенцами-христианами. В Испании ордена делали все возможное для привлечения переселенцев на свои земли. Но не всегда находилось достаточно желающих ехать в пустые, разоренные войной, все еще небезопасные места, и процесс заселения в Испании шел медленно и трудно. В прусских землях западноевропейское крестьянство начало селиться только в конце XIII века, когда прусские языческие племена были окончательно покорены, а в Ливонии вообще этот процесс не происходил.

Военно-монашеские ордена часто удостоивались похвал за защиту приграничных крепостей, и действительно, нередко они сражались отважно и умело. После поражения при

Гаттине замок госпитальеров Бельвуар продержался больше года, и Саладин не смог тогда взять ни Крак-де-Шевалье, ни Маргат. Братьям ордена Калатравы тоже удалось очень долго удерживать замок Сальватьерра в Кастилии, когда его осадил в 1211 году альмохадский халиф.⁴⁷ Конечно, бывали и случаи, когда крепости падали быстро. Замок тамплиеров в Газе сдался без боя после победы Саладина при Гаттине, а после поражения испанских христиан в битве при Аларкосе в 1195 году быстро пало несколько замков ордена Калатравы. Успех или поражение зачастую зависел не только от доблести, умения и численности защитников, но и от других факторов. Так, Газа была сдана тамплиерами, чтобы добиться освобождения из плена их магистра, а согласно исламским источникам, замок Маргат устоял благодаря своему чрезвычайно выгодному расположению и прекрасным фортификациям. И все же, как правило, не какие-то отдельные факторы, а общая военная и политическая ситуация определяла судьбы крепостей военно-монашеских орденов. После сокрушительных поражений в битвах, как при Гаттине или Аларкосе, было трудно удерживать замки, особенно если гарнизоны не были полностью укомплектованы – часть их состава посылалась для подкрепления армии. Когда в конце XIII века ордена в Сирии столкнулись с все возрастающей мощью мамлюков, а помощи ожидать было неоткуда, стало очевидным, что гарнизоны не в состоянии выдерживать долгие осады. И в этой ситуации было даже предпочтительней сдать крепость в обмен на разрешение беспрепятственно покинуть ее, а не биться до последнего человека. В 1260-х годах пали и некоторые замки Тевтонского ордена в Пруссии вследствие восстаний местных племен. Но, говоря о неудачах, постигавших ордена, мы должны иметь в виду, что, защищая крепости, рыцари брались за дело, которое не могли бы выполнить другие.

В открытых сражениях от орденов не требовалось предоставления определенного числа людей, и потому довольно трудно определить количество рыцарей-монахов, участвовавших в боях на различных фронтах. Но складывается впечатление, что вообще общее число братьев было относительно невелико, даже по средневековым стандартам. В письме тамплиера из Святой Земли сообщается, что орден в мае 1187 года потерял шестьдесят братьев в Крессоне, а еще двести тридцать были убиты в сражении при Гаттине, в результате чего центральный монастырь тамплиеров «почти полностью обезлюдел». В еще одном письме, написанном после поражения при Ла-Форбье в 1244 году, говорится, что тамплиеры и госпитальеры потеряли примерно по 300 рыцарей, а осталось в живых тридцать три тамплиера и двадцать шесть госпитальеров.

На Пиренейском полуострове военно-монашеские ордена были еще малочисленнее. Потеря орденом Сантьяго-де-Компостела своего магистра и пятидесяти пяти братьев в сражении при Моклине в 1280 году привела к слиянию остатков ордена с орденом Санта-Мария-де-Эспа-нья/. В 1229 году отряд тамплиеров, принимавший участие в нападении на Майорку, составлял только двадцать пятую часть всего войска, хотя тамплиеры были самым могущественным орденом в Арагоне. Однако нужно принимать во внимание, что христианские правители Испании имели в своем распоряжении намного больше обычных, светских войск, чем поселенцы в Сирии, поскольку христиане составляли гораздо больший процент населения в Испании, чем в государствах крестоносцев, и правители могли в любой момент потребовать от своих подданных выполнения обязательной воинской повинности.

Хроники, описывающие военные действия в Прибалтике, также свидетельствуют о том, что рыцарей-монахов, участвовавших в них, было гораздо меньше, чем остальных сражавшихся. Например, «*Liivonian Rhymed Chronicle*» (Ливонская Рифмованная Хроника) сообщает, что в 1268 году ливонский магистр Тевтонского ордена созвал всех боеспособных братьев, и их число составило сто восемьдесят человек, при том что все войско насчитывало восемнадцать тысяч. Тевтонцам в этом регионе большую помощь оказывали отряды крестоносцев. Так, завоевания 1255 года были осуществлены с помощью маркграфа Бранденбургского Оттокара II Богемского и большого крестоносного войска.

⁴⁷ Альмохады – арабская династия в Северной Африке, 1130–1269.

Несмотря на то что рыцарей-монахов было сравнительно немного, за свою храбрость они пользовались уважением даже противников (особенно на Востоке). Братья представляли собой силу более дисциплинированную и организованную, чем многие светские воинские части. Тамплиеры следовали строгим правилам поведения в военном лагере и на марше, и, конечно, братья всех орденов были связаны обетом послушания, нарушение которого грозило суровой карой. Наказанием за дезертирство в бою было исключение из орденов, а в ордене тамплиеров за атаку без разрешения провинившихся отстраняли от жизни ордена на определенный срок. Конечно, угроза наказания не могла исключить все случаи неповиновения, но многие исследователи крестоносного движения разделяют точку зрения великого магистра ордена тамплиеров Жака Бернара де Моле (1243–1314), который считал, что тамплиеры, благодаря обету послушания, превосходят остальные войска. Некоторые ученые видят преимущество рыцарских орденов на Востоке еще и в том, что они, постоянно там находясь, обладали большим опытом местной войны, в отличие от прибывавших с Запада крестоносцев.

В восточном Средиземноморье опытные и знающие члены военно-монашеских орденов часто посылались в авангард и в арьергард крестоносных войск, как это было во время пятого крестового похода и египетского похода Людовика IX. В Испании этого не требовалось, поскольку местные, испанские, войска лучше знали местность и ситуацию, но ядро армии при начале кампании часто составляли члены орденов, потому что остальные части нельзя было мобилизовать достаточно быстро. К тому же на братьев-рыцарей, в отличие от других воинов, можно было положиться. Так, в 1233 году некоторые отряды ополчения кастильских городов покинули осаду Убеды, так как срок их службы истек. С членами военно-монашеских орденов такого поворота событий можно было не опасаться.

Однако братья воевали не только с «неверными». Иногда они направляли оружие против единоверцев, защищая или преследуя интересы своего ордена. И примеров тому немало. В 1233 году в Ливонии меченосцы конфликтовали со сторонниками папского легата Балдуина Алнского; на Востоке ордена участвовали во внутренних политических конфликтах, характерных для XIII века, таких, как война св. Саввы в Акре, а также бывали вовлечены в частные междоусобицы; то же самое происходило во второй половине XIII века и в политически нестабильной Кастилии. Вовлечение рыцарей-монахов в подобные конфликты истощало силы, которые могли бы быть использованы в борьбе с мусульманами или с язычниками. Более того, несмотря на всю свою дисциплинированность, военно-монашеские ордена не всегда откликались на призывы к оружию. Сборники документов арагонских королей содержат не только повторные вызовы для участия в военных кампаниях, но и угрозы санкций против владений орденов за невыполнение королевских требований. Но, несмотря на все это, военно-монашеские ордена внесли огромный вклад в борьбу с «неверными» и на всех фронтах играли важнейшую роль в защите крепостей. Уже в середине XII века король Иерусалима Амальрих говорил королю Франции, что «если мы и можем чего-либо добиться, то только через них».

Другие занятия

На поле боя госпитальеры и члены некоторых испанских орденов заботились о раненых и пострадавших, но, в основном, рыцари-монахи занимались благотворительной деятельностью вдали от военных действий, тем более что дела милосердия были частью обязанностей членов всех военно-монашеских орденов. После слияния в 1188 году с орденом госпиталя Святого Искупителя орден Монтегаудио взял на себя выкуп христиан из плена, а устав ордена Сантьяго-де-Компостела гласил, что вся добыча, достававшаяся ордену, должна быть использована для освобождения христиан, попавших в руки «неверных». Госпиталь св. Иоанна и Тевтонский орден были основаны с целью оказания помощи бедным и больным, и они продолжали оказывать такую помощь и после того, как превратились в военные ордена. И хотя во второй половине XII века папа Александр III выражал озабоченность тем, что

военные действия госпитальеров мешали им заниматься делами милосердия, пилигрим Джон из Вюрцбурга, посетивший Иерусалим в 1160-х годах, так писал о госпитале св. Иоанна: «Огромное число больных – мужчин и женщин – расположено в нескольких зданиях, и каждый день им оказывают заботу и лечение, не жалея средств. Когда я там был, я узнал из уст самих служителей, что больных было не менее двух тысяч». В обязанности тамплиеров не входила забота о больных и бездомных, но они, как и члены всех орденов, должны были регулярно раздавать милостыню. Обычно это происходило так: бедным отдавалась десятая часть хлеба, который выпекали в монастырях тамплиеров.

Члены всех военно-монашеских орденов неизбежно вовлекались в управление теми территориями, на которых располагались замки и имения ордена, а Тевтонский орден нес ответственность за управление всей Пруссией. Ордена в Святой Земле тоже обладали немалой политической силой. Некоторые ордена – особенно тамплиеры – занимались еще и финансовыми операциями. Их монастыри часто становились местом хранения денег, драгоценностей и документов. Некоторые оставляли свои средства в монастырях просто для сохранности, но орден имел возможность устраивать и перевозку денег и товаров с места на место. Операции такого рода были возможны благодаря сети орденских монастырей в западном христианском мире. И если некоторые оставляли свои деньги в монастырях только по случаю, то другие имели постоянный «счет» у тамплиеров, которые регулярно получали доходы своих клиентов и оплачивали их счета. В XIII веке отделение ордена тамплиеров в Париже исполняло роль королевской казны; многие дворяне, в том числе братья Людовика IX, пользовались банкирскими услугами тамплиеров.

Тамплиеры также занимались ростовщичеством. В Арагонском королевстве, например, они ссужали деньги под проценты уже в 1130-х годах, а в конце XIII века арагонская корона регулярно брала у них ссуды. В XII веке к ссудам обычно прибегали для покрытия срочных расходов, но в следующем столетии займы стали частью государственной финансовой политики. Правители обращались к тем, чей капитал позволял выдавать крупные суммы наличными, и занимали деньги на небольшие сроки под ожидавшиеся доходы от налогов и других статей. К тем, кто обладал столь большими суммами денег, относились не только итальянские торговые фирмы, но и орден тамплиеров, хотя и бывали случаи, когда сам орден бывал вынужден прибегать к займам для того, чтобы удовлетворить королевские просьбы: отказать королю в ссуде означало бы потерять королевское расположение.

Ресурсы

Военная и благотворительная деятельность военно-монашеских орденов требовала существенных затрат. Существовало несколько способов получать необходимые средства. Успешная война сама по себе являлась источником доходов в виде трофеев и поместий на завоеванных территориях, а в некоторых случаях победители даже налагали регулярную дань. Но большинство орденов получали свои основные доходы от владений, находившихся вдали от зоны военных действий. Тамплиеры и госпитальеры добились главенствующей роли в защите Святой Земли, потому что они – в отличие от правителей и баронов Латинского Востока, которые могли рассчитывать только на местные ресурсы, – имели возможность пользоваться средствами всего христианского мира. Однако эти два ордена были единственными, имевшими значительные владения во всех регионах Западной Европы.

Пожертвования орденам делались представителями всех слоев населения западного христианского мира. Жертвуя деньги или имущество военно-монашеским орденам, люди как бы принимали участие в борьбе с «неверными». В XII веке понятие священной войны было еще относительно новым и привлекательным. Пожертвование иногда заменяло личное участие в крестовом походе или делалось людьми, которые сами принимали крест и прошли через войну или даже участвовали ранее в военных и благотворительных делах военно-монашеских орденов. Иногда жертвования были следствием личных или семейных связей, а в других случаях люди жертвовали на тот орден, чей монастырь находился недалеко от их

места проживания. Но всегда дарители искали Божественного вознаграждения – как в этом мире, так и после смерти. Имена дарителей упоминались в молитвах, возносимых в орденских монастырях. Как правило, получаемые таким образом средства предназначались на военные действия и на благотворительность. Однако, начиная с XIII века, пожертвования стали делаться и на конкретные действия – на содержание священников, на совершение месс или на лампы перед алтарями орденских часовен.

Военно-монашеские ордена и сами приобретали имущество, они вкладывали свои средства таким образом, чтобы они потом приносили им регулярный доход. Военные и благотворительные действия были довольно дорогостоящими, и ордена принимали и владели практически всеми видами имущества. Второй параграф устава Тевтонского ордена гласит, что из-за расходов на войну и на заботу о бедных и больных «братья могут владеть как движимым, так и недвижимым имуществом... а именно: землями и полями, виноградниками, селами, мельницами, укреплениями, приходскими храмами, часовнями, десятинами и т. п.». Этот список далеко не полон: орденам жертвовали коней, доспехи, наличные деньги, им предоставлялись различные привилегии, позволявшие увеличивать их доходы. Некоторые привилегии получали и жертвователи. Папский престол, к примеру, разрешал тем, кто делал ежегодный вклад в военно-монашеский орден, считать седьмую часть наложенной на них епитимьи выполненной. Большинство орденов получило от папского престола частичное освобождение от уплаты десятины. Ордена могли также принимать участие в заселении новых земель. Однако многие считали, что ордена нередко увеличивали свои доходы еще и тем, что злоупотребляли своими правами и привилегиями.

Со временем менялись и способы получения средств. В Сирии и в Испании, где к середине XIII века Реконкиста приостановилась, возможности обогащения за счет «неверных» резко уменьшились, поступление пожертвований из далеких от границ районов сократилось. Военно-монашеские ордена начали терять благосклонность дарителей, а финансовое положение орденов не позволяло им делать крупные приобретения. В итоге они не только не увеличивали свою казну, но и теряли уже существовавшие, надежные источники дохода. Владения на Востоке были потеряны с приходом из Египта мамлюков: в 1268 году магистр ордена госпитальеров уверял, что орден уже восемь лет не получал доходов на территории Иерусалимского королевства. Частые угрозы со стороны папского престола в адрес тех, кто наносил урон имуществу военно-монашеских орденов, свидетельствуют о том, что сохранение прав и владений где бы то ни было в западном христианском мире требовало постоянной бдительности. Среди тех, кто покушался на права орденов, были священнослужители, которые в своих собственных финансовых интересах хотели ограничить привилегии орденов в таких делах, как право погребения. На материальное благополучие военно-монашеских орденов влияли и такие общие тенденции, как инфляция, внутренние беспорядки и междоусобицы.

Важно отметить, что далеко не все средства, получаемые орденами, могли расходоваться на военные и благотворительные цели или на приобретение имущества. Большая часть доходов тамплиеров и госпитальеров в Западной Европе тратилась на содержание братьев, постоянно там проживавших. Поддержание в надлежащем состоянии церквей и монастырей тоже требовало средств: согласно сведениям 1309 года, в Крессинге (Эссекс, Англия) на это уходило больше четверти доходов тамплиеров. Помимо этого приходилось еще и выплачивать определенные суммы тем, кому было обещано содержание при ордене (обычно это были дарители, ранее специально сделавшие вклад с этой целью), или тем, чье покровительство было необходимо ордену. Ну и, разумеется, ордена облагались определенными налогами. В XIII веке привилегий стало меньше: например, частичное освобождение от уплаты десятины было ограничено в 1215 году папой Иннокентием III. А некоторые правители, испытывавшие финансовые трудности, отменяли освобождение от уплаты налогов, которое ранее даровали орденам на своих территориях. И хотя папский престол не требовал от орденов пожертвований на помощь Святой Земле, ордена должны были давать деньги на нужды папского престола на Западе.

В XIII веке орден начали испытывать постоянные и все более серьезные финансовые трудности. Все чаще они бывали вынуждены прибегать к займам, и не всегда к краткосрочным. В начале XIV века госпитальеры в Германии пытались решить свои финансовые проблемы, ограничив прием новых членов и запретив новое строительство. Но самым распространенным решением была продажа имущества, что являлось лишь временным выходом из сложившегося положения.

Финансовые проблемы влияли как на военную, так и на благотворительную деятельность рыцарских орденов. В 1306 году магистр ордена госпитальеров заявил, что орден больше не имеет достаточных средств для содержания больных. Известно несколько случаев, когда в конце XIII века магистры ордена тамплиеров уверяли, что бедность ордена может не позволить ему продолжать оставаться в Святой Земле. В Испании магистр Сантьяго-де-Компостела в 1233 году жаловался, что ордену не хватает средств даже для защиты его крепостей. Для всех военно-монашеских орденов наступили трудные времена.

Членство

Орденам было необходимо постоянно пополнять свои ряды, ведь смертность среди членов военно-монашеских орденов была гораздо выше, чем среди обычных монахов. Большинство рыцарских орденов набирали членов главным образом (хотя и не исключительно) в одном конкретном регионе: кандидаты в испанские ордена происходили, в основном, из Испании, большинство членов Тевтонского ордена были немцами. Только тамплиеры и госпитальеры привлекали людей из всех стран Западной Европы, хотя и эти ордена в основном ориентировались на Францию. Однако для вступления в рыцарские ордена, как и при поступлении в монастырь, нужно было удовлетворять определенным требованиям. Все кандидаты должны были иметь статус свободных граждан, а желающие получить ранг рыцаря должны были обладать длинной и знатной родословной. Рыцари, поступавшие в ордена тамплиеров и госпитальеров в XIII веке, также должны были быть законнорожденными. В большинстве орденов женатые кандидаты не могли быть приняты без согласия супругов; принимались также состояние здоровья и материальное положение поступающих. В раннем Средневековье религиозные общины обычно рассматривались как подходящее место для убогих или увечных, и военно-монашеские ордена стремились избежать такого груза. Они также хотели удостовериться, что на них не перейдут долги кандидатов. В XII и XIII веках в Церкви усиливалась оппозиция традиции, согласно которой вступающие в монастырь должны были внести определенный вклад, однако эта практика еще долго существовала в военно-монашеских орденах. Но ордена были согласны с политикой Церкви по отношению к помещению в монастыри детей. Некоторые ордена даже ввели возрастной ценз. Из записей суда над тамплиерами видно, что некоторые вступили в орден в возрасте 10 или 11 лет, но это были исключения: обычный средний возраст кандидатов составлял 25 лет. Младшие сыновья, которые составляли значительную часть кандидатов в члены военно-монашеских орденов, часто нуждались в средствах к существованию. Слова, обращенные к послушникам на церемонии принятия в орден, свидетельствуют о том, что членство в ордене рассматривалось некоторыми как обеспечение безбедного существования и, в некоторых случаях, высокого социального статуса. Один из тамплиеров уверял, что, когда он вступал в орден, «они спросили его, почему он это делает, ведь он знатен, богат и имеет достаточно земли». Однако дошедшие до нас источники часто подчеркивают и духовные запросы кандидатов, и их нельзя легко сбрасывать со счетов. Для некоторых, и особенно в ранний период крестоносного движения, борьба с «неверными» представлялась более разумным путем служения Богу и спасения души, чем затворничество в каком-нибудь европейском монастыре. При изучении вопроса о привлечении новых членов в военно-монашеские ордена нельзя также недооценивать родственные и географические связи с каждым конкретным орденом.

В первые годы существования ордена привлекать новых людей было трудно, и

некоторым орденам, например Монтегаудио, так и не удавалось наладить вербовку новых членов. Но тамплиеры и госпитальеры, как только они прочно встали на ноги и развернули свою деятельность, не испытывали особых трудностей в привлечении кандидатов из светских кругов Западной Европы даже в XIII веке. Некоторые желающие могли добиться членства только «по благу» – через влиятельных дарителей. Хронист Матвей Парижский сообщает, что даже после поражения при Ла-Форбье (1244 год) тамплиеры и госпитальеры «приняли в свои ряды многих мирян».

Организация

В первые годы своего существования орден состоял из небольшой группы братьев под предводительством магистра или гроссмейстера, и на этом этапе ему не требовалось особой управленческой структуры. Однако по мере роста численности рыцарей и увеличения владений появлялась необходимость организации дочерних обителей как в приграничных районах, так и вдали от них, а поскольку магистр не мог управлять отдаленными монастырями, требовалось создание среднего звена управления. Нужна была и действенная система переправки новых членов и средств из европейских обителей на границы. Орденам, воевавшим на нескольких фронтах, необходимо было назначать военно-командующих для каждого региона. Уже существовавшие традиционные организационные монастырские формы не подходили военно-монашеским орденам. Большинство орденов стали практиковать объединение обителей каждого региона в провинции или приорства, управляемые провинциальными магистрами или великими приорами. Все крупные ордена приняли трехступенчатую систему управления, но, конечно, в организации каждого были свои особенности.

В приграничных районах обители часто располагались в замках или крепостях и исполняли военные обязанности, основным же занятием рыцарей-монахов в мирных монастырях было управление имуществом ордена. Большинство насельников обителей было мирянами, хотя в некоторых орденах, например в Сантьяго-де-Ком-постела, были отдельные монастыри для духовных лиц, а несколько орденов основывали даже женские монастыри. В последних иногда жило от 40 до 50 сестер, но мужские обители вдалеке от границ обычно были малочисленными. Во главе обителей стояли наставники или командоры, которые не выбирались, а назначались сверху. Они следили за выполнением устава, в приграничных районах командовали рыцарями на поле боя; на них же лежала и ответственность за управление монастырской собственностью, часть доходов с которой они посылали каждый год своим начальникам. У командоров было очень немного подчиненных им чиновников; в своей деятельности они должны были пользоваться советами монастырских капитулов, собиравшихся обычно раз в неделю. Главы провинций тоже назначались центральным руководством и выполняли примерно те же функции, что и командоры. В орденах тамплиеров и госпитальеров и в Тевтонском ордене главы провинций Западной Европы должны были посылать в центр треть доходов своих территорий. У них тоже не было большого чиновничьего аппарата, они принимали решения с помощью провинциального капитула, собиравшегося раз в год и состоявшего из монастырских командоров. В центре главных орденов стоял магистр (или гроссмейстер), которому помогали такие лица, как великий командор, верховный маршал, гардеробмейстер, казначей и другие, составлявшие совет. В малых орденах таких должностей не было. Все ордена практиковали периодический созыв общих капитулов, на которые съезжались братья из разных провинций.

Таким образом, должностные лица на всех уровнях управляли совместно с капитулом. На собраниях центрального и провинциальных капитулов платились взносы, отчитывались в делах, делались новые назначения. При этом должностные лица пользовались значительной свободой действий. Не все капитулы собирались достаточно часто, у некоторых даже не было собственных печатей. Но если не было явных злоупотреблений со стороны чиновников, то подчиненные их не трогали. Только в случае длительного и злого

злоупотребления своим положением к ним применялись санкции. Так случилось, например, в 1296 году в ордене госпитальеров, когда центральная обитель вынуждена была применить жесткие санкции к нескольким магистрам за злоупотребления и несправедливости. Возможно, обет послушания мешал подчиненным контролировать должностных лиц, но в то время и в миру на правителей очень редко накладывались какие-либо ограничения.

Однако должностные лица тоже далеко не всегда могли строго следить за всеми действиями своих подчиненных. Магистры крупных военно-монашеских орденов стремились распространить свое влияние на весь западный христианский мир, но для орденов, чьи штаб-квартиры находились в Святой Земле, это было очень нелегко хотя бы из-за их географического положения. Во всех крупных орденах практиковались регулярные официальные посещения орденских отделений, но если провинциальные магистры могли ездить сами, то великие магистры должны были посылать своих представителей. В связи с этим, естественно, возникала тенденция к независимости провинций, особенно если учитывать, что большинство братьев были уроженцами того района, где находилась их обитель, другими словами – всегда существовала опасность того, что местные и родственные связи и интересы перевесят послушание магистру ордена. И все же, несмотря на то что некоторые провинции иногда и не выполняли полностью своих финансовых обязательств, до 1300 года единственной серьезной попыткой добиться большей самостоятельности было выступление братьев ордена Сантьяго-де-Компостела в Португалии: при помощи португальского короля они смогли ослабить контроль над собой со стороны магистра ордена.

Женские обители и монастыри для духовных лиц имели право выбирать собственных наставников, а братья-миряне в духовных вопросах, естественно, подчинялись своим коллегам-священникам. Однако власть в рыцарских орденах принадлежала мирянам. Руководители орденов и главы провинций обычно принадлежали к рыцарскому сословию. Рыцари также составляли большую часть членов общих капитулов и, в ордене тамплиеров и Тевтонском ордене, комитетов, выбиравших новых магистров (комитеты состояли из восьми рыцарей, четырех сержантов и одного священника). Рыцари же возглавляли обители в приграничных областях, но в других районах западного христианского мира командорами часто были сержанты, а среди их подчиненных могли быть и рыцари: похоже, что в этих монастырях назначения делались по принципу соответствия занимаемой должности, а не по принадлежности к сословию. Капитулы удаленных от границ обителей тоже состояли главным образом из сержантов. Различные группы внутри орденов не всегда жили мирно, но единственными орденами, в которых разногласия дошли до столкновений, были Сантьяго и Калатрава в Испании (там духовные лица постоянно жаловались на нарушение их прав) и орден госпитальеров (сестры Сихенского монастыря в Арагонском королевстве несколько раз вступали в открытый конфликт с главой провинции).

Военно-монашеские ордена не были абсолютно самостоятельными организациями. И хотя большинство из них было освобождено от уплаты десятины и, таким образом, не подпадало под юрисдикцию епископа, все они находились в подчинении у папского престола, и папы вмешивались в дела орденов, если видели к этому причины. Иногда папы даже пытались влиять на назначение должностных лиц – либо по политическим причинам, либо в тех случаях, когда хотели устроить своего протеже. То же относится и к королям. Военно-монашеские ордена, связанные с другими религиозными организациями, находились под постоянным внешним контролем. Некоторые испанские ордена, в том числе Калатрава, Монтегаудио и Санта-Мария-де-Эспанья, были отделениями ордена цистерцианцев, а ордена Авиш и Алькантара стали филиалами Калатравы. Нам не всегда известны причины такого устройства орденов, хотя в случае Калатравы это может быть объяснено обстоятельствами основания ордена: он был организован после того, как цистерцианский аббат из Фитеро в 1158 году взял на себя обязательство защищать замок Калатраву (задача, с которой не справились тамплиеры). Отношения ордена Калатравы с орденом цистерцианцев складывались так же, как и между различными цистерцианскими монастырями, то есть глава

центральной обители имел право инспекции и право голоса в выборе магистров. Однако большинство военно-монашеских орденов теоретически подчинялись только папе.

Монастырская жизнь

При вступлении в военно-монашеские ордена давались традиционные обеты – бедности, целомудрия и послушания. Только орден Сантьяго-де-Компостела принимал женатых мужчин. Члены орденов должны были вести монашескую жизнь в обители – спать в дортуарах, принимая пищу в трапезной. Все братья, находящиеся в монастыре, должны были посещать церковные службы, но, поскольку большинство из них были неграмотны, они только слушали то, что читали священники, и произносили «Отче наш» положенное число раз. Книг они, по неграмотности опять же, не читали, и хотя литературные занятия не были совсем чужды рыцарям-монахам, единственными книгами, найденными в монастырях тамплиеров во время суда над ними, были служебники и требники. Время между службами было заполнено различными практическими занятиями. Одни братья занимались административными делами и благотворительностью, а другие следили за хозяйством и за полевыми работами. К сожалению, мало известно о военной подготовке в мирное время. Уставы и правила были, в основном, направлены на то, чтобы не допускать в монастырях занятий, свойственных светскому образу жизни, – таких, как охота, например. Устав тамплиеров гласил: «Не подобает религиозному ордену наслаждаться таким образом мирскими удовольствиями». Однако в разоренных и пустынных областях братьям ордена Калатравы разрешалось охотиться для пропитания. В отличие от обычных монахов, братьям-рыцарям можно было есть мясо, правда, только три дня в неделю. Посты им дозволялось также соблюдать не так строго, а дополнительные посты без разрешения вообще были запрещены. И хотя посты обычно не совпадали с временами военных кампаний (за исключением Прибалтики, где военные действия чаще проводились зимой) и к тому же в военных действиях участвовала меньшая часть всех членов ордена, прилагались все усилия к тому, чтобы братья оставались в хорошей физической форме. Как и в обычных монастырях, во время еды следовало соблюдать тишину, хотя устав тамплиеров допускал некоторые разговоры из-за незнания братьями языка жестов. Что же касается одежды, то тамплиеры разрешили заменить шерсть льном из-за жары в Сирии и Палестине. Льняные рясы можно было носить от Пасхи до Дня Всех Святых. Но от всех членов ордена требовалось соблюдение скромности в одежде и в снаряжении, пышность и экстравагантность не допускались.

Для нарушителей устава была разработана целая система наказаний – от исключения из ордена до краткой эпитимьи, иногда сопровождавшейся телесными наказаниями. Но указы не могли полностью исключить все случаи нарушения дисциплины, к тому же в некоторых обстоятельствах допускались и отклонения от общих правил. Братья не всегда строго придерживались общежительного образа жизни, в документах и повествовательных памятниках встречаются многочисленные упоминания об отдельных апартаментах должностных лиц, а к началу XIV века рядовые братья ордена госпитальеров в Лимассоле жили в отдельных кельях или комнатах. (В то же время в документах суда над тамплиерами говорится об общих дортуарах в монастырях.) Допускались также послабления правил и по приему пищи, которые обычно, хотя и не всегда, объяснялись военными соображениями. Правила, относящиеся к одежде и снаряжению, не допускали исключений, но их было очень трудно проводить в жизнь. Устав госпитальеров, записанный в XIII веке, содержит резкое осуждение расшитой одежды и позолоченного и посеребренного снаряжения. Да и запрет на охоту останавливал не всех...

Строгому соблюдению правил жизни в военно-монашеских орденах мешало отсутствие института послушников, который позволил бы оценить способности кандидата к религиозной жизни и предоставил бы время для обучения. Лишь орден Калатравы настаивал на том, что каждый кандидат в члены ордена должен пройти через испытательный срок,

другие же ордена пополняли свои ряды, не заботясь о предварительной подготовке. Правда, нельзя сказать, что новых членов совсем ничему не учили. Так, сразу после церемонии приема в орден тамплиеров новому члену рассказывали о наказаниях за различные проступки и о распорядке ежедневной жизни.

Периодически проводились публичные чтения устава вслух. Но этого было явно недостаточно: документы суда над тамплиерами свидетельствуют о распространенном среди братьев невежестве в отношении истинных целей и устройства ордена или превратном понимании их. Отсутствие института послушников и неграмотность большинства братьев создавали определенные трудности, но в то время несоответствие требуемому уровню было общим явлением в монашеском мире.

Критика и переориентация

Несмотря на то что в XII–XIII веках поток желающих вступить в главные ордена и пожертвования в эти организации не прекращались, отношение к военно-монашеским орденам было неоднозначным. Сомнения, высказывавшиеся при их основании, не только никуда не исчезли, но к ним еще добавились и обвинения. Ордена обвиняли в гордыне и алчности. То, как используют ордена поступающие к ним средства, стало предметом пристального внимания. Некоторые уверяли, что братья живут в роскоши и в праздности и все пожертвования уходят на поддержание такого образа жизни. Из этого вытекало и следующее обвинение, а именно – что ордена не держат на границах, особенно в Святой Земле, необходимое число рыцарей. Среди этих обвинителей был и Матвей Парижский, хронист из Сент-Олбанса (см. его «Chronica majora»). Рыцарей-монахов, находившихся в приграничных районах, упрекали в применении силы к единоверцам. Особенно часто подобные упреки были направлены в адрес Тевтонского ордена, развернувшего свою деятельность в Прибалтике. Указывалось также, что тамплиеры и госпитальеры обращали оружие друг против друга из-за якобы существующей между ними непримиримой вражды, которая, как говорили, могла сыграть злую шутку с христианами в их борьбе против «неверных». Критики опасались, что независимость орденов может помешать эффективной борьбе с мусульманами на Востоке, к тому же некоторые из них обвиняли ордена в нерешительности. Когда, к примеру, тамплиеры и госпитальеры высказывались против нападения на Иерусалим во время третьего крестового похода, они подверглись яростной критике со стороны французских крестоносцев. Членов орденов подозревали даже в симпатиях к мусульманам. С другой стороны, в 1260-х годах английский монах-францисканец Роджер Бэкон обвинил их в том, что они вообще берут в руки оружие. Он считал, что военные действия орденов только мешают обращению «неверных» в христианство. Это мнение не было популярным, однако меченосцев и членов Тевтонского ордена время от времени упрекали в том, что они не занимались миссионерством и проводили политику, лишь мешавшую обращению язычников.

Такие упреки и обвинения необходимо рассматривать в общем контексте. Всем религиозным орденам в той или иной степени пришлось столкнуться с клеветой. К тому же случалось, что критиковавшие военно-монашеские ордена их же потом и защищали. Например, папы не раз выдвигали против них различные обвинения, но они же их и поддерживали. Некоторые же критики были очевидно пристрастны. Светское духовенство начало терять доходы и авторитет после того, как папство одарило привилегиями рыцарские ордена, к тому же в XIII веке эти священники должны были еще и постоянно вносить крестоносные сборы на помощь Святой Земле. В Прибалтике на Тевтонский орден нападали его соперники. Многие критики военно-монашеских орденов были плохо информированы об их деятельности и не имели личных контактов с его членами, так что они просто повторяли обвинения с чужих слов. Недоброжелатели преувеличивали богатство орденов и заявляли, что военно-монашеские ордена обладают достаточными средствами, чтобы полностью финансировать защиту Святой Земли. Однако перепись имущества тамплиеров во время суда

над ними не создает картины большого достатка. Глухи о соперничестве орденов также были сильно преувеличены. В упреки в терпимости к «неверным» в Святой Земле были вызваны незнанием тамошней ситуации и отсутствием достоверной информации. Новоприбывающие крестоносцы часто не понимали политической ситуации на Востоке и долгосрочных интересов латинских поселенцев. Они хотели только бороться с «неверными» и рвались в бой, не задумываясь о будущем.

И все же не все обвинения были необоснованными. Временами ордена действительно злоупотребляли своими привилегиями и обращали оружие против братьев-христиан не только в целях самозащиты. Действия Тевтонского ордена, отстаивавшего свою независимость сначала в Венгрии, а потом в Пруссии, свидетельствуют о том, что орден был занят не только борьбой с язычниками.

К концу XIII века многие полагали, что военно-монашеские ордена нуждаются в проведении глубоких внутренних реформ. Церковные власти и авторы трактатов о крестоносном движении уделяли этой идее много внимания. Некоторые предлагали ограничить самостоятельность военно-монашеских орденов в восточном Средиземноморье, другие же – п их было большинство – выступали за объединение некоторых или всех рыцарских орденов для того, чтобы покончить с соперничеством между ними. Находились и такие, которые предлагали конфисковать имущество орденов и использовать его другими способами на нужды крестоносного движения.

Однако предложенные реформы проведены не были. Перемены произошли с возникновением новых обстоятельств в приграничных районах. В Испании в середине XIII века Реконкиста приостановилась, и изменения в рыцарских орденах протекали спокойно и постепенно. Для испанских военно-монашеских орденов борьба с маврами отошла на второе место, главным же занятием стало участие в конфликтах между христианами. Испанские правители рассчитывали на помощь орденов в борьбе со своими противниками, что и произошло в 1285 году при вторжении в Арагон французов; ордена также участвовали и в многочисленных междоусобицах в Кастилии.

В 1291 году Латинское королевство перестало существовать, однако никто тогда не поверил в окончательную потерю Святых Мест. Тамплиеры, госпитальеры и орден св. Фомы Акрского переехали на Кипр, находившийся на расстоянии 100 миль от сирийского берега, и в течение нескольких лет отправляли военные экспедиции против мусульман. Известно, что тамплиеры и госпитальеры совместно обсуждали планы возвращения Святой Земли. Однако обстоятельства не дали этим планам осуществиться. Вместо этого госпитальеры в первом десятилетии XIII века завоевали остров Родос, к юго-западу от побережья Малой Азии. Примерно в это же время орден св. Лазаря перенес свою штаб-квартиру в Париж, где орден не играл уже никакой военной роли, а центральный монастырь Тевтонского ордена переместился в Венецию, а оттуда – в 1309 году – в Мариенбург в Пруссии, и с этого времени тевтонские рыцари целиком посвятили себя интересам этого региона.

Суд над тамплиерами

После падения Латинского королевства военно-монашеские ордена претерпевали внутренние изменения и приспосабливались к новой ситуации, и только орден тамплиеров был уничтожен. В октябре 1307 года (тогда штаб-квартира ордена находилась на Кипре) тамплиеры во Франции были неожиданно арестованы по приказу короля Филиппа IV. Их обвинили в том, что во время вступительных церемоний кандидатов заставляли отречься от Христа, плевать на крест и непристойно себя вести; помимо этого им вменялись в вину содомия и идолопоклонство. Папа Климент V сначала протестовал против действий Филиппа, но после того, как магистр тамплиеров Жак де Моле и другие тамплиеры признали справедливость наиболее тяжких обвинений, он приказал всем западно-европейским правителям арестовывать членов ордена и конфисковывать их имущество. И только в Арагонском королевстве исполнители папского приказа столкнулись с трудностями:

тамошние тамплиеры укрылись в своих замках и оказали сопротивление (нескольким замкам удалось продержаться больше года). В начале 1308 года расследование дел ордена приостановилось из-за трений между папой и королем Филиппом, но к 1311 году в дело вступила инквизиция. В результате во Франции и в некоторых областях Италии большинство тамплиеров признали обвинения справедливыми, парижский парламент признал их вину доказанной, и рыцари, обвиненные в ереси, вместе со своим великим магистром Жаком де Моле были осуждены на смерть и сожжены на костре. Однако на Кипре, в Арагонском королевстве, Кастилии и Португалии у тамплиеров никаких признаний вырвать не удалось, а в Англии только три тамплиера сознались в том, в чем их обвиняли. Окончательно судьба ордена решилась на Вьеннском соборе, созванном в конце 1311 года. Прибывшим на собор тамплиерам, желавшим выступить в защиту своего ордена, слова не дали, несмотря на то что многие прелаты хотели их выслушать. 22 марта 1312 года, через два дня после прибытия на собор короля Филиппа, Климент объявил об упразднении ордена.

С самого времени суда над тамплиерами не прекращались споры о том, насколько обоснованными были выдвинутые против них обвинения и почему Филипп IV решил уничтожить орден. Трудно поверить, что тамплиеры действительно были виновны во всех тех преступлениях, в которых их обвиняли. Ведь даже во Франции, где тамплиеров схватили совершенно неожиданно, не было обнаружено никаких вещественных доказательств – ни идолов, ни текстов тайных уставов. Более того, признания обвиняемых не вызывают доверия – они непоследовательны, неубедительны, никто из рыцарей даже не пытался объяснить или оправдать те действия, в которых их обвиняли. Похоже, что тамплиеры признавались в том, в чем виновны не были, то есть возводили на себя напраслину. Некоторые из них потом отказались от своих слов и от раскаяния, но это уже никому не помогло, и их все равно сожгли как впадших в ересь вторично. Если бы орден действительно впал в ересь, да еще задолго до ареста его членов, вряд ли бы это осталось незамеченным. Надо также иметь в виду, что обвинения, выдвигавшиеся против тамплиеров, не отличались оригинальностью – ранее в том же обвиняли сторонников различных ересей и мусульман. К тому же признания были вырваны у тамплиеров под жестокими пытками, которыми в совершенстве владела средневековая инквизиция.

Трудно разглядеть мотивы, лежавшие в основе действий Филиппа. Принято считать, что французский король нуждался в деньгах и поэтому решил прибрать к рукам имущество ордена. Но это еще ничего не объясняет, тем более что имущество ордена не переходило автоматически французской короне. К тому же нет сведений о том, что Филипп действительно так уж нуждался в средствах. В качестве второй причины 'выдвигают желание короля расширить и упрочить свою власть и нежелание в связи с этим иметь на своей территории независимую, военную и аристократическую организацию. Но переселившиеся во Францию тамплиеры уже не были военной организацией, члены ордена в большинстве своем не принадлежали к аристократии, да и независимость ордена была очень относительной. Некоторые историки рассматривали суд над тамплиерами как победу светской, королевской власти над папством. Но вряд ли судебное разбирательство по делу об идолопоклонстве и ереси наилучшим образом подходило для этой цели; ведь французское правительство в конце концов должно было признать, что право вынесения приговора принадлежит папе (даже если король смог обмануть или запугать последнего). Остается еще одна версия: Филипп мог действительно поверить ходившим о тамплиерах слухам. После смерти своей жены (в 1305 году) он стал уделять очень много внимания религиозным вопросам, и он вполне мог усомниться, что папа без его помощи примет надлежащие меры против возможной ереси. Но это всего лишь версия, прийти же к какому-то определенному выводу по этому вопросу пока не удалось.

Начало XIV века, в основном, заканчивает первую фазу истории военно-монашеских орденов. Несмотря на то что орден тамплиеров был уничтожен, а другие ордена переживали в то время не лучшие свои времена и были вынуждены многое менять, ценность самого института таких орденов сомнению не подвергалась.

Глава 10

Ислам и крестовые походы 1096–1699

РОБЕРТ ИРВИН

Эсхатологические ожидания

Средневековые мусульмане так хорошо представляли себе все детали конца света, что арабский хронист XIV века Ибн Касир смог закончить свой исторический труд «Начало и конец» описанием грядущих событий. Во времена крестовых походов многие мусульмане верили в то, что конец света наступит тогда, когда на западе встанет черное солнце, а за ним последуют варварские орды Гога и Магога.⁴⁸ Потом эти орды исчезнут (согласно одному описанию, составленному в XII веке в Сирии, перед тем как уйти дальше на восток, они выпьют всю воду из Тивериадского озера). Вслед за Гогом и Магогом придет одноглазый Даджжал⁴⁹ (Антихрист), который проедет по Палестине на осле в сопровождении свиты из семидесяти тысяч евреев. Даджжал совершит множество лжечудес и установит свое царствование. Но через сорок дней (или сорок лет) с небес спустится Иса,⁵⁰ убьет Даджжала и призовет все народы обратиться в ислам. Затем солнце зайдет на востоке, прозвучит первый сигнал трубы – и все живое умрет. При втором звуке трубы все люди, мужчины и женщины, когда-либо жившие на земле, воскреснут и придут на суд в Иерусалим. (В некоторых версиях дается несколько иная хронология событий и роль Исы отводится Махди – человеку, «ведомому» Аллахом, обновителю веры. Он появится за несколько лет до страшного суда, убьет Даджжала, установит на земле справедливость и силой возвратит людей на путь Аллаха; его короткое царствование [от 3 до 9 лет] будет царством изобилия. После этого наступит воскресение мертвых и страшный суд.)

Размышления о конце света и роли Махди часто переплетались с пророчествами о победе ислама над христианством и о судьбе Иерусалима, Константинополя и Рима. Согласно хадису (рассказу о жизни пророка Мухаммада [Магомета], приводящему его высказывания), известному еще до первого крестового похода, Мухаммад сказал:

«Последний час не пробьет, пока Аллах не даст моему народу победу над Константинополем». На хадисах основана сунна – священное предание ислама. Автором некоторых апокалиптических писаний считался (вероятно, неправильно) Каб ибн аль-Ахбар – спутник Мухаммада. Сочинения же в жанре *malahim* (дословно – «избиения») о жестоких войнах перед концом света приписывались пророку Даниилу или, в XIII веке, мистика из Андалусии, последователю суфизма⁵¹ Ибн аль-Араби. Наиболее ранние *malahim* появились в то время, когда мусульмане пытались защитить свои сирийские владения от Византии.

⁴⁸ Гог и Магог «в исламской мифологии – Иаджудж и Маджудж» – в эсхатологических мифах иудаизма, христианства и ислама воинственные антагонисты «народа Божьего», которые придут в последние времена с севера или с других окраин населенного мира

⁴⁹ Даджжал – в мусульманской мифологии искуситель людей, который должен появиться перед концом света; типологически и функционально соответствует Антихристу христианской мифологии

⁵⁰ (Иса – в мусульманской мифологии имя Иисуса Христа, признаваемого великим пророком)

⁵¹ Суфизм – мистически-аскетическое течение в исламе, возникшее в VIII веке и испытавшее на себе известное влияние христианского аскетизма и неоплатонизма. Ею последователи учили, что путем самоотречения, созерцания, аскетических подвигов и отказа от благ мира сего человек может добиться непосредственного общения с Богом. Суфизм вызвал к жизни общины мусульманских аскетов (дервишей.)

Пророчества говорили о том, что перед окончательной победой мусульманам придется пройти через трудности и поражения, более того – они даже могут на время потерять Иерусалим, который перейдет к христианам. Были распространены и рассказы о статуе, якобы хранившейся в центре Константинополя, которая держала земной шар с надписью: «Я буду править миром, пока этот шар находится у меня в руках», но, согласно арабским сказаниям, шар исчез из рук статуи.

Как видим, время перед появлением первых крестоносцев было для мусульман (и для евреев) периодом напряженных эсхатологических ожиданий (в частности – в связи с приближением 500-го мусульманского года, что соответствовало 1106–1107 году н. э.).

XI век на Ближнем Востоке был временем неуверенности в будущем и для мусульман, и для христиан, и для евреев. Одни ожидали усиления ислама в конце пятого мусульманского века, другие со страхом готовились к приходу Махди и к наступлению конца света. На более же прозаическом уровне многие мусульмане надеялись наконец-то дожидаться решительной победы в затянувшейся борьбе фатимидских халифов и сельджукских султанов за контроль над Сирией. Но никто на Ближнем Востоке не ждал религиозно мотивированного вторжения армий Западной Европы.

Ближневосточный калейдоскоп

Успех первого крестового похода и образование христианских государств на Ближнем Востоке оказались возможны во многом благодаря распаду сельджукского султаната после смерти в 1092 году султана Мелик-шаха. Родственники султана немедленно начали междоусобную борьбу за его владения в Иране, Трансоксании (исторической области в Средней Азии), Ираке, Сирии и на Кавказе. При этом турецкие военачальники и местные вожди, поддерживая то одного принца, то другого, проводили все более самостоятельную местную политику. В это же время военачальники на службе египетских Фатимидов воспользовались междоусобицами и дезорганизацией сельджуков и захватили земли в Палестине и Сирии. Правда, старший сын Мелик-шаха Баркаярук пытался установить твердую власть в центре империи, но он умер в 1105 году, так и не достигнув успеха.

Начиная с 1038 года сельджукские султаны номинально подчинялись аббасидскому халифу в Багдаде и считались защитниками суннизма (одного из двух главных направлений в исламе). На деле же в XI веке Аббасиды уже не обладали политической властью (даже в самом Багдаде), и халиф аль-Мустажир (1094–1118) мог сколь угодно времени посвящать своей страсти к поэзии и к каллиграфии. И, тем не менее, аббасидский халиф признавался большинством суннитов (по крайней мере, формально) политической и религиозной главой исламского мира.

Сунниты наравне с Кораном чтит также и Сунну – сборник устных преданий о Мухаммаде и его спутниках, способствовавший выработке исламского законодательства – шариата – и норм личной жизни каждого мусульманина. Сунниты признавали высшую политическую власть халифов, даже если со временем эта власть превращалась лишь в легалистическую фикцию. А имамы в суннизме были выборными духовными главами общины. В отличие от суннитов шииты считали, что высшей религиозной и политической властью может обладать только семья Мухаммада, то есть его зять Али и его потомки и духовные преемники – имамы. Шиа Али – означало «партия Али». Большинство шиитов верили, что имамы – наследники Мухаммада, непогрешимые первосвященники, обладающие тайным знанием. Во второй половине VIII века в среде шиитов произошел раскол. Одна группа придерживалась веры в двенадцать имамов, прямых потомков Али. Каждый имам перед смертью назначал себе преемника. Одиннадцать имамов погибли мученической смертью, а двенадцатый в 878 году по воле Аллаха таинственным образом исчез и с тех пор пребывает в убежище и невидимо управляет шиитской общиной. Эта группа, наиболее многочисленная, называется имамами, или двенадцатниками. Другая же – исмаилиты, или семиричники, – завершает цепь имамов не на двенадцатом, а на седьмом – Исмаиле,

который исчез в 760 году. Перед концом света «скрытый имам» вернется в образе Махди и восстановит в мире справедливость, обратив все народы в мусульманство. В XI веке произошли и другие расколы внутри исламского мира – друзы (шиитская секта) и ассасины (организация неоисмаилитов в Иране) откололись от исмаилитского халифата Фатимидов в Каире и стали к нему в оппозицию.

Хотя разобраться во всем этом достаточно нелегко, кажется вполне вероятным, что в XI–XII веках большинство мусульман в Сирии, Ливане и Палестине были суннитами, официально лояльными к аббасидским халифам. Однако различия между суннитскими и шиитскими учениями и ритуалами никогда не были четкими, многие сунниты сочувствовали шиитам, а многие шииты служили Аббасидам и Сельджукидам. В крупных мусульманских городах сунниты и шииты мирно жили бок о бок. В некоторых сирийских городах шииты даже имели численное превосходство. Большинство сирийских шиитов, вероятно, были сторонниками двенадцати имамов. Но в начале XII века в Алеппо и других крупных городах исмаилиты-ассасины сделали несколько попыток захватить власть, после чего основали маленькое княжество вокруг крепости Масиаф в горной части Сирии.

Так обстояли дела на территориях, подвластных Фатимидам. В большинстве же других регионов исламского мира шииты находились в неблагоприятном положении. Современный Иран – шиитское государство, но в средние века он был бастионом суннитов. Однако Хасану ибн Саббаху, уроженцу Ирана арабского происхождения, удалось основать в горах к югу от Каспийского моря анклав исмаилитов-ассасинов. Его сподвижники захватили в 1090 году крепость Аламут («Орлиное гнездо»), после чего и другие замки этой области подчинились их власти.⁵²

Очевидно, что так называемая Большая Сирия (т. е. Сирия, Ливан и Палестина) не была единой монолитной мусульманской страной. В ней происходили не только религиозные расколы среди самих мусульман, там еще и сохранялись крепкие общины местных христиан – как в городах, так и в сельских местностях. Мельхиты (православные христиане) искали помощи и защиты у византийского императора, однако другие христианские общины (яковиты, несториане, марониты и др.), кажется, предпочитали мирное сосуществование с мусульманскими властителями, которые не мешали им следовать христианской религии. Многие христиане состояли на службе у мусульман и даже делали успешную карьеру. Например, некоторые из них работали в городских управлениях и занимались медициной. Еще благополучнее складывалась для христиан ситуация в Египте, где копты (египетские монофизиты) занимали почти все важные посты в налоговом аппарате, а армянские христиане служили в армии офицерами.

Политическая ситуация на Ближнем Востоке накануне первого крестового похода была еще более сложной и запутанной, чем религиозная (хотя, надо признать, в исламском мире религиозные и политические вопросы трудно разделить). Наиважнейшим событием исламской истории конца XI – начала XII века был распад империи сельджуков. После смерти Мелик-шаха халиф аль-Мустажир пытался быть посредником между его воюющими друг с другом родственниками и воспользоваться этими междоусобицами для усиления авторитета Багдада. Одновременно с этим губернаторы и военные, поставленные управлять сельджукскими городами и провинциями, тоже извлекали пользу из династических споров и становились независимыми правителями. Некоторые из них сохраняли свой официальный титул «атабак» (дословно – «отец-принц») для того, чтобы скрыть тот факт, что они фактически узурпировали власть. Атабак был чем-то вроде военной няньки, приставленной к отправленному управлять провинцией или городом несовершеннолетнему сельджукскому отпрыску. Но, как и следовало бы ожидать, в одной провинции за другой атабаки задвигали

⁵² Хасан ибн Саббах – основатель воинственной шиитской секты исмаилитов-ассасинов. По названию наркотика, которым опьяняли себя последователи Саббаха, их стали называть «курильщиками гашиша» – по-арабски «хашишийун». Крестоносцы в Сирии переделали это слово в «ассасин». Зхватив Аламут и другие крепости в горах Альбурса, Кухистана и Фарса, а также в Ливанских горах в Сирии, ассасины образовали теократическое исмаилитское государство (1090–1256).

принцев в тень и брали власть в свои руки. Так, например, в Мосуле в 1090-х годах единолично правил атабак Кербога. Практически на всех территориях Ирака, западного Ирана и Сирии независимые тюркские вожди, амбициозные наемники и атабаки-узурпаторы делили земли между собой.

К концу XI века Большая Сирия превратилась в огромное поле боя, на котором сражались военачальники и бывшие подданные сельджуков с армиями египетских Фатимидов. Начиная с 1064 года на территорию Сирии начали проникать туркмены – тюркское племя кочевников. Они не подчинялись сельджукскому султану, но вслед за ними регулярная сельджукская армия заняла большую часть континентальной Сирии, однако им не удалось захватить прибрежные города, которые остались под властью Фатимидов. Ко времени первого крестового похода городом Алеппо и большей частью северной Сирии управлял племянник Мелик-шаха Ридван. Он подпал под влияние секты ассасинов и вообще был очень непопулярен в Алеппо. К тому же интересам Ридвана в Сирии противостоял его младший брат Дукак, номинальный правитель Дамаска. Антиохия, расположенная к западу от Алеппо и находившаяся под властью эмира Яги Сийана, вступила в союз с Дамаском против Алеппо. Мусульманское население в Антиохии, по всей вероятности, было небольшим, поскольку до 1084 года это был византийский город. А с востока Ридвану угрожал мосульский атабак Кербога. Похоже, что почти каждый сирийский город имел собственного правителя; многие из этих правителей были военными тюркского происхождения. Так, Хомсом правил атабак-тюрк Джанах ад-Давла. Несмотря на то, что большую часть населения Сирии составляли арабы, военная элита была представлена главным образом тюрками или курдами. Однако, начиная с 1086 года город и крепость Шейзар в северной Сирии находились под властью арабского шиитского клана Бану Мункыза. Портовый город Триполи, в котором жили в основном шииты, в 1070 году восстал против Фатимидов и до захвата его крестоносцами (1109 год) управлялся династией судей (qadis). Бейрутом, Тиром, Сидоном и Акрой владели Фатимиды (правда, последними тремя только с 1089 года, и власть их там была очень неустойчивой – время от времени в этих городах вспыхивали восстания против египетского владычества).

Что же касается Иерусалима, то в 1071 году он был отвоеван у Фатимидов одним из тюркских военачальников, но в 1098 году Фатимиды, воспользовавшись тем, что турки отвлеклись на военные действия против появившихся в северной Сирии первых крестоносцев, вернули себе город. По словам одного персидского путешественника, посетившего Иерусалим в 1050-х годах, в городе проживало около двадцати тысяч человек и в него приходило много мусульманских пилигримов, по тем или иным причинам не имевших возможности совершить паломничество (хадж) в Мекку и Медину. Иерусалим был для мусульман «третьим самым святым Божьим местом» и местом проживания многих мусульманских мистиков. В мусульманском видении конца света Иерусалиму отводилось особое место: в день Страшного Суда, когда труба воскресения протрубит второй раз и все мертвецы воскреснут, человечество соберется в долине Геенны, за западной стеной Иерусалима. Поэтому многие мусульмане хотели быть похороненными недалеко от этого места. В 692 году было закончено строительство мечети Омара, более известной как Купол Скалы, в долине Храма Соломона в Иерусалиме. Причины ее возведения окутаны тайной, но к XI веку среди мусульман прочно утвердилась вера в то, что именно со скалы в центре мечети Мухаммад отправился в путешествие на небеса. Хотя Фатимиды не поленились в 1098 году вернуть себе Иерусалим, особого значения этот город для них не имел. Их столицей в Палестине была Рамла, а флот базировался в Аскалоне. За пределами палестинских городов Фатимиды не имели никакой власти, и на палестинских дорогах бедуинские и туркменские грабители терроризировали поселян, купцов и паломников всех религий. В письме, написанном в 1100 году из Египта еврейским пилигримом, рассказывается, как его автор тщетно пытался в течение пяти лет добраться до Иерусалима – бедуины и бандиты сделали дороги практически непроходимыми.

Однако опасности, которым подвергались паломники в Палестине, не были главным

толчком к первому крестовому походу. Все началось с обращения византийского императора Алексея I к Западу за помощью в борьбе с правителем Румского султаната⁵³ Килидж-Арсланом I. Султан Килидж-Арслан принадлежал к сельджукскому клану, враждовавшему с Сельджукидами Ирана и Ирака. (Кстати, именно попытка Килидж-Арслана воспользоваться разладом Сельджукидов в Ираке привела к его смерти в 1107 году.) В самой же Малой Азии власти румских сельджуков угрожала тюркская военная династия Данишмендидов, базировавшихся в северной Анатолии. И сельджуки, и Данишмендиды контролировали территории, население которых состояло главным образом из православных греков.

Христианский джихад и ответ мусульман

Исламский мир был далек от единства, и это способствовало успехам армий первого крестового похода в Анатолии, северной Сирии и Палестине. На помощь осажденной крестоносцами Антиохии двинулись войска из Алеппо, Дамаска и Мосула, но их действия были несогласованными и успехом не увенчались. Маленькие прибрежные города были слишком слабы, чтобы сопротивляться христианам, а когда Фатимиды потеряли Иерусалим, среди суннитов наверняка нашлись такие, которые наблюдали поражения шиитов с чувством удовлетворения.

В уже упоминавшемся письме еврейского пилигрима из Египта рассказывается о событиях, произошедших сразу после взятия Иерусалима крестоносцами: эпидемия чумы ослабила Египет, но, тем не менее, все были уверены, что египетскому визирю и военачальнику аль-Афдалу удастся очень скоро отвоевать Иерусалим. Многие мусульмане не смогли сразу оценить все значение крестоносного движения и взятия христианами Иерусалима. Франков часто принимали за византийские войска, и никто не ожидал, что они сумеют удержаться в Палестине.

Поначалу мусульмане, захваченные крестоносцами врасплох, растерялись. Но некоторые их лидеры скоро осознали все значение христианского вторжения и взялись за организацию ответного удара. Али ибн Тахир аль-Сулами (1039–1106) был суннитским ученым при мечети в Дамаске. Его «Kitab al-jihad» (1105) стал первым трактатом о священной войне, написанным после появления на Ближнем Востоке франков. В отличие от некоторых своих современников, аль-Сулами не путал франков с византийцами. Он видел в экспедиции крестоносцев христианский джихад, начавшуюся с Запада, целью которой была помощь ближневосточным христианам и захват Иерусалима. Аль-Сулами представил триумф крестоносцев в Сирии как симптом морального и политического разложения ислама и дряхлости халифата, но он же заверял читателей в неизбежности конечной победы ислама, поскольку пророк Мухаммад предсказал, что мусульмане на время потеряют Иерусалим, но потом не только вернутся в него, но и захватят Константинополь.

Аль-Сулами был прекрасно осведомлен о борьбе христиан и мусульман в Испании, Сицилии и Северной Африке. Он сумел поместить крестовый поход в широкий контекст противоборства двух религий, разыгрывавшегося во всем Средиземноморье; позже ему вторил мусульманский историк XIII века Ибн аль-Асир:

«Первое появление империи франков, рост их силы, вторжение в страны ислама и завоевание некоторых из них произошли в 478 году [1085–1086], в котором они захватили город Толедо и другие города в аль-Андалусе, как уже упоминалось. Потом в 484 году [1091–1092] они напали на остров Сицилию и покорили его, о чем я тоже раньше писал. Потом они даже пробились к берегам Африки, где завоевали несколько мест, которые, впрочем, потом у них были отбиты. Они тогда захватили другие местности, как вы теперь увидите. Когда наступил 490 год [1096–1097], они вторглись в Сирию».

Хамдан ибн Абд аль-Рахим (историк, живший в Алеппо в начале XII века) даже

⁵³ Румский (иначе – Конийский) султанат образовался в Малой Азии и управлялся младшей ветвью династии Сельджукидов (1077–1307). Название этого султаната произошло от слова «Рум» – так на Востоке называли Восточную Римскую империю (Византию) и, как большую ее часть, – Малую Азию.

написал книгу под названием «История франков, вторгшихся в исламские земли». До нас эта книга целиком не дошла, мы знаем о ней только по отдельным цитатам, включенным в более поздние хроники. А жаль – аль-Рахим в силу обстоятельств его жизни был прекрасно знаком с этой темой. Сначала он получил в лен от франкского феодала деревню, а потом служил у первого крупного предводителя джихада Зенги.

Джихад

Трактат аль-Сулами был первым, написанным о священной войне против крестоносцев. Сам же джихад не был чем-то новым для мусульман. К священной войне против неверных призывал Коран:

«Предписано вам сражение, а оно ненавистно для вас» (11: 216). «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретили Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истины – из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» (IX: 29).

«И сражайтесь все с многобожниками, как они все сражаются с вами. И знайте, что Аллах – с богобоязненными!» (1X: 36). (Перевод И. Ю. Крачковского.)

Джихад (священная война) дословно переводится как «стремление», то есть стремление распространить ислам. Согласно учению суннитов, предводительство в священной войне должно принадлежать халифу. И действительно, в VIII и IX веках одной из обязанностей халифа Аббасидской династии было стоять во главе джихада. Гарун ар-Рашид (766–809), например, каждый второй год вел свои войска на Византию, а в другие годы руководил паломничеством (хадж) в Мекку. Священные войны за распространение ислама велись также против язычников-тюрков в Трансоксании и в Средней Азии и против идолопоклонников-индусов в северной Индии. Добровольцы, отправлявшиеся в такие войны, назывались «газиями», в случае смерти на поле боя они приобретали статус мучеников.

Энциклопедический и проповеднический трактат «Bahr al-Fava'id» («Море драгоценных добродетелей»), написанный в 1150-х или 1160-х годах не оставившим нам своего имени персом (вероятно, проживавшим в Алеппо в правление там Нур ад-Дина), подробно разъясняет учение и правила джихада, как его понимали в середине XII века. Священная война бывает двух видов: внутренняя – против личных пороков и внешняя – против неверных. Внешняя война тоже бывает двух видов: наступательная и оборонительная. Наступательная – это наложенная на всех мусульман обязанность расширять мусульманские территории. В борьбе против неверных участвуют добровольцы, но все мусульмане обязаны поддерживать ее морально и давать средства на ее ведение. Оборонительная же война ведется в случае вторжения агрессоров на мусульманские территории, и в борьбе с ними обязаны принимать участие все взрослые мусульмане.

Далее трактат подробно рассматривает права и обязанности участников священной войны. Если воин не достиг совершеннолетия, он должен получить разрешение родителей; если воин женат, он должен обеспечить жену средствами к существованию на время его отсутствия; воин не должен рассчитывать на то, что ему будут платить; мусульманин может бежать с поля боя только в том случае, если ему приходится противоборствовать сразу более чем двум «неверным»; женщин и детей убивать нельзя.

Правила, касающиеся добычи, очень сложны. Некоторые даже кажутся несколько абсурдными. В трактате сказано, что даже животные, участвующие в джихаде, заслуживают подарков: «подарок слону должен быть большим, чем подарок верблюду или ослу». Далее автор, сам, видимо, являвшийся 'alim, то есть религиозным ученым, настаивает на том, что и религиозные ученые имеют право на часть трофеев, взятых в борьбе с «неверными»:

«Берегитесь думать, что газий только тот, кто держит в руке меч и рубится с неверными, потому что тот ученый, который находится в мечети, молится, держит в руке перо и знает предписания ислама, тоже воин, и его перо острее меча». Автор трактата ненавидит и презирает христиан, однако еще большую угрозу он видит в еретиках внутри

самого ислама: «Пролитие крови еретика стоит семидесяти священных войн».

Некоторые средневековые авторы считали, что джихад – это только оборонительная война, но эта точка зрения разделялась очень немногими. Большинство авторитетных теоретиков утверждали, что джихад будет вестись до тех пор, пока весь мир не будет обращен в ислам. Автор «Моря драгоценных добродетелей» настаивает на том, что главной обязанностью мусульманского правителя является ведение священной войны, а если правитель этого не делает, то ему лучше быть мертвым, чем живым, так как он развращает мир.

В богословии шиитов наступательную священную войну может объявить только имам, а поскольку имам сокрыт от людей, то и джихад до приближения конца света объявлен быть не может. Поэтому Фатимиды-исмаилиты и правители-шииты Шейзара (северная Сирия), часто воюя с крестоносцами, не использовали понятие священной войны. К тому же многие мусульмане, особенно шииты и последователи суфизма, считали, что внешняя война занимает второе место после войны со злом в собственной душе.

Сторонники джихада подчеркивали особый статус Иерусалима в исламе, и в XII–XIII веках было написано несколько трактатов о достоинствах (fada'il) Иерусалима, Палестины и Сирии. Подобные трактаты писались и во время арабских войн с Византией. Появлялись также и описания паломничества к гробницам пророков, мучеников и святых мужей ислама, находившимся на территории, оккупированной в то время франками.

Джихад на практике

Главными политическими событиями, влиявшими на историю Ближнего Востока в 1090-1290-х годах, были падение Сельджукидов, возвышение и падение Хорезма и появление монголов. В эти же годы была достигнута довольно широкая политическая победа суннитов над шиитами. Власть ассасинов была уничтожена сначала в Иране, а затем и в Сирии. Ни в коем случае нельзя назвать этот период ближневосточной истории «веком крестовых походов», но нельзя и забывать, что история Сирии и Египта XII–XIII веков – это, в первую очередь, время объединения этих исламских территорий перед лицом вызова со стороны латинских поселенцев.

В 1099 году крестоносцы захватили Иерусалим, перебив или взяв в плен практически все мусульманское население; для того чтобы заново населить город, были приглашены арабы-христиане из Трансиордании. В некоторых же местах, например в Рамле, население бежало еще до прибытия крестоносцев, однако было немало и таких городов и селений, где прежние жители решили остаться. Франки ввели более разумное управление страной, и их присутствие предоставило местным сельским жителям хоть какую-то защиту от мародеров – бедуинов и тюрок. Мусульмане, оставшиеся на франкских территориях, должны были платить подушный налог (в мусульманских землях такой налог платили христиане и евреи), однако, в отличие от христиан, они были освобождены от уплаты десятины. Испанский мусульманин Ибн Джубайр, в 1184 году совершавший паломничество в Мекку и на обратном пути проехавший через Иерусалимское королевство, отмечал, что франкские феодалы хорошо обращались с мусульманскими крестьянами и что последние платили меньше налогов, чем крестьяне в соседних мусульманских странах. Он даже всерьез опасался массового перехода крестьян-мусульман в христианство.

И все же на оккупированных франками территориях отношения с местным населением были неоднозначными. Даже в тех районах, где мусульмане сами решили остаться, время от времени вспыхивали бунты и совершались массовые исходы. Мусульмане восставали в 1113 году в районе Наблуса, в 1130-х и 1180-х в районе Джабал-Бахры, в 1144 году в южной Трансиордании; в конце века происходили крестьянские волнения в Палестине, которые совпали с приходом Саладина. В 1150-х годах, после неоднократных протестов против несправедливостей и вымогательств, чинимых правителем Мирабеля, жители восьми деревень в районе Наблуса покинули свои дома и бежали через Иордан в Дамаск. Эти

переселенцы из Иерусалимского королевства и беженцы из других латинских государств осели в городах в глубине страны, а в Алеппо и Дамаске они даже занимали особые кварталы. Эти-то беженцы и были главными пропагандистами священной войны против франков, в случае победы над которыми они смогли бы вернуться к себе домой. Они искали вождя.

Первым кандидатом на эту роль стал Илгази, член клана Артуков, одной из многих тюркских племенных групп, воспользовавшихся распадом сельджукской империи и образовавших на ее территории маленькие княжества. Когда жители Алеппо обратились к Илгази с предложением принять власть в их городе и защищать его против Роджера Антиохийского, он был правителем Мардина. Илгази согласился возглавить священную войну и, взяв со своих подданных клятву участвовать в джихаде, разбил крестоносцев. Однако во многих отношениях Илгази не соответствовал идеальному образу предводителя священной войны. Он был пьяницей, и его главные интересы сводились к укреплению своей власти в Мардине и расширению подвластных Мардину территорий, а вовсе не к разрушению Антиохийского княжества. Илгази умер в 1122 году, так и не оправдав ожиданий доверившихся ему жителей Алеппо.

Следующим и более удачным кандидатом на роль предводителя джихада оказался мосульский атабак Имад ад-Дин Зенги (правил в 1127–1146). Мосульский историк XIII века Ибн аль-Асир впоследствии писал о нем, что если бы «Бог по Своей великой милости не пожелал, чтобы атабак [Зенги] завоевал Сирию, то франки полностью бы ее захватили». В 1128 году Зенги занял Алеппо, жители которого, боясь угроз членов секты ассасинов внутри города и наступления франков, не сопротивлялись. Как и многие другие назначенные Сельджукидами атабаки, Зенги использовал свое положение для того, чтобы создать для себя независимое княжество в северном Ираке, организованное по образцу иранского султаната Сельджукидов. Как и они, Зенги организовывал и поддерживал мадрасы (*madrasas*) и ханаках (*khangas*). (Мадраса – учебное заведение, в котором преподавались Коран и религиозный закон – представляла собой чисто суннитское заведение, и одной из главных его задач являлось противодействие проповеди шиитов; ханаках [также называемые *завийа* – *zawiyah*] называли помещения, в которых жили и совершали свои обряды суфии.) Проповедники и добровольцы из последователей суфизма играли важную роль в войнах против крестоносцев. Распространение Мадрас и ханаках в Сирии при Зенги и его наследниках было частью движения за нравственное возрождение ислама, сторонники которого выступали за искоренение испорченности и еретических взглядов в мусульманском обществе, что являлось составной частью великого джихада, имевшего более дальние цели, чем просто изгнание франков из Палестины.

Благочестивые мусульмане, особенно жители Алеппо, видели в Зенги человека, самой судьбой предназначенного предводительствовать священной войной, однако во многом он не оправдал их веру в него. Большую часть времени Зенги тратил на борьбу со своими мусульманскими соперниками и на расширение подвластных ему территорий. Он очень хотел присоединить к своим сирийским владениям Дамаск, но правитель Дамаска Муин ад-Дин Унур опередил его, заключив союз с Иерусалимским королевством. Однако в 1144 году, благодаря неожиданному счастливому стечению обстоятельств, Зенги сумел отвоевать у латинян Эдессу. Историк Михаил Сирийский оплакивал падение города: «Эдесса превратилась в пустыню; тяжелое зрелище, место, покрытое черным одеянием, напоенное кровью, усыпанное трупами своих сыновей и дочерей! Вампиры и дикие животные ворвались ночью в город, чтобы попировать плотью убиенных, и он стал жилищем шакалов; и никто из людей не входил туда, кроме тех, кто искал сокровищ».

Но, по словам Ибн аль-Асира, «Зенги осмотрел город, и тот ему понравился, и он понял, что неправильно было бы превратить такое место в руины. И он отдал приказ, чтобы его люди возвратили каждого мужчину, женщину и ребенка в их дома вместе с украденным у них добром... Город был восстановлен в прежнем виде, и Зенги оставил в нем гарнизон, чтобы защищать его».

В 1146 году Зенги был убит своим рабом, и ему наследовал в Алеппо его сын Нур ад-Дин (Нуреддин). В 1154 году с помощью сторонников священной войны с франками, живущих в Дамаске, Нур ад-Дин торжественно вступил в этот город. Затем он заказал minbar (кафедру) и велел поставить ее в мечети Эль-Акса в Иерусалиме, поскольку был уверен в том, что вход его победоносной армии в этот город уже не за горами. Однако сначала нужно было завоевать Египет. Между тем в 1153 году франки захватили Аскалон, и их флот теперь стоял в порту недалеко от дельты Нила. В самом Египте ситуация была нестабильной, фатимидские халифы превратились в пешки в руках враждующих визирей и военачальников.

Саладин

Мусульманское войско, посланное Нур ад-Дином, захватило власть в Египте. Но сам Нур ад-Дин немного выиграл от успеха своей экспедиционной армии. Один из его офицеров, Саладин (Салах-ад-Дин Юсуф ибн Эйюб) из курдского клана Эйюбов, стал в 1169 году главным визирем Египта. А в 1171 году после смерти фатимидского халифа Адида он захватил верховную власть и объявил себя султаном, положив конец династии Фатимидов и основав династию Эйюбидов. Саладин приказал поминать в пятничных молитвах аббасидского халифа Багдада и султана Дамаска Нур ад-Дина и объявил суннизм государственной религией. До этого наиболее влиятельные лица в Египте были шиитами, хотя в стране жило много суннитов, христиан и евреев. Превращение суннизма в официальную религию не вызвало особого противодействия. Саладин и его преемники систематически распространяли и укрепляли суннизм, создавая сеть Мадрас и покровительствуя суфиям.

Саладин неоднократно заявлял о своей верности Нур ад-Дину, но на деле практически не помогал ему ни деньгами, ни войском, о которых тот постоянно просил. После смерти Нур ад-Дина в 1174 году Саладин вошел в Сирию и занял Дамаск, сместив законного наследника – сына султана. Став правителем Египта и Дамаска, Саладин посвятил себя созданию империи, которой должны были бы править члены его клана. Он должен был, по возможности, удовлетворить всех своих родичей, выделив каждому собственный удел. Эта империя создавалась за счет мусульманских соседей Саладина – северной Сирии, Ирака и Йемена. (Однако ему не удалось, несмотря на неоднократные попытки, завладеть Мосулом, которым правил наследник Зенги.) На протяжении всего правления Саладина львиная доля его доходов уходила на удовлетворение нужд родственников и приближенных. Щедрость была одним из необходимых атрибутов средневекового мусульманского правителя.

В то же время на Саладина оказывали постоянное давление благоверные мусульмане-идеалисты и беженцы из Палестины; они требовали, чтобы он возглавил джихад против латинских поселенцев. Такие светские интеллектуалы, как аль-Кади аль-Фадил и Имад ад-Дин аль-Исфাহани, работавшие в канцелярии Саладина, неустанно досаждали своему господину, призывая его прекратить борьбу с соседями-мусульманами и послать свои армии воевать с неверными. Аль-Кади аль-Фадил и его подчиненные превратили канцелярию султана в главное орудие пропаганды в пользу Саладина. В письмах, которые они рассылали по всему мусульманскому миру, действия Саладина преподносились как направленные к единственной цели – уничтожению латинских княжеств. Когда сторонники рода Зенги и другие враги султана называли его узурпатором, заботящимся лишь о благе собственного клана, сторонники Саладина указывали на его верность идее священной войны как на подтверждение легитимности его власти. Однако Саладин не много делал для борьбы с христианами до тех пор, пока в 1183 году Алеппо не признал его своим владыкой.

Армии Саладина

Армии, которые Саладин повел на латинские поселения, шли под лозунгами священной войны, но в их рядах не было газиев; войска Саладина, в основном, состояли из тюркских и

курдских солдат-профессионалов. Для большинства офицеров (или эмиров) платой за службу были налоги с пожалованных им деревень, поместий или фактории и доля военной добычи. Немалую часть отборного войска Саладина составляли мамлюки, то есть солдаты из рабов (так было во всех средневековых мусульманских армиях). Численность армий Саладина в кампании против латинян увеличивалась и за счет наемников – бедуинов и туркмен, составлявших отряды легкой кавалерии и воевавших за долю добычи.

Отборные тюркские части были вооружены сложносоставными, выгнутыми назад луками длиной около 1 м. Как и английские большие луки (в человеческий рост), такой лук требовал от лучника специальных навыков и большой физической силы. Но в отличие от английского большого лука это было наступательное оружие кавалерии, обладающее большей поражаемостью и дальностью. Однако вспомогательные отряды бедуинов и туркмен пользовались более простыми луками, стрелы которых не были так опасны: отсюда и рассказы об английских крестоносцах, наступавших в 1191 году на Арсуф и так плотно утыканных стрелами, что они напоминали собой ежей, хотя эти стрелы не наносили им почти никакого вреда. В близком бою мусульманские воины пользовались пикой, дротиком (коротким метательным копьём) или мечом. Большинство воинов было защищено только доспехами из толстой кожи, однако эмиры и мамлюки в пластинчатых или чешуйчатых кольчугах не уступали в снаряжении франкским рыцарям. В XII–XIII веках в военной технологии мусульман не появилось каких-либо серьезных новшеств, если не считать усовершенствования снарядов для метания камней при осаде.

Взаимоотношения франков и мусульман при Саладине

«Kitab al-It'ibar» («Книга назидания») дает нам возможность составить представление о взаимоотношениях христиан и мусульман как на поле боя, так и вне его. Автор книги, Усама ибн Мункыз, родился в 1095 году в Шейзаре (северная Сирия), а умер в 1188 году. Он происходил из знатной семьи и был очень образованным человеком. Описывая захват в плен франками его родственников и их последующее спасение, он пишет: «Спасение моих детей, моего брата и наших жен облегчило мне пропажу погибшего имущества. Только гибель книг – а ведь их было четыре тысячи переплетенных великолепных сочинений – останется раной в моем сердце на всю жизнь». В возрасте почти девяноста лет он написал трактат о том, как направляющаяся рукой Всевышнего судьба определяет все на земле, включая и длительность человеческой жизни. Поскольку большинство примеров, приводимые Усамом, взяты из его собственной жизни, книга похожа на автобиографию, но для автобиографии она слишком фрагментарна и уклончива, особенно в описании многочисленных встреч с франками. В начале 1140-х годов Усама и его покровитель дамаский эмир Муин ад-Дин Унур поддерживали постоянные сношения с королем Фульком и посещали Иерусалим с дипломатическими миссиями. Дела нередко оставляли время и для развлечений, и, несмотря на все ритуальные проклятия Усамы в адрес франков, он ездил вместе с ними на охоту и имел возможность познакомиться с ними довольно близко. По словам Усамы, «у франков (да покинет их Аллах!) нет ни одного из достоинств, присущих людям, кроме храбрости». Но это была как раз та добродетель, которую сам Усама ценил превыше всех других, и в своем на удивление уравновешенном описании обычаев франков он старался показать как отрицательные, так и положительные их черты. С одной стороны, некоторые франкские медицинские методики – глупы и опасны; с другой – кое-какие их лекарства действуют замечательно. С одной стороны, франкский обычай решать споры путем поединка – абсурден и смешон, с другой – Усама сам признает, что франкский суд поступил с ним в одном случае справедливо. С одной стороны, некоторые франки, только что приехавшие в Святую Землю, ведут себя как варвары, с другой – среди франков у Усамы появилось много друзей, которые по-настоящему понимают ислам. (Здесь уместно привести следующие цитаты: «Однажды, когда я посетил Иерусалим, я вошел в мечеть Эль-Акса; рядом с мечетью была еще маленькая мечеть, в которой франки устроили церковь. Когда я заходил в мечеть, а

там жили храмовники – мои друзья, – они предоставляли мне маленькую мечеть, чтобы я в ней молился». «Многие франки обосновались в наших землях и подружились с мусульманами. Эти франки гораздо лучше тех, кто недавно приехал из франкских стран, но они исключение, по которому нельзя судить вообще». Любопытно и следующее наблюдение Усамы: «Все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских областей на восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и долго общались с мусульманами».)

Кстати, Усама, сам участвовавший в боях с франками, в своей книге ни разу не упоминает джихад – видимо, из-за того, что он был шиитом и не верил в легитимность и религиозную ценность священной войны, ведущейся таким вождем-узурпатором, как Саладин. Немало современников Усамы, очевидцев крестовых походов, тоже писали такие своеобразные автобиографии, но, к сожалению, мы знаем о них только по цитатам, вошедшим в произведения более поздних авторов. Одну из таких автобиографий написал иракский врач Абд аль-Латиф аль-Багдади (1161/2-1231/2). Если бы эта книга сохранилась, она могла бы оказаться еще более ценной для нас, чем трактат Усамы, потому что Абд аль-Латиф посетил Саладина во время осады Акры, а затем и в Иерусалиме, после заключения мира с Ричардом Львиное Сердце. Перу Абд аль-Латифа принадлежит также трактат, опровергающий алхимию; в нем он описывает веру алхимиков в то, что эликсир жизни находится в глазных яблоках молодых людей. Абд аль-Латиф сам видел, как после одного из сражений между крестоносцами и мусульманами алхимики ходили от одного окровавленного трупа к другому и вырывали у «неверных» глаза.

Военная поэзия

При жизни Усама был более известен как поэт, а не как автор «Книги назидания». Мы знаем, что он прилежно изучал Коран и активно поддерживал идею распространения ислама по всему миру, однако его нравственные ценности лишь отчасти основываются на священной книге мусульман. Его принципы поведения и язык, которым он описывал сражения с франками и другими противниками ислама, во многом восходят к традициям доисламской поэзии арабов-кочевников Хиджаза (область в Саудовской Аравии). И в этом Усама мало чем отличался от других видных деятелей мусульманского сопротивления франкам. Среди них достаточно упомянуть советников Саладина в 1170-1180-х годах – выдающихся писателей XII века Имада ад-Дина аль-Исфакхани, работавшего в канцелярии султана, и аль-Кадн аль-Фадила, возглавлявшего эту канцелярию. Аль-Исфакхани был историком и одним из знаменитейших поэтов своего времени. Аль-Фадил тоже был поэтом, а также новатором в области стиля арабской прозы – его метафоричная, орнаментальная и напыщенная манера стала образцом для подражания для арабских писателей на много веков.

По некоторым сведениям, Усама знал наизусть более двадцати тысяч стихотворений доисламской поэзии, что свидетельствует о его необычайной памяти. И даже курдский авантюрист Саладин был ценителем арабской литературы. Он не только всегда возил с собой сборник стихов Усамы, но даже выучил наизусть весь текст антологии Абу Таммама «*Намаса*» («Храбрость») и очень любил декламировать отрывки. В этой антологии Абу Таммам (806?-845/6) собрал стихи бедуинов, сочиненные до появления ислама, и представил их читателям как руководство к правильному поведению. В период правления Эйюбидов «люди выучивали эти стихи наизусть, а не держали их на полке». По словам Абу Таммама, «меч правдивее написанного в книгах: его острие – граница между правдой и ложью». Отобранные им стихотворения превозносят традиционные арабские ценности, особенно храбрость, мужественность и щедрость.

Иными словами, жанры, образы, метафоры и эмоциональная настроенность доисламских поэтов способствовали формированию поэзии, отражавшей поражения и победы в войне с крестоносцами. Тропы VII века, в которых восхвалялись рукопашные бои и победы в езде на верблюдах, теперь ожили и пригодились для описания священной войны,

ведущейся этнически смешанной, полупрофессиональной армией в Сирии и Египте. Родичи и преемники Саладина разделяли его литературные пристрастия, и многие из них сами писали стихи. При Салих Эйюбе, последнем султани Египта этой династии (1240–1249), в качестве советников состояли два самых знаменитых поэта позднего Средневековья – Баха ад-Дин Зухайра и Ибн Матру.

Культурные связи

Представители мусульманской и франкской военной аристократии не только воевали друг с другом, но и поддерживали дипломатические и светские отношения. Им иногда случалось приятно проводить время в обществе друг друга и даже вместе охотиться. Мусульмане и христиане торговали друг с другом, купцы постоянно курсировали между Дамаском и христианской Акрой. Путешественник Ибн Джубайр отмечал, что «солдаты занимались своей войной, а люди жили мирно». Однако, несмотря на подчас тесные связи мусульман с христианами, культурообмен был невелик. Близость совсем не обязательно подразумевает понимание. Согласно трактату «Море драгоценных добродетелей» (см. выше), книги чужеземцев не заслуживали того, чтобы их читали; к тому же «любой, кто верит в рождение Бога из чрева женщины, совершенно безумен; с ним не следует разговаривать, у него нет ни разума, ни веры».

Сам Усама не говорил по-французски, однако, из его книги видно, что некоторые франки знали арабский. Видимо, они учили этот язык с практическими целями. Райнальд де Шатийон, правитель Керака, знал арабский и находился в тесных сношениях с бедуинами Трансиордании. Райнальд Сидонский не только говорил по-арабски, но и взял к себе на службу арабского ученого для составления комментариев к книгам на этом языке. Однако на Латинском Востоке ни одна арабская книга не была переведена ни на латинский, ни на французский, да и арабы со своей стороны не проявляли никакого интереса к западной литературе. В 1160-х годах иерусалимский король Амальрих привез из Египта арабского врача Абу Сулеймана Давуда для лечения своего сына Балдуина, больного проказой. Но чаще случалось, что мусульмане обращались к врачам-христианам. Мусульманские и христианские аристократы на Ближнем Востоке восхищались религиозным фанатизмом и военным искусством друг друга, но не интересовались чужой культурой. Культурный обмен происходил в другом месте и в другое время – арабская ученость проникла в христианский мир через Испанию, Сицилию и Византию.

Гаттин

В 1183 году Саладин занял Алеппо, в 1185 – Майафарикин, а в 1186 Мосул признал его своим владыкой. И только тогда Саладин решился выступить против Иерусалимского королевства. В июне 1187 года его армия численностью примерно в тридцать тысяч человек (в том числе двенадцатитысячная кавалерия) перешла реку Иордан. Армию сопровождали *mutawwiun* – гражданские добровольцы, желавшие участвовать в священной войне с «неверными». Скорее всего, Саладин намеревался захватить крепость в Тиверии (в Галилее) и совершенно не ожидал, что ему придется встретиться в открытом бою с войском короля иерусалимского. Он явно не рассчитывал на столь громкую победу при Гаттине и не имел заранее разработанных планов дальнейших действий. При Гаттине попали в плен многие известные франки, но большинство из них в конце концов было отпущено за выкуп. Однако захваченные тамплиеры и госпитальеры были обезглавлены.

Сразу после гаттинской победы Саладин поспешил занять несколько слабозащищенных укреплений, а затем повернул на Иерусалим, который и сдался ему 2 октября. Саладину, однако, не удалось захватить Тир, который впоследствии стал базой для третьего крестового похода. Спустя несколько лет после сражения при Гаттине Саладин рассказал своему биографу Бахе ад-Дину ибн Шаддаду о своих мечтах на будущее: «Когда с

помощью Аллаха здесь не останется ни одного франка, я разделю свои земли и отдам своим преемникам последние приказы, а потом покину их и поплыву по этому морю на острова, преследуя франков, пока на земле не останется ни одного неверующего в Аллаха. Я исполню это или умру». Но ни Саладин, ни его советники не предусмотрели того, что падение Иерусалима вызовет на Западе проповедь еще одного крестового похода. Пока же сотрудники канцелярии султана писали письма халифу и другим мусульманским правителям, в которых похвалялись освобождением от «неверных» третьей по значению исламской святыни – Иерусалима – и намекали на то, что воины Саладина с его мусульманскими соседями на самом деле служили объединению мусульман для ведения священной войны против франков.

Но вот с Запада прибыли ополчения третьего крестового похода, и началась серия атак и контратак, наступлений и отступлений... Это была война на истощение, и мусульмане тратили на нее все ресурсы. По словам аль-Кади аль-Фадила, Саладин «потратил доходы с Египта на завоевание Сирии, доходы с Сирии на захват Месопотамии, а доходы с Месопотамии – на покорение Палестины». В итоге Саладину становилось все труднее содержать на марше большие армии. Держатели же икта⁵⁴ хотели на месте наблюдать за сбором урожая в деревнях, с которых они собирали налоги, а родственники Саладина зачастую больше интересовались собственными владениями на окраинах Эйюбидской империи, чем борьбой с франками. В 1193 году, вскоре после возвращения в Европу армий третьего крестового похода, Саладин умер от лихорадки.

Наследники Саладина

Успехи Саладина обошлись мусульманам очень дорого, и его наследники не спешили продолжать ту же наступательную политику, которая могла бы принести им новые территории в Сирии и Палестине, но в то же время была чревата опасностью появления новых полчищ крестоносцев. После смерти Саладина империя была фактически поделена между его враждующими между собой родичами. Многие из них декларировали приверженность священной войне, как ее вели Зенги, Нур ад-Дин и Саладин, однако больше всего они были заняты борьбой за первые места в Эйюбидской империи. К тому же некоторые из этих принцев были лишь ставленниками различных группировок, состоявших из тюркских офицеров или мамлюков. Время от времени то один, то другой из эйюбидских принцев вступал в союз с франками из латинских поселений против своих родственников-мусульман.

Обычно (хотя и не всегда и не всеми) правитель Египта признавался членами клана старшим и назывался султаном, в то время как все другие (правители Дамаска, Алеппо, Хамы, Хомса и пр.) были просто принцами (maliks). Брат Саладина Сайф ад-Дин аль-Адил был султаном Египта с 1200 по 1218 год, и в его правление в мае 1218 года армии пятого крестового похода высадились в дельте Нила к западу от Дамьетты. Однако действиями против крестоносцев руководил с самого начала его сын аль-Камиль, который наследовал отцу после его смерти в августе того же года. В ноябре 1219 года крестоносцы захватили Дамьетту, но не двинулись сразу на Каир, чем обрекли свое предприятие на провал. Пока они медлили, родичи аль-Камиля в Сирии и Месопотамии послали войска на помощь Египту, и, в конце концов, крестоносцы сдали Дамьетту аль-Камилю в 1221 году.

Однако же, несмотря на героическое прошлое и на триумф при Дамьетте, отношения Эйюбидов с крестоносцами в начале XIII века определялись, прежде всего, стремлением к сосуществованию, а не к продолжению священной войны. И хотя закон ислама не мог санкционировать официальное заключение долговременного мира с «неверными», нужды торговли и сельского хозяйства заставляли мусульман заключать десятилетние перемирия и организовывать в некоторых местностях сельские советы, в которых христиане

⁵⁴ Икта – земельный надел, жаловавшийся за военную службу в средневековых исламских государствах.

сотрудничали с мусульманами в управлении и в сборе урожая.

Несмотря на войну с франками, начало XIII века было временем расцвета арабской литературы, воспевающей простые радости жизни: праздники, пикники, любовь, вино... Знаменитый поэт Баха ад-Дин Зухайр (ум. 1258) выпустил антологию (*diwan*) стихотворений, описывающих тогдашнюю *dolce vita*; одно из них посвящено тому, как он посещал со своей возлюбленной египетские таверны и монастыри, напивался и любовался «монахами с луноподобными лицами и тонкими талиями».

В 1229 году аль-Камиль, власти которого угрожала коалиция враждебных родичей, сдал Иерусалим Фридриху II, что вызвало осуждение всего мусульманского мира, однако при этом его наиболее ярые критики – другие эйюбидские принцы – сами при необходимости и к собственной выгоде заключали тактические союзы с христианами. Право первородства в империи Эйюбидов не уважалось, и после смерти аль-Камиля в 1240 году султаном Египта стал его второй сын – Салих Эйюб. Он уже временно занимал Иерусалим в 1239 году, а в 1245 году присоединил к своим территориям Дамаск. В борьбе с другими эйюбидскими принцами и христианами, удерживавшими побережье Палестины, Салих, в основном, полагался на полк мамлюков. Как уже упоминалось, почти все мусульманские правители формировали военные отряды из рабов, но Салих Эйюб выделялся тем, что покупал беспрецедентное число тюрок-кипчаков, захваченных в южнорусских степях, тщательно обучал их военному искусству и развивал у них культ верности султану.

В 1249 году армия Людовика IX высадились в Египте. Салих Эйюб умер в разгар организации обороны, и ведение войны против христиан взяли на себя мамлюкские офицеры. В 1250 году мамлюки разбили французов при Аль-Мансуре и были названы хронистом Ибн Василем «тамплиерами ислама». Однако несколько месяцев спустя эти же мамлюки убили Тураншаха – сына и наследника Салих Эйюба, что послужило началом десятилетней политической борьбы в Египте и в Сирии между принцами-эйюбидами, тюркскими и курдскими военачальниками и соперничавшими друг с другом группами мамлюков, делившими провинции Эйюбидской империи.

Эта междоусобная война, давшая латинянам время для передышки, закончилась с вторжением в Сирию монголов. Монгольские армии появлялись на Ближнем Востоке еще в 1220-х годах, а в 1240-х годах они заняли большую часть Анатолии. Однако систематическим захватом арабских земель монголы занялись только в 1250-х годах под руководством Хулагу-хана (ок. 1217–1265), внука Чингиз-хана. В 1256 году монголы заняли крепость шиитов-ассасинов Аламут, а в 1258 году разграбили Багдад. В январе 1260 года монголы перешли Евфрат и вошли в Сирию. Эйюбидский правитель Алеппо и Дамаска Насир Юсуф бежал в пустыню, оставив оба города на милость победителей. Какое-то время спустя монголы его поймали и казнили.

В Египте султаном в это время был узурпировавший власть мамлюкский офицер Кутуз. Ему ничего не оставалось делать, как собрать армию из сохранивших боеспособность отрядов египтян и сирийцев и выступить из Египта навстречу монголам. В знаменитом Айн-Джалутском сражении победили мамлюки. Однако плоды этой победы достались не Кутузу, а Бейбарсу – другому мамлюку, который убил Кутуза и объявил себя султаном Египта и Сирии. Бейбарс I аз-Захир Сейф-ад-дин ас-Салихи (1223–1277) оказался талантливым военачальником, и мусульманские пропагандисты, не заостряя внимание на том, как он пришел к власти, провозгласили его лидером джихада. На протяжении всего своего правления Бейбарс яростно защищал Сирию от монголов на границе, проходившей по Евфрату. Помимо этого он отвоевал у христиан Кесарию, Арсуф, Антиохию и Крак-де-Шевалье. Бейбарс и его сподвижники представляли эти военные кампании как часть более широкой программы нравственных реформ и религиозного возрождения. При Бейбарсе был восстановлен халифат Аббасидов, который теперь находился под защитой египетских мамлюков. Сам султан Бейбарс объявил себя «покровителем Мекки, Медины и Иерусалима» – священных городов ислама. Им также были приняты меры по борьбе с употреблением алкогольных напитков и наркотиков, ужесточилась борьба с еретиками

внутри ислама. В 1260-х и 1270-х годах мамлюки захватили замки шиитов-ассасинов в Сирии.

К концу правления Бейбарса карта Ближнего Востока по сравнению с 1090-ми годами сильно изменилась. Неспособность Эйюбидов сопротивляться монголам дискредитировала эту династию, и Бейбарс был теперь единоличным правителем всех их территорий, кроме Хамы, чей эйюбидский принц платил Египту дань. Египет и Сирия стали теперь частями единой империи. Территория Египетского султаната мамлюков граничила с Нубией и простиралась до Киликийской Армении. А к востоку от Евфрата разрозненные тюркские княжества теперь заменило монгольское государство Хулагуидов.⁵⁵

Рабы-наездники

Еще турки-сельджуки использовали в армии рабов – мамлюков. Так, согласно одному источнику, в Манцикертском сражении сельджуков с византийцами в 1071 году в армии Алп-Арслана⁵⁶ было четыре тысячи мамлюков.

И хотя большинство эмиров Саладина были свободные турки и курды, ударные части его армии состояли из мамлюков. В Египетском султанате мамлюков (1260–1517) все главные военные и административные должности занимали исключительно мамлюки.

У мамлюкских султанов были более крупные и лучше обученные армии, чем у их предшественников – Эйюбидов. Сначала большинство мамлюков составляли турки-кипчаки из южнорусских степей, но, начиная с 1360-х годов появляется все больше черкесов с Кавказа. При этом в рядах мамлюков можно было иногда увидеть и европейцев – венгров, немцев, итальянцев и др., которые попадали в плен юношами в войнах на Святой Земле и на Балканском полуострове или были захвачены пиратами, после чего их насильно обращали в ислам.

Молодые мамлюки в каирской цитадели проходили жестокий курс военной науки и физического совершенствования. Их заставляли по тысяче раз в день разрубать мечом комья глины, чтобы разработать мускулы рук. Их учили ездить верхом без седла и стрелять из лука на скаку как вперед, так и – что было особенно трудно – в обратном направлении. Одним из важных упражнений была стрельба по бутылочной тычке, надетой на высокий шест. Чтобы стрелять, лучник-наездник должен был отпустить поводья и управлять лошадью только коленями, и нередко новички погибали, врезавшись на скаку в шест. Немало жертв было и при игре в поло, которое также служило неплохим упражнением для будущих конных воинов.

Мамлюков обучали арабскому языку и исламской вере, и многие из них умели читать и писать. Именно существование образованной военной элиты в XIII–XIV веках объясняет широкое распространение трактатов о *furusiyya*. *Furusiyya* буквально означает «искусство верховой езды»; в работах, написанных в этом жанре, говорилось не только об обращении с лошадьми, но и вообще обо всех военных искусствах и науках, включая владение мечом, луком, копьем и, позже, использование артиллерии, правила расположения осадных орудий и руководства армиями. Авторы обычно предваряли свои трактаты вступлениями, в которых подчеркивали важность такого рода знаний и навыков для ведения джихада во имя Аллаха. Так, к примеру, аль-Тарсуси уверял, что он сочинил руководство по стрельбе из лука для Саладина, чтобы помочь тому воевать с «неверными». А автор трактата «Книга знаний об искусстве верховой езды» Бадр ад-Дин Бактут аль-Раммах призывал к чему-то вроде самопожертвования в рыцари джихада. Он писал, что желающий быть «святым воином» (*mujahid*) должен пойти на берег моря, выстирать свою одежду, совершить омовение, призвать Аллаха и окунуться в море три раза перед тем, как произнести молитву.

⁵⁵ Хулагуиды – монгольская династия Ирана (1256–1353).

⁵⁶ Алп-Арслан, Мухаммед ибн Дауд – сельджукский султан (ок. 1030–1073).

Несмотря на профессионализм и стойкость мамлюкской армии, военная кампания против латинских поселенцев оставалась затяжной войной на истощение, в которой нападения и осады сменялись перемириями и наоборот. Сохранились документы о перемириях, из которых мы можем многое узнать о жизни в Сирии XIII века. Пункты этих документов оговаривают создание таможенных постов, возвращение беглых рабов, совместное взимание налогов с приграничных областей, реституцию товаров, найденных после кораблекрушения, обеспечение безопасного передвижения купцов и т. д.

Наступление Бейбарса на латинские укрепления, начатое им в 1263 году, было продолжено султаном Мансуром Сейф-ад-Дином Калауном (ум. 1290). В 1285 году он взял крепости Маргат и Мараклею, а в 1289 захватил Триполи. К этому времени мамлюки обладали такими мощными армиями, что христиане не решались встречаться с ними в открытом бою. В эти же годы мамлюки усовершенствовали осадные орудия. Когда сын и наследник Калауна султан аль-Ашраф Халиль (ум. 1293) в 1291 году пошел на Акру, он привез с собой семьдесят два осадных орудия. Падение Акры под натиском мамлюков повело к массовой эвакуации христиан с палестинского побережья. Халиль помнил, что случилось после побед Саладина, и решил предупредить появление новых крестоносцев. Он приказал разрушить все латинские города и порты на побережье Палестины и Сирии, тем самым лишив франков возможности высадки еще одного крестоносного войска.

Латинские церкви, дворцы, дома были разграблены, а готические колонны и другие трофеи из Сирии впоследствии использовались для украшения каирских мечетей. Аль-Ашраф Халиль увековечил свою победу над христианами фреской в каирской цитадели, изображавшей все взятые им латинские крепости. После падения Акры мамлюкские армии обратились против еретиков и христиан в горных местностях Сирии и Ливана, которые упрямо отказывались подчиняться новым властителям. Особенно пострадали марониты,⁵⁷ против которых мамлюки направляли военные экспедиции в 1292, 1300 и 1305 годах. Вообще во времена крестовых походов христианам на мусульманских территориях жилось очень нелегко. Их подозревали в симпатиях к франкам (а потом и к монголам) и даже в шпионаже в их пользу. В антихристианском трактате, написанном в конце XIII века Ибн аль-Васити, утверждалось, что жители Акры поручали христианам поджигать кварталы Каира. После падения Фатимидов христианам было запрещено занимать высокие посты в армии. Правда, они продолжали работать в налоговых конторах Сирии, но по этому поводу все чаще раздавались протесты и звучали обвинения в том, что христиане злоупотребляют своим положением для ущемления прав мусульман. При мамлюках бывали даже случаи насильственного обращения чиновников-христиан в ислам (хотя закон ислама запрещает насильственное обращение христиан и иудеев). Таким образом, крестоносное движение, одной из целей которого была помощь восточным христианам, привело к ухудшению положения христиан на территориях, подвластных мусульманам.

Аль-Андалус

В то время как в XII и XIII веках в Сирии, Палестине и Малой Азии мусульманские армии понемногу теснили христиан, на другом конце Средиземноморья, в Испании, с конца XI века, мусульмане теряли свои территории. Падение испанского халифата Омейядов и разграбление Кордовы берберами в 1031 году привело к распаду арабской Испании на несколько небольших феодальных государств, число которых во второй половине XI века достигало двадцати трех. Правители этих государств не имели достаточной военной силы и

⁵⁷ Марониты – последователи монофелитства (признанного в 680 году на 6-м Вселенском соборе в Константинополе еретическим учения о том, что Христос имел две природы – Божественную и человеческую, но единую Божественную волю – *thelema*; монофелиты удалились в монастырь св. Марона в Сирии, где и основали Маронитскую Церковь); в 1182 году марониты сблизились с Римско-католической Церковью, и это сближение окончательно завершилось в XVIII веке, когда маронитские иерархи признали власть папы римского.

ресурсов для борьбы с наступающими с севера христианами и потому военным столкновениям нередко предпочитали выплату дани. В 1085 году король Леона Альфонс VI захватил Толедо, бывший тогда самым крупным городом Испании. Отвоевание Толедо явилось переломным моментом в ходе Реконкисты; этот город стал опорным пунктом дальнейшего продвижения христиан на юг, а с начала XII века он сделался столицей Кастилии. Арабские эмиры в панике попросили помощи у берберов-альморавидов из Северной Африки, которых они, впрочем, боялись не меньше, чем христиан. Правитель Севильи аль-Мутамид заметил в то время: «Я лучше буду пасти верблюдов [в Северной Африке], чем свиней [при христианах]».

Основатель династии альморавидов Юсуф ибн Ташфин пришел к власти, будучи лидером воинственного движения за возрождение суннизма. Альморавиды (точнее – альмурабитун, буквально – «борцы с неверными в пограничных пунктах»), не были членами одного рода, так называлась группа людей, которые, посвятив себя джихаду, удалялись жить в *gibats* – нечто вроде укрепленных монастырей для благочестивых добровольцев священной войны. Альморавиды проповедовали строгое следование религиозным законам, чрезвычайно нетерпимо относились к христианам и евреям, а также преследовали последователей суфизма. Большинство первых альморавидов происходили из Санхаджи – конфедерации берберских племен. Испанские арабы отчаянно нуждались в помощи альморавидов, но между этими двумя группами существовала культурная пропасть, и далеко не все приветствовали прибытие в Испанию диких берберов. Альморавиды покорили арабскую Испанию и включили ее в состав своего государства с центром в г. Марракеш (Марокко), но они не смогли взять Толедо и остановить Реконкисту.

К 1110 году альморавиды заняли всю арабскую Испанию, но с 1125 года их владычеству в Северной Африке начало угрожать новое движение религиозного возрождения, возникшее среди берберских кочевых племен Магриба.⁵⁸ Проповедники этого движения тоже призывали возвратиться к «чистоте первоначального ислама» и усилить «борьбу с неверными». Основателем этого движения был бербер-богослов Ибн Тумарт, требовавший очищения мусульманской веры от всяких новшеств. Он считал, что наблюдается отступление от основного мусульманского догмата о единобожии, и называл только своих последователей «единобожниками» – по-арабски «аль-муаххидун (в испанском произношении – „альмохады“). Альмохады придавали большое значение единству Бога и, в отличие от альморавидов, преследовали приверженцев буквального следования религиозным законам и симпатизировали идеям суфизма. Ибн Тумарт объявил себя махдием (т. е. посланным Богом мессией). Его последователи верили в то, что он творил чудеса, в том числе – беседовал с умершими. В 1121 году большое берберское племя масмуда признало Ибн Тумарта своим главой, и так было положено начало теократическому Альмохадскому государству. „Мусульманами“ и „единобожниками“ отныне признавались только последователи Ибн Тумарта, а все прочие именовались „неверными“ и „многобожниками“, и война против них была объявлена религиозным долгом. Испанский паломник-мусульманин Ибн Джубайр молился, чтобы альмохады заняли Мекку и Медину и очистили их: „Да позволит Аллах это очищение, которое изгонит разрушительные ереси от мусульман мечом альмохадов – последователей веры, партии Аллаха, народа истины, защитников святыни Всевышнего...“

Во время правления первого имама-халифа Абд аль-Мумина (1130–1163) альмохады захватили все альморавидские земли в Северной Африке и вступили в Испанию. Христианские короли между тем воспользовались крушением власти альморавидов для продвижения Реконкисты. Альмохады заняли территории, оставшиеся от арабской Испании, но они были еще менее популярны, чем их предшественники. В 1195 году альмохады одержали победу при Аларкосе над королем Кастилии Альфонсом VIII, и какое-то время казалось, что их джихад на Западе можно сопоставить с действиями Саладина на Востоке.

⁵⁸ Магриб – Северная Африка (ныне Тунис, Алжир и Марокко). Магриб по-арабски «Запад».

Но сражение при Аларкосе оказалось последней крупной победой мусульман в Испании. В 1212 году объединенные силы Кастилии, Леона, Арагона и Наварры под руководством кастильского короля Альфонса VIII одержали победу над альмохадами при Лас-Навас-де-Толоса. За этой победой последовали и другие успехи христиан: в 1236 году они заняли Кордову, в 1238 – Валенсию, в 1248 – Севилью. К середине XIII века христиане заняли всю Испанию, за исключением небольшого Гранадского эмирата на самом юге полуострова. Там правили принцы Насридской династии, и им приходилось балансировать между христианами, наступавшими с севера, и марокканскими султанами династии Маринидов. Иногда они платили дань христианам, иногда предлагали маринидским султанам начать в аль-Андалусе новый джихад. (С начала XIII века Мариниды – клан, вставший во главе зенатских берберов, – начали вытеснять альмохадов из Марокко. К 1275 году они управляли уже всем Марокко и время от времени принимали участие в священной войне в защиту Гранадского эмирата.)

Один из крупнейших и наиболее оригинальных мусульманских историков и философов средневековья Ибн Халдун (1332–1406) разработал циклическую философию истории, согласно которой пребывающие на одном месте, малоподвижные цивилизации разлагаются и неизбежно становятся жертвами маргинальных кочевников, которые обладают 'asabiyya (естественной солидарностью) и часто вдохновляются религиозными идеями. Победив, кочевники основывают собственные династии, но через несколько поколений их жизненная энергия и 'asabiyya исчезают под влиянием принятия ими оседлого образа жизни. Такое понимание истории сформировалось у Ибн Халдуна в результате наблюдений над сменяющимися друг друга альморавидами, альмохадами и Маринидами в Испании и в Северной Африке. Первые успехи крестоносцев Ибн Халдун воспринял как начало роста христианского морского могущества в Средиземноморье. Согласно его теориям, центры могущества могли переместиться на север – возможно, в страны франков и к туркам-османам. Сотрудничество Маринидов и Насридов в борьбе с христианами было неплодотворным, поскольку Насриды подозревали Маринидов в том, что те хотели сами закрепиться в Испании, Мариниды же рассматривали Гранаду всего лишь как передний рубеж защиты своих африканских владений. Однако ослабление власти Маринидов, начавшееся в 1340-х годах, лишило Гранаду незаменимого союзника. В 1369 году насридскому принцу Мухаммеду V удалось отвоевать Альхесирас – плацдарм между Испанией и Африкой, захваченный христианами в 1344 году, и эта победа была увековечена в высокопарных надписях дворца Альгамбры. Но это никак не изменило ситуацию в Испании. Объединение Кастилии и Арагона в 1469 году решило судьбу Гранады. В ходе десятилетней военной кампании (1482–1492) с применением артиллерии все мусульманские крепости были уничтожены. Последний гранадский правитель Мухаммед XI напрасно взывал о помощи к мамлюкам и османам, и, в конце концов, в 1492 году город Гранада сдался христианам. К 1490 годам мамлюкские султаны были настолько озабочены османской угрозой на своих северных границах и португальской угрозой в Индийском океане, что им было не до далекой Гранады.

Империя мамлюков

В XIV–XV веках Египетский султанат был самой могущественной державой восточного Средиземноморья. Попытки монголов захватить мамлюкскую Сирию успехом не увенчались. В 1322 году представители мамлюкского султана аль-Насира Мухаммеда и правителя (ильхана) монгольского государства Хулагуидов (см. выше) Абу Сайда заключили мир. В 1335 году ильханат распался, раздираемый династическими спорами, последовавшими за смертью Абу Сайда.

В Египетском султанате главным проповедником идеи джихада был религиозный мыслитель Ибн Таймийя (1263–1328). Он призывал вернуться к простоте понятий и практике раннего ислама и отбросить все неприемлемые новшества. Ибн Таймийя также учил, что

борьба с христианами и откровенными еретиками – не единственная цель джихада, поскольку истинно благочестивые мусульмане обязаны оказывать сопротивление и власти тех правителей, которые на словах именуют себя мусульманами, но не придерживаются религиозных законов во всей их строгости. Самый большой грех, который может совершить мусульманин, – это отказаться от джихада: „Если некоторые из тех, кому было оказано доверие, – беспечны и расточительны, то они наносят огромный ущерб мусульманам, поскольку, таким образом, они причиняют великий вред как религиозным, так и мирским интересам мусульман, забывая о своем долге воевать за них“. Однако в первой половине XIV века мамлюкские султаны интересовались главным образом возведением роскошных зданий и не менее роскошным придворным церемониалом, а вместо того чтобы расширять „территорию ислама“, они совершали приносящие материальную выгоду набеги на Киликийскую Армению и христианскую Нубию. Что же касается Европы, то султаны и не думали переносить туда джихад; более того, они вели широкую торговлю с Венецией и Генуей.

В 1347 году из южнорусских степей в Египет и в Сирию пришла чума, и с тех пор эпидемии „черной смерти“ прокатывались по землям мамлюков каждые пять-восемь лет. В результате этих эпидемий огромное количество людей умерло не только на территориях султаната, но и в тех русских степях, откуда импортировали молодых рабов-кипчаков. К концу XIV века цены на будущих мамлюков сильно выросли. Многие из них, однако, умирали от чумы еще до окончания военного обучения, и султаны, опасаясь сокращения численности войск, сокращали сроки обучения, что не могло не сказаться на качестве. Чума уносила все большее число людей, что, в свою очередь, уменьшало и доходы султана и его эмиров с сельского хозяйства. Нередко мамлюки бунтовали из-за невыплаты жалованья. Крестовый поход кипрского короля Петра I и разграбление им Александрии в 1365 году (см. главы 11 и 12) нанесли сильный удар по престижу мамлюков. После этого нападения мамлюки на своих территориях стали арестовывать европейских купцов и облагать дополнительными налогами местных христиан; по приказу эмира Ялбуги аль-Хассаки был даже построен флот специально для ответного удара.

Но Ялбуга, управлявший делами Египта и Сирии именем несовершеннолетнего султана аль-Ашрафа Шабана, через год был убит, а среди новых политических деятелей не было уже желающих вести джихад, и в 1370 году был заключен мир с Кипром.

Начиная с 1360-х годов мамлюкские султаны стали покупать меньше кипчаков и больше черкесов, поскольку большое число кипчаков умерли в своих степях от чумы, а многие из оставшихся в живых сами стали мусульманами, и потому, согласно правилам ислама, их уже нельзя было продавать в рабство. В 1382 году мамлюк черкесского происхождения Баркук узурпировал власть, и его правление (1382–1399) прошло под знаком беспорядков и борьбы черкесских и кипчакских мамлюков, которая продолжалась и при его сыне аль-Насире Фарадже (1399–1412). В 1400–1401 году, как раз в правление аль-Насира Фараджа, в Сирию вторгся турецко-монгольский вождь Тамерлан (Тимур), чуть было не покоривший весь мир, и разгромил Дамаск. Военное возрождение мамлюков началось при султанине аль-Муайяде Шайхе (1412–1421) и достигло заметных успехов в правление аль-Ашрафа Барсбая (1422–1437).

При султанине Барсбае и его преемниках был создан большой военный флот – самый сильный мусульманский флот в Средиземноморье со времен Фатимидов. И теперь мамлюки, владевшие гаванями на сирийском побережье, были в состоянии нанести ответный удар Кипру, с 1191 года служившего базой для христиан-крестоносцев и пиратов. В 1425 году египетский флот совершил нападение на Кипр, а в следующем году армия мамлюков разграбила остров и захватила в плен короля Януса. Кипр стал данником султаната, и его правители поклялись не давать приюта пиратам.

В 1440-х годах мамлюки совершили несколько нападений на Родос. Султан аль-Захир Ягмак (1438–1453) решил положить конец пиратству в восточном Средиземноморье, а заодно и косвенно помочь туркам-османам. Первое нападение на Родос в 1440 году было

просто пробным камнем. Вторая экспедиция в 1443 году отвлеклась на набеги на христианские владения в Малой Азии. Третья и последняя – в 1444 году – пыталась овладеть цитаделью Родоса, но атака была отбита. По словам мусульманского хрониста, «цели армии достигнуты не были, и они вернулись без всяких результатов; по этой причине прежнее рвение к священной войне в этом районе угасло на долгое время». В 1446 году через французского купца Жака Кера был заключен мир между мамлюками и рыцарями-госпитальерами Родоса.

И мамлюкские, и османские султаны были заинтересованы в совместной борьбе с пиратами-христианами в восточном Средиземноморье, но во всех других регионах они постоянно вступали в конфликты – например, в южной и восточной Турции, где они помогали соперничавшим друг с другом туркменским княжествам. И хотя обычно они не вступали в прямую борьбу за первенство в этом регионе, а за их интересы воевали их союзники, в 1486–1491 годах мамлюки все же оказались вовлеченными в прямые столкновения с османами. В этой войне победили мамлюки (во многом благодаря удачному использованию артиллерии), однако эта кампания подорвала их ресурсы. Экономические проблемы мамлюков усугублялись и появлением в Индийском океане португальцев, стремившихся заблокировать Красное море и лишить Египет доходов от торговли пряностями. В 1516 году османский султан Селим I Грозный (1512–1520), опасаясь того, что мамлюки заключат союз с новой шиитской династией Сефевидов в Иране, напал на Египетский султанат.

Законоведы Селима объявили его действия джихадом, поскольку мамлюки якобы мешали борьбе османского султана с христианами и раскольниками-шиитами. Победы османов в северной Сирии в 1516 году и в Египте в 1517 году объясняются, прежде всего, значительным численным превосходством и хорошим материально-техническим обеспечением, однако предательство и дезертирство в рядах мамлюков тоже сыграли немаловажную роль. Последний мамлюкский султан Туманбай был повешен на воротах Каира, а Селим, присоединив к своей империи Египет и Сирию, объявил себя «покровителем Мекки и Медины».

Турки-османы

В начале XIV века турки-османы владели территорией в районе Бруссy. Османский бейлик (княжество)⁵⁹ был одним из многих, возникших в Малой Азии после распада Румского султаната Сельджукидов и ухода из регионов монголов. Однако в ранней истории османов немало легендарного, и не ясно, были ли первые османские бей вождами племен или вождами газиев, примкнувших к османам на границах византийских территорий для участия в джихаде. Тем не менее несомненно, что идеология газиев играла важную роль в некоторых других княжествах, особенно в прибрежных бейликах Айдына и Ментеше, из гаваней которых газии-мореходы отправлялись перехватывать христианских купцов. В Анатолии, как и в других местах, джихад проповедовали в первую очередь последователи суфизма, и один из поздних османских документов описывает, как айдынского эмира посвящал в газия шейх из маулавийа (суфийского братства – дервишей): шейх вручил эмиру боевую дубинку, которую тот возложил себе на голову и заявил: «Этой дубинкой я сначала обуздаю свои страсти, а потом убью всех врагов веры».

В 1326 году османский бей Орхан захватил Бруссy, но еще долго после этого столицей османов по-прежнему было любое место, где раскидывался шатер бея. При Орхане османы быстро завоевали северо-западную Анатолию, и Орхан стал первым османским султаном. Он расширял свои владения как за счет византийских территорий, так и за счет соседних мусульманских княжеств. Поначалу на Западе считали, что приморский бейлик Айдына

⁵⁹ Тюркские племена, населявшие это княжество, получили название османов по имени своего предводителя – Османа, положившего начало династии, которая правила Турцией вплоть до 1922 года.

представляет большую угрозу, чем османы, и в 1344 году крестоносный морской союз напал на Смирну – портовый город Айдына. В это же время тюрки, только некоторые из которых служили османам, переправились через Дарданеллы. Землетрясение в Галлиполи в 1354 или 1355 году дало возможность османам занять этот порт и сделать его своей первой базой к западу от Дарданелл. И хотя впоследствии крестоносцы Амедея Савойского отбили у них Галлиполи, османы вернули себе позиции в Европе, захватив в 1369 году Адрианополь, а в правление Мурада I (1362–1389) – Фракию и Македонию.

С именем Орхана связана и организация знаменитого, военного корпуса янычар (от турецкого *yeni serî* – «новое войско»). «Всех пленных юношей – неверных – надо зачислять в наше войско», – такой совет дал Орхану визирь Аллаэддин. Эта идея была осуществлена при султанах Мураде I. Хотя сами они любили называть себя «избранными небесами солдатами ислама», не следует преувеличивать значение средневековых янычар.

Первоначально полк янычар набирался из христианских юношей, попавших в плен во время Балканских войн, но, поскольку их было недостаточно, с конца XIV века османы перешли к системе *devshirme*: в христианских поселениях на османских территориях мальчики в возрасте 8-15 лет принудительно забирались из семей, и их обучали как воинов-рабов. Среди них отбирались лучшие для службы при дворце, где их готовили к занятию высоких и ответственных должностей. В полк же попадали те, кто был похуже, в каком-то смысле – отбросы системы *devshirme*. В XV веке это был пехотный полк лучников, и только в конце XVI века янычар вооружили мушкетами. Наравне с полком янычар существовала и многочисленная, хотя и менее дисциплинированная, пехота, состоявшая из свободных солдат. Ядром же османской армии были сипахи – кавалерия, получавшая за свою службу *timar*, т. е. поместья, нечто вроде феодалов. Армию дополняли части легкой кавалерии – *akinjis*, воевавшие за долю добычи.

Приближение армий Мурада I к Дунаю напугало европейцев и привело к созданию коалиции христианских княжеств на Балканах. Однако объединенная христианская армия потерпела поражение в битве на Косовом поле (1389). В этом сражении Мурад I был убит,⁶⁰ и командование принял его сын Баязид I (правил в 1389–1402), прозванный Молниеносным. Победа при Косово закончила турецкое завоевание Болгарии и предопределила судьбу Сербии. Сразу же после этой победы Баязид, предложив Сербии щадящие мирные условия, занялся подавлением восстания туркмен в Анатолии. Османы утверждали, что туркмены, начав войну, тем самым мешают им вести джихад и таким образом помогают неверным. В последующие годы Баязид использовал своих европейских вассалов для военных действий в Азии, а азиатских – для военных действий в Европе.

Однако связь между восточным и западным фронтами султаната была ненадежной вследствие того, что в Константинополе по-прежнему удерживались христиане. В 1394 году Баязид отдал приказ о блокаде города. В 1396 году на помощь Константинополю был отправлен франко-венгерский крестовый поход, но его армии потерпели поражение под Никополем. И только благодаря событиям, произошедшим в Малой Азии, существование Константинополя было продлено еще на пятьдесят лет. Захватническая политика Баязида в Анатолии привела к столкновению его войск с вассалами Тамерлана, и турецко-монгольский вождь решил лично вмешаться. Султан Баязид I поспешил из Европы в Малую Азию навстречу Тамерлану, и они встретились в 1402 году около Анкары.

Войско Баязида, состоявшее, в основном, из представителей поработанных им областей, которые при малейшей возможности перебегали к Тамерлану, потерпело сокрушительное поражение. В. о время боя Баязид был схвачен и вскоре умер в плену. Тамерлан восстановил туркменские княжества, а Османская империя после смерти Баязида еще более обессилела, раздираемая междоусобной войной между его сыновьями Сулейманом, Исой, Мехмедом и Мусой. Победителем вышел Мехмед, который и стал

⁶⁰ Существует легенда, что один из сербских храбрецов Милош Обилич пробрался в турецкий лагерь, притворился перешедшим на сторону турок и, будучи приведен в шатер Мурада, бросился на султана и убил его ударом отравленного кинжала.

султаном (годы правления 1413–1421).

При Мехмеде I и его сыне Мураде II (годы правления 1421–1451) мощь Османской империи постепенно восстанавливалась.

И хотя новая попытка взять Константинополь (1422 год) успехом не увенчалась, турки возвратили себе все (и даже больше), что потеряли в 1402 году. Еще в 1432 году бургундский шпион Бертрандон де ла Брокьер отметил, что если бы османский султан «захотел употребить ту силу и те богатства, которые он имел, при том слабом сопротивлении, которое бы он встретил со стороны христианского мира, он мог бы завоевать большую его часть». В 1441 и в 1442 годах венгерский полководец Янош Хуньяди одержал ряд блестящих побед над турками, но крестовый поход 1444 года (под предводительством польско-венгерского короля Владислава и Яноша Хуньяди) был неудачным: Мурад II разбил войска крестоносцев у города Варны, король Владислав был убит, а Янош Хуньяди с остатками войска отступил в Венгрию.

В 1451 году Мехмед II (наследовавший Мураду II) начал готовиться к осаде Константинополя. В этой осаде решающая роль отводилась артиллерии (с 1420-х пушки стали главными осадными орудиями османов). Константинополь был взят в 1453 году и превратился в столицу Османской империи Стамбул.⁶¹ «Султан Мехмед завоевал Константинополь с помощью Всевышнего. Это было жилище идолов... Он превратил великолепно изукрашенные церкви в мечети и исламские школы». Победа Мехмеда исполнила традиционные исламские пророчества о падении Константинополя под ударами мусульман. Причем захват древней столицы Восточной Римской империи позволил Мехмеду выставить себя наследником не только героев исламского прошлого, но и Александра Великого и Цезаря. Итальянский автор того времени записал, что Мехмед «заявляет о том, что он пойдет с Востока на Запад, как в прошлые времена Запад шел на Восток. Мехмед говорит, что в мире должна быть только одна империя, одна вера, одна власть».

Завоевание Константинополя предоставило в распоряжение султана кораблестроительные верфи и военные ресурсы города. Флот Мехмеда II во время осады Константинополя сильно уступал византийскому, однако после 1453 года османский флот был усовершенствован и стал одерживать морские победы. Черное море превратилось в турецкое озеро, и османские корабли беспрепятственно бороздили Эгейское море. Через пять лет Мехмед завоевал Афины, и теперь ему подчинялась вся Греция. Еще через три года пал Трапезунд, перешли в руки турок и остатки Эпирского деспотата. К 1460 году османское завоевание Византийской империи было завершено. Турки теперь контролировали торговые пути через проливы в Черное море и связи с Ближним и Дальним Востоком.

В 1480 году османский флот направился к Родосу. По словам Лионеля Батлера, Мехмед II «хотел присоединить Родос к своей коллекции знаменитых греческих городов древнего мира, которые он уже покорил: Константинополь, Афины, Фивы, Коринф, Трапезунд». Завоевание Родоса предоставило бы Мехмеду также и важный стратегический пункт в восточном Средиземноморье. Однако турецкое нападение было отражено. Мехмед планировал повторить его в 1482 году; он также намеревался послать подкрепления к экспедиционным турецким частям, высадившимся в южной Италии в 1480 году. Но в 1481 году Мехмед умер. Турецкое войско в Италии, не дождавшись помощи, сдалось в сентябре того же года.

Баязид II (правил 1481–1512) не проводил по отношению к Западу столь же агрессивную политику, как его предшественник, поскольку он оказался перед необходимостью защищать трон от притязаний собственного брата – Джема. В 1482 году Джем бежал на Родос, а оттуда – во Францию. Живя под постоянным наблюдением в Европе, Джем был козырем в руках христианского мира до самой своей смерти в 1495 году. Баязиду

⁶¹ Народное христианское предание рассказывает, что в момент появления турок в храме св. Софии шла литургия; когда священник со Святыми Дарами в руках увидел вбегающих в храм мусульман, он вошел в раскрывшуюся перед ним стену алтаря и исчез; он выйдет из стены и будет продолжать служить литургию, когда Константинополь снова перейдет в руки христиан.

удалось несколько расширить свои владения на Балканском полуострове, но он столкнулся с трудностями на восточном фронте – сначала в связи с Египетским султанатом, а затем в связи с приходом к власти в Иране в 1501 году шаха Исмаила, первого из шиитской династии Сефевидов.

Для своих последователей шах Исмаил был мессией (махди), они свято верили в его непогрешимость и непобедимость. Однако легенда о неуязвимости Исмаила рухнула в 1514 году, когда в битве при Чалдыране турецкая армия под командованием османского султана Селима I Грозного на голову разбила недисциплинированное войско Исмаила. Но даже и после этой победы суннитский режим Османской империи видел угрозу в иранском шиизме. И все же Селим не предпринимал дальнейших военных действий против Исмаила до тех пор, пока мамлюки угрожали его южному флангу. Османское завоевание земель мамлюков в 1516–1517 годах объединило восточное Средиземноморье под властью одного мусульманского владыки.

Еще до входа Селима в Каир в 1517 году, он получил Алжир из рук Оруджа Барбароссы, захватившего город за год до этого. Приключения братьев Оруджа и Хайреддина по прозвищу Барбаросса открыли эпоху берберских корсаров. В 1533 году Хайреддин был назначен организатором османского флота, в 1534 году он завоевал Тунис (правда, войска, посланные императором Карлом V, отвоевали его в следующем же году), в 1538 году одержал у Превезы в 1538 году крупную морскую победу над христианским морским союзом, созданным по инициативе императора и папы римского. В 1551 году Триполи, которым с 1510 года владели испанцы, пал под ударами мусульман, и вся Северная Африка, за исключением Марокко, была присоединена к Османской империи.

Османскую империю при Сулеймане Великолепном (1520–1566) можно сравнить с христианской империей Карла V. Войны Сулеймана в Средиземноморье и на Балканах, по сути, были имперской войной против Габсбургов, а не джихадом. Поначалу удача была на стороне Сулеймана: его армии захватили Белград (1521), Родос (1522), разгромили венгров в Мохачской битве (1526) и уничтожили Венгерское королевство. И хотя Сулейману не удалось взять Вену в 1529 году, в то время эта неудача не казалась особенно значимой, поскольку взятие Вены не входило в первоначальные военные планы этой конкретной военной кампании. И все же уверенность османов в возможности завоевать весь мир несколько пошатнулась. Турецкое поражение на Мальте (1565 год) еще больше подорвало моральное состояние османов, а в следующем году Сулейман умер.

Тем не менее, османы по-прежнему стремились расширять свои территории, и в 1570 году они захватили венецианский Крит, что привело к организации еще одного христианского морского союза. В 1571 году христиане одержали победу над турками в битве при Лепанто (в Коринфском заливе) и провозгласили ее триумфом над неверными. Действительно, турки потеряли в этом сражении тысячи умелых моряков и лучников, однако ресурсы Османской империи были огромны, и поражение при Лепанто не очень беспокоило султана. Говорят, что на вопрос Селима II (правил в 1566–1574) о том, сколько денег потребуется на постройку нового флота, визирь ответил: «Мощь империи такова, что, если бы понадобилось снабдить весь флот серебряными якорями, шелковыми снастями и атласными парусами, это было бы нетрудно». А поскольку Кипр остался в руках османов, визирь заявил послу венецианцев: «При Лепанто вы нам только подстригли бороду – захватом Кипра мы отрубили вам руку». Османы очень быстро построили новый флот и беспрепятственно совершали набеги по всему западному Средиземноморью, иногда даже пользуясь гостеприимством французских гаваней.

Тем временем на Балканах вновь начались военные действия, и на этот раз османы оказались не на высоте. Османские армии успешно перенимали европейскую военную технологию, но не европейскую тактику. Турки могли восхищаться дисциплиной западных войск, их умением наилучшим образом использовать пушки и мушкеты, но турецкие армии не могли превзойти в этом европейцев, и турецкие генералы до сих пор верили в силу своей вооруженной мечами кавалерии. К тому же империя османов начала испытывать

финансовые трудности, а в Анатолии одно за другим вспыхивали восстания.

К 40-м годам XVII века наступательная мощь Османской империи на западноевропейском направлении угасла. Еще в 1606 году султан заключил мирный договор с императором Рудольфом II Габсбургом и отказался от получения ежегодной дани. Очередная попытка османов взять Вену в 1683 году провалилась. Период османской экспансии в Европе закончился. Разгром турецкой армии под Веной стал началом изгнания османов как из Венгрии, так и с других территорий. Эпоха джихада завершилась, и началось дробление Османской империи.

Глава 11

Крестоносное движение

1274–1700

НОРМАН ХАУСЛИ

В 1274 году на 2-м Лионском соборе обсуждалась судьба крестоносного движения. В постановлении собора было, в частности, записано: «К вящему стыду Творца и к обиде и боли тех, кто исповедует христианскую веру, они [т. е. мамлюки] насмеваются над христианами и оскорбляют их многими упреками». В 1291 году Палестина была потеряна, но тогда мало кто понял, что потеряна она навсегда. И только после начала в 1337 году Столетней войны надежды на возвращение Святых Мест стали уделом немногих. Крестоносное движение вступало в новую фазу своего существования. Рассказ о поздних крестовых походах мы начнем с исследования идей и методов организации и финансирования, обсуждение которых начал 2-й Лионский собор. Конечно же, не только решения, принятые собором, способствовали сохранению крестоносного движения, но они наглядно продемонстрировали способность этого движения к выживанию и приспособлению к новым обстоятельствам.

Годы суровых испытаний и их наследие

«Чтобы завоевать Святую Землю, прежде всего нужны три вещи: мудрость, сила и милосердие». Так писал в предисловии к своему трактату «De acquisitione Terrae Sanctae» («О приобретении Святой Земли», 1309), призывавшему к крестовому походу для возвращения Палестины, Рамон Лулл. Мудрости (*sapientia*), в форме теорий и советов, хватало. Лулл сам был одним из наиболее крупных и плодовитых авторов подобных трактатов, писавшихся в большом количестве в период между 2-м Лионским собором и началом англо-французской войны. (Двадцать шесть таких трактатов были написаны только в период между Лионским и Вьеннским соборами [1274–1314]). Среди авторов были короли (Генрих II Кипрский, Карл II Неаполитанский), крупный французский королевский чиновник (Гильем де Ногаре), епископы и монахи нищенствующих орденов, магистры военно-монашеских орденов, живший в изгнании армянский принц, венецианский купец и генуэзский врач. Некоторые авторы были стратегами-теоретиками, другие же – опытными практиками. Адресатами их произведений, в основном, были папы римские и короли, а цель трактатов состояла в том, чтобы побудить их к активным действиям.

Такое обилие советов и призывов было новым и весьма примечательным явлением. В его основе, вероятно, лежала практика пап, которые, начиная с понтификата Григория X, сами обращались за советами. Большинство ранних сохранившихся памфлетов и меморандумов были написаны для 2-го Лионского собора, а первый большой трактат с призывом отвоевать Святую Землю принадлежит перу Фиденцио Падуанского – вероятнее всего, этот труд был ответом на обращение Григория X за письменными советами (хотя это произведение было закончено незадолго до падения Акры). Призывы, подобные просьбам Григория X, отражали широко распространенное убеждение в необходимости радикального

переосмысления буквально всех аспектов организации крестоносного движения для того, чтобы не повторять ошибок прошлого. Такой конструктивный и честный подход к прошлому опыту привел к выработке более или менее единого взгляда на многие принципиальные стороны крестового похода, призванного возвратить Святые Места христианам. Перед прибытием войск планировалось осуществить блокаду мамлюкских территорий, что дало бы возможность лишить султана поставок необходимых для ведения войны товаров (в том числе рабов, предназначенных для обучения в кавалерии) и нанести ущерб финансовому положению султаната. Военные действия предполагалось проводить в два приема. Во-первых, нужно было захватить плацдарм, во-вторых – начать оттуда действия. Крестовый поход виделся его организаторам сугубо профессиональным, продуманным и обеспеченным материальной базой мероприятием под командованием умелых, опытных и всеми уважаемых предводителей. Гражданские лица к участию в походе не допускались.

Однако было бы неверным преувеличивать значение выработки этого плана или верить в то, что этот план мог осуществиться на практике. Некоторые теоретики, в том числе, как это ни удивительно, последний магистр ордена тамплиеров Жак де Моле, отрицательно относились к идее захвата плацдарма и выступали за отправку сразу всех войск экспедиции. Не было согласия и в вопросе о месте высадки армии. В связи с этим предполагаемым крестовым походом постоянно вспыхивали споры, высказывались самые противоречивые мнения, создавались и распадались союзы. Разработке единого плана действий мешали и личные интересы и представления заинтересованных лиц. Для французских теоретиков Пьера Дюбуа и Гильема де Ногаре крестовый поход был частью честолюбивых замыслов Капетингов, а блестящий мыслитель Рамон Лулл не избежал влияния арагонских и французских интересов, которые он учитывал в планах нападения. С другой стороны, писать без учета политической ситуации было бы пустой тратой времени. Нечего было и думать о том, чтобы отделить крестовый поход от династических и экономических целей великих держав.

Трудно сказать, могла ли воплотиться в жизнь идея крестового похода так, как представляли себе это теоретики. Ведь были нужны еще две вещи – сила (*potestas*) и милосердие (*caritas*). Что касается *caritas*, т. е. желания помочь Святой Земле, то реально оценить настроения в обществе только на основе реакции на поражение на Ближнем Востоке (в особенности на потерю Акры) или на проповедь крестового похода невозможно. Чувства по поводу провала на Востоке часто зависели от личной заинтересованности каждого и от привычного поиска козла отпущения. Однако вскоре после падения Акры наблюдались заметные, хоть и кратковременные, всплески нового интереса к крестоносному движению; обычно они были связаны с эсхатологическим аспектом крестоносных идей и противоречили новому, профессиональному характеру крестового похода, который проповедовали большинство теоретиков. Этот интерес свидетельствовал о том, что навязчивая идея о возвращении Святых Мест не была чужда широким массам населения. Такие всплески происходили примерно каждые десять лет: в 1300 году, когда на Западе узнали о победе монгольского хана Газана над мамлюками; в 1309 и 1320 годах, когда крестьянские крестовые походы в Германии и Франции показали, насколько живуча крестоносная идея в сердцах бедного люда.

На высших ступенях социальной лестницы отношение к крестоносному движению было более определенным, да и знаем мы об этом гораздо больше. Куртуазия, которая достигла своего расцвета как раз ко времени падения Акры, включила участие в крестоносном движении в обязательный атрибут поведения истинного рыцаря. Неслучайно светские правители объявляли о своем решении принять участие в крестовом походе в обстановке рыцарского великолетия. Семейные традиции, особенно во Франции и Англии, также нередко способствовали воодушевленному отклику представителей знати на проекты, вынашиваемые папами и королями. Правда, их энтузиазм нередко подтачивался подозрениями об истинных мотивах и намерениях тех, кто выдвигал эти проекты, и к формальному принятию креста относились теперь с гораздо большей осмотрительностью. И

все же всегда – и во времена Эдуарда I Английского, собиравшегося в крестовый поход в 1280-х годах, и при Филиппе VI, короле Франции, в 1330-х годах – находились желающие принять крест.

Невольно напрашивается вопрос, не явилось ли причиной того, что проекты возвращения Святой Земли не осуществились на практике, отсутствие военной силы (*potestas*). Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам придется описать изменения, произошедшие в военной организации и финансовом обеспечении крестоносного движения после Лионского собора.

Понемногу формировалась новая практика крестовых походов. Она отличалась от пропагандируемой теоретиками, зато соответствовала современным направлениям в военном деле и, следовательно, скорее могла привести к успеху. В приготовлениях к крестовым походам Эдуарда I, Карла IV и Филиппа VI мы видим, что предпочтение стало отдаваться набору участников на контрактной основе, поскольку это давало возможность большего контроля над армией и гарантировало выполнение приказов. Росло число сторонников использования на полную мощь морских сил Запада, господствовавших в Средиземном море. Должное внимание начали уделять и таким вещам, как разведка, шпионаж и привлечение на свою сторону нейтральных государств. Стала очевидна необходимость привести тактику в соответствие с меняющимися обстоятельствами, принимая во внимание и возникновение новых врагов. Началась подготовка специалистов по осадным работам. Кажется, раньше никогда военной стороне дела не уделялось столько внимания.

Наиболее значительные изменения, однако, произошли в области финансового обеспечения крестоносного движения. Все перечисленные в предыдущем параграфе нововведения стоили немалых денег, и 2-й Лионский собор предложил ввести специальный налог для мирян во всем христианском мире. И хотя эта мера не была одобрена, собору удалось установить шестилетнюю десятину с дохода всей Церкви. Уже несколько десятилетий налоги, взимаемые с духовенства, были единственным надежным и постоянным источником средств для крестоносных предприятий, но методы расчета, сбора и передачи денег оставляли желать лучшего. Величайшим вкладом Григория X в крестоносное дело была четкая организация такого налогообложения. Он создал двадцать шесть налоговых округов и в своей булле *Cum pro negotio* от 1274 года дал четкие и конкретные указания к оценке облагаемых налогом доходов клириков. После смерти Григория X в 1276 году его преемники дополняли и усовершенствовали его инструкции, и к 1303 году (году смерти Бонифация VIII) папский престол уже обладал действенной системой налогообложения, благодаря которой осуществлялось практически бесперебойное финансирование крестоносных экспедиций. К этому времени эта система уже с честью выдержала первое серьезное испытание – финансирование крестовых походов против восставших сицилийцев и их союзников в 1282 и в 1302 годах.

Организация папским престолом налогообложения Церкви было экстраординарным достижением, хотя на первый взгляд это кажется очень простой процедурой. Так, например, в 1292 году годовой доход епископа Рочестерского был оценен в 42 фунта 2 шиллинга и 2 пенса, следовательно, он должен был платить 4 фунта 4 шиллинга и 2,5 пенса в год в счет десятины, которую папа Николай IV отвел Эдуарду I на его крестовый поход. Но это, казалось бы, простое исчисление было сопряжено со всевозможными трудностями. Должна ли десятина исчисляться на основе оценки дохода посторонним, беспристрастным следователем, что требовало много лишнего времени и повторения процедуры каждый год, или можно было полагаться на совесть и знания (не всегда абсолютно точные, конечно) клирика, облагаемого налога? Как нанимать оценщиков и сборщиков налогов, как оплачивать их труд и как осуществлять контроль за их деятельностью? Каков наилучший и самый безопасный способ хранения и перевозки полученных денег? Кроме этих проблем, существовали еще и трудности, связанные с самими налогоплательщиками и теми светскими правителями, которые получали деньги для организации крестовых экспедиций. Во-первых, способы утаивания доходов клириками были многочисленны и разнообразны, а во-вторых –

необходимо было каким-то образом добиваться того, чтобы полученные деньги тратились только на крестовые походы. Надо было вести четкий учет расходов, а непотраченные суммы возвращать Церкви.

Эти проблемы полностью так и не удалось разрешить: уклоняющиеся от уплаты налогов духовные лица, сборщики-мошенники, разбойники с большой дороги, неплатежеспособные финансовые организации и правители, присваивавшие крестоносные сборы, были неизменными атрибутами европейского позднего Средневековья. Папское налогообложение Церкви, как, в сущности, и большинство средневековых налоговых систем, было неустойчивым, подвергалось резкой критике и с течением времени теряло свою эффективность. Но вопреки всем недостаткам эта система доставляла львиную долю тех средств, на которые рассчитывали организаторы крестовых походов, и таким образом обеспечивала само существование крестоносного движения. Введение всеобщей шестилетней десятины в пользу крестоносного движения – не только в Лионе в 1274 году, но на Вьеннском соборе Климента V в 1312 – привело к сбору огромных сумм денег, которые должны были пойти на поход на Восток. Крестоносное движение в Европе позднего Средневековья постоянно напоминало о себе целой армией сборщиков налогов, банкиров и бюрократов, занятых соором и распределением денег, без которых существование этого движения прекратилось бы. И все же эти усилия никак не приводили к желанному результату. Силу – *potestas*, о которой говорил Лулл, – могли обеспечить только деньги, а их на возвращение Святой Земли не хватало; точнее – политические условия в Европе в XIV веке не позволяли сконцентрировать средства в одном проекте. Светские правители христианского мира, допуская папские крестоносные сборы на своих территориях и рассчитывая поживиться хотя бы частью собранных денег, не разрешали передачу этих средств другим правителям, организовывавшим поход на Восток. Следовательно, никто из решившихся возглавить крестовый поход за отвоевание Святой Земли не мог собрать необходимые для того средства. В начале 1330-х годов Филипп VI попытался обойти эти трудности и ввел крестоносный сбор с мирян во Франции, одновременно с этим побуждая папский престол доставить средства из других стран. Но последнее не удалось – к этому времени влияние папского престола в политической сфере уже сильно ослабло.

Не удивительно, что лишь немногие ясно понимали эти трудно уловимые, но чрезвычайно существенные изменения, происходившие в сфере власти и авторитета, и их влияние на крестоносное движение; большинство населения видело тогда только неразбериху и изворотливость и лицемерие со стороны своих правителей. Один за другим возникали проекты – помочь Святой Земле, помочь Кипру и Киликийской Армении, отвоевать у греков Константинополь (как первый этап возвращения Святой Земли). Почти все эти планы не осуществились, хотя кое-какие крестовые экспедиции все же состоялись: в 1309 году, например, было проведено целых три кампании – в северной Италии, в Гранаде и в Эгейском море. Падение ордена тамплиеров в 1307–1312 годах смутило и ужаснуло многих. Для некоторых это означало, что наконец-то выявлены виновники событий 1291 года и, в силу форс-мажорных обстоятельств, можно объединить все военно-монашеские ордена в одну организацию. Но одновременно с этим возникли вопросы о степени власти и о мотивах действий французской короны. Крестоносные проекты постоянно откладывались на неопределенное время; папы и светские государи использовали собиравшиеся на крестовые походы средства не по назначению; с возвращением христианам Святой Земли было связано множество стратегических и экономических проблем. Неудивительно, что многие уже отчаялись когда-либо увидеть Святую Землю освобожденной от «неверных». Некоторые даже говорили, что «нет Божьей воли на возвращение Гроба Господня» христианам.

После того как Филипп VI не смог воплотить свой замысел крестового похода (1336 год), а папа отложил его на неопределенное время, возвращение Святых Мест перестало занимать центральное место в политике Европы. Однако сама идея эта не умерла, но стала достоянием, главным образом, терминологии, используемой канониками для определения индульгенций и привилегий крестоносцев. Она продолжала жить в умах и сердцах немногих

энтузиастов, таких как Филипп де Мезьер (ок. 1327–1405), и временами (особенно в начале 1360-х и в середине 1390-х годов) ее начинали вновь обсуждать при дворах христианских государей Европы. Но на смену ей уже пришли другие, более реалистические задачи и цели. Как будет показано, новые идеи, подход и структуры, возникшие после поражения в Палестине и в надежде на удержание или возвращение Святой Земли, вселили новую жизнь в крестоносное движение на других фронтах. Конечно, не стоит преувеличивать значение крестоносного движения в позднее Средневековье – это движение смогло пережить разгром 1291 года только благодаря активной политике папского престола и глубокой укорененности крестоносных идей в религиозной и социальной культуре католической Европы. Но мы не можем не отдать должное живучести крестоносного движения и его способности приспособиться к новым обстоятельствам.

Продолжение традиций и новые направления

Середина XIV века оказалась наиболее трудным для крестоносного движения временем. Война Англии с Францией, разорение в 1343 и 1348 годах итальянских банкирских домов, на чьи ресурсы и знания рассчитывала Церковь в проведении своей налоговой политики, эпидемия чумы в 1348 году и кризисы в экономической и общественной жизни... Все это наносило тяжелые удары по политическим и финансовым мероприятиям, необходимым для возобновления крупномасштабных крестовых походов. Но тем ярче на этом мрачном фоне выделяются события, связанные с продолжением существования крестоносного движения. Эти события происходили как в рамках уже сложившихся традиций, так и в новых формах и в новом контексте.

В качестве примера можно привести крестоносные действия в Испании и Италии. На Пиренейском полуострове завоевания, осуществленные к середине XIII века, создали целый комплекс проблем, разрешением которых пришлось заниматься нескольким поколениям и в результате которых приостановился ход Реконкисты. Христианские королевства Испании должны были организовать и обустроить свои новые владения и определиться в новой ситуации. В Кастилии, больше других увеличившей свою территорию, сложился чрезвычайно могущественный и независимый класс крупных землевладельцев, постоянно бросавших вызов королевской власти. Арагон и Португалия, опасаясь сильной Кастилии и ее претензий на доминирующее положение на полуострове, поддерживали кастильских магнатов и противились возобновлению Реконкисты на том основании, что единственным ее результатом станет дальнейшее усиление Кастильского королевства. Мавры же прекрасно осознавали свое шаткое положение в Гранаде и не только возводили там могучие укрепления, но и недвусмысленно давали понять, что в случае нового нападения христиан они обратятся за помощью к своим единоверцам в Северной Африке, даже если за это им придется поплатиться собственной независимостью.

Тем не менее все три крупных христианских государства на Пиренейском полуострове периодически совершали нападения на Гранаду, что во многом объясняется тем, что авиньонские папы с готовностью предоставляли на эти мероприятия средства от церковных налогов. Финансовые переговоры между кастильским и арагонским дворами и папами были не проще, чем связанные с возвращением Святой Земли, – и по той же причине: иберийские государи при всей искренности их намерений не хотели обанкротиться во время ведения войны во имя Христа. Эти переговоры дали реальные результаты в правление Альфонса XI, короля Кастилии и Леона (1325–1350), сумевшего, хоть и ненадолго, усмирить своенравную знать. Тогда все христианские государства Испании объединили свои действия перед угрозой марокканского вторжения, и в 1340 году испанская армия под предводительством Альфонса XI выиграла одно из величайших сражений Реконкисты на реке Саладо, а затем захватила в 1344 году портовый город Альхесирас и осадила Гибралтар, где Альфонс XI умер от чумы. Когда угроза со стороны Марокко ослабла, христианские государства опять начали воевать друг с другом, и полуостров оказался втянутым в англо-французский

конфликт.

В крестовых походах, проводившихся папами в Италии, участвовали главным образом профессиональные военные (как и в Испании), и средства на них щедро выделялись из церковных налогов. В XIII веке целью итальянских крестовых экспедиций был юг страны – сначала его надо было отвоевать у Гогенштауфенов, а затем удерживать под властью анжуйцев. В анжуйский же период (1305–1378) крестоносное движение направилось на север – в Ломбардию и Тоскану. Для возвращения в свои законные владения папы нуждались в создании мирных условий, и для этого им нужно было вернуть под свой контроль земли Папской области и ограничить экспансионистскую и дестабилизирующую политику итальянских государей, постоянно захватывавших друг у друга северные города. Для достижения этих целей папская курия прибегла к помощи крестоносного движения. Могущественные кардиналы-легаты (такие как Бертран де Ле Пуже в 1320-х и Хиль Альборнос в 1350-х годах) посылались во главе армий наемников, с деньгами на их оплату и на поддержку союзников курии и с папскими буллами, призывавшими к крестовому походу на противников папского престола. Папы надеялись, что с помощью этих булл удастся привлечь дополнительные силы и средства.

Но Италия XIV века была водоворотом сталкивающихся и быстро меняющихся интересов и амбиций. Даже такие старинные союзники папского престола, как анжуйский Неаполь и Флоренция, стали ненадежными, а к середине столетия политическая ситуация осложнилась в еще большей степени возникновением независимых отрядов профессиональных военных, которых могла за подходящую сумму нанять любая сторона. После мира в Бретињи (1360 год)⁶² подобные отряды (*routiers* – рутьеры, бродячие дружины) угрожали папе и его двору в Авиньоне, и папская курия приступила к раздаче индульгенций крестоносцам, желавшим бороться с этим злом во Франции и Италии. В 1378 году произошел раскол внутри папства, западный христианский мир разделился на две (а позже и на три) части. Соперничавшие друг с другом папы начали объявлять крестовые походы друг против друга. В 1383 году, к примеру, епископ Норвича Генри Деспенсер собрал в Англии крестоносное ополчение и сам повел его во Фландрию. В крестовых походах против рутьеров или против раскольников не было ничего нового – они вписывались в традиционное крестоносное движение. Но эти крестовые походы обернулись против движения в целом, поскольку его направляющая сила (папство) и участники часто сами становились объектом «священной войны».

Завершению этой неразберихи в немалой степени способствовали турки-османы. Они создали для крестоносного движения новую цель на Балканском полуострове, и уже в середине 1360-х годов участие в крестовых экспедициях на Балканы стало альтернативой междоусобицам в Европе, а в 1390-х годах в планах об образовании антитурецкого крестового похода видели механизм преодоления раскола и объединения христианского мира.

Следует отметить, что бывали и случаи, когда крестоносное движение откликалось на новые, отличные от прежних требования времени. Мы имеем в виду крестоносные морские лиги (или союзы) – объединение латинских государств, находившихся в непосредственной опасности со стороны османов, под началом папского престола для создания флота для самообороны. Союзы стали главной формой крестоносного движения на Востоке в период с 1334 года (когда первый из них разбил турок в заливе Эдремит) по 1370 год, когда турецкое наступление на Балканах столкнулось с сопротивлением европейцев. Эти союзы, обычно финансировавшиеся церковными налогами и средствами от продажи индульгенций и предводительствовавшиеся папскими легатами, чьей главной задачей было удержание союзников от междоусобиц, прекрасно подходили как к новым стратегическим задачам на Востоке, так и к ситуации постоянных военных действий и экономических изменений на

⁶² В Бретињи был заключен мир между французами и англичанами в период Столетней войны (1337–1453). Он продержался недолго.

Западе.

Антитурецкие лиги создавались для совершения крестовых походов в приграничные области, и образовывали их, в основном, наиболее заинтересованные государства этих территорий – Венеция, Кипр, рыцари-госпитальеры ордена святого Иоанна – с тем, чтобы поддерживать баланс сил в регионе. Действия этих крестовых походов были похожи на набеги на границах Гранады, когда военные нападения сменялись периодами мира и свободной торговли. Однако активное участие в этих союзах представителей папского престола придавало им более широкий масштаб и большее значение. Папы поддерживали союзы как финансово, так и политически; они пытались объединить западные государства и надеялись, что ограниченные цели и успехи этих предприятий станут началом широкомасштабных крестоносных действий. В октябре 1344 года союз под руководством папы Климента VI сумел захватить турецкий портовый город Смирну, и папа выразил надежду, что этот плацдарм пригодится для крупной крестовой экспедиции. Перед нами яркий пример того, как идеи, выраженные в трактатах о возвращении Святой Земли, применялись и в отношении других территорий; такое же стратегическое планирование стояло и за папской помощью крестовому походу графа Амедея Савойского на помощь константинопольским грекам в 1366 году.

Военные успехи союзов достигались благодаря главенствующему положению западного флота в Средиземном море. Западные морские силы могли с легкостью наносить удары в любой точке мусульманского побережья – от Магриба до Дарданелл, что в огромной степени способствовало самой крупной крестовой победе века – захвату Александрии Петром Кипрским в 1365 году. Петр тщательно готовился к походу на Египет. В 1362–1364 годах он объездил европейские дворы в поисках помощи и добровольцев. Целью кипрского короля было завоевание Иерусалима (он носил титул короля Иерусалима), и в этом его поддерживали папа Урбан V и король Франции Иоанн. Однако вполне возможно, что с самого начала главным желанием кипрского короля был захват самого важного египетского торгового пункта, соперничавшего с кипрской Фамагустой. Но успех Петра был недолговечным – к городу приближалась армия мамлюков, и он был вынужден покинуть Александрию меньше чем через неделю после победоносного вступления в нее.

Александрийская кампания выявила многие несоответствия, присущие крестоносному движению XIV века. Стало ясно, что военно-морская мощь сама по себе не может обеспечить решительный перевес в стратегической ситуации. Цели этой экспедиции были ограниченными – захватить плацдарм. Вторым этапом должен был стать поход в Святую Землю под предводительством короля Франции Иоанна, что было практически нереально, да к тому же король умер в 1364 году и эти планы умерли вместе с ним. Александрийская экспедиция также выявила и полную неразбериху в политике папского престола: папа Урбан V и его легат на Востоке Петр Томас согласились на предложение короля Кипра Петра возобновить борьбу с мамлюками в то самое время, когда нависла непосредственная опасность со стороны турок-османов на севере. (Возможно, правда, что папа хватался за любую возможность отослать отряды рутьеров из Франции и Италии.) К тому же давние противоречия между крестоносным движением и торговыми интересами, которые ранее обрекли на неудачу попытки наложения эмбарго на торговлю с Египтом, проявились в реакции итальянских торговых держав на александрийские события. Распространив слухи о перемирии Кипра с мамлюками, Венеция разбила надежды на следующую экспедицию, а к 1367 году Венецианская республика отказалась перевозить крестоносцев на Восток.

Тактика булавочных уколов (то есть набегов с последующими отходами), примененная при взятии Александрии, была снова использована примерно двадцать пять лет спустя во франко-генуэзском крестовом походе на магрибский портовый город Махдию. В этом случае коммерческие и крестоносные интересы совпали – идея похода на Махдию принадлежала генуэзцам, стремившимся контролировать этот важный торговый пункт. Генуэзцы выдвинули свое предложение при дворе Карла VI зимой 1389–1390 года. В июне 1389 года Франция заключила с Англией трехлетнее перемирие, и генуэзцев выслушали благосклонно

и с интересом. Людовик II Бурбонский, дядя короля по материнской линии, жадно ухватился за возможность последовать примеру своего предка – святого Людовика. В начале июля 1390 года из Генуи отплыла пятитысячная армия, в числе которой были 1500 французских дворян. Крестоносцы осадили Махдию, но через несколько недель на ее защиту прибыли мусульманские войска. Стало ясно, что взять город не удастся, и крестоносная армия была вынуждена отбыть домой.

Известно, что и Петр Кипрский, и генуэзцы стремились представить свои экспедиции как истинные рыцарские предприятия, в которых их участники смогли бы проявить свою доблесть и достоинства и стяжать славу, подобно таким героям, как Роланд, Готфрид Бульонский и святой Людовик. Однако организаторы этих крестовых походов использовали армию и флот для военных операций, которые в случае их успешного выполнения принесли бы немалую коммерческую выгоду. И все же обвинять Петра или генуэзцев в спекулировании на благородных порывах своих современников для достижения личных целей было бы упрощением и анахронизмом. То же самое относится и к отношениям между тевтонскими рыцарями и рыцарями-добровольцами, приехавшими в Пруссию для участия в кампаниях ордена против язычников на территории Литвы. Во всем этом мы видим как неопровержимые доказательства живучести крестоносного энтузиазма в среде рыцарской знати Европы до самого конца столетия, так и способность движения и его вдохновителей приспосабливаться к существованию в новых условиях, вырабатывать соответствующие стратегию и тактику, совмещать старые идеалы с запросами века.

Новая стратегическая ситуация на северо-восточной границе Европы была обусловлена столкновением интересов католического военно-монашеского ордена (тевтонских рыцарей) и языческого государства, желавших контролировать территорию Самогитии и долину реки Неман. Этот конфликт рассматривался Европой в контексте крестоносного движения – папский престол принимал в нем живейшее участие, европейское общество видело в нем достойное дело для тевтонских рыцарей после потери Святой Земли. Но эта война не нуждалась в больших крестоносных армиях, набранных по призывам папского престола и финансируемых церковными налогами. Между Пруссией и Литвой находились пустынные дикие земли, и большие армии не смогли бы там найти себе пропитание. Более того, суровый климат с жестокими холодами и обильными снегопадами зимой и весенними и летними разливами и распутицей позволял проводить военные кампании только в середине зимы, когда снежный наст был тверд, а болота покрыты крепким льдом, или в конце лета, когда несколько недель тепла позволяли местности высохнуть. Но даже в это время негостеприимность ландшафта и огромные расстояния позволяли совершать только набег, недолговременные осады и строительство или укрепление крепостей, чтобы как-то закрепиться в новых землях.

Поскольку в Пруссии и Ливонии было не более тысячи братьев Тевтонского ордена, что было явно недостаточно даже для таких ограниченных военных кампаний, орден, с целью защиты своих земель в восточной Пруссии и насильственного обращения жителей Литвы в христианство, использовал дарованные ему в 1245 году папой Иннокентием IV привилегии – привлекать добровольцев-крестоносцев без предварительной проповеди крестового похода. И начиная с зимы 1304–1305 годов и в течение более ста лет тысячи рыцарей из почти всех католических стран Западной и Центральной Европы направлялись в Пруссию по морю и по суше, надеясь принять участие в зимней или летней кампании Тевтонского ордена. Эта война, из-за того что в ней не было регулярных смен военных действий и перемирий, называлась «непрерывным крестовым походом». С обеих сторон война велась с большим ожесточением. Во время литовского вторжения в Ливонию в 1345 году, например, хронист Виганд фон Марбург отмечал, что «все было опустошено, много людей было убито, женщин и детей брали в плен и уводили...», а в 1377 году гроссмейстер Винрих фон Книпротте и его гость герцог Альберт Австрийский «провели два дня в местности [Кальтиненай], все там подожгли и выгнали мужчин, женщин и детей. Никто от них не укрылся».

Как отмечал Виганд, добровольцы Тевтонского ордена приходили на восток, «чтобы показать свои рыцарские доблести в борьбе против врагов Христа», и обычно они шли в бой под знаменем с изображением святого Георгия – покровителя рыцарства. Поддержание рыцарского духа в Тевтонском ордене привлекало европейскую знать, и те, кто рвался в Пруссию, охотно воевали бы и на других фронтах, если бы им пре-доставилась такая возможность.

Многие из тех, кто побывал в Пруссии в качестве добровольных солдат Тевтонского ордена, принимали участие и в самом крупном и амбициозном крестовом походе XIV века – в Никопольской кампании 1396 года. Эта экспедиция была ответом Запада на наступление османских турок на Балканском полуострове, и в особенности на поражение сербов в 1389 году при Косово, в результате которого турки подошли к венгерской границе и стали угрожать странам по другую сторону Адриатического моря. Ситуация была настолько серьезной, что обе христианские церкви – и западная, и восточная, забыв на время о расколе, решили поддержать большой крестовый поход против турок. К тому же в это время в Столетней войне Франции и Англии было достигнуто перемирие, и многие влиятельные лица при обоих дворах видели в Балканском кризисе возможность окончательно помирить две державы. В 1392–1394 годах велись дипломатические переговоры, подготавливавшие двухэтапный крестовый поход, – первую экспедицию планировалось отправить в 1395 году под предводительством герцога ланкастерского Джона Гонта, Людовика Орлеанского и герцога бургундского Филиппа Смелого для того, чтобы захватить плацдарм и укрепиться; вслед за ней должно было выступить большое войско под совместным командованием Карла VI и Ричарда II. Серьезность ситуации, тревожные набаты в Бюде и в Венеции, активный интерес Вестминстера и Парижа подняли надежды и ожидания на уровень, не имевший прецедентов после 1330-х годов.

Однако к 1395 году, когда все планы были согласованы, все три представителя королевских домов по различным причинам отказались от участия в этом походе, и к зиме 1395–1396 года было сформировано франко-бургундское войско под командованием старшего сына Филиппа Смелого Жана Неверского и группы французских магнатов, в числе которых был герой крестоносного движения того времени Жан ле Мэнгр (маршал Бусико). Весной 1396 года армия выступила из Монбельяра, а в Буле к ней присоединилось венгерское ополчение под командой короля Сигизмунда. Первые успехи в долине Дуная окрылили крестоносцев, но 25 сентября крестоносцы потерпели полное поражение, встретившись в открытом бою с армией султана Баязида I к югу от болгарского города Никополя. Сейчас трудно восстановить в точности, что произошло. Вероятнее всего, причиной поражения стали рыцарская самоуверенность и незнание турецкой тактики – сочетание, столь часто встречавшееся в истории крестоносного движения. Жан Неверский и многие крестоносцы попали в плен, а о второй экспедиции теперь и не помышляли.

Погибшая в Никопольском сражении армия была последним крупным интернациональным войском, посланным Западной Европой против турок. Это поражение, несомненно, имело столь же сильный резонанс, как Гаттин или Ла-Форбье, и оказало заметное влияние на изменение настроений в христианской Европе. В XV веке, в отличие от XIV, крестоносное движение перестало быть основным выразителем ценностей и стремлений европейской знати.

Поражение на Востоке – успех на Западе

Вскоре после Никопольского поражения начали проявляться глубинные перемены в крестоносном движении. Того размаха и разнообразия крестоносного движения, что наблюдалось в XIV веке, не стало, а в пропаганду крестовых походов стали проникать новые темы и идеи. Интересно отметить, что крестоносное движение вновь попало в центр внимания главных европейских держав. За немногочисленными исключениями, такими, как кампании Альфонса XI и Никопольский поход, роль этих держав после провала планов

возвращения Святой Земли сводилась к минимуму. В XV веке ситуация переменялась.

К 1500 году военные действия крестоносцев в Прибалтике практически прекратились. В 1386 году литовский князь Ягайло принял крещение, и началась христианизация Литовского княжества по католическому обряду, что наносило удар идеологическому обоснованию завоевательных планов Тевтонского ордена и делало дальнейшее вмешательство в литовские дела ненужным. В 1385 году Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и стал польским королем Владиславом II Ягеллоном. Польша была главным католическим противником Тевтонского ордена, а после объединения с Литвой она начала представлять реальную угрозу существованию прусского орденского государства. Тевтонские рыцари оказались в сложной стратегической ситуации. Орден заявил, что христианизация Литвы – не более чем политический трюк, и приток добровольцев с Запада продолжался. Тем временем Польша и Литва занимались объединением своих сил и ресурсов для удара по орденскому государству.

15 июля 1410 года тевтонская армия потерпела сокрушительное поражение в сражении с польско-литовской армией при Грюнвальде. После этого поражения зависимость ордена от помощи добровольцев из Западной Европы усилилась. Однако спустя несколько лет после Грюнвальдской битвы представителям Тевтонского ордена на Кон-станцском соборе не удалось убедить участников собора помочь ордену в борьбе с его врагами, и приток рыцарей в Пруссию почти прекратился. Правда, некоторые немецкие крестоносцы отправлялись на север, в Ливонию, где война ордена против православных в Новгороде и Пскове все еще имела статус крестового похода, и папы Николай V и Александр VI выдавали крестовые индульгенции, продажа которых помогала ливонским рыцарям покрывать немалые военные расходы. Но ливонские крестовые экспедиции представляли собой лишь осколки настоящего движения, и те, кому было небезразлично существование Тевтонского ордена, сильно ослабленного после Грюнвальда, обдумывали перенос его действий на турецкий фронт.

К этому времени османские турки превратились в главных врагов крестоносного движения. В течение всего XV века, за исключением 1402–1420 годов, когда султанат оправлялся от удара, нанесенного ему Тамерланом в сражении при Анкаре, турки довольно успешно продвигались, и потому теоретики и практики крестоносного движения почти все свое внимание уделяли балканским событиям. В 1440–1444 годах папа Евгений IV, пытаясь спасти Константинополь от турок, прилагал неимоверные усилия для координации действий христиан на Балканах. Но из этого ничего не вышло из-за поражения, которое потерпела балканская армия в сражении при Варне в ноябре 1444 года. В 1453 году османский султан Мехмед II захватил Константинополь и в течение последующих двадцати восьми лет руководил активной турецкой экспансией. Под османское правление попали Валахия, Албания и Греция. В ответ на это папы старались поддерживать сопротивление местных правителей и пытались организовать общий крестовый поход с Запада. После смерти Мехмеда в 1481 году его сын Баязид II ослабил агрессию на Запад, но крестовые походы против турок продолжали обсуждаться, в частности – на папском совете в Риме в 1490 году и во время вторжения в Италию Карла VIII в 1494.

Несмотря на отдельные успехи – такие, как блестящая кампания Хуньяди в 1443 году и чудесное спасение Белграда в 1456, – антитурецкая крестовая кампания провалилась. Попытки использовать западные военно-морские силы (все еще доминирующие в Средиземном море) в союзе с венгерскими, сербскими, молдавскими и прочими балканскими сухопутными войсками успехом не увенчались. Направлявшиеся на восточный фронт средства и военное снаряжение были недостаточными и поступали нерегулярно, а самое главное – крупная общеевропейская крестовая экспедиция так и не отправилась на Восток, хотя папа Пий II почти что организовал такую экспедицию в 1464 году. Неудачи этой кампании невольно напрашиваются на сравнение с более ранними походами, целью которых было возвращение Святой Земли. Каждая фаза приготовления к экспедиции сопровождалась написанием трактатов, заново рассматривавших многие политические, финансовые и военные вопросы, бывшие темами трактатов о возвращении Палестины, хотя в 1464 году

сложилась абсолютно новая стратегическая ситуация. Различные изгнанные из своих стран правители ездили по европейским дворам, прося помощи, и раздавались голоса отдельных лиц, посвятивших себя крестоносному делу. Появилось и немало проектов, за которые обещали взяться европейские государи, причем на эти проекты отпускались церковные деньги и продавались индульгенции, но ничего так и не выходило.

Провал антитурецкой кампании во многом можно объяснить теми же причинами, которые не дали развиваться проектам возвращения Святой Земли. Для собирания той силы (*potestas*), о которой писал Лулл, на борьбу с османами надо было преодолеть еще больше препятствий, чем для борьбы с мамлюками. Военное искусство стало более профессиональным и более дорогим. Разочарование и подозрительность, распространившиеся в обществе, не способствовали успеху крестовых проповедей. Теории о независимости светской власти и ее исключительном праве распоряжаться ресурсами своих подданных превратились в реальность. Раскол внутри папства окончательно подорвал авторитет папского престола. Папы Пий II и Иннокентий VIII столкнулись с тем, что христианские государи перестали присылать своих представителей на папские соборы, на которых обсуждалась турецкая угроза. И даже организация коалиции государств с целью отправки крестового похода на Восток, что было в интересах практически всех стран, разбила сложную систему политических взаимоотношений в Европе: Венеция боялась Венгрии, Венеции боялись другие итальянские государства, участие герцогской Бургундии наталкивалось на оппозицию Франции, немецкие князья опасались, что любой крупный крестовый поход вызовет возрождение сильной императорской власти в Германии. Каждый отдельный правитель в Европе XV века признавал необходимость крестового похода против турок, но на практике европейские государи не допускали его организации.

Что же касается общественного мнения по поводу антитурецких выступлений, то тут нет однозначного ответа. Как уже отмечалось, связь куртуазин с крестоносным движением ослабевала – в частности, в силу того, что походы Тевтонского ордена, которые позволяли этой идее проявляться, прекратились. Практически крестоносные действия давно уже стали чужды повседневной жизни людей. Для обывателей крестовые походы теперь ассоциировались с проповедями индульгенций, действенность которых зависела от многих факторов – красноречия проповедников, отношения к этим проповедям местных светских властей, количества ранее проповеданных индульгенций, и по реакциям на такие действия Церкви трудно судить об истинном отношении людей к крестоносному движению. В 1488 году прихожане Вагенингена в Утрехтской епархии выслушали критику своего священника в адрес крестовых проповедей с таким пониманием, что не разрешили собирателям налогов увезти пожертвованные деньги. Но в хрониках рассказывается и о популярной и успешной проповеди крестового похода в Эрфурте в том же году, и о воодушевленном отклике на проповедь крестового похода для избавления Белграда в 1456 году. Мы располагаем весьма противоречивыми сведениями, но все же никак нельзя сказать, что антитурецкая кампания провалилась из-за людского равнодушия и враждебного к ней отношения, а не из-за политических и финансовых трудностей.

В 1420–1431 годах несколько крестовых экспедиций были посланы против еретиков-гуситов в Богемии, и все они потерпели поражение. Эти экспедиции были единственными походами против еретиков в позднее Средневековье. Резкая критика, которую пражский ученый и проповедник Ян Гус направлял против современных ему злоупотреблений в Католической Церкви, переросла в переосмысление основных постулатов католической веры. Ян Гус был осужден на церковном соборе в Констанце и сожжен на костре в 1415 году. Участие в этих трагических событиях люксембургской правящей династии (в первом половине XIV века Чехия вошла в состав владений Люксембургов и оказалась в сфере влияния Германской империи) и симпатии многих чешских дворян к взглядам Гуса привели к восстанию в Праге в 1419 году. Отождествление гусизма с чешским национализмом и отождествление репрессивных сил Церкви и государства с немецким меньшинством в Богемии придало конфликту католиков и гуситов окраску борьбы за национальное

самоопределение.

Разбираться в этой запутанной ситуации пришлось королю Веш рии Сигизмунду Люксембургскому. Сигизмунд наследовал богемскую корону после своего брата, германского и чешского короля Вацлава IV, умершего во время восстания 1419 года. Ошибка Сигизмунда заключалась в том, что он решил применить топор там, где требовался скальпель. Поскольку Богемия находилась в сфере влияния Германской империи, он обратился за помощью к немецким князьям (турецкая угроза на южных границах не позволяла увести войска из Венгрии). Но при этом Сигизмунд понимал, что при всей боязни распространения гуситского движения на германскую территорию немецкие князья не будут рваться в бой в Богемии. Столкнувшись с этой дилеммой, Сигизмунд принял предложение папы Мартина V и сторонников военных действий при его собственном дворе о том, что основной упор следует делать на религиозный аспект конфликта и придать военной кампании статус крестового похода. И весной 1420 года он вступил в собственную страну во главе крестоносной армии.

Сигизмунду не удалось взять Прагу в 1420 году, а в марте 1421 года, несмотря на то что его короновали в соборе святого Вита, расположенного в находившейся в руках католиков крепости Градчаны прямо у стен Праги, он был изгнан из страны. Две последующие крестовые экспедиции 1421–1422 годов тоже потерпели поражение. А в 1427 году в западной Богемии было уничтожено еще одно крестоносное войско. Гуситы настолько чувствовали себя хозяевами положения, что сами стали совершать набеги на близлежащие германские земли. И наконец летом 1431 года пятый крестовый поход против гуситов был остановлен в Домацлице, и его участники вернулись восвояси. В 1436 году, после трудных и мучительных переговоров, Сигизмунд пошел на компромисс, и было заключено соглашение гуситов с королем и с Базельским собором. Гусизм продолжал жить в Богемии, несмотря на неоднократные попытки подавить его экспедициями 1465–1467 годов.

Исследователи крестоносного движения, к сожалению, не уделяли антигуситским крестовым походам того внимания, которое они заслуживают. Некоторые аспекты их поражения достаточно ясны, в то время как другие еще требуют изучения. Тактическое и хрупкое объединение радикалов и консерваторов в гуситском лагере было укреплено жестокостями, творившимися католиками, и растущим национальным самосознанием перед лицом крестоносных армий, большей частью состоявших из немцев, а организационный и военный талант Яна Жижки⁶³ обеспечивал гуситам военные успехи. Принимая во внимание относительно примитивные способы ведения войны в те времена, можно предположить, что гуситы извлекали больше пользы из близости к линии фронта припасов и более коротких линий коммуникации, чем крестоносцы из способности нападать врасплох и координировать атаки сразу с нескольких направлений. Тот же факт, что крестоносные армии каждый раз не просто терпели поражение, а уничтожались, свидетельствует о полном падении боевого духа рыцарей. Как бывало и раньше, поражения порождали сомнения в справедливости католического дела. Немалую роль сыграла и раздробленность Германской империи, мешавшая четко направлять и контролировать военные действия.

Совсем по-другому развивались события в Испании. В 1482–1492 годах там состоялась наиболее успешная крестовая экспедиция XV века – поход Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской на Гранаду. Сравнение антитурецких и антигуситских крестовых походов и войны с Гранадой позволяет увидеть, чего не хватало первым.

Последняя фаза Реконквисты зависела от брака Фердинанда с Изабеллой, заключенного в 1469 году и положившего конец, по крайней мере на какое-то время, давнишнему соперничеству двух королевств, и от прекращения династических споров в Кастилии, что и удалось сделать Изабелле через десять лет после свадьбы. И только после этого Изабелла смогла заняться Гранадой без помех. Ее взгляды и темперамент вполне соответствовали набиравшей силу в тогдашней Кастилии воинственной нетерпимости к другим религиям.

⁶³ Ян Жижка (ок. 1376–1424) – граф, чешский полководец, ставший во главе гуситской армии.

Более того, в интересах и Арагона, и Кастилии было изгнать мавров с полуострова до того, как османы разовьют свою морскую мощь и смогут, подражая альморавидам и альмохадам, вторгнуться в Испанию через дверь, открытую им братьями-мусульманами. Именно поэтому захват Аламы графом Кадиса в начале 1482 года развился в завоевательную кампанию, кульминацией которой стало падение Гранады десять лет спустя.

Впервые со времен Людовика Святого одно из главных европейских правительств сумело организовать и успешно провести длительный большой крестовый поход. Для этого потребовались объединенные и хорошо координированные усилия, потому что Гранада была отлично вооружена и окружена сильными укреплениями. Завоевание ее требовало применения крупных военных сил, терпеливо, год за годом используемых для уменьшения размеров эмирата путем захвата отдельных местностей. Мобилизация людей, лошадей и мулов, создание и поддержание артиллерии и пороховых складов, запасов продовольствия и снаряжения требовали централизованных усилий. Только в осаде Басы в 1489 году участвовало около пятидесяти двух тысяч воинов. И в первую очередь для этого нужны были огромные деньги – около восьмисот миллионов ма-раведи (золотых испанских монет), согласно некоторым сообщениям. Снабжением войска и финансированием войны занималась сама королева. Как писал один из историков этой войны Фердинанд дель Пульхар. «королева не прекращала думать о том, как достать деньги на войну с маврами и для других целей своего королевства». Большая часть средств на эту войну была получена из крестоносных источников – из церковных налогов и от продажи индульгенций. И король, и королева прилагали все усилия к тому, чтобы каждая крестовая папская булла (*bullae de la cruzada*) становилась широко известной. Результаты этих действий можно назвать поразительными, особенно если вспомнить о непопулярности проповеди антитурецкого крестового похода в других странах Европы. В какой-то степени этот успех можно объяснить тем, что индульгенции продавались недорого, привилегии даровались щедро, проповедники и сборщики налогов пользовались всесторонней поддержкой светских властей, а с фронта поступали регулярные сообщения о том, что получаемые средства действительно тратятся на войну. Кастильцы не только давали деньги, но и воевали и погибали во имя национального и священного дела. Сочетание патриотизма с религиозным рвением уже наблюдалось в некоторые моменты Столетней войны и в борьбе гуситов в Чехии, но наиболее ярко оно проявилось в 1480-х годах в Кастилии. Прямое государственное руководство крестовым походом вкупе с патриотизмом и религиозным рвением указывало на дальнейший путь развития крестоносного движения.

Уничтожение на Севере – выживание на Юге

В XVI столетие крестоносное движение вступило в самом неприглядном состоянии. И ничто это так не продемонстрировало, как 5-й Латеранский собор (1512–1517), на котором папская курия сделала последнюю попытку перед Реформацией провозгласить антитурецкий крестовый поход. Положение на Востоке в то время было весьма серьезным. Турки настолько усилили свой флот, что начали наносить морские поражения венецианцам. В 1515–1517 годах они завоевали восточное анатолийское плато, в 1516–1517 – разгромили мамлюкский султанат и включили Египет и Сирию в свою империю. Было совершенно очевидно, что в ближайшем будущем османы снова двинутся на запад. Собор назначил церковные налоги на дело крестоносцев и обратился с призывом к действию к европейским государям. Папа Лев X, воодушевленный идеей крестового похода, для того чтобы создать благоприятные для него условия, всячески пытался замять конфликты в Италии, которые раздувал его предшественник Юлий II, и содействовать мирным переговорам между Францией и Англией. Какие-то основания для оптимизма поначалу были, но, как и не раз в прошлом, грандиозные планы и обещания императора Максимилиана I, короля Франции Франциска I и короля Англии Генриха VIII не привели к реальным результатам. Словно бы в насмешку над своими противниками, турки в 1521 году захватили Белград – ключ к Венгрии

и главное препятствие на их пути на запад.

Все надежды на возрождение крестоносного движения теперь возлагались только на Испанию. Союз Кастилии и Арагона оказался крепким, и эта новая сила начинала проводить экспансионистскую внешнюю политику, используя опыт Гранадской войны и то удачное сочетание религиозного рвения с патриотическим духом, которое помогло эту войну выиграть. Португалия тоже участвовала в крестоносном движении. Папский престол постоянно передавал в Испанию средства из церковных налогов и возобновлял *bula de la crusada*. Уже в 1415 году захват португальцами марокканского портового города Сеуты был назван крестовым походом. Вскоре после полного уничтожения Гранадского эмирата Кастилия последовала примеру своего западного соседа и начала продвижение в Алжир и Тунис. К 1510 году кастильская армия дошла до Триполи (Ливия) и готовилась к нападению на Тунис. Таким образом, кастильцы были уже на полпути к поставленной цели – Иерусалиму. Эта сверхзадача может восприниматься нами только как пропаганда или в лучшем случае самообман, но таковы были мистические и эсхатологические настроения в Испании того времени, проявившиеся во время Гранадской войны и, в частности, оказавшие сильное влияние на формирование мировоззрения Христофора Колумба и францисканских миссионеров в Новом Свете. На практике же это движение на восток привело кастильцев к противостоянию с османами и их союзниками – североафриканскими эмирами и корсарами. Иберийский крестовый поход слился с антитурецким в центральном Магрибе.

В этой ситуации казалось неизбежным, что руководимый папским престолом международный крестовый поход будет перекрыт национальным крестовым походом под управлением светского государя, по примеру испанских кампаний против мавров. Однако провозглашение в 1519 году Карла Испанского императором Священной Римской империи позволило на короткое время возродить старые традиции крестоносного движения. Карл V должен был одновременно обеспечивать интересы Кастилии в Северной Африке и выполнять императорские обязанности в центральной и восточной Европе. Последнее сначала означало помощь Венгрии, а после развала ее в 1526 году – защиту Германской империи от турок-османов. Поскольку император действовал в тесном (хотя и не без конфликтов) союзе с папой, а имперские территории были обширны и разнообразны, то временами казалось, что императорские крестовые походы, особенно спасение Вены в 1529 году и поход в Тунис в 1535, сродни славным походам XII и XIII веков. Себя же Карл видел как нового Барбароссу или Карла Великого. Празднование тунисской победы походило на триумф Рима над Карфагеном; Карл V хотел подчеркнуть преемственность своих действий от еще более древних традиций императорских войн. Но это были всего лишь иллюзии, поскольку Карл всегда защищал собственные земли или династические интересы, пользуясь собственной армией и средствами, хотя и принимая помощь папского престола. И даже тот факт, что войны Карла имели статус крестовых, требует оговорок: как указывали Франциск I и другие враги императора, они были «габсбургскими крестовыми походами» с вполне определенными целями.

В то время, когда Карл V шел на помощь Вене, западный христианский мир переживал конфессиональное разделение. В лютеранских, а позже и в кальвинистских государствах севера отрицание папского авторитета и таинства покаяния, которое лежало в основе крестовых индульгенций, привело к полному исчезновению крестоносного движения. Более того, мы можем говорить о том, что это было просто формальное признание давно свершившегося факта. Закрывание литовского фронта в начале столетия и провал всех планов общего похода против османов означали, что уже несколько поколений английских, нидерландских и немецких семей не имели непосредственного опыта крестовых походов, если, конечно, кто-то из них не вступал в орден святого Иоанна, не становился папским проповедником или сборщиком налогов или не отправлялся воевать в Гранаду, Венгрию или на Родос. Таких людей, впрочем, было не так уж и мало. Например, в 1464 году около двух тысяч бургундцев отправились воевать в крестовом походе Пия II, по дороге они остановились в Сеуте и помогли португальцам отбить атаку мавров. А в 1511 году тысяча

пятьсот английских лучников были посланы Генрихом VIII в Кадис для участия в тунисской крестовой экспедиции короля Фердинанда. Но этих крестоносцев было явно недостаточно для поддержания традиции крестоносного движения, и оно перестало занимать заметное место в католической культуре.

Этому во многом способствовало и то, что репутация крестоносного движения сильно изменилась в худшую сторону, в крестоносцах стали видеть скорее разбойников, воевавших за собственные интересы и покупавших прощение грехов за деньги, чем благородных рыцарей. Такое отношение особенно явственно прозвучало в трактате Эразма Роттердамского «*Consultatio de bello Turcis inferendo*» («Соображения по поводу ведения войны с турками»), написанном в 1530 году. Трактат писался во время развала Венгрии, сразу после осады Вены османами. Эразм поддерживал войну с турками с большой неохотой.⁶⁴ «Я не выступаю против войны, но я призываю начать и вести ее в благоприятных условиях». Под этими словами Эразм подразумевал, что светские государи Европы должны воевать в духе альтруизма, за общее христианское дело, а в армии должен поддерживаться дух покаяния. Средства же на такую войну должны поступать от уменьшения расходов на роскошь королевских дворов («тратить благочестиво то, что взято у расточительности») и от благотворительных пожертвований. Но главное – не должно быть продажи индульгенций и вообще участия Церкви в каких бы то ни было войнах: «Поскольку не подобает и не соответствует Священному Писанию и законам Церкви, чтобы кардиналы, епископы, аббаты и священники занимались такими делами; их участие никогда не способствовало успеху».

Однако в «*Consultatio*» Эразм критиковал Лютера за то, что тот осуждал войну против турок на том основании, что турки были посланы Богом для наказания христиан за грехи. На самом деле к моменту написания трактата Лютер уже отказался от такой точки зрения примерно по тем же причинам, по которым пацифист Эразм одобрял войну в целях самообороны. Каких бы богословских взглядов ни придерживались реформаторы, никто из них не желал жить под турецким игом. До самого Аугсбургского мира 1555 года немецкие лютеране сражались бок о бок с католиками и сохранившимся на севере Тевтонским орденом против общего врага – османов. Победы католиков в Средиземноморье приветствовались протестантами в Германии. Все это свидетельствовало о том, что между христианами разных конфессий сохранялись какие-то общие ценности, как религиозные, так и мирские. В политическом и культурном смысле турки были чужими для всех европейцев (протестанты иногда заключали с турками союзы против католических держав, но это хранилось в глубокой тайне из боязни вызвать народное негодование).

Однако на юге крестоносное движение и породившие его идеи продолжали жить. XVI век стал временем кульминации практики образования морских союзов против турок, начавшейся еще в 1330-х годах. В 1538 году папа, Венеция и Карл V (император Священной Римской империи) образовали антитурецкую коалицию, но союзный флот был разгромлен у Превезы (у западного побережья Греции). Это поражение и последовавшие за ним взаимные обвинения участников и политические разногласия среди них помешали созданию нового союза. В конце 1560-х годов борьба за господство в центральном Средиземноморье достигла наивысшей точки. В 1569 году турки захватили Тунис, в 1570 – Никосию. Папе Пию V удалось убедить Испанию и Венецию войти в антитурецкую коалицию – Святую Лигу. И 7 октября 1571 года корабли союзного флота выиграли самую крупную морскую битву XVI века – сражение при Лепанто, в Коринфском заливе. Католический флот, пришедший в Лепанто, был создан на деньги с церковных налогов и с продажи индульгенций. Участники сражения понимали всю серьезность предприятия и, как сообщалось, готовились к бою в духе покаяния, благочестия и всепрощения, что, несомненно, вызвало бы одобрение и

⁶⁴ 1 Эразм Роттердамский был пацифистом. В «Похвале Глупости» война, обычно ведущаяся всякого рода «подонками общества», представлена как одно из наиболее тяжких и позорных коллективных проявлений всемогущей Глупости; его же перу принадлежит и антивоенный трактат «Жалоба Мира, отовсюду изгнанного повсюду сокрушенного».

Эразма Роттердамского, и святого Людовика. Католицизм эпохи контрреформации впитал в себя многое из свойственного крестоносному движению, а главное – реорганизовал основные институты движения, приведя их таким образом в соответствие с требованиями времени. В 1562 году герцог флорентийский Козимо I даже основал новый военно-монашеский орден – Рыцари святого Стефана (см. главу 13).

Во время контрреформации крестоносное движение продолжало процветать в габсбургской Испании. В XVI веке испанские военно-монашеские ордена продолжали играть заметную роль в испанском обществе. Продолжались крестовые проповеди, призывавшие к борьбе против турок, собирались церковные налоги на «дело креста». Как бы ни беспокоило папский престол усиление Испании, не было никакого сомнения в том, что войны Филиппа II в Средиземноморье, в Северной Африке и в Нидерландах способствовали сохранению и поддержанию католической религии. В 1567 году папа Пий V даровал Филиппу право на обложение налогом церковных доходов (*excusado*) и объяснил эти свои действия тем, что Филиппу нужны были средства «для сохранения и защиты христианской религии» во Фландрии и в Средиземноморье. Примерно в том же году папа возобновил *bula de la cruzada* (хотя это противоречило решениям Тридентского собора), без чего Филипп не соглашался вступать в Святую Лигу.

Тот же факт, что именно в Испании крестоносное движение продолжало существовать и даже процветало, объясняется консервативностью испанских церковных и общественных кругов и связью государственных финансов с доходами от крестоносных предприятий еще со времен Гранадской войны. Доходы, получаемые Филиппом II от военно-монашеских орденов, крестовых экспедиций и церковных налогов, составляли огромную сумму, и в связи с этим возникают сомнения в искренности уверений испанского короля о том, что он отдает все силы на борьбу за Божье дело. Однако авторы его биографий утверждают, что в этом он действительно был искренен. Более того, многочисленные заявления, сделанные в XVI веке о том, что Испания воевала во имя Божие, делались не на правительственном уровне и даже не в целях пропаганды. Эта тема встречается в рассказах о конкистадорах, воспоминаниях испанских солдат, в письмах и в хрониках о войне в Средиземноморье и в Нидерландах, а также об армаде 1588 года:⁶⁵ испанцы – избранный народ Божий, новые израильтяне, они распространяют веру в Новом Свете и защищают ее силой оружия в Старом, своими успехами они обязаны Божьему провидению. Из этого следовало, что погибшие на этой войне попадут в рай. Например, перед сражением у Стенбергена в 1583 году Александр Фарнезе⁶⁶ произнес перед солдатами речь, в которой заверял, что они добьются «честной победы над врагами католической религии, вашего и моего короля; и в этот день Иисус Христос даст всем вам бессмертие и поместит среди избранных».

В Испании XVI века крестоносное движение ассоциировалось с внешней политикой Габсбургов, с идеализированным самосознанием испанского военного сословия и с испанским патриотизмом, что и способствовало жизненности этого явления (правда, в новых формах) на католическом Юге. Но крестоносное движение, хоть и не с тем размахом, продолжало существовать не только там. В главе 13 мы покажем, как госпитальеры пронесли историю своего ордена еще через два века, участвуя в борьбе с турками в Средиземноморье. Выпуск крестовых индульгенций и крестоносные сборы тоже не прекратились, например, мы видим эти явления во время венецианско-турецкой борьбы за Крит (1645–1669), второй осады Вены (1683) и Священной Лиги 1684–1697 годов. Для историка крестоносного движения представляет огромный интерес выискивать сведения о поздних примерах крестовой проповеди, принимающих крест отдельных людей, дарования крестовых индульгенций, воплощения и выживания самих идеи и чувств крестоносного движения вплоть до нашего времени.

⁶⁵ «Непобедимая армада» – испанский флот, направленный против Англии.

⁶⁶ Фарнезе Александр (1545–1592) – испанский полководец, наместник в Нидерландах.

Глава 12

Латинский Восток

1291–1669

ПИТЕР ЭДБЕРИ

Захват мамлюками Акры и других франкских городов и крепостей в 1291 году означал, что западному присутствию в Сирии и Палестине пришел конец. Но в других районах восточного Средиземноморья латиняне удерживались еще довольно долго. Кипрское королевство, основанное в 1190-х годах в результате третьего крестового похода, турки смогли завоевать только в 1571 году. В Греции и в бассейне Эгейского моря (т. е. в регионе, который в то время называли Романией), после 1291 года продолжали существовать несколько государств, основанных латинянами в первой половине XIII века после завоевания Константинополя армией четвертого крестового похода. На юге Греции правили франкские князья Ахайи и герцоги Афин; Негропонте и несколькими островами в Эгейском море владели итальянцы; Критом и южными греческими портовыми городами Корон и Модон – Венецианская республика. В XIV веке латинянам удалось даже расширить свои эгейские территории, прибавив к ним острова Родос и Хиос.

В XIII веке наибольшую угрозу латинскому присутствию в Романии представляли никейские и эпирские греки. Но после 1300 года, когда мощь Византии ослабла, главным врагом франков стали турки. В конце XIII столетия на северо-западе Малой Азии появился новый турецкий вождь – Осман, основавший династию своего имени. Его потомки, османские султаны, и завоевали все эти латинские поселения в Романии, а заодно и Византийскую империю, Балканский полуостров, другие турецкие эмираты Малой Азии, Египетский султанат мамлюков и ряд других территорий. Когда же в XVII веке венецианский Крит тоже был включен в состав Османской империи, история западноевропейского присутствия на Востоке, возникшего в результате крестовых походов, закончилась. Главный город Крита Ираклион сдался туркам в 1669 году. Правда, венецианские гарнизоны продолжали держаться в нескольких местах на острове до 1715 года, а венецианским войскам удавалось добиваться блестящих, но кратковременных успехов в Греции в 1680 годах, но падение Ираклиона можно считать концом эпохи.

Война с турками, однако, была не единственной заботой латинских поселений в восточном Средиземноморье. Случались конфликты и между самими латинянами, и между латинянами и другими христианскими правителями – византийскими императорами и царями Киликийской Армении. Говоря о Латинском Востоке, необходимо уделить внимание и таким темам, как формы франкского правления и общественной жизни, отношения с местным, главным образом – греческим, населением, влияние торговли между Востоком и Западом на контролируемые латинянами территории, а также спорному вопросу о том, насколько латинские режимы были «колониальными» и можно ли в них видеть прототип европейской колониальной политики, начавшейся в XVI веке. Но прежде чем приступить к обсуждению этих вопросов, мы представим краткую политическую историю этих территорий.

Кипрское королевство

К тому времени, когда пала Акра, короли Лузиньянской династии правили Кипром уже целое столетие. Первые франкские поселенцы, как и сами члены королевского дома, прибыли на Кипр из Палестины, которую вынуждены были покинуть после завоеваний Саладина в 1187–1188 годах, а прибытие в XIII веке беженцев из латинской Сирии укрепило позиции латинян на острове. Начиная с 1269 года кипрские короли претендовали также и на корону иерусалимскую, в чем с ними соперничали анжуйские короли Сицилии. В 1291 году

Акрой владел кипрский король Генрих II (1286–1324), и он пытался всеми силами противостоять натиску мамлюков.

Генриха Кипрского на протяжении всей его жизни не покидала идея вернуть Иерусалимское королевство. В надежде это осуществить он пытался получить помощь монгольского ильхана Ирана Газана во время вторжения последнего в Сирию в 1299–1301 годах и старался обеспечить соблюдение эмбарго на западную торговлю с мамлюками в надежде ослабить экономику султаната и таким образом способствовать возвращению Иерусалима в руки христиан. По крайней мере дважды Генрих посылал папе меморандумы с проектами организации крестового похода в Святую Землю. Но такой крестовый поход так и не состоялся, а если бы и состоялся, то Генрих вряд ли извлек бы из него пользу для себя. Любая крупная экспедиция на Восток в начале XIV века неминуемо проводилась бы под руководством французов, и в случае успеха в Святой Земле установилось бы французское или анжуйское правление. В последнее десятилетие своей жизни Генрих пытался завязать династические связи с королевским домом Арагона – главного противника анжуйцев в Средиземноморье, но безуспешно. В 1306 году на Кипре произошел дворцовый переворот под руководством брата Генриха Амальриха Тирского. Генриха отстранили от власти и в 1310 году отправили в ссылку в Киликийскую Армению. Однако в том же году Амальрих умер, и Генрих вернулся на трон, но в результате всех этих перипетий были испорчены отношения с генуэзцами и армянами. Другими словами, король оказался вовлечен в ссору с самой сильной итальянской торговой республикой на Западе и с соседним христианским государством на Востоке.

Правление племянника и наследника Генриха Гуго IV (1324–1359) стало временем переориентации. Отодвинув на второй план возвращение Святой Земли и борьбу с Египетским султанатом, Гуго обратился к проблемам, которые возникали из-за растущего турецкого присутствия в водах между Кипром и Западом. С начала 1330-х годов до конца своего правления Гуго IV вместе с рыцарями-госпитальерами, обосновавшимися на Родосе, Венецианской республикой и папским престолом занимался борьбой против турецких пиратов в Эгейском море; ему также удалось обложить, данью турецких правителей на большей части южного побережья Анатолии.

Гуго проводил очень разумную политику. С конца XIII века Кипр переживал экономический подъем – во многом благодаря своему выгодному месторасположению на одном из главных торговых путей между Востоком и Западом. И обеспечение безопасности морских перевозок в Европу было, конечно же, в интересах Кипра.

Правления Генриха II и Гуго IV принято считать лучшими годами лузиньянского королевства. Те, кто посещал Кипр в эти годы, отмечали бросающиеся в глаза богатство и благосостояние острова. Флорентийский торговый агент Франческо Балдуччи Пегалотти, проведенный на острове несколько лет в начале правления Гуго, описывал разнообразие прибывавших туда товаров. Большое количество хорошо отлитых монет свидетельствует об изобилии серебра. Сохранившиеся архитектурные памятники – в особенности премонстрантское аббатство в Беллапэ и многочисленные церкви в Фамагусте (самая знаменитая из них – бывший латинский кафедральный собор святого Николая) – также являются доказательствами расцвета экономики. Но к тому времени, когда стареющий и впадающий в слабоумие Гуго передал власть старшему сыну, Петру I, эта эпоха процветания уже начинала клониться к закату. В 1347–1348 годах остров опустошила чума. В результате сокращения численности населения сократилось и сельскохозяйственное и промышленное производство, а поскольку упал и спрос на товары (ведь стало меньше и продавцов, и потребителей), объемы международной торговли, проходившей через Кипр, резко уменьшились. После эпидемии «черной смерти» такая экономическая ситуация сложилась во многих частях Средиземноморья, но на Кипре она усугублялась изменением торговых путей, в результате чего все меньше и меньше товаров проходило через остров.

Драматические события правления Петра I следует рассматривать именно на фоне этой ситуации. Петр начал с того, что забрал у армянских жителей контроль над портом Корикос,

а в 1361 году отвоевал у турок важный торговый центр Анталью. В 1362 году Петр ездил в Европу и набирал людей для крестового похода. В 1365 году он отплыл со своей армией из Венеции и, соединившись с кипрскими силами на Родосе, напал на египетский город Александрию (см. главу 11). Гарнизон Александрии был застигнут врасплох, и город захватили и разграбили. Однако при известии о приближении армии мамлюков крестоносное войско покинуло Александрию. В последующие года Петр совершил несколько набегов на побережье Сирии. Историки не могут прийти к единому мнению по поводу того, чего в действительности добивался Петр. Современники Петра указывают, что он верил в возможность отвоевать у мусульман Иерусалим и христианские Святые Места; но то, что мы знаем о его мирных переговорах, свидетельствует о том, что он искал способы возродить экономику Кипрского королевства.

Действительно ли Петр руководствовался только своими государственными интересами, мы уже никогда не узнаем, но то, что его предприятие не принесло благоприятных результатов, совершенно очевидно. В 1370 году был заключен мир с мамлюками, но к этому времени король Петр уже умер – его убили собственные же вассалы. Итальянские торговые республики, пострадавшие вследствие нападения на Египет, были возмущены кипрскими действиями. В 1369 году королем Кипра стал Петр II (годы правления 1369–1382). В 1372 году началась война Кипра с Генуей. В 1373 году генуэзцы захватили Фамагусту, и их разрушительное наступление было остановлено только отчаянным сопротивлением крепости Кирении. Эта война поставила точку в экономическом развитии Кипра. К 1390 году Фамагуста превратилась в заштатный, малонаселенный городок, которым Генуя владела до 1464 года. Что же касается Лузиньянов, то им оставалось либо пытаться отвоевать Фамагусту, либо платить дань Генуе. Воевать с генуэзцами они уже не могли; оказавшись в изоляции и бедности, они больше не принимали участие в антитурецких действиях в Эгейском море и не предпринимали никаких мер для усиления своей позиции. Вместо этого они допустили, чтобы корсары (большинство из них – каталонцы) использовали Кипр в качестве своей базы. Мамлюкский султан отреагировал на это тем, что в середине 1420-х годов совершил несколько нападений на Кипр. В 1426 году кипрские войска были разгромлены в Кирокитии, а король Янус (1398–1432) был взят в плен. Теперь Кипр платил дань Египту. В 1517 году Египет был захвачен османами, и Кипр превратился в подвластную Османской империи территорию.

В течение двух с половиной веков, несмотря на все трудности, Лузиньяны не знали споров о престолонаследии. Но начиная с 1458 года положение изменилось. Король Иоанн II (1432–1458) умер, оставив после себя дочь Шарлотту и незаконнорожденного сына Якова. Яков сбежал в Каир. А в 1460 году он повел на Кипр армию, состоявшую из европейских авантюристов (среди которых было много сицилийцев) и египетских солдат. На острове началась гражданская война, продолжавшаяся до 1464 года. Яков сверг законных правителей и провозгласил себя королем. Международное сообщество отказывалось признавать Якова законным правителем, но ему все же удалось установить отношения с Венецией, и в 1472 году он женился на знатной венецианке Катерине Корнаро. Умер Яков в 1473 году, и его сын, Яков III, родился уже после смерти отца. Однако этот ребенок умер через год, и дом Лузиньянов перестал существовать. Венецианцы, желавшие защитить свои интересы на острове и не допустить к власти сицилийских сподвижников Якова и других авантюристов, до 1489 года поддерживали видимость правления на Кипре вдовы Якова Катерины Корнаро. А затем они просто включили остров в состав своей империи и стали управлять Кипром из митрополии.

До 1470-х годов Венеция не проявляла к Кипру особого интереса. Но после потери Негропонта, захваченного в 1470 году турками, венецианцы начали переговоры с туркменским вождем Узуном Хасаном об объединении сил в борьбе с османами. И вот тут-то они по достоинству оценили стратегическое расположение Кипра и его экономический потенциал. Правление венецианцев на Кипре длилось с 1474 года до завоевания острова османами в 1570–1571 году. При них население острова постепенно росло и экономика

понемногу возрождалась. После османского завоевания Сирии, Палестины и Египта в 1516–1517 годах и захвата Родоса в 1522 году Кипр оказался в очень уязвимом положении. Венецианцы укрепили крепость в Кирении и восстановили стены Фамагусты. А для защиты столицы острова – Никосии – решено было предпринять еще более серьезные меры: снести старые фортификации и воздвигнуть укрепления по последнему слову техники. Правда, для этого пришлось разрушить многие старинные здания, в том числе и доминиканскую церковь, где хоронили королей Лузиньянской династии. Однако еще до того, как эти работы были закончены, на остров вторглись османы. Никосия пала в сентябре 1570 года после шестинедельного сопротивления. Кирения сдалась без боя. Труднее всего досталась османам Фамагуста. Венецианский гарнизон, защищавший этот город, выдержал осаду с сентября 1570 до августа следующего года и сдался только тогда, когда иссякли запасы пищи и пороха.

Родос и рыцари-госпитальеры ордена святого Иоанна

После потери латинской Сирии госпитальеры перебрались на Кипр, но вскоре стало ясно, что вернуться в Святую Землю им не удастся. И в 1306 году рыцари отправились на завоевание острова Родос, которым владела тогда Византия. В 1309 году остров оказался полностью в их руках, и вплоть до 1522 года Родос служил штаб-квартирой ордена и базой военных действий против турок. Рыцари заняли также несколько небольших близлежащих островов. В 1344 году они участвовали в успешном нападении на Смирну и удерживали ее до 1402 года (когда город был захвачен и уничтожен Тамерланом). К концу XIV века госпитальеры оказались вовлечены в военные действия против турок, наступающих на южную Грецию, но у них не хватило ресурсов для успешного вмешательства в хаотическую ситуацию в этом регионе. Победа Тамерлана над турками при Анкаре в 1402 году ослабила давление османов на Грецию, и госпитальеры, не ладившие с другими христианскими правителями, отстранились от южногреческих дел. Освободившись от необходимости тратить средства на Смирну и Грецию, они сконцентрировали свои усилия на укреплении и защите самого Родоса, близлежащих островов и стоявшей на материке крепости Бодрум.

В XV веке Родос превратился в базу корсаров, и мамлюкский султан дважды посылал свой флот для нападения на остров (в 1440 и 1444 годах). Однако, в отличие от киприотов, попавших в сходную ситуацию и сильно пострадавших, госпитальеры были хорошо подготовлены и без труда отбивали все атаки мамлюков. Гораздо большую угрозу для них представляли турки-османы. В 1453 году турки захватили Константинополь, к 1460 они завоевали почти всю южную Грецию, в 1462 заняли Лесбос, в 1470 – Негропонте. В 1470-х годах турки неоднократно нападали на владения рыцарей-госпитальеров, а в 1480 решились на массированную атаку с целью завоевать остров и выгнать оттуда орден св. Иоанна. Осада города Родоса длилась почти три месяца и в конце концов, не увенчавшись успехом, была снята. Хотя рыцарям и удалось отразить нападение, они были сильно ослаблены. Однако им удалось оправиться и остаться на Родосе, во многом благодаря передышке, полученной вследствие смерти султана Мехмеда II через год после осады и последовавших споров о престолонаследии в Османской империи. Для того чтобы предотвратить нападения на христианские территории со стороны нового султана Баязида II, западные державы умело использовали угрозу выпустить находившегося у них в плену претендента на османский престол. И османы решились на следующую крупномасштабную операцию против Родоса только в 1522 году. Командовал османской армией сам султан Сулейман Великолепный. Как и в 1480 году, турки окружили город Родос, но в этот раз фортуна оказалась на их стороне – город сдался после шестимесячной осады.

Княжество Ахайское

К концу XIII века франкское Ахайское княжество уже пережило свои лучшие годы.

Победа греков в Пелагони в 1259 году привела к возвращению юго-восточной части Пелопоннеса под власть Византии, что грозило франкам дальнейшими потерями. В поисках сильных союзников князь Вильгельм II обратился за помощью к анжуйскому королю Сицилии Карлу I и в 1267 году признал его своим сюзереном. Со стороны Вильгельма это было разумным политическим решением, так как Карл мечтал потеснить византийцев и восстановить под своей эгидой Латинскую империю в Константинополе. Но после антифранцузского народного восстания на Сицилии (известного как «Сицилийская вечерня») в 1282 году, в результате которого остров стал независимым, а анжуйская династия вынуждена была покинуть Сицилию и утвердиться в Неаполе, наследники Карла уже не могли продолжать оказывать Ахайе необходимую ей военную и финансовую помощь. Однако они использовали свой сюзеренитет для вмешательства во внутренние дела княжества, особенно после прекращения в 1278 году мужской линии правящего рода Виллардуэнов. В 1289–1297 годах княжеством правили дочь Вильгельма II Изабелла и ее муж Флоран д'Эно, но после смерти Флорана анжуйские короли Неаполя попытались заменить на ахайском престоле Изабеллу и ее дочь Мао одним из членов Анжуйского дома. II только один раз они отклонились от намеченного курса, устроив в 1313 году брак Мао с Людовиком – младшим братом герцога бургундского. Но в этот момент анжуйскому влиянию на дела княжества был брошен вызов со стороны нового претендента – арагонца Ферранда, младшего сына короля Майорки Якова II. К этому времени Арагоно-Каталонская Компания уже управляла Афинским герцогством, и вероятность того, что скоро арагонцы возьмут под свой контроль всю латинскую Грецию, была довольно велика. Но этого не случилось. Война между спорящими сторонами закончилась в июле 1316 года сражением при Маноладе, в котором Ферранд погиб. Вскоре после этого умер и Людовик Бургундский. Неаполитанский король Роберт сместил овдовевшую Мао и в 1322 году посадил на ахайский престол своего брата Жана. Мао умерла в заключении в Неаполе в 1331 году.

Однако прямое правление Анжуйского дома не смогло решить проблемы княжества. Византия продолжала отвоевывать территории, и после 1320 года Ахайское княжество занимало лишь западные и северные прибрежные области. В 1325–1326 году князь Жан совершил неудачный поход с целью вернуть потерянные земли, после чего удалился в Италию и больше в Ахайе не появлялся, управляя княжеством через наместников. В 1332 году он передал права на Ахайю своему юному племяннику Роберту Таранто, который тоже правил княжеством *in absentia*. В отсутствие главного правителя местные феодалы занимались своими делами и вели собственную политику, не обращая особого внимания на требования отсутствующего князя. В 1338 году Катерина Валуа (мать Роберта, носившая титул императрицы Константинополя) прибыла в Ахайю со значительными военными силами для укрепления княжеской власти, но перебороть баронов не смогла и в 1341 году вернулась в Италию.

Под покровительством Катерины Валуа в 1330-х годах ее флорентийский советник и финансист, неаполитанский государственный деятель Никколо Аччаюоли (1310–1365) начал приобретать феодалы в Ахайском княжестве и понемногу стал там влиятельной фигурой. В 1358 году отсутствующий ахайский князь Роберт Таранто передал в его владение богатый и стратегически важный город Коринф. К этому времени турецкие набеги стали главной заботой ахайских баронов, анжуйские же правители были не в состоянии противостоять туркам. К тому же после смерти Роберта в 1364 году в анжуйском семействе разгорелись споры о преемнике, и княжество оказалось предоставленным своей судьбе. В 1377 году королева Неаполя Иоанна передала княжество во временное пользование ордену святого Иоанна, и госпитальеры разместили в Ахайе Наваррскую Компанию – отряд гасконских и наваррских наемников. К концу 1370-х годов племянник Никколо Аччаюоли Нерио стал сеньором Коринфа и приобрел у слабеющего каталонского режима в Афинах Востицу в Коринфском заливе и Мегару, что позволило ему контролировать весь регион. В 1379 году с молчаливого согласия Нерио часть Наваррской Компании вторглась в Афинское герцогство и захватила Фивы, оставив каталонцам только сами Афины. Остальные члены Компании

остались в Ахайе, и их командиры взяли под свой контроль города и крепости княжеского домена, став таким образом фактическими правителями княжества. В 1381 году госпитальеры официально вернули Ахайское княжество королеве Иоанне. Но ряд политических кризисов в южной Италии в начале 1380-х годов привел к свержению Иоанны и к окончанию власти и влияния Анжуйского дома в Ахайском княжестве. В 1396 году титул князя Ахайского перешел к лидеру наваррцев Педро де Сан-Суперану.

Возрастающая османская угроза заставляла христианские государства Пелопоннеса искать пути к созданию общего фронта. Наваррцы пошли на солижение с Венецией, владевшей Короном, Модоном Критом и Негропonte и являвшейся самой крупной военной и морской силой в регионе. Нерио Аччаюоли предложил союзнические отношения византийскому деспоту Морей Феодору Палеологу и в 1388 году отдал ему в жены свою дочь. В том же году он сумел подчинить своему контролю Афины. Однако общий антитурецкий фронт не получался. Византийская оккупация Аргоса – города, который венецианцы только что купили у вдовы последнего правителя, – повлекла за собой длительные и ожесточенные споры между христианскими правителями, усугубленные тем, что наваррцы предательски схватили Нерио Аччаюоли во время переговоров по улаживанию этих споров. Нерио умер в 1394 году, и Феодор Палеолог завладел Коринфом. К этому времени османы уже приблизились к северным берегам Коринфского залива и начали совершать набеги в глубь Пелопоннеса (в 1387–1394–1395 и в 1397 годах). В 1397 году Феодор договорился с госпитальерами о передаче Коринфа под их контроль, а к 1440-му был готов даже продать им весь деспотат. В 1402 году армия Тамерлана разбила османов при Анкаре, и это несколько облегчило ситуацию в Греции. Педро де Сан-Суперан умер в 1402 году, и в 1404 Сентурионе Заккария племянник его вдовы, происходивший из старинного баронского рода оттеснил наследников Педро и заставил неаполитанского короля провозгласить его князем Ахайи. Сентурионе правил Ахайей в течение четверти века, до самого конца существования княжества. В 1430 году княжество Ахайское пало, но не перед натиском турков, а перед экспансией деспотов Морей. В 1460 году византийский деспотат был завоеван османами.

Герцогство Афинское

В XIII веке Афинское герцогство находилось под властью бургундского рода Ла Рош. Герцоги были умелыми и достойными правителями, проводившими твердую независимую политику, и, невзирая на беспокойных северных и южных соседей, герцогство процветало. Это было время династической стабильности и военных успехов. В 1308 году граф Ги II умер, не оставив наследника, и власть перешла к его двоюродному брату Вальтеру Бриеннскому. Вскоре на северной границе герцогства появилась армия наемников – Каталонская Компания. Это войско сформировалось в 1282 году в южной Италии во время начавшейся после «Сицилийской вечерни» войны между анжуйцами и арагонцами. В 1303 году каталонцы нанялись к византийскому императору, который использовал их в войне с турками в Малой Азии; перед тем как перебраться в Фессалию, они обратили оружие на своего нанимателя и нанесли немалый урон византийским землям во Фракии. Вальтер решил с помощью каталонцев расширить свои владения и в 1310 году провел успешную военную кампанию. Однако каталонцы остались недовольны полученным вознаграждением; они вошли в герцогство и в марте 1311 года разгромили афинскую армию в сражении у реки Кефиссос. Жертвы были огромны. Погиб и сам Вальтер. Каталонцы захватили герцогство.

Новый режим не получил международного признания. Каталонцы, естественно, обратились за поддержкой к арагонскому королю и признали номинальными герцогами членов сицилийской ветви королевского дома. Однако из-за враждебного отношения к Арагону папского престола, анжуйских правителей Неаполя и французов они продолжали оставаться в изоляции. Само собою, о взаимопомощи каталонских Афин и анжуйской Ахайи – двух франкских государств в южной Греции, в предыдущее столетие всегда

поддерживавших друг друга, – не могло быть и речи. Бриенны, имевшие влиятельные связи во Франции и в Неаполе, могли рассчитывать на поддержку папы, и, когда в 1331 году Вальтер II, сын и тезка Вальтера Бриеннского, вознамерился возвратить свою вотчину, его экспедиция получила статус крестового похода. Поход успехом не увенчался, но и Вальтер и его наследники не оставляли надежды на возвращение в Афины и изыскивали способы выгнать узурпаторов. Папский престол отлучил лидеров каталонцев от Церкви, и только в начале 1370-х годов турецкая угроза заставила папу вернуть их в лоно Церкви.

В первые десятилетия XIV века Каталонская Компания представляла собой внушительную силу, но со временем ее мощь ослабла. В 1379 году Наваррская Компания вторглась в герцогство и захватила Фивы, оставив каталонцам только Афины. Флорентийский правитель Коринфа Нерио Аччаюоли извлек из этого наибольшую выгоду – к середине 1380-х годов он подчинил себе почти все каталонские территории и в 1388 году увенчал свои завоевания захватом афинского Акрополя. Однако после смерти Нерио (1394 год) деспот Морей овладел Коринфом, а венецианцы заняли Афины, где правили до 1402 года. В 1402 Антонио, незаконнорожденный сын Нерио, уже обосновавшийся в Фивах, отнял у венецианцев Афины. В Венеции к успеху Антонио отнеслись с негодованием, но, видя, что тот не собирается нападать на Негропонте, успокоились. Во время правления Антонио османская угроза несколько ослабла, и Афины вновь достигли относительного процветания. В 1435 году после смерти Антонио герцогство перешло к его племянникам, и его род удерживал Афины вплоть до турецкого завоевания в 1456 году, а Фивы – до 1460. В 1460 году османы убили последнего герцога афинского.

Генуэзцы в Эгейском и Черном морях

В результате четвертого крестового похода Венеция добилась морского господства в Романии, что ущемляло интересы Генуи – соперницы венецианцев. Однако с падением латинского режима в Константинополе в 1261 году генуэзцы навестили упущенное: они получили в свое распоряжение пригород Перу на противоположном от византийской столицы берегу Золотого Рога и превратили его в крупный торговый центр. Их торговая деятельность охватывала огромные территории. К 1280 году генуэзцы контролировали Кафу (Феодосию) в Крыму, и до середины XV века генуэзских купцов можно было встретить во многих торговых точках на побережье Черного моря. Через черноморские порты они получили доступ в Россию и, что еще важнее, в Азию. Уже в конце XIII века генуэзские корабли плавали по Каспийскому морю, а в Тебризе существовала генуэзская торговая община. В первой половине XIV века генуэзцев можно было встретить в Индии и в Китае. В такие дальние коммерческие предприятия генуэзские купцы отправлялись либо из Перы через Черное море, либо через порт Айас в Киликийской Армении. После разрушения торговых путей во внутренней Азии, а также после эпидемии чумы генуэзцы ограничивались главным образом торговлей в Черном и Эгейском морях и в Леванте, что тоже приносило немалые доходы. Генуя не особенно стремилась приобретать земельные владения как таковые, ей нужны были места, где генуэзские купцы могли бы безопасно заниматься своим делом. Кафа находилась в их руках до 1475 года, Пера – до 1453, Фамагуста, которую они захватили в 1373 году, – до 1464. Генуэзцам приходилось очень активно соперничать с Венецией. Начиная с первых годов XIII века венецианцы господствовали в южных и западных водах Эгейского моря; Генуя же всеми силами стремилась установить свою гегемонию в водах восточных и северных. В 1260-х годах византийский император Михаил VIII даровал генуэзскому роду Заккария Фокею (город в Анатолии на западном побережье Малой Азии) и право на использование местных залежей полезных ископаемых. Члены семьи Заккария основали Новую Фокею, а в 1304 году Бенедетто Заккария занял близлежащий византийский остров Хиос. Правление его потомков на Хиосе продолжалось до захвата острова греками в 1329 году. Однако начиная с 1346 года Хиос и Фокея опять оказываются в руках генуэзцев.

Благодаря генуэзцам порт на Хиосе стал торговым центром. Но генуэзцы не собирались останавливаться на достигнутом. В первой половине XIV века их взоры обратились на расположенный к северу остров Лесбос, но этот остров попал в их руки только в 1354 году, когда его приобрел генуэзский авантюрист Франческо Гаттилузио, прославившийся своим участием в заговоре, лишившим трона императора Иоанна VI Кантакузина. Османы захватили Фокею и Новую Фокею в 1455 году, а в 1462 – Лесбос. Хиос, однако, оставался под властью Генуи вплоть до 1566 года.

Венецианская Романия

После четвертого крестового похода Крит и портовые города Корон и Модон на юге Пелопоннеса оказались под властью венецианцев. Венецианское правительство поощряло отдельных представителей знатных венецианских семей, желавших захватить для собственного пользования небольшие острова в Эгейском море. Первыми и главными бенефициантами такой политики стали члены семейства Санудо – с начала XIII века под их властью находились острова Киклады и Спорады, они носили титул герцогов наксосских или герцогов Архипелага. В 1383 году герцогство это перешло в руки семейства Криспи. Другие венецианцы также приобретали маленькие острова и владели ими на правах вассалов герцогов Наксоса. Формально династия Санудо признавала сюзеренитет князей Ахайи и не зависела от Венеции, но венецианцам было очень выгодно, чтобы эти острова находились в руках их соотечественников, – это позволяло сохранять мир на подходах к Константинополю. Члены династии Санудо были умелыми и энергичными правителями, но даже им не удавалось полностью обезопасить острова от пиратских набегов и вылазок турок, занимавшихся работорговлей. Последние иногда увозили с маленьких островов чуть ли не все население, и власти были вынуждены завлекать новых поселенцев выгодными условиями жизни. Со временем острова превратились в пиратские базы, и общая неустойчивая военно-политическая ситуация усугублялась междоусобицами местных сеньоров.

К 1420-м годам герцоги наксосские уже платили дань османам, но герцогство, тем не менее, просуществовало еще довольно долго. Последний герцог был свергнут в 1566 году, и только в 1617 году эти маленькие острова окончательно подпали под прямое османское правление. Сама же Венеция удерживала острова Тенос и Китиру до XVIII века. В начале XIII века венецианцы воспользовались хаотической ситуацией в бывших византийских землях и установили промежуточные базы на путях в Константинополь и к Черному морю. Корон и Модон – «два глаза республики» на юго-западе Греции – служили портами захода на пути и р. Эгейское море, и в Левант. Негропонте (Эвбея), расположенный недалеко от Константинополя, был частью территории, переданной Венеции во время четвертого крестового похода, но в то время остров подпал под контроль трех ломбардских семейств, которые владели землями на правах венецианских вассалов. Только главный порт – город Негропонте – находился под прямым правлением Венеции, и постепенно к 1380-му году венецианцы подчинили себе весь остров. Негропонте был самой важной частью венецианских владений между Критом и Константинополем; в 1470 году он был завоеван турками.

Таким образом, Венеция создала цепь подчинявшихся ей портов на пути в Константинополь. Но эта цепь была разорвана в двух местах; одно из них – юг Адриатического моря. После 1204 года венецианцы надеялись получить в свое распоряжение остров Корфу, но им отказали. В конце концов, однако, в 1386 году они добились своего: Корфу стал венецианской территорией и оставался ею до падения республики в 1797 году. Другой разрыв цепи находился прямо на подходах к Константинополю. Здесь венецианцы рассчитывали завладеть островом Тенедос, расположенным напротив входа в Дарданеллы, но на него претендовали и их соперники – генуэзцы; в конечном итоге этот спор пришлось решать войной. Военные действия длились с 1376 года до 1381 и, несмотря на драматическое

зрелище генуэзской осады Венеции, ни к чему не привели. Тенедос был объявлен нейтральной территорией, а местные жители-греки высланы.

Усиление турок-османов, слабость латинских государств в южной Греции и прекращение попыток неаполитанских королей распространить свою власть на Ахайю позволили Венеции присоединить новые территории. Кроме Корфу, венецианцы обосновались при южном входе в Адриатическое море – на территории сегодняшней Албании. В 1407 году они укрепились в Лепанто (Наупактос) в Коринфском заливе, в 1417 – в Наваррно на западном побережье Пелопоннеса. На побережье Эгейского моря венецианцы купили в 1388 году Аргос и Науплию, а в 1462 году под их контроль подпала Монемотасия. В течение нескольких лет знамя святого Марка развевалось даже над Афинами и над Фессалониками (1423–1430). В дальнейшем все эти венецианские территории оказались завоеванными турками. Падение Константинополя в 1453 году стало началом конца всех этих островов, портов и крепостей. Сами по себе они по-прежнему интересовали Венецию, но в XV веке венецианские коммерческие и политические интересы переместились из Романии к венецианским владениям в северной Италии. Венеция не могла сдерживать натиска османов. Отстаивая свои экономические интересы, она до последнего боролась за мирное урегулирование конфликтов, однако военных действий избежать не удалось. В войне 1463–1479 годов был потерян Негропонте, в войне 1499–1503 – Модон, Корон и Наваррно, в войне 1537–1540 – Монемотасия, Науплия и несколько островов, включая Эгину. В войне 1570–1573 годов Венеция потеряла Кипр.

Кипр и Крит были самыми крупными венецианскими владениями в восточном Средиземноморье. Венеция владела Кипром меньше ста лет, и это время для Кипра было периодом относительного мира и благоденствия. Крит же попал в руки Венеции сразу после четвертого крестового похода и оставался венецианским почти пять столетий. Появление на Крите венецианцев сопровождалось целой серией восстаний, организованных представителями местных землевладельцев. Наиболее серьезное из них вспыхнуло в 1280-х годах, и руководил им Алексей Каллергис; на усмирение этого восстания понадобилось шестнадцать лет. В конце концов венецианцы были вынуждены оставить землю в собственности местных землевладельцев и даже пошли на уступки иерархии местной Православной Церкви. В 1363 году взбунтовались и сами венецианские поселенцы Крита. Бунт был следствием чрезмерных требований к населению со стороны администрации на острове. После подавления этого бунта в 1367 году жизнь на острове протекала, в основном, мирно. Греки и латиняне привыкли друг к другу, остров процветал. Это благоденствие было нарушено турецкими набегами – в 1538, 1562 и 1567 годах. Венецианцы укрепили главные города, но их военные стратеги понимали, что в случае серьезного турецкого нападения на Крит защитить его можно будет только при умелом использовании флота. Турки напали в 1645 году. Воспользовавшись нерешительностью христиан, они захватили инициативу и к 1648 году заняли весь Крит, кроме Ираклиона – или, как он тогда назывался, Кандии. Осада Ирак-Лиона длилась двадцать один год, и «Кандинская война» превратилась для европейцев в эпическое сражение. За это время венецианцы выиграли несколько крупных морских сражений, и после сдачи Ираклиона в 1669 году им удалось отстоять критские порты Суду, Спиналонгу и Грабусу, которые, как и острова Тенос и Китиру и некоторые области в Хорватии, они удерживали до 1715 года.

Падение Ираклиона не было концом венецианского участия в делах Романии. В 1684 году для войны с османами под эгидой папы Иннокентия XI была организована Священная Лига, в которую вошли Венеция, Австрия и Польша. Венецианцы взяли на себя руководство по нападению на южную Грецию, и эта кампания известна главным образом разрушением Парфенона во время осады Афин в 1687 году. В 1699 при заключении мира был подтвержден факт венецианского владения Пелопоннесом, но в 1715 году османы захватили полуостров, не встретив почти никакого сопротивления. После того как в 1718 году военные действия закончились подписанием мирного договора, под контролем Венеции остались Ионийские острова и материковые крепости Бутринто, Парга, Превеза и Вонича.

В позднее Средневековье Латинский Восток не отличался единообразием и сплоченностью. Нам представляется следующая картина: на границе мусульманского мира разбросаны разрозненные западные аванпосты, где французские и итальянские землевладельцы управляют крестьянами-греками, в то время как вокруг венецианские и генуэзские купцы ссорятся из-за торговых путей и преимуществ. Но если приглядеться повнимательнее, то окажется, что структура отношений была намного сложнее. Крестовые походы отправлялись на Восток, в первую очередь, для борьбы с мусульманским миром, но земли, которые оказались в долгосрочном владении латинян, были ими отняты у христиан-греков. В XIII веке византийцам удалось отвоевать часть территорий, однако к 1300 году они перестали представлять серьезную угрозу для франков (только на Пелопоннесском полуострове в 1430 году деспоты Морей сумели вытеснить латинян из Ахайи). В XIV веке в руки латинян перешли ранее находившиеся под византийским контролем Родос, Хиос и Лесбос. Венеция и Генуя извлекали выгоду из ослаблявших Византийскую империю династических междоусобиц и даже подогревали их. В 1350-х годах, к примеру, Венеция активно поддерживала императора Иоанна VI Кантакузина, в то время как Генуя стала на сторону его соперника – Иоанна V Палеолога. В 1370-х годах Венеция помогала Иоанну V, рассчитывая на получение от него острова Тенедос, а Генуя – в надежде обойти своих соперников-венецианцев и самим занять этот остров – его сыну Андронику. В XIV веке и в начале XV в. итальянцы доминировали в коммерческой жизни Константинополя, богатея за счет греков. Генуэзская колония в Пере процветала в то время, как Константинополь слабел. В 1343 году византийцам пришлось заложить драгоценности из королевской казны Венеции, откуда их так никогда и не выкупили.

В некоторых случаях византийские императоры извлекали кое-какую пользу для себя из западных крестовых предприятий, но обосновавшиеся в бассейне Эгейского моря латиняне не могли или не хотели оказывать Константинополю ощутимую помощь в противодействии надвигающимся османским армиям. Даже родосским рыцарям-госпитальерам было не под силу изменить судьбу империи. К тому же отношение греков и латинян к туркам бывало неоднозначным. Во время византийской гражданской войны 1340-х годов Иоанн Кантакузин заключил союз с османским султаном Орханом и даже отдал ему в жены свою дочь. В 1352 году генуэзцы, враждовавшие с Кантакузином, тоже вступили в альянс с Орханом. Таким образом, османы впервые появились на европейских землях в контексте чрезвычайно запутанных политических обстоятельств. В 1387 году деспот Морей прибегал к помощи турецких войск в войне против Ахайского княжества; в 1388 венецианцы обвиняли правителя Коринфа Нерпо Аччаюоли в содействии туркам при нападении на их территории; в 1394–1395 годах турки в союзе с правителем Ахайи Педро де Сан Супераном напали на деспота Морей. В постоянно меняющихся обстоятельствах этого периода и греки, и латиняне не раз объединялись с турками. Иногда их толкал на это страх перед турками, в случае их отказа помочь им, а иногда они намеренно использовали османов в борьбе со своими единоверцами. Так, в 1399 году Антонио Аччаюоли и турки грозили захватить Афины, которые ранее находились под властью отца Антонпо, а в этот период контролировались Венецией. В Романии только Венеция и орден святого Иоанна последовательно отказывались от любого сотрудничества с турками, Генуя же в 1350–1450 годах находилась с ними в дружеских и взаимовыгодных отношениях. Генуэзцы даже иногда принимали участие в династических конфликтах, время от времени происходивших в Османском султанате, – например, в 1421 году они предоставили корабли и войска Мураду II, боровшемуся со своим братом Мустафой. Османо-генуэзский союз распался в 1450 году, когда турки вдруг напали на Лесбос. В течение нескольких лет после падения Константинополя турки захватили все генуэзские владения в Эгейском и Черном морях, кроме острова Хиос.

На Кипре политическая ситуация была менее запутанной. Отношения между королями Кипра и правителями Киликийской Армении – единственной расположенной достаточно близко христианской страной – подчас сильно портились. Первые разногласия возникли в

начале XIV века. В 1306 году Амальрих Тирский, узурпировавший власть на Кипре, женился на сестре армянского царя, и его потомки, не признававшие правящей на острове династией Лузиньянов, занимали видное положение в армянских землях. В 1342–1344 годах и потом к 1370-х потомки Амальриха сидели на армянском троне. Неприязнь между королями Кипра и их армянскими кузенами подогревалась, вероятно, и коммерческим соперничеством портовых городов Фамагуста и Айас. Может быть, из-за этого Кипр оказывал Киликийской Армении военную помощь в меньшем объеме, чем мог бы. Правда, правители Кипра никогда не оказывались в такой ситуации, в которой должны были бы объединяться с мусульманами против других христианских государств (хотя в 1440-х годах их сюзерен – султан Египта – настоял на том, чтобы киприоты разрешили его кораблям, собиравшимся нападать на Родос, пополнить запасы в кипрских портах).

Итак, считать, что люди на Латинском Востоке в позднее Средневековье автоматически предпочитали солидарность христиан всему остальному и отказывались вступать в дружеские отношения со своими мусульманскими соседями, нельзя. Конечно, в перспективе борьба с турками была главным событием истории этого региона, но соперничество между христианскими государствами иногда приводило к военному сотрудничеству с турками, даже если такой союз в итоге способствовал турецкой экспансии за счет христиан. Также не совсем верно и то, что раздоры среди христиан облегчали турецкие завоевания. Христианские междоусобицы были довольно частым явлением – от ссор сеньоров маленьких эгейских островов или мелких пиратских вылазок до войн, в которых участвовали великие державы христианской Европы. В первой половине XIV века конфликт французов с арагонцами отбросил свою тень и на Латинский Восток. Начиная с 1280-х годов в центре этого конфликта стояла ожесточенная борьба арагонцев с анжуйцами (ответвлением французского королевского дома) за господство в южной Италии. Ахайя была вассальным княжеством Анжуйской династии, Афины же, управлявшиеся Каталонской Компанией, обратились за поддержкой к Арагонскому королевскому дому. Конечно, не могло быть и речи о сотрудничестве между этими двумя латинскими государствами, и неудивительно, что, когда француз Вальтер Бриеннский в 1330-х годах пытался отнять Афины у каталонцев, он мог рассчитывать на помощь Ахайского княжества и представителей Анжуйского дома. Начиная с 1270-х годов анжуйцы и кипрские Лузиньяны оспаривали титул короля Иерусалима. В начале XIV века французские короли решили взять на себя инициативу в организации крестового похода в Святую Землю, но киприоты не хотели поддерживать это предприятие: Лузиньяны понимали, что в случае его успеха они не станут королями Иерусалима, а в случае неудачи Кипр испытает на себе всю тяжесть мусульманского ответного удара. В 1310-х годах бездетный кипрский король Генрих II вознамерился уже было передать остров под власть Арагонского королевского дома, но французский крестовый поход не состоялся, а арагонцы не завладели Кипром, хотя все могло бы быть и по-другому. Анжуйцы мечтали выгнать греков из Константинополя и восстановить Латинскую империю, и в первой четверти XIV века эти беспочвенные и бесперспективные планы затрудняли попытки папского престола помочь Византии. Однако к середине века анжуйское влияние в Италии ослабло, а Франция была занята войной с Англией. В это же время арагонцы осознали, что не могут оказать заметного влияния на дела Латинского Востока. Господство Венеции и Генуи было так сильно, что арагонские купцы всегда и во всем от них отставали. С окончанием же правления Каталонской Компании в Афинах арагонское влияние окончательно сошло на нет. В Эгейском море и в других водах Средиземноморья морские коммуникации зачастую были важнее наземных, и морские силы справедливо считались делом первостепенной важности. Магистры ордена святого Иоанна на Родосе, короли Кипра и другие правители владели кораблями для патрулирования морских просторов и борьбы с пиратами, но самые крупные и мощные морские силы принадлежали Венеции и Генуе. В те времена торговые галеры были одновременно и военными судами, и итальянские торговые республики, использовавшие свои корабли для защиты торговых путей, господствовали в водах Средиземного моря. Увеличивая торговый

флот, они вместе с тем наращивали свою военно-морскую мощь. В Венеции морские перевозки в значительной степени находились под государственным контролем, и официальной политикой было устройство контролируемых Венецией промежуточных портов на путях в Константинополь и на восток. В Генуе такого центрального контроля не было, но генуэзцы не отставали от своих соперников в поисках и приобретении собственных центров торговли. Обе эти державы конкурировали друг с другом к торговле, добивались новых рынков и торговых привилегий; они были готовы использовать военную силу как для обеспечения безопасности своих купцов, так и для устранения преград к получению максимальной прибыли.

Как это осуществлялось на практике, можно увидеть на примере отношений генуэзцев с Кипром. С начала XIII века генуэзцы пользовались на острове значительными коммерческими привилегиями, однако к концу столетия их отношения с правительством испортились – частично из-за того, что, по их мнению, киприоты выказывали слишком сильную симпатию к их конкурентам-венецианцам, частично из-за попыток кипрского руководства ограничить их привилегии и следить за соблюдением объявленного папским престолом эмбарго на торговлю с мамлюками. Генуэзцы увидели в этом угрозу свободе своей торговле, и в 1310-х годах ситуация настолько осложнилась, что они стали совершать карательные экспедиции на кипрское побережье. Кипрские власти, естественно, хотели сделать так, чтобы как можно больше доходов от торговли попадало в их казну, и они не собирались поступаться своей независимостью для того, чтобы привлекать издалека других желающих. Но генуэзские купцы были нужны Кипру для обеспечения экономической стабильности на острове, поэтому на мелкие споры и ссоры попросту не обращалось внимание. Но в 1364 году произошел довольно серьезный инцидент – в Фамагусте были убиты несколько генуэзцев. Король Петр, боясь, что это происшествие помешает планируемому им крестовому походу, согласился на все генуэзские требования о компенсации. Однако в 1372 году после подобного случая кипрские власти отказались удовлетворить запросы генуэзцев, что, как известно, привело к войне. В 1373 году генуэзский флот захватил Фамагусту и нанес острову значительный ущерб. Фамагусту генуэзцы оставили за собой в качестве торговой базы и с переменным успехом пытались обложить Лузиньянов данью. Можно говорить, что киприоты сами навлекли на себя беду, но факт остается фактом – генуэзцы использовали свою военно-морскую мощь для защиты интересов своих купцов и тем самым ослабили важный аванпост христианского мира.

Торговля приносила огромные прибыли, и в стремлении получить как можно больше Венеция и Генуя часто сталкивались лбами. В 1256–1381 годах они четыре раза серьезно воевали друг с другом. Первая – война святого Саввы – началась с имущественного конфликта в Акре, остальные три – в 1294–1299, 1350–1355 и 1376–1381 годах – были следствием конкуренции в Романни. Хотя большая часть военных действий происходила в Европе, каждый раз яблоком раздора становилась константинопольская и черноморская торговля. Интересно, что военный успех в этих войнах совсем не обязательно приводил к экономической гегемонии и что ни в одном случае ни одна сторона не одержала столь решительной победы, чтобы прекратить торговые действия другой. Но поражение Генуи в войне за Тенедос, случившееся слишком скоро после того, как Генуя вложила много сил и ресурсов в нападение на Кипр, существенно пошатнуло положение генуэзцев, и в результате их влияние в восточном Средиземноморье стало ослабевать. В XV веке Венеция лидировала в торговле с Египтом и Сирией и принимала на себя удары османского флота в Эгейском море, в то время как Генуя уже не могла с ней соперничать. Генуэзский Хиос не шел ни в какое сравнение с венецианскими Кипром и Критом.

Ни в одном латинском государстве на Востоке выходцы из Западной Европы не составляли большинства населения. Основными жителями были греки, особенно в сельских местностях. Население портовых городов было интернациональным. В Фамагусте, например, существовала большая арабоязычная сирийская община, жило много греков и франков,

итальянцев, евреев и армян. Многие, даже довольно бедные, владели домашними рабами, которые, согласно сохранившимся документам, были либо славянами, либо азиатами, а то и черными африканцами. По несколько лет жили всегда купцы и моряки, но и среди постоянного населения многих можно было назвать венецианцами или генуэзцами, хотя они никогда не жили ни в Венеции, ни в Генуе. По дошедшим до нас сведениям начала XV века, общим языком общения был *lingua franca* («франкский язык») – своеобразная смесь слов и выражений европейских и местных языков и наречий. Большинство людей европейского происхождения, жившие на Востоке, говорили, вероятно, на какой-то разновидности итальянского. На Кипре, в Ахائه и Афинах первыми феодалами были французы, но с течением времени их заменили итальянцы или каталонцы. В случае Афин такая перемена произошла внезапно и насильственно, когда туда в 1311 году вторглась Каталонская Компания. В Ахائه землевладельцы с французскими именами в течение XIV века постепенно сменялись итальянцами. На Кипре этот процесс шел медленно, но в конце XIV века западный гость острова с заметным удивлением отмечал, что король «довольно прилично говорит по-французски». С вступлением на престол Якова II и после гражданской войны 1460–1464 годов итальянцы и испанцы почти полностью вытеснили французов.

В первые годы латинского правления завоеватели обычно держались особняком от основной массы населения. Но с годами смешанные браки и необходимость мирного сосуществования разрушили барьеры, и начался процесс культурного сближения различных элементов населения. Определяющим фактором этого сближения была конфессиональная принадлежность. Западные режимы назначали латинских епископов и клириков и пытались подчинить им местную греческую иерархию. Обычно это означало передачу средств латинянам и уничтожение или сокращение греческих епархий. Греческие священники должны были признавать верховную юрисдикцию латинских иерархов и самого папы. Неудивительно, что многие были этим возмущены и пытались протестовать, но основная масса смирилась, и даже известны случаи, когда греческие священники, ища содействия в решении своих тяжб, обращались прямо в Рим. Латинские правители знали, что следовало быть очень осторожными. Если бы они предоставили греческой иерархии слишком большую независимость, то превратились бы в мишень для критики, а может быть, и вызвали прямое вмешательство со стороны своих союзников и соотечественников. С другой стороны, если бы они стали притеснять греков, то вызвали бы народные волнения. К 1300 году на Кипре при каждом латинском епископе состоял греческий заместитель, занимавшийся греческими приходами епархии. В XIV веке местные латинские власти останавливали новоприбывших западных прелатов, пытавшихся принудить греков проводить церковные службы по латинскому обряду, – совершенно обоснованно они боялись, что такие действия могут спровоцировать мятеж. Постепенно греки и латиняне выработали *modus vivendi*. Этот способ сосуществования не удовлетворил бы богословов или публицистов обеих сторон, но, кажется, вполне устраивал население. В XIV веке большинство латинских епископов управляло епархиями *in absentia*, что тоже способствовало ослаблению напряженности. «Черная смерть», политические кризисы и раскол западной Церкви 1378–1417 годов (когда после «авиньонского пленения пап» одновременно существовало два, а потом и три папы) способствовали ослаблению позиций Латинской Церкви на Востоке, и этот процесс продолжался и в XV веке.

И вот в таких обстоятельствах в начале XIV века появились жалобы на то, что латиняне принимают участие в греческих богослужениях. Вероятнее всего, что в некоторых случаях это происходило из-за отсутствия католических священников, но не следует забывать, что смешанные браки и двуязычие влияли и на религиозные взгляды. Мы иногда видим и переход греков или других восточных христиан в католичество. Примером разрушения традиций может служить история жившего в XV веке на Кипре семейства Аудетов. Аудеты были сирийскими яковитами, но в 1450-х годах один из них стал священником в кафедральном соборе Никосии, а потом и латинским епископом Тортосы; примерно в то же время другой член семьи в своем завещании оставлял пожертвования на служение

заупокойных месс в христианских яковитской, коптской, маронитской, греческой и армянской церквях, а также в католическом соборе в Никосии. Размывание конфессиональных границ заметно также в искусстве и архитектуре. Например, сохранились иконы греческого письма с надписями на латыни или с надписями на греческом, но выполненные для латинских заказчиков. Кипрский король сочинил латинский текст церковной службы для празднования дня греческого святого Илариона. В Фамагусте в XIV веке греческий собор был перестроен в стиле итальянской готики; в других местах мы видим в архитектуре смешение западных и восточных традиционных форм и мотивов. В некоторых церквях заметны следы переделок для того, чтобы установить два алтаря – для греческого и для латинского священников (видимо, там попеременно происходили православные и католические службы). Наиболее заметно это взаимное обогащение западных и восточных христианских традиций происходило на Крите, где возникла живописная школа, наиболее знаменитым представителем которой считается Эль Греко. В XVI–XVII веках на этом острове существовала популярная литература на греческом языке, бравшая за образец литературу итальянскую. Западные путешественники нередко бросали косые взгляды на тех латинских поселенцев, которые и по языку, и по внешнему виду напоминали своих греческих соседей, но такие перемены свидетельствуют об образовании единого общества.

На Кипре короли обычно нанимали для работы в центральной финансовой администрации (*secréte*) православных греков, которые уже к 1460-му году писали письма по-французски, по-итальянски и по-гречески. В XIV–XV веках в этой администрации доминировала сплоченная группа православных семей. Кипрский историк начала XV века Леонтий Махайрас принадлежал к одной из этих семей. Хроника Махайраса, написанная под влиянием народного греческого языка его времени, является ценным свидетельством проникновения заимствованных латинских слов в речь местной интеллигенции; бесценно также и то, что в ней перед нами предстает представитель этого общественного слоя: гордый и не упускающий случая выступить в защиту православия, не без сожаления вспоминающий о византийском имперском прошлом, иронично посмеивающийся над перешедшими из православия в католичество и в то же время относящийся с уважением и преданностью к Лузиньянам.

Правители Латинского Востока не вносили коррективы в привычный образ жизни своих подданных. На Крите и в южной Греции класс греческих землевладельцев выжил в условиях смены власти и к 1300 году сумел добиться прочного положения в обществе. Деревенские общины, как правило, сохраняли свою исконную структуру – единственным новшеством было то, что налоги платились теперь не греческому, а латинскому феодалу. Нет оснований считать, что при латинских режимах крестьяне жили хуже, чем при прежних правителях, а положение некоторых групп населения при латинянах даже улучшилось.

Правители или землевладельцы иногда вкладывали немалые средства в сельскохозяйственные или промышленные процессы. Хорошим примером этого может служить производство сахара на Крите и Кипре. Чтобы вырастить достаточное количество сахарного тростника, необходима довольно мощная оросительная система, и это наверняка повлекло изменения в привычной обработке пахотной земли. Для постройки и содержания сахарных факторий, таких, как обнаруженные при раскопках в Куклии и Епископи на Кипре, нужны были немалые средства и рабочая сила. Владельцы, вероятно, обладали значительными капиталами и прибегали к использованию труда рабов. Неудивительно, что только наиболее богатые лица или корпорации могли позволить себе заниматься сахарным делом: король в Куклии, госпитальеры в Колосси, венецианское семейство Корнаро в Епископи. Почти весь произведенный сахар экспортировался в Западную Европу, как и полученные доходы (госпитальеры переводили доходы на Родос, а семейство Корнаро – в Венецию). Здесь может возникнуть вопрос о том, насколько эту деятельность латинских режимов можно считать прототипом колониальных предприятий более поздней эпохи. Какие-то аспекты сахарного производства на Кипре предвосхищают плантации на островах Карибского моря, но для проведения обоснованных параллелей этих совпадений

недостаточно.

Повсюду на Латинском Востоке между правящей элитой и местным обществом существовала весьма ощутимая дистанция. Само по себе это не было чем-то необычным: чужим был и правящий класс в Османской империи (по крайней мере, по отношению к ее европейским подданным), мамлюки в Египте принадлежали даже к другой расе и держались обособленно от коренного населения. Латинские режимы отличались и друг от друга. В венецианские владения из Венеции на определенный срок присылались правители, которые управляли в соответствии с законами своей республики. Кипрские короли были независимы и следовали только собственным интересам. В политическом смысле, таким образом, венецианские порты и острова можно назвать колониями, а Кипр – нет. Генуэзские владения, пользовавшиеся большей автономией, чем венецианские, и Ахайя и Афины, являвшиеся вассалами анжуйцев и арагонцев, находятся где-то посередине.

Но можно ли считать Латинский Восток колониями в экономическом смысле? И Венеция, и Генуя рассчитывали на получение из своих заморских владений продуктов питания и сырья: вина, оливкового масла, зерна, сухофруктов, полезных ископаемых, сахара и (позже) хлопка. Венецианцы в особенности строго следили за тем, чтобы их купцы совершали регулярный товарообмен между восточными территориями и республикой. Генуэзцы, однако, не подвергались такому жесткому контролю, и их корабли не были обязаны разгружаться в портах Генуи. Таким образом, Латинский Восток снабжал Европу продуктами и сырьем, но в полном смысле слова колониальной державой можно считать только Венецию. Обычно продукция латинских территорий продавалась во всех частях Средиземноморья. Производство наиболее ценных товаров, таких, как шелк в Фивах, смола мастикового дерева на Хиосе и сахар, требующее крупных инвестиций, так и не развилось до такой степени, как монокультуры Канарских и Карибских островов или юга США в более поздние времена. В результате никто и нигде на Востоке не зависел только от одного продукта и не подвергался большому риску в случае затруднений с отдельными товарами на торговом рынке. Не было и речи о том, чтобы местная экономика служила интересам другой державы. Итальянские морские республики получали львиную долю своих богатств в результате торговли привозимыми издалека предметами роскоши. Для Латинского Востока это означало участие в доходах транзитной торговли. Будучи транзитными пунктами в восточной торговле пряностями, Константинополь, Фамагуста, Айас в Киликийской Армении и черноморские портовые города процветали (по крайней мере, какое-то время), и их процветание зависело от постоянного присутствия западных купцов. Вместе эти купцы представляли собой значительную экономическую силу, но из этого не следовало, что они могли диктовать свои условия местному политическому режиму.

В сельских районах землевладельцы пользовались доходами от своих прав на землю и на продукцию труда крестьян. Многие из них, даже на венецианском Крите, сами жили в своих поместьях. А доходы тех, кто не жил на месте, можно было смело считать не участвующими в экономике острова. Так, например, по крайней мере часть богатств, получаемых от принадлежащих семейству Корнаро сахарных плантаций и фактории в Епископи на Кипре, отправлялась для пополнения семейных сундуков в Венеции. Деятельность Корнаро, с одной стороны, предвосхищала более поздние колониальные предприятия, но, с другой стороны, они вели себя почти так же, как землевладельцы византийских времен, которые отправляли доходы из провинций империи в Константинополь.

В одной из предыдущих глав высказывалось предположение, что Палестина и Сирия подверглись религиозной колонизации. К рассматриваемому периоду позднего Средневековья обе эти территории были уже утеряны, а назвать западные сообщества на Латинском Востоке колониальными было бы слишком смело. Правители, рядовые поселенцы и купцы стремились заработать побольше денег для обеспечения себя и своих семей. В каком-то отношении они предвосхищали действия плантаторов и колониальных администраторов более позднего исторического периода, но придавать этим аспектам

слишком большое значение все же не стоит. Жизнь при латинянах не слишком отличалась от прежней. Латинские правители не собирались изменять общественное устройство, и коренному населению, по всей видимости, жилось примерно так же, как и до них. Идеализм, крестоносцев XII века уже поблек, но, тем не менее, стремление к богатству и к сохранению владений никогда полностью не затмевало понимания того, что латиняне сдерживали силы ислама и защищали христианский мир. Латиняне – правители Кипра, родосские госпитальеры, венецианцы – помнили о своем религиозном долге выстоять перед мусульманским давлением, и даже если их духовные стремления подчас смешивались с более мирскими интересами, то они не были ни первыми, ни последними, попавшими в подобную ситуацию.

Глава 13

Военно-монашеские ордена 1312–1798

ЭНТОНИ ЛАТРЕЛ

Позднее Средневековье: орденские государства и национальные ордена

Со времени основания военно-монашеских орденов до начала XIV века формальный статус членов военных орденов Латинском Цerkви изменился очень мало, несмотря на происходившую кодификацию канонического права и принятие отдельными орденами новых уставов и других юридических документов. И хотя к XIV веку у рыцарей-монахов поубавилось энтузиазма и стремления к защите или возвращению Святой Земли, они по-прежнему принимали обеты бедности, целомудрия и послушания и должны были следовать правилам общежития своего ордена. Каждый орден имел устав, одобренный папским престолом. Папа мог вмешиваться во внутренние дела военно-монашеских орденов и даже распускать их, что и было сделано Климентом V с тамплиерами в 1312 году. Теперь рыцари-монахи могли встретиться лицом к лицу с неверными разве что в Пруссии и Ливонии и все чаще находили себе служение, пусть и не такое блестящее, в местном обществе. Военные религиозные ордена отличались друг от друга во многом, но все они принимали в свои ряды рыцарей, сержантов, священников и сестер, главным желанием которых было ведение вооруженной борьбы против «неверных». Членам орденов не разрешалось формально принимать крест, хотя они, конечно, принимали участие в крестовых походах. К 1312 году уже начали делать различие между постоянной священной войной, участники которой не должны были – кроме особых случаев – воевать против единомышленников, и объявлявшимися папами крестовыми походами, которые часто были направлены против противников папского престола – католиков или других христиан.

После расправы над тамплиерами положение других военно-монашеских орденов во многом изменилось, хотя поначалу это и не отразилось на количестве желающих вступить в эти ордена. Действия военно-монашеских орденов стали объектом критики и споров, высказывались даже предложения об объединении их в единый орден и о конфискации всех их земельных владений. Более того, в 1310 году папа начал следствие по особо серьезным жалобам на деятельность Тевтонского ордена в Ливонии. В 1309 году этот орден перенес свою штаб-квартиру из Венеции в Мариенбург в Пруссии. В 1306 году госпитальеры начали завоевание Родоса, закончившееся, вероятно, не ранее 1309 года. Это вторжение произошло до начала преследования тамплиеров (в 1307 году) и, вероятно, помогло госпитальерам избежать схожей участи. И хотя госпитальеры напали не на мусульман, а на греков-схизматиков, их действия были приравнены к крестовому походу. Захват Родоса предоставил рыцарям независимость, которой им не хватало на Кипре. Новое выгодное и престижное положение ордена было умело использовано тогдашним магистром Фульком де Вилларе, посетившим Западную Европу и организовавшим совместно с папой крестовый поход,

отправившийся из Италии в 1310 году под его личным командованием. В результате этого похода у турков была захвачена часть анатолийской территории. После 1312 года орден госпитальеров занимался на Западе управлением переданного им папой земельного имущества тамплиеров. Орден столкнулся с серьезным финансовым кризисом после родосской кампании и вследствие склонности Фулька де Вилларе к экстравагантному образу жизни (что привело к отстранению его от должности в 1317 году). Передача госпитальерам богатств ордена тамплиеров вызвала серьезную озабоченность монархов на Пиренейском полуострове, и это, в частности, привело к тому, что в Кастилии большая часть имущества тамплиеров была захвачена местной знатью, а в Валенсии и в Португалии появились новые национальные военно-монашеские ордена.

После запрещения ордена тамплиеров папа Климент V сумел сохранить за Церковью большую часть их имущества, аргументируя это тем, что светские власти не должны вмешиваться в дела военно-монашеских орденов. Интересы отдельных орденов часто не совпадали с интересами папского престола, но в 1312–1378 годах авиньонские папы⁶⁷ не только критиковали ордена, но и выполняли по отношению к рыцарям-монахам функции кассационного суда, разрешая их внутренние споры; они также постоянно защищали интересы и права военно-монашеских орденов на всей территории латинского христианского мира.

В XIV веке некоторые малочисленные ордена, такие, как английский орден святого Фомы, имевший небольшое поместье на Кипре, отказались от военных действий и превратились просто в монашеские общины. На северо-востоке Европы папы пытались примирить деятельность Тевтонского ордена с интересами других лиц и организаций, тоже пытавшихся обратить в христианство языческие племена Литвы и Ливонии. Однако тевтонские братья ускользали из-под папского контроля и ссорились с францисканцами, рижским архиепископом, польским королем и другими светскими правителями. В 1319 году Иоанн XXII способствовал разрешению организационного конфликта внутри ордена госпитальеров, выбрав новым магистром энергичного Элиона де Вильнёва. Из Авиньона папы настаивали на проведении реформ и начале активных действий по мере того, как Родос превращался в крупный антитурецкий бастион. Авиньонские папы все более активно вмешивались в дела рыцарей-монахов и даже пытались влиять на назначения внутри военно-монашеских орденов, особенно в Италии, где они назначали членов ордена госпитальеров управлять папскими областями. Однако до поры до времени папы соблюдали определенную долю осторожности и сдержанности в делах, касавшихся ордена госпитальеров и Тевтонского ордена, и только в 1377 году Григорий XI, ранее организовавший проверку западных владений госпитальеров, настоял на назначении магистром Родоса своего протеже Хуана Фернандеса де Эредиа. После этого положение всех орденов, за исключением Тевтонского, резко ухудшилось: папы стали постоянно вмешиваться в дела управления орденами и даже отнимали у них земельные владения, передавая их своим фаворитам и родственникам.

В Испании к 1312 году граница с мусульманами была отодвинута уже далеко на юг, и военная деятельность против мавров приняла спорадический характер. Военно-монашеские ордена продолжали управлять своими обширными владениями, но испанским монархам очень хотелось контролировать или даже вернуть себе земли и привилегии, ранее пожалованные ими орденам. Арагонская корона закрепила за собой земли госпитальеров и тамплиеров в Валенсии для того, чтобы создать новый военно-монашеский орден Монтесу для защиты границы с Мурсией,⁶⁸ и в 1317 году было решено, что арагонские госпитальеры

⁶⁷ В 1309–1377 годах папский престол находился в Авиньоне в зависимости от французского короля. Этот период подучил название «авиньонского пленения пап»

⁶⁸ Мурсия – мусульманское государство в Испании (XI–XIII века).

будут лично приносить вассальную присягу арагонскому королю перед тем, как приступить к своим административным обязанностям. Тем самым король, которому уже удалось предотвратить отправку людей и средств на Родос, получил некоторую возможность контролировать назначения в ордене, а следовательно, и использовать часть доходов госпитальеров в собственных целях. Важность введения вассальной присяги арагонскому королю стала ясна во время восстаний 1347–1348 годов, когда все ордена сплотились вокруг престола, и во время войн с Кастилией после 1356 года. Королем была предпринята попытка основать еще один орден – Сан-Хорхе-де-Альфама – на Каталонском побережье, но это предприятие успехом не увенчалось: магистр ордена и его сестра были захвачены в Альфаме африканскими пиратами, и в 1400 году орден присоединился к Монтесе. Два года спустя король Мартин предложил, чтобы все арагонские ордена, и в том числе госпитальеры, были реорганизованы в *maestrats* – магистерства – под королевским управлением и занимались борьбой на море с мусульманами-африканцами. А в 1451 году арагонский король Альфонс V обдумывал план размещения на Мальте ордена Монтесы, несмотря на то что тот имел очень ограниченный военный опыт.

Что же касается кастильских орденов Сантьяго, Алькантары и Калатравы, то они продолжали свои традиционные действия по заселению и защите от мавров обширных латифундий в Андалусии, несмотря на то что граница теперь проходила много южнее их земельных владений. Даже в XV веке эти ордена продолжали заселять покинутые мусульманами деревни. Помимо этого кастильские ордена выполняли и другие функции. Например, Алькантара охраняла португальскую границу в Эстремадуре. В 1331 году папа отказал в несколько запоздавшей просьбе Альфонса XI об образовании нового ордена на землях кастильских тамплиеров. В 1340 году все испанские ордена участвовали в победе христиан при реке Саладо, за которой последовало завоевание Альхесираса в 1344. Однако вскоре после этого война против упрямого горного анклава Гранады затихла в связи с длительной гражданской войной в Кастилии, и ордена стали участниками семейных интриг и жестоких политических конфликтов и усобиц. Как и в случае Монтесы, кастильские ордена в это время довольно редко выступали против мусульман. Однако в 1361 году три кастильских магистра и приор госпитальеров находились в рядах королевской армии, одержавшей победу над маврами, но потом разбитой при Гвадиксе.

В Кастилии ордена охраняли границы, не участвуя в активных действиях: 1350–1460 были годами официального перемирия (за исключением двадцати пяти лет), нарушавшегося только отдельными стычками. Так, около 1389 года магистры Калатравы и Алькантары возглавили вылазку к воротам Гранады, разграбили ее пригороды и послали вызов мусульманскому королю. А когда в 1394 году магистр Алькантары Мартин Яньес де ла Барбуда нарушил перемирие с мусульманами и погиб в безрассудной вылазке, движимый обостренным чувством долга вести священную войну, король, пытавшийся его остановить, даже извинился перед маврами. Реконкиста в Кастилии возобновилась благодаря регенту Фернанду, завоевавшему с помощью военно-монашеских орденов в 1410 году Антекеру. Ордена продолжали защищать крепости и границы, где магистры нередко командовали королевскими армиями, но чаще всего члены орденов служили королевскими капитанами и командовали отрядами, в которых не было рыцарей-монахов. Однако Калатрава, например, участвовала в шести пограничных рейдах в 1455–1457 годах, а ее магистр захватил в 1462 году Арчидону. А в гранадской кампании, увенчавшейся завоеванием последнего мусульманского эмирата на Пиренейском полуострове, воевали члены всех орденов. Из десяти тысяч конных воинов, пришедших в Гранаду в 1491 году, Сантьяго выставил 962 (плюс 1915 пеших воинов), Алькантара – 266, госпитальеры – 62; количество всадников Калатравы не отмечается, но мы знаем, что в 1489 году их было 400.

Кастильские ордена объединялись в национальные корпорации под управлением крупных магнатов, воевавших на стороне короны в маврском крестовом походе и в национальных и гражданских войнах, но при этом не слишком озабоченных религиозными аспектами этой борьбы. Их войска и ресурсы были частью национальных армий и

действовали по королевскому приказу. В Кастилии три крупнейших ордена получали немалые доходы от большого поголовья овец и сезонного перегона их на новые пастбища. Орден госпитальеров стал крупнейшим землевладельцем в Арагоне, Алькантара владела почти половиной Эстремадуры, а Сантьяго – большей частью Новой Кастилии. На эти богатства содержались и монашеские рыцари, происходившие из бедных дворянских родов, которые мало интересовались священной войной, но были храбрыми и умелыми бойцами. Ордена существовали в структуре испанских королевств и, несмотря на свои богатства и силу, не могли надеяться на образование независимых орденских государств, как на Родосе или в Пруссии. Корона же именно в силу богатства и мощи орденов стремилась к максимальному контролю над ними. Короли вмешивались в выборы и уговаривали пап выставить кандидатов на должности магистров; иногда монархи отказывались принимать вассальную присягу у выбранных магистров, в некоторых случаях принуждали неугодных отказываться от должности или даже организовывали их убийства. Несмотря на сопротивление и споры, короли и представители высшей знати проводили на должность магистра своих фаворитов и даже своих сыновей, в том числе и незаконнорожденных; так, Фернандо де Антекера сумел в 1409 году сделать своих сыновей магистрами Алькантары и Сантьяго. При этом, конечно же, среди рыцарей-монахов были и люди, действительно движимые идейными соображениями, предпринимались и серьезные, хотя и ни к чему не приведшие, попытки реформ. Последние не получили поддержки папского престола, который сам все время способствовал нарушению правил орденов. Женатые монархи не могли занимать должность магистра, но им можно было поручать определенные административные функции. Так, в 1456 году папа Каликст III назначил Генриха IV Кастильского администратором и губернатором сразу двух орденов – Сантьяго и Калатравы. Политические амбиции магистров также не способствовали моральному здоровью орденов, вовлекая братьев в интриги, расколы и насилие. И только орден госпитальеров и Тевтонский орден избегали подобных трудностей благодаря тому, что запретили большинству представителей знати их орденских государств вступать в орден в качестве рыцарей-монахов.

Португалия больше не граничила с мусульманами. И португальское отделение ордена Сантьяго выбрало собственного магистра и стало независимым. Национальными португальскими орденами были также Авиш (орден святого Беннета Авишского) и орден Христа, основанный в 1319 году на бывших владениях тамплиеров. Португальские ордена, в том числе и отделение ордена госпитальеров, сражались у реки Саладо в 1340 году, но большую часть времени они были вовлечены в местные политические дела и подчинялись короне, которой, как и в Кастилии, удавалось назначать магистрами принцев королевской крови и других знатных особ, приближенных ко двору. Что же касается португальских госпитальеров, то к 1375 году они уже девять лет не посылали средства на Родос. В 1385 году регент Португалии, незаконнорожденный сын короля Педру I, воспитанный магистром ордена Христа и ставший магистром Авиша, возглавил национальное сопротивление кастильскому вторжению и стал королем Жуаном I (положив начало Авишской династии, правившей Португалией до 1580 года). Когда португальская Реконкиста перекинулась за море, ордена опять на короткое время занялись священной войной. Магистр ордена Христа и приор госпитальеров принимали участие в захвате Сеуты в Марокко в 1415 году. Около 1418 года папа Мартин V назначил губернатором ордена Христа принца Энрики, использовавшего рыцарей ордена и его богатства для географических открытий. В 1443 году папа пожаловал ордену все земли, которые тот сможет захватить в будущем в Марокко, на островах Атлантического океана и в других заморских странах, а в 1457 году Энрики пожаловал ему двадцатую часть доходов Гвинеи. Королевское вмешательство в дела португальских орденов, участие орденов в национальной светской политике, внутренние раздоры, частое назначение принцев королевской крови на управление орденами и их доходами продолжались, но в организуемых папами крестовых экспедициях в Марокко ордена участвовали нечасто. Отряды трех португальских орденов приняли участие в 1437 году в

неудавшемся нападении на Танжер, а в 1471 году португальские госпитальеры были среди армии, атаковавшей Арзилу. Все три португальских ордена и португальские госпитальеры отказались в 1456 году от предложения папы организовать постоянные форпосты в Сеуте и держать в них треть своих членов, а в 1467 году папская курия заявила, что португальские ордена не обязаны участвовать в наступательных войнах (это решение вызвало протесты в самой Португалии).

В прибалтийских же регионах Пруссии и Ливонии, разделенных бесконечно оспариваемой полосой земли, немцы с успехом продолжали вести свое продвижение на восток. Борьба с языческими племенами была уже не столь кровавой и ожесточенной, как в XIII веке, особенно в западных областях Пруссии. Тевтонский орден сохранял кое-какие владения в Средиземноморье, в частности в Сицилии и Апулии, а также командорства и вербовочные пункты во Франконии и в Тюрингии, в долине Рейна и в других немецких землях. В отличие от испанских орденов Тевтонский орден не располагался на территории какого-то одного государства. Пруссия и Ливония не входили в состав империи и находились в зоне влияния и императора, и папы, что часто приводило к спорам и противостоянию этих двух властей. Внутри самого ордена велись жаркие споры: братья, находившиеся в Прибалтике, призывали перенести штаб-квартиру на север и сконцентрировать все усилия на борьбе с литовцами, другие же хотели продолжать действия по возвращению Святой Земли. Наконец, в 1309 г. гроссмейстер Зигфрид фон Фейхтванген перенес главный монастырь из Венеции в Пруссию, не спрашивая на то согласия братьев. Его преемник Карл фон Трир был выслан в 1317 году в Германию. В 1324 году в Пруссии был выбран следующий гроссмейстер ордена – Вернер фон Орсельн, и начиная с этого времени резиденцией гроссмейстеров стал огромный замок на берегу реки в Мариенбурге.

В 1310 году против Тевтонского ордена были выдвинуты обвинения в убийстве христиан в Ливонии, осквернении местной церкви, нападках на рижского архиепископа, торговле с язычниками, чинении препятствий обращению в христианство и принуждении многих новообращенных к вероотступничеству. В связи с этим ордену грозил принудительный роспуск, и он, защищая себя, оказался вовлеченным в запутанные дипломатические отношения с литовцами, которые только компрометировали орден своим показным переходом в христианство. Однако Тевтонский орден выстоял и продолжал продвигаться на восток и север, несмотря на вооруженное сопротивление поляков. Им были сделаны немалые территориальные приобретения. В 1308 году рыцари захватили Данциг и восточные районы Поморья,⁶⁹ а в 1346 году купили у датчан Эстонию. Однако для подавления стойкого и упорного сопротивления литовских язычников и для постоянного поступления необходимой для существования ордена военной добычи приходилось проводить частые военные кампании. При гроссмейстере Винрихе фон Книпроде (1352–1382) литовцам было нанесено сокрушительное поражение с помощью знатных западных добровольцев. В молодости маршал Франции Жан де Бусико три раза принимал участие в походах Тевтонского ордена, а будущий король Англии Генрих IV – два раза. Обычно каждый год проводились две экспедиции в Пруссию и одна в Ливонию. Эти походы несли с собой смерть и разрушение; правда, тевтонская армия теряла в экспедициях столько людей и средств, что они не шли ни в какое сравнение с действиями на Родосе или в Испании. Но, как это ни парадоксально, успехи немцев способствовали их падению: в 1386 году литовцы объединились с поляками и в 1389 году официально приняли христианство, что лишило смысла существование Тевтонского ордена. Священную войну стало просто не с кем вести. Но орден продолжал военные действия, преследуя политические цели. В конечном итоге враги тевтонцев объединились в стремлении вернуть свои земли, и в 1410 году поляки и их союзники наголову разбили тевтонскую армию при Грюнвальде.

В процессе колонизации, гораздо более широкомасштабном, чем проводимый кастильскими орденами в Андалусии, Тевтонский орден обратил множество коренных

⁶⁹ Поморье – историческая провинция на севере Польши, прилегающая к побережью Балтийского моря.

жителей в христианство и привел за собой немецких поселенцев. Орден создал образец эффективной администрации и управленческого аппарата – орденское государство *par excellence*. Пруссия с населением в 350 000 человек не нуждалась в поступлении денег из командорств в Германии, но ей был необходим постоянный приток оттуда новых членов.

Прусские командорства и немецкие отделения ордена не платили регулярных взносов, как это было у госпитальеров. Тевтонский орден в Пруссии получал немалые доходы от торговли, от земельной ренты, а также от обильной военной добычи, а с XV века он начал облагать налогами население. Доходы из различных источников распределялись по специальным фондам, как было и в кастильских орденах, и в ордене Монтези. Некоторые рыцари платили вступительные взносы, после чего становились членами немецких отделений ордена и там и оставались; те же, кому отказывали в приеме в орден в Германии, отправлялись в Пруссию или Ливонию с собственным оружием, тремя конями и шестьюдесятью флоринами. Как правило, в Пруссию ехали уроженцы Франконии, очень немногие из которых потом возвращались в свои земли. Что же касается священников и служителей, то они набирались, в основном, из немецких поселенцев на прусских землях. В штаб-квартире ордена в Марпенбурге постоянно находилось примерно сто братьев и еще сотни жили в командорствах; в некоторых монастырях было не более десяти монахов, в других – восемьдесят и больше. Генеральный капитул ордена теперь собирался крайне редко, у ордена даже не было главной печати, как у госпитальеров, но, тем не менее, высшие административные чины могли, как и олигархия у госпитальеров, ограничивать власть гроссмейстера. Гроссмейстер был обязан советоваться с помощниками и командорами (комтурами), на него могли оказывать давление и даже смещать с должности, а один гроссмейстер был убит. Некоторые высшие чиновники жили в Мариенбурге и занимались, в частности, финансовыми вопросами, в их ведении находилась и казна ордена; другие имели собственные резиденции, например, маршал ордена жил в Кенигсберге. Основа ордена – рыцари – представляли собой обособленную аристократическую военную касту, что отчуждало их от подданных – немецких поселенцев, которые могли вступать в орден только в качестве священников или служителей и не имели голоса в управлении государством.

У Тевтонского ордена не было флота, но у него была прекрасно вооруженная армия и надежно укрепленные крепости. Однако после 1410 года количество желающих вступить в орден резко уменьшилось, и возникла необходимость платить наемникам, что подорвало финансовую стабильность ордена.

На севере тевтонские рыцари вели священную войну в Ливонии и создали полунезависимый режим с характеристиками отдельного орденского государства с собственной администрацией и своей политической линией. В Ливонии был свой магистр, выбиравшийся из двух ливонских кандидатов гроссмейстером в Пруссии; после 1438 года ливонские братья сами выбирали себе магистров. Надо отметить, что Ливония не являлась унитарным государством, как Пруссия, поскольку ее обширные территории были поделены между тремя епископами, а в Эстонии рыцарский класс образовал светское правительство. Ливонские рыцари-монахи происходили, в основном, из северной Германии и прирейнских земель, а священники и служители набирались из поселенцев. Условия службы в Ливонии были тяжелее, чем в Пруссии, движение на восток сопровождалось постоянными лесными рейдами, разрушениями и частой сменой союзников. Ливонские братья не были затронуты поражением 1410 года при Грюнвальде (они в нем не участвовали) и продолжали вести агрессивную политику и даже воевали с православными русскими. Однако, как и в Пруссии, ливонские рыцари не избежали внутренних раздоров, касавшихся, в основном, контроля над богатствами ордена. В 1471 году ливонские братья отстранили своего магистра Йоханна Вольтхуса, обвинив его в коррупции, в подготовке войны против русских вопреки всем советам и в закреплении лично за собой нескольких командорств со всеми доходами. Несмотря на отстранение Вольтхуса, войны с русскими продолжались; в 1501 году, например, русские разграбили восточную Ливонию, но в следующем году были разбиты магистром Вольтером фон Плеттенбергом, который много сделал для стабилизации

положения в Ливонии.

На Родосе госпитальеры защищали латинские суда и противостояли турецким эмирам Анатолийского побережья (напротив Родоса), а потом и туркам-османам, надвигавшимся с севера. Орден госпитальеров, в отличие от национальных испанских орденов и Тевтонского ордена, представлял собою настоящую международную организацию, способную существовать на территориях различных государств и не бояться угроз отдельных монархов. Военная деятельность госпитальеров не была направлена в одну точку, как действия тевтонцев, и они не должны были воевать без передышки и с таким напряжением сил. Однако это вовсе не означало, что орден святого Иоанна был слабее национальных организаций. Орденское государство госпитальеров на Родосе просуществовало несколько веков. Устройство его было таково, что власть магистра на этом острове была весьма сильной, но внутри ордена она ограничивалась многонациональной олигархией высших чиновников, регулярными собраниями генерального капитула и пунктами устава. А подразделение ордена на языки (*langues*) и резиденции (*auberges*) для каждой национальной группы помогало распределению власти и снятию напряженности между братьями различного происхождения.

Родос представлял собой сравнительно небольшой остров с ограниченными ресурсами, но при хороших каменных укреплениях его можно было защищать небольшими силами. Вооруженные действия госпитальеров не носили затяжного характера и чередовались периодами полного мира, к помощи же наемников прибегали только в исключительных случаях. Число постоянно проживавших на Родосе братьев, вероятно, варьировалось от 250 до 450. В отличие от Пруссии Родосу были нужны не люди, а деньги, и главным образом для того, чтобы платить за ввоз необходимых продуктов питания. Кое-какие средства родосским госпитальерам приносил порт и экономика самого острова, основные же деньги поступали из западных приорств. Островное положение орденского государства потребовало создания флота и организации экономики и управления таким образом, чтобы обеспечить возможность защитить остров от любых нападений. Гавань приносила перевозки паломников, пиратов, торговлю и налоги; население острова производило продукты питания и предоставляло в случае нужды дополнительные военные силы; леса давали материал для строительства кораблей; жители строили башни и замки и служили гребцами на галерах. Родос попал в руки госпитальеров в результате капитуляции острова на оговоренных условиях, и греки, которых к 1522 году на острове было двадцать тысяч, не были притесняемы новыми властями – они жили безбедно, пользовались защитой рыцарей, имели голос в управлении островом и, будучи униатами, признававшими главенство римского папы, служили православную литургию.

Переехав с Кипра на Родос, госпитальеры перестали стремиться захватить Иерусалим, хотя продолжали время от времени помогать Киликийской Армении и сохранили за собой на Кипре командорство с сахарной факторией. После 1306 года их основной задачей стало препятствовать морской агрессии турок из Ментеше и оттеснять их на север к Смирне. Орден госпитальеров участвовал в латинских морских союзах против великого Умура Айдынского, в частности – в 1334 году. К этому времени финансовое положение острова стабилизировалось, однако предложения ордена о крестовых экспедициях в 1335 и 1336 годах не были поддержаны папой Бенедиктом XII, вероятно – из опасения, что госпитальеры заберут свои средства у папских флорентийских банкиров. В результате в 1343–1345 годах орден потерял огромную сумму в размере 360000 флоринов, когда обанкротились Барди, Аччаюоли и Перуцци. В довершение к этому в результате англо-французской и других войн, эпидемии чумы, начавшейся в 1347 году, и общего экономического и демографического упадка на Западе приток в орден новых членов и средств резко сократился, что повлекло за собой и ограничение военных действий рыцарей. Однако эффективность действий госпитальеров зависела не только от ресурсов, но и от опыта и умения. Одна-две галеры, защищавшие Родос, и пятьдесят или сто братьев с вспомогательными отрядами представляли собой немалую силу. Госпитальеры участвовали в крестовой экспедиции, захватившей в

1344 году Смирну, после чего взяли на себя защиту этого города. В 1359 году пятьдесят госпитальеров воевали с османами при Лампсакосе в Дарданеллском проливе, в 1361–1367 годах члены ордена участвовали в борьбе с турками на анатолийских берегах. Около ста братьев с четырьмя галерами под командованием адмирала Ферлино д'Айраска были частью крестоносной армии, захватившей в 1365 году Александрию. А к 1373 году госпитальеры оказались единственной военной силой, на которую мог рассчитывать папский престол для помощи Византии. Однако просьба византийцев о том, чтобы госпитальеры защитили Фессалоники и какой-то другой город – вероятно, Галлиполи, – не была удовлетворена. Экспедиция рыцарей-госпитальеров, посланная папой Григорием XI и отплывшая в Эпир в 1378 году, была ничтожно малочисленной и потерпела поражение от рук христиан албанцев Арты, которые захватили в плен магистра – Хуана Фернандеса де Эредиа – и потребовали за него выкуп. Следующий магистр, Филибер Найякский, и некоторые из братьев принимали участие в сражении при Никополе в 1396 году и после поражения спасли жпш. венгерскому королю Спгизмунду.

Вероятно, стремление создать себе более мощную экономическую базу и получить более выгодное стратегическое положение для борьбы с османами вызвало планы перенести штаб-квартиру ордена в южную Грецию (этот замысел поддерживался и папой). И около 1377 года орден снял в аренду на пять лет латинское княжество Ахайя, но был вынужден покинуть его после поражения при Вониче, однако в 1383–1389 годах попытки утвердиться в Пелопоннесе повторились. После Никопольской катастрофы госпитальеры взяли в аренду на несколько лет византийский деспотат в южном Пелопоннесе, где защищали от турок Коринфский перешеек. Правда, общая ситуация осложнялась неспособностью Запада создать единый фронт для эффективного сопротивления туркам, однако госпитальеры продолжали выполнять свою функцию по защите христианской Европы, действуя то самостоятельно, то в составе общих крестовых экспедиций.

Папский раскол 1378 года разделил и госпитальеров, что привело к падению дисциплины в ордене и прекращению перевода средств из Европы на Родос. Монастырь госпитальеров на острове находился под французским контролем и потому поддерживал авиньонских пап. Английская корона была на стороне папы римского, но позволяла своим подданным ездить на Родос и перевозить туда деньги. В 1410 году генеральный капитул, собравшийся в Экс-ан-Провансе, продемонстрировал замечательную солидарность внутри ордена и положил конец разделению на семь лет раньше, чем закончился папский раскол. К сожалению, соперничавшие папы из-за финансовых трудностей стали использовать в свою пользу право на предоставление бенефиций, и это лишило братьев-госпитальеров перспективы наград, которые они заслуживали за свою службу на Родосе. Так, в 1413 году оказалось, что антипапа Иоанн XXIII продал богатое командорство на Кипре пятилетнему сыну короля Януса, и тогда братья пригрозили покинуть Родос. Папский раскол закончился в 1417 году решением Констанцкого собора, на котором присутствовал и магистр ордена госпитальеров. На соборе разгорелись жаркие дебаты, во время которых Тевтонский орден пытался доказать, что литовцы – не христиане, а поляки действуют с ними заодно, поляки же уверяли, что тевтонские братья не смогли обратить в христианство даже жителей Пруссии.

В 1402 году Тамерлан захватил Смирну, а вскоре после этого были оставлена и Морея. Госпитальерам был необходим плацдарм для действий против турок на материке, и в 1407 или 1408 годах вместо потерянной Смирны эту роль стала играть крепость Бодрум. Для ее строительства были выпущены индульгенции и дарованы освобождения от налогов тем, кто пожелал бы пожертвовать средства. В 1440 году на Родосе началось строительство нового большого госпиталя. Это были годы перемирий, нарушавшихся случайными стычками. Попытки египетских мамлюков вторгнуться на остров успешно отражались. Но в 1480 году османы начали крупномасштабную кампанию против Родоса; защитой острова руководил магистр Пьер д'Обюссон. После отражения этого нападения на острове были возведены новые укрепления, способные выдержать пушечный огонь, а после 1482 года госпитальеры сдерживали обманов тем, что держали у себя брата султана. По мере продвижения османов

на Балканы Родос оказывался все в большей изоляции, но при этом процветал в качестве надежного бастиона латинской торговли и пиратства в Леванте. Особенно важным было собственное приносящее неплохую прибыль «согсо» госпитальеров. В сущности, это была выгодная форма официально поощряемого пиратства, считавшаяся частью священной войны против мусульман; родосское согсо доставляло немало неприятностей на море и мамлюкам, и османам, и венецианцам. Орден нуждался в торговле с турецкими землями, флот его был незначительным и ограничивался мелкими операциями, и тем не менее в 1510 году госпитальеры нанесли серьезное поражение мамлюкам. Однако после османского завоевания Египта Родос был вновь осажден, причем венецианский Крит и другие латинские государства так и не прислали ему сколько-нибудь значительной помощи. Госпитальеры попытались быстро организовать антиосманскую коалицию, но были вынуждены капитулировать и покинули Родос в январе 1523 года.

Структура военно-монашеских орденов

Большую часть доходов военно-монашеские ордена получали от сельского хозяйства и животноводства в своих поместьях (иногда сами занимаясь этим, а иногда сдавая в наем); другими источниками средств служили отправление правосудия, феодальные права и привилегии, городские ренты, продажа пенсий, инвестиции, папские индульгенции, коммерческая деятельность и т. п. Монашеские общины военных орденов отличались от традиционных монастырей тем, что братья должны были не только содержать себя, но и посылать деньги в штаб-квартиру своего ордена и братьям, находившимся на военной службе. Ордена обычно организовывали свои владения в приорства (или в провинции), в которые входило по несколько командорств (или долгов) во главе с командорами. Командоры сами управляли своими домами или сдавали их в наем и платили взносы в приорство, а из приорств средства передавались в центральную казну ордена. Иногда доходы конкретных домов предназначались специально для приора или для магистра. После 1319 года орден Монтезис ввел систему, по которой доходы отдельных командорств поступали в распоряжение определенных чиновников для конкретных целей – для магистра, для защиты границы от мусульман и т. д. Три кастильских ордена и Тевтонский орден приписывали доходы от конкретных областей или командорств прямо магистрам для их личной казны. Мастер госпитальеров получал большую часть доходов острова Родоса, а после 1530 года – Мальты.

Несмотря на введение системы учета и проверки, правящая верхушка орденов не располагала точной информацией об общем доходе орденов, количестве людей, состоявших в них, и о том, на какие ресурсы и военные силы может рассчитывать центральное руководство в случае начала военных действий. Каждый орден сталкивался как со схожими, так и с присущими только ему трудностями. В одних орденах было слишком мало рыцарей, причем некоторые были уже слишком стары для участия в войнах; в других – мало сержантов; в третьих – слишком много священников. Что же касается денежных поступлений, то в 1374–1375 годах западные пргюрства ордена госпитальеров, например, прислали на Родос около 46000 флоринов, а в 1478 монастырь на Родосе получил 80500 родосских флоринов с Запада и 11550 родосских флоринов с Востока. А в 1519 году орден госпитальеров очень рассчитывал на то, что в течение этого года согсо (см. выше) доставит ему 47000 дукатов. Как мы уже говорили, число госпитальеров на Востоке в XV веке варьировалось от 250 до 450 человек. В 1525 году в Пруссии насчитывалось всего 55 тевтонских братьев (в 1379 году их было около 700), что, правда, отчасти объясняется потерей Тевтонским орденом территорий; особенно после 1466 года. Прусские доходы росли до 1410 года, а потом пошли на убыль, но в 1435–1450 годах поступали довольно регулярно и равномерно. В 1565 году Мальту защищали около 540 рыцарей и сержантов ордена госпитальеров, а в 1631 году весь орден насчитывал 1755 рыцарей, 148 капелланов и 155 сержантов, то есть всего 2058 человек, из которых 995 находились в трех французских

провинциях, а 226 – на Мальте. Испанские ордена отличались многочисленностью и богатством; только Калатрава получила в 1500 году доход в 61000 дукатов, что равнялось примерно одной двенадцатой части ежегодного дохода кастильской короны, причем больше половины этих денег получил магистр ордена. В новое же время госпитальеры по сравнению со всеми другими орденами оказались в наиболее выгодном экономическом положении. К 1776 году урожай хлопка на Мальте приносил острову больше денег, чем сам орден; в 1787–1788 годах сумма экспорта составила 2816610 скудо.

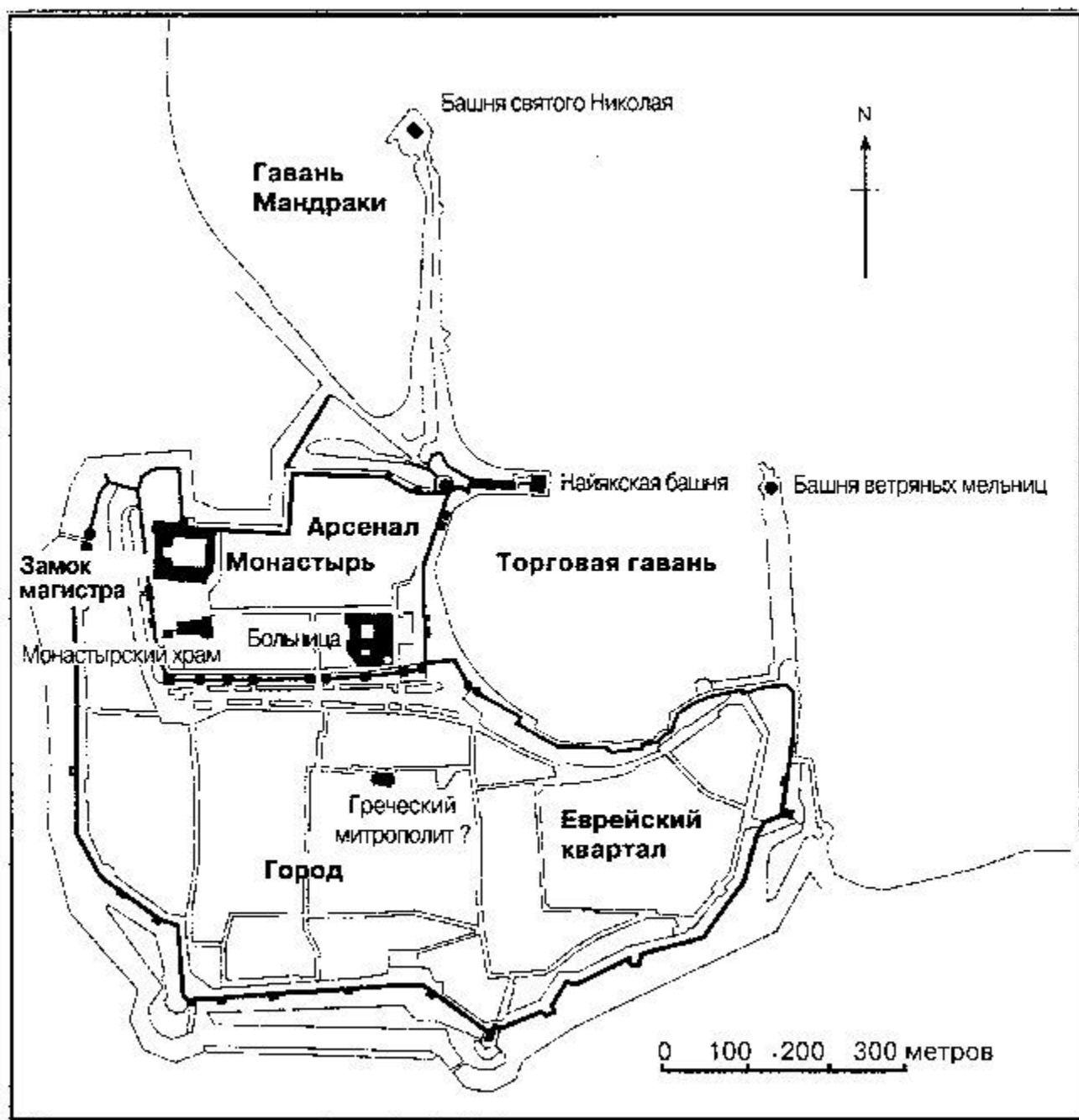
Магистр получал в год около 200000 скудо с доходов острова, а доход орденской казны составлял 1315000 скудо, получаемых главным образом из других стран; рядовые братья ввозили примерно 1000000 скудо в год на личные расходы. Столица госпитальеров Лавалетта существовала на средства, получаемые из колоний и западных приорств.

В функции командорств входило не только предоставление центру денег и людей. Они были еще и вербовочными центрами, базами военной подготовки, домами престарелых и резиденциями многочисленных священников ордена. Все проживавшие там братья были монахами, некоторые – священниками, и этот их статус приносил доход – в виде пожертвований и заказов заупокойных месс. Командорства могли владеть гостиницами, лазаретами и кладбищами, приходами и школами, несколькими церквями или часовнями. Ордена строили и поддерживали церкви и другие здания. У них были свои службы, свои святые покровители, иконы, реликвии и мощи, что привлекало к ним людей. Тевтонский орден нанимал специальных лекторов для чтения вслух братьям на национальном языке (некоторые из братьев были неграмотны) во время приема пищи. У некоторых орденов были даже свои святые. Ордена также вели активную пропагандистскую деятельность.

По мере падения доходов орденов в условиях ухудшавшейся экономической ситуации усиливалось соперничество за их богатства. В ордене госпитальеров для командоров стало обычным делом руководить одновременно двумя или даже большим числом командорств, и условия приема в орден стали ужесточаться. Так, если в XIV веке в большинстве орденов многие рыцари были выходцами из буржуазии и нетитулованного мелкопоместного дворянства, то к XV веку от кандидатов стали требовать доказательств их знатного происхождения; к 1427 году каталонские госпитальеры принимали новых членов только при предоставлении письменных документов и показаний свидетелей, данных под клятвой. В Тевтонском и других орденах формальные доказательства принадлежности к знатному роду должны были предоставляться задолго до 1500-го года. И постепенно это стало общепринятой практикой. Таким образом, аристократия отвоевывала позиции у нетитулованного дворянства и буржуазии. А в Кастилии доказательства знатного происхождения служили еще и защитой от проникновения в орден лиц с еврейской кровью. Тевтонский орден до самого конца XV века не поощрял использования членами личных печатей и накопления собственных средств, а также постройки богатых усыпальниц, но в других орденах обеты бедности и правила, ограничивавшие частные владения и средства, повсеместно нарушались созданием частных фондов, усыпальниц для отдельных братьев, обзаведением печатей с личными гербами и т. п.

После дела тамплиеров дебаты вокруг орденов разгорелись с новой силой. Некоторые авторы трактатов предлагали создать единый военно-монашеский орден, другие выступали за национальные организации, а третьи считали, что освобожденный Иерусалим должен будет превратиться в орденское государство под управлением нового ордена. Христиане, ставшие жертвой Тевтонского ордена, постоянно протестовали против его действий. Но, как ни странно, настоящего обсуждения орденов как явления так и не было. Писавший еще до 1389 года бывший канцлер Кипра и фанатик крестоносного движения Филипп де Мезьер, превозносивший до небес Тевтонский орден, резко критиковал госпитальеров, обвиняя их в духовном упадке и в том, что они служили на Родосе только ради получения бенефиций на Западе. Его собственный план нового военно-монашеского ордена, законченный в 1396 году, был составлен в привычных понятиях благородного братства, ставящего себе целью освобождение Иерусалима и создание в Палестине монархического орденского государства,

причем рыцари-монахи должны были бы постоянно находиться на Востоке, а их европейскими владениями управляли бы специально назначенные надежные светские чиновники. Филипп де Мезьер также предлагал, чтобы рыцарям разрешали вступать в брак (как это было в ордене Сантьяго), но следили за их верностью своим супругам. (Забавно, что когда вдовы рыцарей Сантьяго сами вступали в орден, они должны были указать, хотят ли они вступить в новый брак.)

РОДОС ПРИ ГОСПИТАЛЬЕРАХ. Монастырь ордена и замок магистра на севере отделены от города крепкой стеной.

В трактатах о крестоносном движении выдвигались различные предложения по устранению злоупотреблений в отдельных орденах и по регламентации таких вопросов, как совершение богослужений, внесение взносов, обязательное присутствие в командорствах и

образ жизни рыцарей-монахов, однако военно-монашеские ордена позднего Средневековья не привлекали интереса крупных богословов, и они не пережили серьезных реформистских движений, таких, как, например, в орденах францисканцев или августинцев. Начиная с XIV века монашествующие рыцари уже не очень старались соблюдать свои обеты, дисциплина падала, участились случаи уклонения от военной службы, члены орденов стремились иметь собственные резиденции, частные владения, финансовые выгоды. Все это сильно подрывало дух и мораль в орденах. Все большее внимание уделялось материальным и денежным интересам, даже командорства нередко сдавались внаем светским лицам. Членство в ордене превратилось в синекуру для привилегированной аристократической корпорации, обеспечивавшей себя безбедным существованием на всю жизнь.

Военно-монашеские ордена в начале нового времени: на пути к национальному контролю

В 1487–1499 годах кастильские ордена были практически национализированы короной; в 1523 году госпитальеры вынуждены были покинуть Родос; в 1525 году прусское отделение Тевтонского ордена превратилось в светскую организацию. Тевтонский орден долго действовал в очень трудных условиях. Значительные территориальные владения и доходы, знаменитая строгая организация и коммуникации делали орден намного более эффективной организацией, чем, скажем, орден госпитальеров, однако обращение литовцев в христианство, сокращение вследствие этого после 1410 года количества военных походов на восток, враждебные ордену дипломатические комбинации, необходимость выплачивать жалованье наемникам не способствовали материальному процветанию. Сама организация управления орденским государством подрывала положение ордена. Наиболее зажиточные слои прусского общества, не допускаясь к членству в ордене и, следовательно, к государственным делам, стали в оппозицию к тевтонцам, которые, не нуждаясь больше в их военной помощи, стремились заменить их крестьянством, с которого можно было собирать ренту и налоги. В 1410 году Тевтонский орден собрал большую армию для Грюнвальдской кампании, потерял в сражении при Грюнвальде около 300 братьев, но все же смог выжить и остаться в Марпенбурге под руководством энергичного гроссмейстера Генриха фон Плауена (которого, однако, отстранили в 1413 году). Некоторые из тевтонских рыцарей иногда отправлялись воевать с турками (например, в 1429–1434 годах), но из делавшихся время от времени императором Сигизмундом других предложений, чтобы орден выбрал себе новую цель и занялся борьбой с османами на Балканах, ничего серьезного не вышло. В Пруссии представители знати объединились в Прусский союз, их действия привели к гражданской войне и к польской интервенции; и к 1454 году тевтонские рыцари были заняты войной с собственными подданными. В 1457 году поляки купили Мариенбург у служивших в орденской армии наемников, и центральный монастырь был перенесен в Кенигсберг; а в 1466 году было заключено мирное соглашение, по которому тевтонские братья были должны отказаться от части оставшихся у них земель и обязывались оказывать военную помощь польской короне. Орден не смог противостоять полякам, поскольку оснований продолжать настаивать на том, что он защищает Европу, уже не было.

Деятельность по заселению и обращению в христианство прибалтийских земель тоже не имела большого будущего. В самом ордене постоянно происходили ссоры между прусским, немецким и ливонским магистрами и между братьями, происходившими из Франконии, Рейнской области и других стран. Например, в Ливонии к 1450 году около 60 процентов братьев были родом из Вестфалии, а около 30 процентов – из Рейнской области. Рыцари кичились своим знатным происхождением, присваивали деньги ордена, в Пруссии они составили могущественную олигархию, которая после 1466 года определяла политику ордена и направляла действия магистра. Все это привело к обмирщению ордена и в конечном итоге к полной секуляризации орденского государства. Государство госпитальеров территориально было намного меньше тевтонского, и для его защиты требовалось,

соответственно, меньше людей и средств, да и сам орден госпитальеров был намного гибче и продолжал вести военные действия еще долго после того, как Тевтонский орден отказался от всякого подобия священной войны. В 1525 году последний прусский магистр Альбрехт Бранденбургский перешел в лютеранство, признал себя вассалом польского короля и начал править Пруссией как наследственным светским герцогством. Из пятидесяти пяти братьев, оставшихся в Пруссии, лишь несколько сохранили приверженность католицизму. Немецкое и ливонское отделения Тевтонского ордена просуществовали до 1561 года. Реформация нанесла удар и по ордену госпитальеров, его приорства были распущены протестантскими правителями: в Швеции – в 1527 году, в Норвегии – в 1532, в Дании – в 1536 и в Англии – в 1540.

Процесс национализации испанских орденов начался еще до окончания Реконкисты (которая закончилась в 1492 году). После завоевания Гранады кастильская корона решила положить конец бесконечным спорам между орденами. В 1489–1494 годах король Фердинанд принял на себя управление тремя кастильскими орденами. Со стороны братьев это не вызвало протеста, и был организован королевским совет для контролирования деятельности орденов. Капитулы, выборы и образ жизни в командорствах не претерпели существенных изменений. Калатрава, Монтеса и Авиш сохранили свою связь с орденом цистерцианцев. В 1523 году папа Адриан VI официально объединил кастильские ордена под королевской властью и передал короне магистерство и связанные с ним доходы (достигавшие 110000 дукатов в год, что составляло почти половину всех орденских доходов). Монтеса, и свой черед, была подчинена в 1587 году арагонской короне. Контроль над португальскими орденами, отказывавшимися принимать участие в действиях за морем, тоже перешел к королю, который использовал некоторые их командорства для награждения за верную службу тех, кто сражался с «неверными» в Африке и в Азии. Португальские ордена прекратили свою военную деятельность, но отдельные братья самостоятельно принимали участие в кампаниях против мусульман (на пример, около двадцати восьми из них были убиты или взяты в плен при Алькасаре во время марокканской кампании 1578 года).

С течением времени папские буллы постепенно освободили испанских монашествующих рыцарей от правил на вступление в брак, частную собственность, соблюдение постов, место жительства и молитвенную практику. Корона начала сама вести хозяйство командорств, и многие братья превратились в рантье, сохранявших свое членство к орденам из соображений чести, знатности и карьеры. С созданием же постоянной регулярной королевской армии ценность орденов как поставщиков опытной военной силы упала. В 1536 году Карл V начал дробление владений орденов для финансирования своей деятельности по защите христианства; он продал четырнадцать из пятидесяти одного командорства Калатравы, тринадцать из девятидесяти восьми командорств Сантьяго и три из тридцати восьми командорств Алькантары, в результате чего получил около 1700000 дукатов.

Королевская власть должна была как-то оправдать национализацию орденов, и кастильская корона объяснила это стремлением объединить все ресурсы для продолжения священной войны и обращения язычников; при этом подчеркивалось, что северная Африка, как и Гранада, – всего лишь первые шаги по дороге в Иерусалим. В 1506 году король Фердинанд собрал капитул Сантьяго, на котором было решено основать монастырь в Ороне (Алжир); строились также планы организовать отделения Калатравы и Алькантары в Северной Африке. Все эти предложения обсуждались до XVII века, но ни к чему конкретному не привели. Отдельные братья кастильских орденов занимали в королевстве военные должности, но сами ордена бездействовали. С 1518 по 1598 год из более тысячи рыцарей Сантьяго только пятьдесят или шестьдесят воевали с «неверными». По крайней мере восемь членов Сантьяго приняли участие в Тунисской экспедиции 1535 года, а в 1565-м несколько человек помогали защищать Мальту. С 1552 года орден Сантьяго стал выделять около 14000 дукатов в год на содержание трех или четырех галер в Средиземном море,

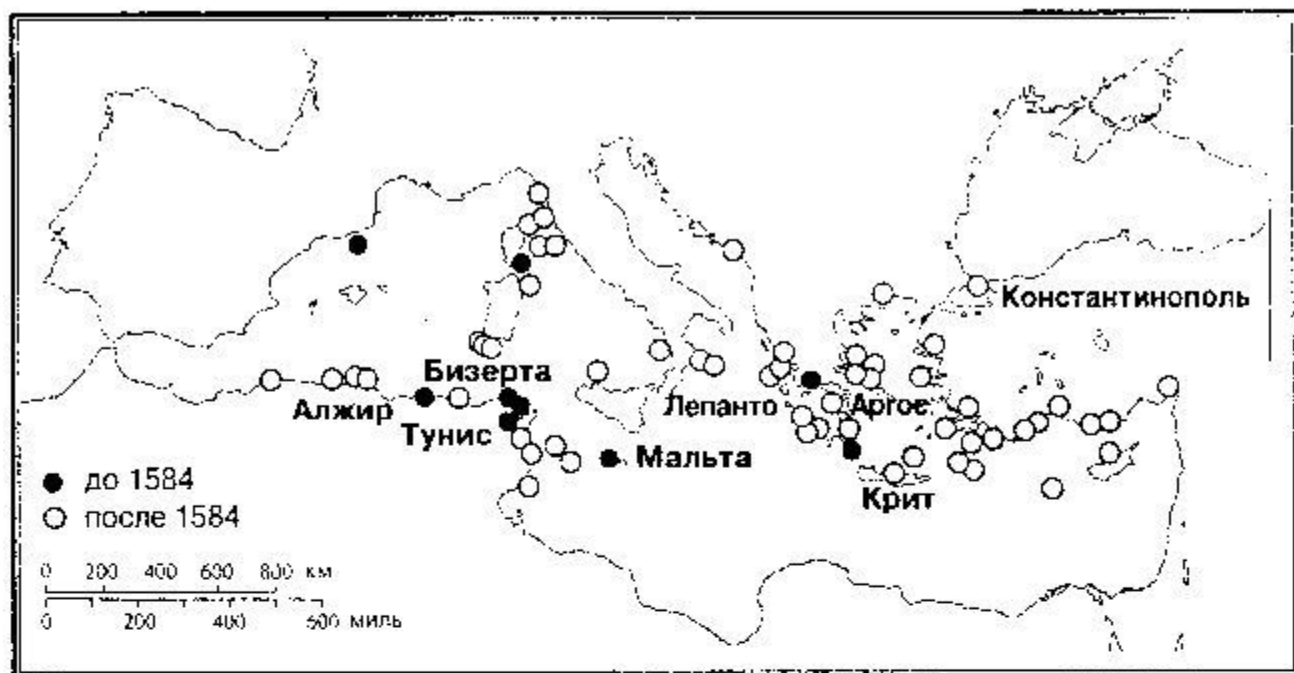
которые в 1561 году вошли в состав королевского флота. Эти галеры являлись прежде всего символом, однако при великом командоре Кастилии Луисе де Рекесенсе они сыграли заметную роль в бою при Лепанто (1571 год). Любопытно, что Луис де Рекесенс был принят в Сантьяго в одиннадцатилетнем возрасте, а Альваро Басан, чья блестящая карьера во флоте включала участие в сражениях у Мальты и при Лепанто, – в двухлетнем (в 1528 году). После 1571 года Испанию занимали, в первую очередь, события на севере Европы, и священная война отошла на второй, а то и на третий план. К этому времени большинство братьев просто перестали выполнять свои обязанности. Так, член ордена и поэт Луис де Гонгора был публично подвергнут критике за отказ в 1614 году подчиниться королевскому приказу о службе в Марморе в Африке.

В то время как испанские и Тевтонский ордена претерпевали фундаментальные изменения, приведшие к прекращению ими активных действий, орден госпитальеров продолжал воевать. Его по-прежнему поддерживали и папа, и император, и многие другие правители. Папа Климент VII, выбранный в 1523 году при участии магистра госпитальеров, раньше и сам был членом этого ордена. После вынужденного отплытия с Родоса в 1523 году великий магистр родосских рыцарей Филипп Вплльс де л'Иль-Адап со своими рыцарями странствовал целых восемь лет по различным городам и весям в поисках новой постоянной резиденции, они побывали и в Мессине, и в Чивитавеккье, и в Вптербо, и в Пицце, сохраняя во всех своих мытарствах организационную структуру ордена и его дух. Большинство членов ордена были французами, но помог им в конце концов испанский король, император Священной Римской империи Карл V. Он отдал ордену в ленное владение маленький скалистый остров Мальту с двумя соседними островами – Гоцо и Комнно (в Средиземном море между Сицилией и северо-африканским побережьем), после чего госпитальеры стали называть себя мальтийскими рыцарями. Они признали сюзеренитет Сицилии и обязались защищать новый материковый плацдарм в Африке – Триполи, захваченный испанцами в 1510 году. Рыцари, однако, не теряли надежду вернуться на Родос или в Южную Грецию и поселились в 1530 году на Мальте без особого энтузиазма. Там к ним присоединились их латинские и греческие подданные, покинувшие Родос вслед за орденом. В это время Франция заигрывала с турками, так что госпитальеры оказались на Мальте исключительно по испанской инициативе, и даже магистром их в 1536–1553 годах был арагонец – Хуан де Омедес.

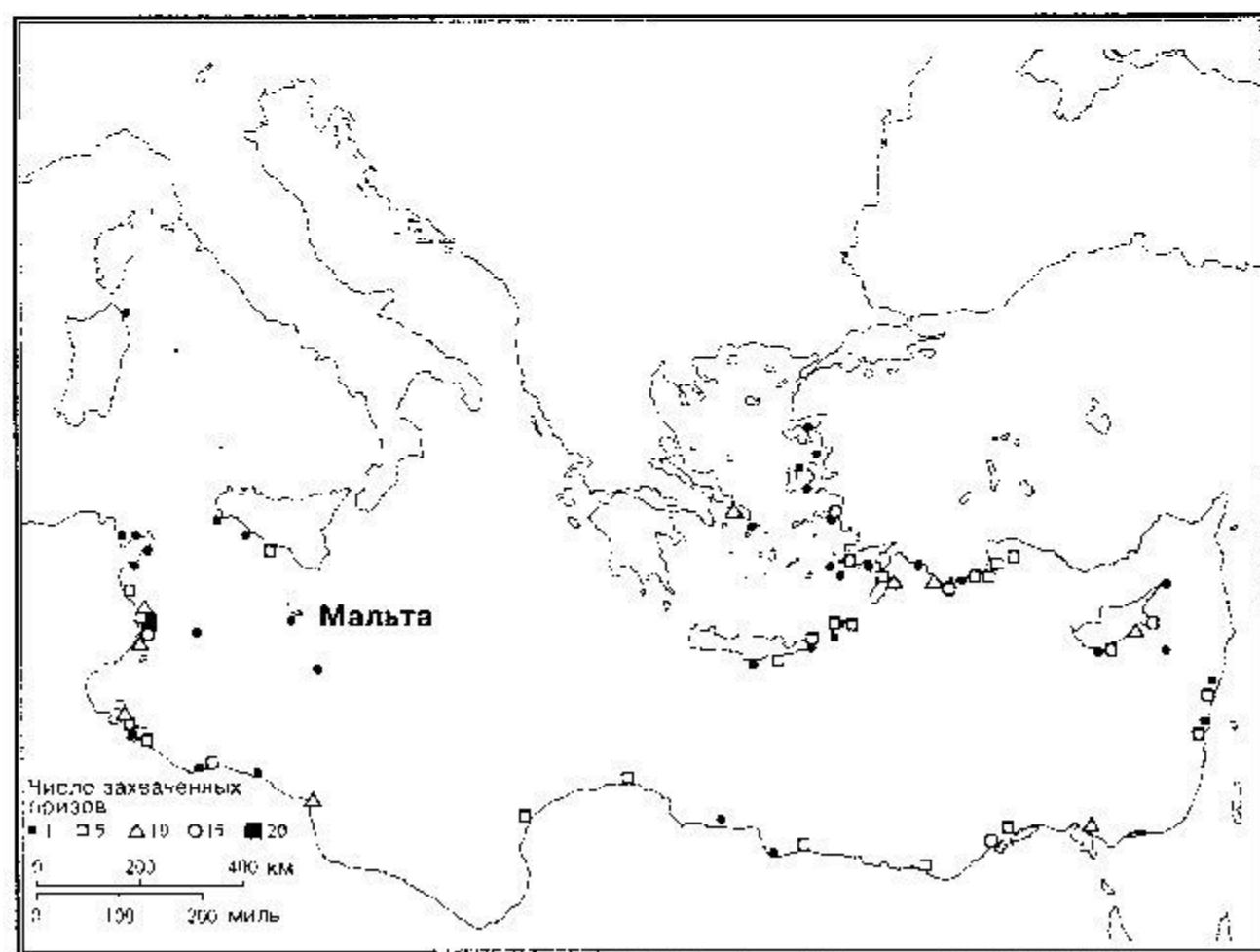
Мальтийский орден (как стал с этих пор называться орден госпитальеров) продолжал проводить активную антитурецкую деятельность, практически он стал форпостом христианских держав в борьбе с Османской империей, достигшей к этому времени апогея своего могущества. Вскоре после переселения на остров рыцари помогли императорскому флоту овладеть африканской крепостью Галетой. В 1531 году они участвовали в экспедиции в Южную Грецию, а в 1535 – в Тунис. В 1541 году мальтийские рыцари поддерживали императорские войска, уже отступавшие под натиском алжирцев. Мальта располагала великолепной гаванью и, находясь между испанской Сицилией и османской Африкой, представляла собой прекрасную базу для ведения военных действий на море против турецких армид и африканских корсаров. Рыцари договорились о беспошлинном ввозе зерна из Сицилии и укрепили гавань. Они привезли с собой с Родоса свои реликвии и часть архива ордена и продемонстрировали замечательную способность приспосабливаться к новым условиям без ущерба для фундаментальной структуры орденского государства (из чего следует, что существование военно-монашеского ордена не обязательно зависит от его территориального местонахождения). В 1551 году Триполи был захвачен турками, а мальтийский остров Гоцо подвергся разрушительному нападению. Но рыцари продолжали воевать. Наивысшего расцвета Мальтийский орден достиг в правление великого магистра Жана де ла Валлетта (1557–1568), ветерана последней осады Родоса в 1522 году при котором Мальте пришлось выдержать страшную осаду турок. К моменту нападения османов крепость Сент-Анжело, новый город Изола и форт Сент-Эльмо при входе в гавань были уже хорошо укреплены. Турок бы то намного больше, чем защитников острова, но благодаря тому, что

Жан де ла Валлетт был опытным и отважным воином и талантливым военачальником и ему помогало все мальтийское население, Малы-, продержалась до прибытия спасательной экспедиции под командованием вице-короля Палермо и командора ордена Сантьяго Гарспа дг Толедо. После четырехмесячной осады турки были вынуждены отступить, потеряв свыше двадцати тысяч человек.

Шесть лет спустя, когда турки потерпели поражение при Лепанто пять галер и 100 рыцарей были присланы новым военно-монашеским орденом, посвященным святому Стефану. Этот орден был основан в 1562 году Козимо I де Медичи, герцогом Тосканы, ставшим его первым великим магистром (эта должность в ордене была наследственной) Козимо превратил небольшую тосканскую флотилию в регулярную сильную эскадру по образцу мальтийской. Он хотел защитить свое побережье и морское судоходство и к тому же сплотить вокруг себя своих подданных-нефлорентийцев, новую привилегированную прослойку из членов созданного им ордена. В некоторых городах, находившихся в оппозиции Флоренции, таких как Сиена и Лукка, знать осталась верна Мальте, но в других местах ордену святого Стефана удалось переманить у госпитальеров целые семьи, хотя новый орден и не пользовался таким престижем. Рыцари могли вступать в орден святого Стефана и закреплять за собой статус знатного дворянина, взяв новое командорство под семейное покровительство; они могли вступать в брак как и члены ордена Сантьяго; они должны были нести военную службу в течение как минимум трех лет. Сыновья женатых командоров могли получить в наследство командорство, находившееся под семейным покровительством, а изъяны в происхождении их матерей можно было исправить дополнительными денежными взносами; более того чем чаще командоры отказывались от своих должностей, тем быстрее могли завоевать себе знатный статус члены тех же семей. Все это, вместе взятое сильно отличалось от мальтийских представлений об образе жизни монашествующих рыцарей и о знатности происхождения, но нельзя не признать, что орден святого Стефана активно участвовал в священной войне на море.

КАМПАНИИ ЭСКАДР ОРДЕНА СВЯТОГО СТЕФАНА в 1536–1688 годах в восточном Средиземноморье.

ПРИЗЫ, ЗАХВАЧЕННЫЕ МАЛЬТИЙСКИМ CORSO В МУСУЛЬМАНСКИХ ВОДАХ в 1654–1694 годах.

Штаб-квартира ордена святого Стефана находилась в Пизе и имела сооственную морскую академию, а его монастырская церковь была построена по эскизам Джорджо Вазари. Вскоре орден уже насчитывал сотни членов, как тосканцев, так и уроженцев других частей Италии; в 1563–1737 годах им было построено не менее 695 командорств Флот ордена базировался в Ливорно и оттуда вел операции по защите побережья и перевозок, а также принимал участие в дальних экспедициях, часто вместе с коралями госпитальеров. В 1565 году орден послал две галеры на помощь Мальте. Тосканские галеры совершали рейды на африканские берега, в Эгейском море и в районе Кипра. Они были организованы в единую эскадру и добычу делили поровну, но, в отличие от кораблей госпитальеров, галеры ордена святого Стефана не совершали самостоятельных, получастных пиратских набегов (corsa). После 1584 года орден святого Стефана сменил объект своего христианского пиратства, и теперь экспедиции, в основном, совершались не в западное Средиземноморье, а в более многообещающие районы Леванта. В 1610–1618 годах орден захватил двадцать четыре берберских судна (берберские пираты осели на острове Джерба у берегов Северной Африки и превратили его в мощный центр морского разбоя, терзавший судоходство в этом районе более 300 лет и выступавший на стороне турок) и 1409 рабов на Западе, разграбил несколько городов и захватил сорок девять турецких и греческих кораблей и 1114 рабов в Леванте. Орден святого Стефана воевал вместе с венецианцами в критской войне 1645–1669 годов, но это было последним крупным военным предприятием ордена. В 1737 году должность адмирала была упразднена, а в 1809 году орден был уничтожен Наполеоном. В том же году Наполеон отобрал у Тевтонского ордена его немецкие земли, штаб-квартира ордена переехала в Вену, и все надежды на возрождение Тевтонского орденского государства и возобновление военных действий рухнули навсегда.

В 1568 году Козимо Медичи попытался включить госпитальный орден святого Лазаря в орден святого Стефана, но в 1572 году папа присоединил часть ордена святого Лазаря к ордену святого Маврикия, великим магистром которого был герцог савойский Эммануил Филиберт, причем пост магистра в этом ордене был наследственным; в обязанности же ордена входило содержание двух галер; и действительно, две его галеры участвовали в Тунисской кампании в 1574 году. Однако после 1583 года орден святого Маврикия прекратил всякую военную деятельность. В 1459 году папой Пием II был основан Вифлеемский орден. Немногочисленные братья этого ордена под руководством магистра Даимберто де Амороза собирались защищать эгейский остров Лемнос, но после захвата его турками переехали на Сирос и построили там в 1464 году странноприимный дом. После отвоевания Лемноса венецианцами в том же году Вифлеемский орден вернулся обратно на остров, но тот снова попал в руки турок в 1479 году, и после этого орден прекратил свое существование. Много позднее, в 1619 году, герцог мантуанский и неверский Карл Гонзага помог папе организовать новый орден – Orde de la Milice Chrétienne («орден христианских рыцарей»), предназначенный для борьбы с турками и с немецкими протестантами. В 1623 году папа Урбан VIII превратил его в настоящий военно-монашеский орден. Появились итальянские и немецкие отделения ордена, были собраны деньги и создан флот, но ни в одной военной операции этот орден так и не участвовал.

Новое время: Орденское государство продолжает существовать

После 1561 года Мальтийский орден продолжал оставаться активной и независимой военной организацией. Им управляли закаленные в боях, опытные воины. В 1540 году магистр Жан де да Валлетт попал в плен и пробыл у мусульман больше года. В 1565 году мальтийские рыцари сумели отбить турок, что придало им уверенности, и тут же начали строительство нового города – Ла-Валлетты – и системы фортификаций вокруг главной гавани. Остров превратился в мощный бастион, угрожавший стратегическим коммуникациям между Стамбулом и Александрией, которые были столь необходимы

мусульманам для войны на фронтах Египта, Туниса. Алжира и Марокко. Массивные новые укрепления, превратившие остров в огромную каменную крепость, делали его практически неприступным, и турки больше не осмеливались нападать на Мальту. Конечно, риск турецкой атаки всегда оставался, и рыцари поддерживали фортификации в идеальном состоянии, окружив ими весь остров. Последнее звено – форт Тинье – было закончено в 1794 году. Фортификационное строительство требовало больших финансовых вложений и увеличения местных налогов, но оно же придавало жителям уверенность в собственной безопасности и создавало рабочие места. Верфи и арсеналы были необходимы для ведения морских кампаний. Экономика острова была очень разнообразной – порты, новые города, больница и карантинная служба, пункты транзитной торговли постоянно расширялись. За сто лет население Мальты и Гоцо увеличилось почти вдвое – от 49500 в 1680 году до 91000 в 1788-м. Разумеется, население периодически бывало недовольно своим правительством, как и везде в Западной Европе, однако с мальтийцами, как и раньше с жителями Родоса, рыцари обращались хорошо, и никаких волнений не происходило. Всем этим успехам способствовало и участие госпитальеров в общеевропейской жизни – их часто можно было встретить при папском, французском, венецианском и других дворах, где они иногда даже занимали светские посты. В Ла-Валлетте была организована морская академия для командного состава, и многие ее выпускники стали офицерами французского флота, но к XVIII веку война на море пошла на убыль, как, впрочем, и сама турецкая угроза.

Военный успех Мальты основывался на постоянном контроле морских вод от Туниса до Калабрии, причем главной целью госпитальеров было не потопление вражеских кораблей, а захват добычи, выкупы и рабы. Но и мальтийским рыцарям фортуна иногда изменяла: например, в 1570 году они потеряли три галеры, из-за чего в следующем году смогли послать к Лепанто только три корабля. После сражения при Лепанто великие державы перестали собирать большие эскадры, требовавшие слишком больших инвестиций. К этому времени в Средиземном море создался определенный баланс сил, поддержанию которого немало способствовала Мальта. Однако победа над турками при Лепанто не уничтожила силу османов; в 1571 году турки захватили Кипр, в 1574 – Тунис, а в 1614 году небольшой отряд турок попытался высадиться на Мальте. Госпитальеры продолжали вести агрессивные антитурецкие действия. Например, в 1611 году они атаковали Коринф в Греции и Керкенну на побережье Туниса. В 1645–1669 годах мальтийские рыцари помогали венецианцам защищать Крит. В 1718 году турецкая война закончилась, а вместе с ней и крупные морские кампании в левантских водах. В 1705 году госпитальеры начали строить новые тяжелые парусные суда – линейные корабли – в дополнение к своим веселым галерам. Были созданы специальные фонды для финансирования этого строительства, и рыцари должны были прослужить на новых военных кораблях четыре шестимесячных срока перед тем, как получить повышение. И хотя война на море почти затихла, причем во многом благодаря госпитальерам, полностью военные действия не прекращались никогда: например, в 1749 году госпитальеры атаковали Оран. В 1770 году Россия разбила османский флот, но опасность на море не исчезла. В апреле 1798 года около острова Гоцо госпитальеры захватили тунисское судно. Мальтийский флот до самого конца существования Мальтийского рыцарского государства состоял из четырех галер, двух линейных кораблей и двух фрегатов. На Мальте, как и на Родосе, *согсо* (узаконенное полупиратство) играло немаловажную роль в экономике острова. Это занятие не было ни грубым пиратством, ни официально лицензированным, ведущимся по установленным правилам каперством⁷⁰ против враждебных судов, без различия религиозной принадлежности. Скорее *согсо* можно назвать своеобразной формой священной войны, ограниченной (по крайней мере на практике) нападениями на суда «неверных». Эта практика велась по лицензии магистра, который получал десять процентов добычи, и контролировалась специальным трибуналом.

⁷⁰ Каперством назывались действия корсаров на службе у государства. Имея разрешение властей – каперскую грамоту, каперы атаковывали суда тех держав, с которыми воевала их страна; в каперской грамоте оговаривались условия деления добычи между капером и государством

При этом отдельные госпитальеры по собственной инициативе могли снарядить корабль и отправиться на поиски вражеских судов. Особенно прибыльной была морская охота в Эгейском море и в левантских водах. Время от времени родосские корсары нападали на венецианские торговые суда, что приводило к дипломатическим конфронтациям и конфискации доходов госпитальерского приорства в Венеции. Мальтийский флот участвовал во многих крупных кампаниях XVI века и турко-венецианских войнах 1645–1718 годов, но после 1580 года главный упор был сделан на согзо. Мальта превратилась в корсарское государство, суда которого бороздили воды у берегов Африки, где часто сталкивались с берберскими пиратами. Мальтийские моряки участвовали в согсо, мальтийские банкиры вкладывали в него деньги, а мальтийские рыцари не только снаряжали для него корабли, но и сами на них плавали. Однако растущее господство в Средиземноморье французов, которые заключили союз с турками, заставило госпитальеров сократить свои левантские операции. К 1675 году на Мальте оставалось двадцать или тридцать активных корсаров, но к 1740-му их число резко сократилось. Только после кризиса 1792 года согсо возродилось, но не надолго. В итоге мальтийский флот стал заниматься контролем за соблюдением мира на море. И надо признать, что тем самым госпитальеры способствовали развитию западной торговли; даже османские купцы предпочитали плавать на христианских судах как самых безопасных.

Организационная структура госпитальеров практически не менялась. Всем руководил великий магистр. В 1526–1612 годах генеральный капитул собирался приблизительно каждые шесть лет, но в 1631–1776 годах, когда Мальту охватил финансовый кризис, он не был созван ни разу. Орден, никогда не подвергавшийся реформам, становился все более и более авторитарным, причем магистры выступали в роли суверена. Французская монополия на пост магистра была нарушена в 1374 году, и после этого магистрами наравне с французами могли быть испанцы и итальянцы; в XVIII веке два магистра подряд были португальцами. Должность магистра не была наследственной, но каждый магистр выбирался пожизненно.

Это обеспечивало стабильность, но способствовало геронтократии в высших эшелонах администрации. Большая часть доходов госпитальеров поступала в личную казну магистра, обладавшего почти абсолютной властью в ордене.

Во Франции существовало семь провинций ордена госпитальеров, и французские братья стремились любыми способами сохранить свои земли, командорства и доходы с них, поскольку от этого зависело само их существование. Королевская власть бесцеремонно вмешивалась в дела французского приорства, процветала коррупция. К тому же вмешательство пап, особенно в вопросах назначений, подрывало моральные устои всех орденов. Непотизм был неизбежен и распространен. Например, в 1692 году двоюродный племянник магистра госпитальеров Адриен де Виньякур получил командорство в Ланьи-ле-Сек, причем в это время ему было два года от роду, и распорядился этим владением до самой своей смерти восемьдесят два года спустя. Мануэл Пинту де Фонсека также был принят в орден в двухлетнем возрасте, потом стал магистром и умер на этом посту в возрасте девяноста двух лет. И все же орден госпитальеров продолжал существовать, и о нем никак нельзя было сказать, что он клонится к своему закату. Госпитальеры занимали сильные позиции в Арагоне, в Богемии, в некоторых немецких землях и в Италии (особенно в Неаполе и на Сицилии). К 1583 году в ордене состояло примерно две тысячи человек, причем самой многочисленной группой были рыцари (сержантов было всего сто пятьдесят, и столько же священников). В 1700 году во Франции, на Пиренейском полуострове, в Италии и на территории Священной Римской империи все еще функционировали пятьсот шестьдесят командорств госпитальеров.

Почти везде одевание мальтийского рыцаря с восьмиконечным крестом означало высшую степень знатности. В политически раздробленной Италии орден госпитальеров помогал сохранить старинный общетальянский класс дворян, представители которого проходили образовательный курс на Мальте. Эти люди знали друг друга как члены одного

многонационального клуба, доступ в который охранялся посредством фамильного владения командорствами и все более ужесточавшейся системы требуемых при вступлении доказательств благородного происхождения. Рост буржуазии, появление при дворе чиновников неаристократического происхождения и изменения, произошедшие в армии и ее техническом оснащении, вели к уменьшению значимости роли старого дворянства, честь и рыцарские идеалы которого по-прежнему символизировались устаревшим мечом. И старая европейская аристократия использовала военно-монашеские ордена для поддержания и защиты своего статуса, отстраняя от членства в них новоиспеченных дворян и патрициев.

Госпитальеры пользовались в Западной Европе большим уважением, и многие из них находились в близких семейных и политических отношениях с правителями своих провинций. Орден по-прежнему официально находился под юрисдикцией папского престола, и решения пап оказывали влияние на его политику. В XVIII веке против Мальтийского ордена выдвигались обвинения в прожигании жизни, аморальности и бездействии, и они далеко не всегда были необоснованными, но такие же обвинения обрушивались на орден и в XIV веке, и даже раньше. Несмотря на все организационные недостатки, орден госпитальеров не был анахронизмом, законсервировавшим уже отмершие средневековые идеалы. С 1635 по 1740 год количество братьев в ордене увеличилось с 1715 до 2240 человек. Дворянство этого времени получало очень хорошее образование, и в орден вступали люди талантливые, начитанные, преследующие самые разнообразные интересы – военные, дипломатические, научные, художественные. Библиотека в Ла-Валлетте отражала широту интересов мальтийских рыцарей – как практических, так и теоретических. Вот один ранний пример. Член ордена гуманист Савва ди Кастильоне еще на Родосе коллекционировал классическую скульптуру, потом был послом в Риме, а уйдя на покой в свое командорство в Фаенце, создал школу для детей бедняков.

Как и члены других военно-монашеских орденов, со временем госпитальеры стали воспринимать свои обеты чисто символически, и общая литургическая жизнь в командорствах постепенно забывалась. Сами командоры часто отсутствовали в своих командорствах, видя в них в первую очередь экономическое предприятие, дающее им средства к существованию (причем некоторым командорам удавалось накопить значительные личные богатства, часть которых после их смерти оставалась вне ордена). Представители госпитальеров присутствовали на реформаторском Тридентском соборе, но их участие в нем было вызвано не заботой о реформировании своего ордена, а стремлением добиться того, чтобы братья и члены их семей не попадали под юрисдикцию епископов. Однако внутри ордена проявлялась обеспокоенность моральным состоянием организации, и в XVII веке к обсуждению этой проблемы были привлечены иезуиты и представители других прогрессивных течений во Франции. Некоторые госпитальеры активно занялись благотворительностью и миссионерством, выкупом христиан из мусульманского плена, духовными и благочестивыми трудами. Они искали способов, которые позволили бы не посвященным в священнический сан госпитальерам вести одновременно благочестивый и военный образ жизни, что, собственно, и являлось призванием членов ордена.

Век просвещения и появление масонства оказали влияние и на Мальтийский орден. Эти новые веяния усилили недовольство рыцарей старым режимом. Магистры все чаще ссорились с епископами, папскими инквизиторами и представителями мальтийского населения и клира. Прекрасно управляемые поместья и леса трех французских провинций поставляли половину иностранных доходов ордена, что обеспечивало французам первые места в администрации. По мере того как военные функции ордена сводились к нулю, а доходы таяли, орден пытался принимать отчаянные меры – союзы с американцами, русскими или англичанами, основание эфиопской компании, создание польского при-орства, покупку поместий в Канаде, приобретение Корсики; в 1651 году орден купил три острова в Карибском море, но уже в 1665 году должен был их продать. В 1775 году на Мальте вспыхнуло восстание под руководством местного мальтийского духовенства, которое было поддержано сельским населением, доведенным до нищеты дурным управлением. Великий

магистр Роган (1775–1797) прилагал все усилия для того, чтобы поднять угасший воинский дух в ордене, усовершенствовать администрацию и суд, увеличить доходы. В 1776 году он в последний раз созвал высшее законодательное учреждение ордена – генеральный капитул, которым в 1779 году был издан кодекс законов Мальтийского ордена. Но старания Рогана пропали даром. В 1792 году Национальная ассамблея Франции конфисковала французское имущество ордена, а 12 июня 1798 года Мальта без боя сдалась Наполеону. Из бывших тогда на острове трехсот тридцати братьев двести были французами, и многие из них были готовы к сопротивлению, но госпитальеры-испанцы отказались сражаться, твердого военного руководства не было, а магистр побоялся предпринять какие-либо решительные меры, опасаясь народных беспорядков. После сдачи острова рыцари обвинили магистра Фердинанда фон Гомпеша в измене и сместили его с должности. 16 декабря того же года великим магистром был избран российский император Павел, и резиденция ордена (конвент) была перенесена в Санкт-Петербург, после чего в Кронштадте начали снаряжать флот для возвращения Мальты. Однако после смерти Павла Александр I отказался от звания великого магистра, а потом и вовсе упразднил орден на российской земле. Постепенно орден стал терять свои земли и в других странах, и в 1834 году капитул ордена был перенесен в Рим. С тех пор судьба Мальтийского ордена тесно связана с историей папского престола.

Новое время: угасание военных функций военно-монашеских орденов

Тевтонский орден после падения Мальты еще какое-то время продолжал участвовать в военных действиях. Орден потерял в 1525 году Пруссию, но сохранил владения во многих католических и даже некоторых протестантских немецких землях. После 1525 года резиденция немецкого магистра находилась в Мергентейме во Франконии, и там в течение нескольких веков немецкий магистр, принявший на себя и функции гроссмейстера, содержал небольшой двор и имел статус немецкого князя. В это же время большинство населения Ливонии, где орден контролировал многие города и крепости, перешло в лютеранство, но немецкие братья-рыцари продолжали сражаться – с православными русскими и время от времени с ливонскими лютеранами. В 1561 году последний ливонский магистр Готхард Кеттлер сам перешел в протестантство и превратил орденское государство в светское. Часть Ливонии отошла к Польше, а бывший магистр стал наследственным герцогом Курляндии и Семигалии. К 1577 году в Тевтонском ордене насчитывалось всего сто семьдесят один человек. Мергентейм не был орденским государством, он представлял собой независимое немецкое княжество под управлением гроссмейстеров, как правило – членов австрийского правящего дома (например, с 1595 года орденом управлял Максимилиан Габсбургский). Тевтонский орден продолжал придерживаться старой административной системы и по-прежнему требовал при приеме новых членов доказательств благородного происхождения. В стремлении сохранить орден рыцари уделяли большое внимание старинным традициям немецкой аристократии. По примеру немецких дворян – членов ордена госпитальеров, действовавших на Мальте, тевтонские рыцари не раз выдвигали предложения о защите крепостей или даже переносе резиденции ордена на венгерскую границу для борьбы с «неверными». Но после 1595 года, когда Максимилиан Габсбургский посылал тевтонских рыцарей воевать с турками, они попадали на фронт в качестве членов императорского двора, а не представителей Тевтонского ордена. После 1606 года все тевтонские рыцари теоретически были обязаны прослужить в армии ордена три года, но на практике вместо этого они могли управлять командорствами, занимать посты в администрации г. Мергентейма или вступать в регулярную немецкую армию. Начиная с 1648 года в орден на равных правах стали приниматься лютеране и кальвинисты, и Тевтонский орден стал трех-конфессиональным.

В 1658 году Тевтонский орден обсуждал планы совместных действий с Венецией и Мальтой, а в 1662 – организации тевтонской флотилии на Дунае. В 1664 году гроссмейстер ордена Иоганн Каспар фон Ампринген командовал отрядом рыцарей в бою с турками в

Венгрии, а в 1668 он провел неудачную экспедицию против турок на Крит. Некоторые тевтонские рыцари воевали в составе гарнизонов городов на османской границе. С 1696 года гроссмейстер финансировал полк, в составе австрийской армии, в котором служили члены ордена, получая жалование как от своих командорств, так и от австрийского военного начальства; в 1740 году тевтонцы принимали участие в австро-прусской войне, но не в качестве рыцарей военно-монашеского ордена, а как представители немецкого княжества. Другими словами, Тевтонский орден как таковой в начале XVIII века воевал крайне редко. В 1699 году орден насчитывал всего девяносто четыре рыцаря и пятьдесят восемь священников. Тевтонский орден пробыл в Мергентейме до 1809 года, после чего перенес свою резиденцию в Вену. Как и орден святого Стефана и испанские ордена, он был инкорпорирован в светскую армию, однако владения ордена, сохранившиеся за пределами Австрии, обеспечивали ему некоторую независимость.

Испанские ордена тоже стали редко участвовать в военных действиях. В 1625 году три испанских ордена насчитывали 1452 брата, и из них 949 – почти две трети – состояли в ордене Сантьяго. В 1637 и в 1645 годах король Испании и Португалии Филипп IV, готовясь к войне с Францией, неоднократно требовал от братьев выполнить их военные обязанности перед короной, но орденское дворянство совсем не стремилось участвовать в сражениях и всячески пыталось избежать этого с помощью протестов и уловок. В 1640 году для формирования батальона было собрано 1543 рыцаря из военно-монашеских орденов, включая орден Монтесы, но только 169 (11 процентов) из них оказались пригодными для защиты родной земли – остальные братья были либо слишком молоды, либо слишком стары, либо слишком больны, либо просто не хотели принимать участие в военных действиях. Последние посылали за свой счет замену, платили штрафы или укрывались от призыва. И в конце концов этот батальон был послан на усмирение взбунтовавшихся каталонцев. После этого инцидента рыцари стали откупаться от обязанности нести военную службу. Как и в случае Тевтонского ордена, члены которого воевали за интересы австрийского престола, батальон испанских орденов не представлял собой группу рыцарей-монахов, защищавших христианское дело, набранные туда люди просто были обязаны защищать территории своего светского государя. В 1775 году три полка, содержавшихся Алькантарой, Сантьяго и Монтесой, послали на осаду Алжира всего 468 человек. Испанские ордена превратились в анахронизм. Что же касается португальских орденов, то они перестали существовать в 1820–1834 годах, а владения всех трех кастильских орденов были конфискованы в 1835 году.

Вклад военно-монашеских орденов в священную войну в 1312–1798 годах был, несмотря на все, довольно существенным. Участие орденов в отдельных крестовых экспедициях и в испанской Реконките было ограничено временем и местом, успехи Тевтонского ордена, какими бы значительными они ни были, по колонизации и обращению в христианство прибалтийских племен в конце концов забылись, но защита Родоса и Мальты и их сопротивление туркам навсегда вошли в историю. Национальные интересы всегда превалировали над идеалами крестоносного движения, и в обновляющемся мире военно-монашеские ордена могли сохраниться только там, где им удавалось удержать собственную территориальную базу, создать полусветскую теократию и поддерживать хотя бы видимость ведения ими священной войны и ее необходимости христианскому миру, что позволяло им владеть землями в других странах и получать оттуда доходы. К концу истории военно-монашеских орденов в такой ситуации находились только госпитальеры и, в гораздо меньшей степени, тевтонские рыцари.

После XVI века лишь Мальтийский орден имел позитивную военную стратегию, определяемую его командирами. (Правда, орден святого Стефана продемонстрировал, что региональная организация под разумным и твердым руководством может успешно продолжать крестоносные традиции и использовать старинные рыцарские ценности в современных военных и военно-морских целях.) Из всех военно-монашеских орденов только орден госпитальеров не претерпел существенных изменений с 1312 по 1798 год. Госпитальеры имели свое собственное островное государство, что и обеспечило им столь

долгое и стабильное существование. Правда, жизнь госпитальеров находилась в прямой зависимости от доходов европейских отделений ордена. В 1413 году братья даже пригрозили покинуть Родос, если они не получают финансовую поддержку из Европы, и согласились остаться только после прибытия денег из Англии. В 1792 году их финансовая база была подорвана конфискациями владений ордена, и вскоре после этого Мальту захватил Наполеон. Остальные же ордена были озабочены главным образом вопросами собственного выживания в качестве закрытых аристократических корпораций. А чисто национальные ордена и некоторые национальные приорства или отделения интернациональных орденов были подавлены и инкорпорированы светской властью.

Военно-монашеские ордена были частью *ancien régime* (старого режима), обреченного на отмирание. Конфискации и другие репрессивные меры, проводившиеся против военных орденов Наполеоном и победителями Великой французской революции, поставили точку в военной деятельности этих организаций. Однако в течение еще некоторого времени продолжали существовать орденовые женские монастыри и священники и даже вынашивались планы возрождения и восстановления орденов – иногда в виде аристократических братств или масонских и эзотерических групп. Хотя и после 1798 года некоторые ордена, превратившись в невоенные благотворительные или эзотерические организации, еще продолжали существовать, время их ушло безвозвратно. В историю же они навсегда вошли как явление, оказавшее огромное влияние на политические и культурные процессы, происходившие в средневековой Европе.

Глава 14

Крестовые походы как источник тем и образов в искусстве и общественно-политической жизни XIX и XX веков

ЭЛИЗАБЕТ СИБЕРРИ

После Карловпцкого мира с турками 1699 года Центральной Европе больше не грозило скорое турецкое нашествие. И в спокойной обстановке стало возможно взглянуть на мусульманский Восток с беспристрастным интересом. В 1763 году были опубликованы письма жены британского посланника при Османском дворе в Константинополе леди Мэри Уортли Монтагю (1689–1762), подробно описывавшие жизнь турок. Эти письма сейчас же привлекли к себе внимание и стали пользоваться большой популярностью. Был даже создан клуб «Диван», в котором собирались те, кто бывал в Османской империи. Наступила мода на все восточное. Примером этого могут служить появление оперы Моцарта «Похищение из сераля» (1782) и успех у читателей переводов сказок из «Тысячи и одной ночи». Эта мода проявилась даже в архитектуре садов. Так, в садах XVIII века в Пэйнсхилле в Суррее был сооружен турецкий шатер.

Египетская кампания Наполеона 1798 года еще больше подогрела любопытство к Востоку. С армией Бонапарта в Египет попали писатели и художники, инженеры и ученые – астрономы и геометры, химики и минералоги, топографы и ориенталисты. Ученые публиковали свои исследования, они стремились поближе разглядеть знаменитые места, упоминаемые в Библии, делали зарисовки, описи, проводили научные эксперименты, писали статьи. Писатели, поэты и художники вдохновлялись новооткрытой древней страной и Востоком вообще. Примеров тому множество, назовем только французских поэтов Альфонса Ламартина и Жерара де Нерваля, английского романиста Энтони Троллопа, художников Дэвида Робертса, Эдуарда Лира и Жана-Леона Жерома. Интерес к мусульманской культуре, истории и религии привел также и к тому, что начиная с 1820-х годов появился ряд научных ориенталистских обществ. С годами путешествовать становилось все легче и безопаснее, и количество посетителей Востока, вооруженных путеводителями, увеличивалось на глазах.

Этот бурный интерес к Ближнему и Среднему Востоку уже был неоднократно исследован и описан. Однако один его аспект избежал внимания, а именно – отношение к

крестоносному движению как к историческому явлению и источнику образов и тем в культуре. Историки XVIII века относились к крестовым походам скептически, как и ко всему Средневековью вообще и к рыцарству и концепции куртуазности в частности. Эдуард Гиббон в своей «Истории упадка и крушения Римской империи» писал, что крестовые походы скорее задерживали «взросление» Европы, а не способствовали ему, отвлекая в чужие страны силы, необходимые дома. Вольтер также отзывался о них неодобрительно, а шотландский историк Уильям Робертсон называл крестоносное движение «памятником человеческой глупости», хотя и признавал некоторые положительные его стороны, такие как содействие развитию торговли и итальянских городов.

Ученые XIX века тоже зачастую относились к крестоносному движению критически, но все же они рассматривали его в более положительном свете. Многие из них видели в крестовых походах проявление христианской доблести в борьбе с экзотическими мусульманскими противниками. Нам представляется чрезвычайно интересным рассмотреть представления людей XIX – начала XX веков о крестоносном движении, ведь они во многом также характеризуют и современные взгляды на Ближний Восток и на Средневековье.

Начнем с тех, кто сам побывал в Святой Земле. Хотя интерес путешественников в первую очередь привлекали места, связанные с библейскими событиями, наследие крестоносцев тоже не было обойдено вниманием туристов. Не все относились к крестоносному движению сочувственно; так, Эдуард Дэниел Кларк в опубликованной в 1812 году книге «Путешествия по различным странам Европы, Азии и Африки» («Travel in Various Countries of Europe, Asia and Africa») писал: «Распространенная ошибка – считать все магометанское варварским, а христиан того периода – более культурными, чем они были на самом деле. Подлинное внимание к истории может показать, что сарацины, как их называли, на самом деле были просвещеннее захватчиков, и нет никаких доказательств того, что они получали удовольствие от разрушений... Коварство и постыдное поведение христиан во время войн в Святой Земле трудно превзойти».

Однако большинство из тех, кто побывал на Востоке и писал о нем, не столь отрицательно относились к крестоносному движению. Французский писатель и историк Шатобриан в июле 1806 года выехал из Парижа, в сентябре прибыл в Константинополь, а 7 октября – в Иерусалим. По возвращении во Францию он описал свое путешествие в книге «Путевые заметки. От Парижа до Иерусалима» («Itinéraire de Paris à Jerusalem»), которая была опубликована в 1811 году и стала в начале века самой популярной книгой о Палестине. В течение трех лет она переиздавалась двенадцать раз. Когда Шатобриан был маленьким, его мать читала ему рассказы о рыцарях и рассказывала о его предке Жоффруа IV де Шатобриане, участвовавшем в крестовом походе Людовика IX. И в заметках Шатобриана то и дело встречаются упоминания о крестоносцах: «Мы ехали к Иерусалиму под знаменем креста. Я, может быть, буду последним французом, отправляющимся в Святую Землю с идеями, чувствами и целями пилигрима». Шатобриан неодобрительно отзывался о тех, кто сомневался в нравственной оправданности или справедливости крестовых походов, и, кажется, не очень симпатизировал мусульманам, да и не понимал их. В Иерусалиме он прочитал «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо.⁷¹ Эта поэма была невероятно популярна, выдержала множество переизданий и была переведена на многие языки; к ней относились почти как к первоисточнику. Вершиной же паломничества для Шатобриана стало посвящение его в рыцари Гроба Господня на гробнице Христа ударом меча (плашмя) Готфрида Бульонского. При посвящении он, в полном вооружении, поклялся присоединиться к другим рыцарям, воюющим за возвращение христианам Гроба Господня. Судя по рассказам других путешественников того времени, эта церемония стала почти стандартной для приезжавших в Иерусалим знатных европейцев, и главными предметами при ее совершении были шпора, цепь и меч Готфрида Бульонского; после совершения

⁷¹ «Освобожденный Иерусалим» – эпическая поэма о первом крестовом походе, написанная в XVI веке итальянским поэтом Торквато Тассо.

ритуала новый рыцарь устраивал праздничный пир за свой счет. Все это происходило в мусульманском городе и было не лишено иронии. Один очевидец писал, что такие трогательные обряды совершались «прямо под носом мусульманских эфенди [господ], сидящих на ступенях, спокойно покурывающих чубуки или пьющих шербет, в полном неведении о смысле произносимых клятв и обещаний».

Немалое внимание уделил крестовым походам и будущий премьер-министр Англии Бенджамин Дизраэли. В 1831 году в возрасте 27 лет, за шесть лет до его избрания в палату общин, он совершил большое путешествие, посетив Константинополь, Каир и Иерусалим. В последнем, кроме обычных достопримечательностей, Дизраэли осмотрел и гробницы франкских королей. После возвращения в Англию он сохранил интерес к Востоку, и последний стал местом действия нескольких его книг, в том числе «Танкреда» (1847), последнего тома трилогии о «молодой Англии», имевшего подзаголовок «Юный крестоносец». Герой этой книги – молодой дворянин, пользующийся всеми благами богатства и власти. В какой-то момент, однако, он решает отказаться от соблазнов богатства и власти и отправиться в паломничество в Святую Землю по примеру одного из своих предков, участвовавшего в крестовом походе и, по семейной легенде, спасшего жизнь Ричарда Львиное Сердце. В романе описываются висящие в доме Танкреда в специальной комнате, называемой «крестоносной галереей», гобелены, на которых запечатлены подвиги этого крестоносца. Дизраэли жалуется: «Больше шестисот лет назад она [Англия] послала своего короля и цвет своего народа на спасение Иерусалима от тех, кого считали неверными, а теперь, вместо организации третьего крестового похода, они тратят свою бьющую через край энергию на сооружение железных дорог». Упоминания о крестовых походах встречаются и в других романах Дизраэли. Например, в «Конингсби» на костюмированной церемонии в Итонском колледже появляются «герои Гроба Господня», и маркиз замечает: «Не разум вызвал сарацин из пустыни на завоевание мира – разум вдохновлял крестовые походы... Человек только тогда велик, когда он действует по зову страстей, которые можно обуздать только воображением».

Американский писатель Марк Твен во время своей поездки по Святой Земле посетил место сражения при Гаттине («Простак за границей», 1869). Он довольно сдержанно отнесся к чудесам искусства итальянского Возрождения, но меч Готфрида Бульонского произвел на него сильное впечатление: «Ни один клинок христианского мира не обладает такой притягательной силой, как этот, – ни один клинок из всей этой ржавчины в наследственных залах Европы не может вызвать такие романтические видения у тех, кто смотрит на него... Он пробуждает в человеке память о священных войнах, спавшую в нем годами, и наполняет его мысли одетыми в броню образами... Он говорит с ним о Балдуине и Танкреде, и благородном Саладине, и великом Ричарде Львиное Сердце».

Германский император Вильгельм тоже посетил Святую Землю, Египет и Сирию. Это путешествие организовал для него в 1898 году Томас Кук. Целью поездки было присутствие на освящении церкви Спаса в Иерусалиме, построенной немецкими протестантами. В Иерусалиме император нанес визит и только что организованной общине немецких тамплиеров. Представляя себя крестоносцем или, по крайней мере, наследником крестоносцев, он пожелал въехать в старый город верхом на коне. По традиции, так могли въезжать только победители, захватившие город, и, для того чтобы император мог осуществить свое желание, городская стена около Яффских ворот была разрушена, а крепостной ров засыпан. И, таким образом, Вильгельм въехал в город верхом, но не через ворота. Для большего эффекта император был одет в парадную фельдмаршальскую белую форму. В Дамаске он возложил на гробницу Саладина атласное знамя и бронзовый лавровый венок с надписью «От одного великого императора – другому». Этот венок был привезен в Англию Т. Э. Лоуренсом⁷² в качестве трофея после первой мировой войны и теперь

⁷² Лоуренс Томас Эдуард (1888–1935) – английский писатель, археолог, авантюрист, кадровый военный офицер британской армии, увлекался Востоком, принимал участие в арабском восстании против турок в начале XX века на стороне арабов.

выставлен в военном музее г. Лондоне.

Лоуренс и сам, конечно, интересовался крестоносным движением, Темой его курсовой работы в колледже были замки крестоносцев и один из его предков – сэр Роберт Лоуренс, который был рядом с Ричардом I во время осады Акры. В «Семи столпах мудрости» Лоуренс писал: «Я чувствовал, что еще один взгляд на Сирию поможет мне понять стратегические идеи, переданные мне крестоносцами и первым арабским завоеванием, и приспособить их к двум новым факторам – железным дорогам и Мюррею на Синае». Когда он умер, И.М. Форстер в некрологе вспоминал, что в Аравии и потом во время службы в авиации Лоуренс был буквально одержим идеей крестового похода, участники которого покидали одну страну для совершения подвигов в другой.

В 1830—1850-х годах в Святой Земле появились консулаты европейских государств – Великобритании (1838), Франции, Сардинии и Пруссии (1843), Австрии (1849) и Испании (1854). Британский консул Джеймс Финн, живший в Палестине с 1845 по 1863 год, в своих мемуарах красочно описал соперничество между представителями разных стран, во многом ведущее свое происхождение еще от соперничества крестоносцев разных национальностей. Для утверждения своих позиций консулы даже обращались к крестоносному прошлому своих стран. Французский консул настаивал на своем первенстве на том основании, что французский король являлся «защитником христиан на Востоке». Сардинский консул носил форму представителя короля иерусалимского, на титул которого претендовали монархи и Сардинии, и Австрии. Финн пишет о притязаниях французов следующее: «Конечно, французы в Турции должны поддерживать то высокое положение, которое занимают потому, что являются не только признанными всеми защитниками христианства на Востоке, но и, как они утверждают, наследственными преемниками крестоносцев. Французы считают, что другим народам было только позволено тогда участвовать вместе с ними в крестовых походах. Петр Пустынник был французом, Клермонский собор состоялся во Франции, Готфрид Бульонский и его брат Балдуин тоже были французами, во главе последнего крестового похода стоял сам святой Людовик, король Франции». В середине XIX века в Иерусалим приезжало немало членов европейских королевских семей, и супруга Финна вспоминает в своих мемуарах, что в 1862 году Эдуард, принц Уэльский, будущий король Эдуард VII, раскинул свою палатку под большим деревом, на том самом месте, где находился в 1099 году лагерь Готфрида Бульонского. Не прошло незамеченным и то, что Эдуард был первым наследником английского престола, вступившим на палестинскую землю после крестового похода Эдуарда Английского в 1270 году.

Викторпанцев очень привлекали идеи средневековой куртуазии, и первые два из четырех томов популярного руководства по куртуазии Кенельма Дигби «Широкий камень чести» (Kerelm Digby, «The Broad Stone of Honour») были названы по именам героев первого крестового похода – «Готфрид» («Godefridus») и «Танкред» («Tancredus»). Отвечая на критику некоторых скептиков, Дигби писал, что крестовые походы были «оправданы по всем пунктам справедливости и политики», что преступления крестоносцев «чудовищно преувеличены» и закон на стороне христиан, не могущих позволить сарацинам «вредить религии». Любимыми героями Дигби были Готфрид и Танкред, но он возносил хвалы рядовым крестоносцам: «Германия, Франция и Англия послали на Восток цвет своей молодежи и дворянства, людей, которые не руководствовались низкими интересами или эгоистическими ожиданиями, а, отказавшись от любезных сердцу благ своих родных стран, шли с единой целью – защитить дело, столь дорогое им, и спасти от обид и несправедливостей слуг их Спасителя».

Тех, кто, как казалось их современникам, воплощает рыцарский идеал, иногда называли крестоносцами. Джон Бьюкан описывал Обри Герберта, служившего на Ближнем Востоке в качестве сотрудника британской разведки, как «вышедшего из времен крестоносцев». Герберт, несомненно, послужил прототипом Сэнди Арбатнота в романе Бьюкана «Гринмэнтл»: «В старину он вел бы крестовый поход или открывал новые пути в Индию. Сегодня же он просто странствовал по прихоти души». И в более позднем романе,

«Овечий остров», тот же персонаж, Арбатнот, говорит в палате лордов о ближневосточных делах. И совсем в других обстоятельствах норвежский путешественник Амундсен считал себя «своего рода крестоносцем в исследованиях Арктики. Я хотел пострадать за дело – не в жаркой пустыни на пути в Иерусалим, а на ледяном Севере».

Англичане явно испытывали большую гордость, если в их роду были крестоносцы, и многие геральдические эмблемы часто отсылают к крестоносному прошлому. Например, девиз рода Уордов, виконтов Кангорских, – *Sub Cruce Salus*, а на их гербе изображен рыцарь в доспехах с красным крестом на груди и турецкий принц в тюбране с закованными руками, Род Де Виров в гербе имеет пятиконечную звезду (знак младшей линии в генеалогии), что считается признаком их причастности к крестоносному движению. В 1824 году в переводе «Освобожденного Иерусалима» Тассо появился список «тех из английских дворян, кто шел в крестовые походы», в их числе были предок графов линкольнских и нынешнего герцога ньюкаслского Роджер де Клинтон, убитый в бою при Антиохии, и предок лордов Сэйев и Силов Ингельграм де Фиенн. Некоторые семьи сохранили и выставляли на обозрение посетителей камни-обереги и таинственные предметы, связанные, по семейным легендам, с крестовыми походами. Например, у Макферсонов из Ключи был красный кожаный пояс, привезенный, как считалось, из Святой Земли крестоносцем и якобы способствующий благополучным родам.

Подобное происходило в XIX веке и во Франции. В своих мемуарах король Луи-Филипп писал, что крестоносные гербовники превратились в нечто вроде «наследственного феода» и в 1830-х годах среди французских семей велась нешуточная борьба за право вывесить свои гербы в Зале крестовых походов в Версале, куда королем допускались гербы лишь тех, чьи предки принесли славу Франции во время участия в крестовых походах. Некоторые семьи даже прибегали к подделке документов.

Предков-крестоносцев нередко вспоминают также и герои романов. У Г. А. Лоуренса Гай Ливингстон не только имеет лицо «одного из тех каменных крестоносцев, которые смотрят на нас со своих лож в круглой церкви Храма», но и является потомком сэра Мализа Ливингстона, воевавшего плечом к плечу с Ричардом I в Аскалоне. А Вальтер Скотт в романе «Гай Мэннеринг» вкладывает в уста шотландского помещика следующие слова: «Послушали бы вы, что мой отец рассказывал, какие прежде битвы вели Мак-Дингауэи... как они в Святую Землю ходили, в Иерусалим и в Иерихон... и как они привезли домой разные реликвии вроде тех, что у католиков, и знамя, что там вон, на чердаке...».

Принимая все это во внимание, не кажется удивительным то, что в Англии XIX века предпринимались попытки возродить военно-монашеские ордена и даже организовать крестовый поход. Рыцари-госпитальеры ордена святого Иоанна, теперь называвшиеся мальтийскими рыцарями, пережили захват Мальты Наполеоном, и после 1827 года у группы эксцентричных викторпанцев возникла идея восстановить английское отделение – *langue*, «язык» – ордена. Что же касается тамплиеров, то главными зачинщиками воссоздания этого ордена в Англии были сэр Сидни Смит (участник героической защиты Акры от французов в 1799 году), считавший себя крестоносцем нового времени, и Чарльз Теннисон д'Эйнкоурт, дядя поэта Альфреда Теннисона. Смит был связан с французским масонским орденом неотамплиеров, который признавал его великим приором Англии. Пытаясь заручиться высочайшей поддержкой, он передал этот титул сыну Георга III герцогу суссекскому, но желающих вступать в орден было мало, и английское отделение ненадолго пережило своих основателей.

Главным же идеологом нового крестового похода был сэр Уильям Хилларн, рыцарь английского отделения тамплиеров. Узнав в 1840 году о возвращении Акры под контроль турецкого султана, он написал брошюру «Предложения для христианского завоевания Святой Земли как суверенного государства орденом святого Иоанна Иерусалимского» («*Suggestions for the Christian Reoccupation of the Holy Land as a Sovereign State by the Order of St. John of Jerusalem*»). Хилларн утверждал: «Завоевание христианами Святой Земли в течение многих веков было величайшей целью человечества». Он мечтал о создании

протектората, который бы закрепил навсегда Акру за христианами и вернул бы ордену святого Иоанна прежний блеск и славу. В августе 1841 года он опубликовал «Обращение к рыцарям святого Иоанна по поводу христианского завоевания Святой Земли», во многом напоминающее средневековую пропаганду крестовых походов: «Мне только остается... умолять своих братьев – рыцарей... организовать новый крестовый поход, не такой, как в те далекие годы, чтобы превратить Святую Землю в поле кровопролития и убийства, а крестовый поход мира».

Зачастую проводились параллели с крестовыми походами и в связи с современными конфликтными ситуациями. Так, Крымская война считалась крестовым походом с целью спасти Святые Места, хотя на этот раз страны, принимавшие участие в средневековых крестовых походах, были союзниками турок-мусульман. Британский консул в Иерусалиме отмечал: «Восклицание „Так хочет Бог!“, с которого начался первый крестовый поход, было направлено против мусульман, удерживавших Гроб Господень; но военный клич, который мы слышим сегодня, бросают представители наций, участвовавших в первом крестовом походе, а сегодня защищающих интересы мусульман».

В XIX веке начались и научные исследования крестоносного движения. В 1806 году Французский Институт организовал конкурс на лучшее эссе на тему о влиянии крестовых походов на европейские свободу, цивилизацию, торговлю и промышленность. Победителем конкурса стал профессор истории Геттингенского университета Л.Х.Л. Хеерен. В качестве источника исходных текстов он использовал «Gesta Dei per Francos» Контара, опубликованную в Ганновере в 1611 году. В начале века дело собирания, редактирования и перевода западных источников по крестовым походам находилось только в зародыше. Начало ему положили еще монахи-бенедиктинцы, но французская революция прервала их занятия. И только благодаря титанической работе по изучению источников в свет вышел «Сборник истории крестовых походов» («Recueil des Historiens des Croisades») – шестнадцать томов переведенных на французский язык работ западных, арабских, греческих и армянских историков и два тома юридических документов, опубликованные в 1841–1906 годах Академией надписей и словесности (Academie des Inscriptions et Belles-Lettres). В 1875 году историк граф Поль Риан основал Общество Латинского Востока (Societe de l'Orient Latin), которое выпустило двухтомный «Архив Латинского Востока» («Archives de l'Orient Latin») и «Обзор Латинского Востока» («Revue de l'Orient Latin»). Кроме Риана в XIX веке занимались крестоносным движением и другие историки – Вилькен, Рерихт, Хагенмайер и Мишо.

Жизнь и карьера Жозефа-Франсуа Мишо (1767–1839) заслуживают особого внимания. В 1829 году были опубликованы его «История крестовых походов»⁷³ и четырехтомная «Библиотека крестовых походов» (переводы отрывков из источников по крестовым походам). В 1830–1831 годах он ездил в Константинополь, Сирию, Иерусалим и Египет. С двумя спутниками-инженерами Мишо прошел путь первого крестового похода и, как и Шатобриан, был посвящен в рыцари Гроба Господня. По возвращении он исправил свою «Историю» в свете новых знаний, полученных в путешествии. Мишо не закрывал глаза на недостойное и жестокое поведение крестоносцев, но в целом считал крестоносное движение «одним из наиважнейших явлений человеческой истории, причем явлением не только поучительным, но и экстраординарным, предоставляющим огромное количество полезного материала для государственных деятелей, философов, поэтов, романистов и граждан».

Однако исторический анализ, сделанный на основе первоисточников, не будоражил воображение. Истоки крестоносных мотивов в музыке, живописи и литературе XIX века нужно искать скорее в поэме Тассо о первом крестовом походе и в описаниях крестоносцев в романах Вальтера Скотта, чем в «Истории» Мишо или в сохранившихся рассказах очевидцев – Жана де Жуанвиля, Жоффруа де Виллардуэна или Фульхерия Шартрского.

«Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо был опубликован в 1581 году. В этой эпической поэме, основанной на полуисторических, полупоэтических известиях о крестовых

⁷³ На русском языке эта книга вышла в переводе С.Л. Клячко в Санкт-Петербурге в 1884 году.

походах, на фоне истории первого крестового похода развиваются три побочные сюжетные линии вокруг преодолевающей все препятствия любви (в поэме действуют два вымышленных персонажа – христианский рыцарь Ринальдо и волшебница Армнда). Такое сочетание истории и поэтического вымысла привлекло внимание композиторов и художников. В 1817 году состоялась премьера оперы Россини «Армнда»; Брамс сочинил кантату «Ринальдо». В живописи XIX века появилось немало картин на эти темы, назовем хотя бы комнату Тассо австрийского художника И. Фюриха в Кассино Массимо в Риме. Вальтер Скотт, Уильям Вордсворт, Роберт Саути и Томас Де Куинси читали «Освобожденный Иерусалим» в переводе на английский, а Дигби в своем «Широком камне чести» цитирует поэму Тассо наравне с первоисточниками.

В XIX веке один из английских переводов «Освобожденного Иерусалима» был сделан библиотекарем Уобурнского аббатства Дж. Х. Уиффеном. В предисловии к своему переводу Уиффен упоминает о недавно опубликованной (в 1820 году) «Истории крестовых походов» Чарльза Миллза и пишет: «Господин Миллз... описал реалистичными красками сущность этих уникальных экспедиций, но есть ли кто-нибудь, кто не захочет оставаться во власти иллюзий, созданных песнями трубадуров или прелестным рассказом Тассо и наделяющих крестоносцев прекрасными качествами – верностью, щедростью и любовью?» Но не все поклонники Тассо видели крестоносцев только в розовом цвете. Один из критиков заявил: «Главным аргументом против поэмы Тассо является ложный взгляд на те достижения, которые она воспекает... мы должны забыть, что преступления и жестокости крестоносцев, как и их фанатизм, поставили их ниже мусульман, и мы должны попытаться поверить в то, что спасение Иерусалима было достойно вмешательства высшего разума».

Самым популярным историческим романистом XIX века был, конечно, Вальтер Скотт. Тема крестовых походов появляется – либо в качестве фона, либо как главная сюжетная линия – в четырех его романах: «Айвенго» (1810), «Талисман» и «Обрученные» (опубликованные вместе под названием «Рассказы о крестоносцах» в 1825 году) и «Граф Роберт Парижский» (1831). Наиболее известным и любимым романом стал, конечно, «Айвенго», вдохновивший многих композиторов, художников и драматургов. Скотт лично присутствовал на представлении оперы Россини «Айвенго» в Париже в октябре 1826 года и записал в дневнике: «Вечером в Одеоне мы слушали „Айвенго“. Сделано великолепно, норманнские солдаты в остроконечных шлемах и в чем-то, напоминающем кольчуги, выглядели очень хорошо... Это была опера, и, конечно, сюжет был переделан и запутан, а диалог по большей части совершенно бессмыслен». По этому же роману написал оперу и Артур Салливан, более известный по опереттам, которые он сочинял вместе с У. Гилбертом. Были также созданы оперы и картины по «Талисману», действие которого происходит во время третьего крестового похода, а главными героями являются сами Ричард Львиное Сердце и Саладин. Вальтер Скотт не был страстным поклонником крестовых походов и в написанном в 1818 году для Британской энциклопедии «Эссе о рыцарской куртуазии» даже усомнился в ценности крестовых экспедиций, однако в романах он дал очень романтическое описание крестоносного движения.

Крестовые походы предоставляли богатую пищу романтическому воображению. Возьмем три очень разные картины. На картине немецкого художника Карла Фридриха Лессинга «Крестоносец на страже» (1836) мы видим одинокого рыцаря на фоне дикой природы и разбушевавшихся стихий, чем-то напоминающего всеми брошенного короля Лира. Крестовые походы были излюбленной темой Лессинга и художников дюссельдорфской школы, похоже, их вдохновляли произведения Вальтера Скотта. Американский художник Джордж Иннесс представил несколько иной образ крестоносцев. Его картина называется «Марш крестоносцев» (сейчас она находится в Фрутландском музее около Бостона в США), и на ней изображен отряд рыцарей с красными крестами на верхней одежде, надетой на доспехи, пересекающих мост на фоне романтизированного пейзажа. А художник-прерафаэлит Уильям Белл Скотт, друг Данте Габриеле Россетти, в своей картине «Возвращение из долгого крестового похода» изобразил совершенно иной, отличный от

первых двух образ крестоносца. Перед нами рыцарь-крестоносец, вернувшийся через много лет к жене и сыну. Пораженная жена еле узнает его – вероятно, она уже считала мужа погибшим; сын в испуге при виде странно одетого незнакомца прячется за мать.

В 1930-х годах Ричард Холлпнс Мюррей, изобретатель катафотов, купил в Хирфордшире Динморское поместье, которое раньше было командорством госпитальеров. Он устроил там комнату для занятий музыкой и внутренний двор с крытой аркадой, которые стали как бы памятником крестовым походам и рыцарям-госпитальерам. Там есть витражи, статуи и картины с изображениями госпитальеров и тамплиеров и коллекция гербов хирфордширских семей, предки которых принимали участие в крестовом движении. На фресках в аркаде можно увидеть молодого человека, отправляющегося в крестовый поход, и Готфрида Бульонского, въезжающего в Иерусалим, а темой росписи витража в комнате для занятий музыкой является жизнь рыцаря в крестовом походе.

В 1828 году состоялась премьера оперы Россини «Граф Ори». Сюжет ее разворачивается вокруг сестры графа Фурмутье, находящегося в крестовом походе. В его отсутствие граф Ори и его друг Рембо пытаются соблазнить юную девушку, переодевшись сначала отшельниками, а потом монахинями, но граф возвращается и спасает честь сестры. В 1857 году состоялась премьера оперы Верди «Арольдо», в которой рассказывается история крестоносца Арольдо, вернувшегося из Палестины, где он воевал вместе с Ричардом I, и его жены Мины, изменившей мужу в его отсутствие. После обычных перипетий опера кончается примирением супругов.

Крестовые походы вдохновляли также драматургов и поэтов. В качестве примера пьесы на тему, связанную с крестовым движением, можно назвать «Трагедию святой» Чарльза Кингсли, в которой прославляется жена крестоносца Людвига Тюрпингского святая Елизавета Венгерская. Кингсли писал: «Наши мужественные отцы-крестоносцы сражались и умирали за Бога, а не за золото; пусть их любовь, их вера, их мальчишеский задор... позолотят прошедшие дни». А при расставании королевской четы поет хор крестоносцев: «Перед нами – Гроб Господень, за нами – отечество».

Такое же романтическое видение крестовых походов мы видим и у Вордсворта в «Экклезиологических сонетах», четыре из которых он посвятил крестовым походам.

Темы крестовых походов не избежали и театральные подмостки. В 1810 году в Лондоне был поставлен спектакль под названием «Кроваво-красный Рыцарь», выдержавший сто семьдесят пять представлений и принесший постановщикам доход в восемнадцать тысяч фунтов. Вот его сюжет. Кроваво-красный Рыцарь пытается соблазнить жену своего брата-крестоносца Альфонса Изабеллу. Альфонс возвращается, но Кроваво-красный Рыцарь побеждает его в поединке. Тогда Альфонс собирает подкрепление и, по словам театральной программки, «замок берется штурмом, окружающая его река полна лодок с воинами, стены защищают изнутри, снаружи нападают всадники. Везде видны погибающие люди и кони, некоторые погружаются в воду, и все это создает новый и беспрецедентный эффект, и пьеса заканчивается полным поражением Кроваво-красного Рыцаря».

В 1835 году появился спектакль «Осада Иерусалима». Зрители наблюдали захват Иерусалима Саладином, вид на Мертвое море, прибытие французских и австрийских флотилий, раскаленные пески пустыни, лагерь Саладина, азиатский балет и дивертисмент, встречу Леопардового Рыцаря и тамплиера (из «Талисмана» Вальтера Скотта) и, в конце, роскошный пир Саладина и последние дни третьего крестового похода – и все это в один вечер. А в 1843 году был поставлен еще один спектакль на тему третьего крестового похода – «Ричард и Саладин» (или «Крестоносцы Иерусалима»).

Примечателен и тот факт, что Генри Артур Джонс назвал свою пьесу о социальных реформах XIX века «Крестоносцы»: «Знамя социальной реформы соберет все самое благородное и самое низкое, самое мудрое и самое глупое в сегодняшнем мире... Это движение на деле является столь же драматичным элементом жизни нашего девятнадцатого века, как крестовые походы в веке тринадцатом».

Как мы видим, в живописи, литературе и музыке преобладали романтические

представления о крестоносном движении. Но это не значит, что писатели, художники и композиторы не понимали, в каком историческом контексте они творят. Мне не удалось найти прямую связь между событиями на Ближнем Востоке (такими, как взлет и поражение Мухаммеда Али и его сына Ибрагима при Акре в 1840 году, что подвигло сэра Уильяма Хиллари призвать к новому крестовому походу) и крестоносными мотивами в культуре XIX века. Но совершенно очевидно, что Средневековье вообще и крестовые походы в частности были неиссякаемым источником образов и мотивов для выражения современных идей и понятий. Например, «Танкред» Дизраэли должен рассматриваться в контексте его планов восточной экспансии Британской империи и контроля дороги в Индию.

Существует и еще один феномен, связанный с крестоносным движением, – почитание национальных героев-крестоносцев или национальных крестоносных традиций. В Англии таким героем, конечно, является Ричард Львиное Сердце. Его статуя (работы барона Марокетти) стоит сегодня перед зданием английского парламента. Во Франции почитается святой Людовик, а Зал крестовых походов в Версале является изобразительной историей участия Франции в крестоносном движении – там висят картины с изображением знаменитых сражений и осад, портреты национальных героев-крестоносцев. В Лувре находится картина Делакруа «Вступление крестоносцев в Константинополь» (во время четвертого крестового похода), на которой перед нами предстают благородные завоеватели Константинополя, объезжающие на конях город и выслушивающие от местных жителей мольбы о милосердии. В Бельгии национальным героем крестоносного движения стал, конечно, Готфрид Бульонский, конная статуя которого в 1851 году была выставлена в Хрустальном дворце, а сегодня стоит на главной площади в Брюсселе. В самом Бульоне тоже есть статуя Готфрида, но только в более молодом возрасте: благородный рыцарь с тоской взирает на родную долину. Упомянем и опубликованный в Лондоне в 1883 году «Каталог мебели и других необходимых для дома предметов», по которому по почте можно было заказать бронзовые конные статуэтки Ричарда Львиное Сердце, святого Людовика и Готфрида Бульонского.

В Италии поэма Томассо Гросси «Ломбардцы в первом крестовом походе» (Totasso Crossi, «I Lombardi alla prima crociata») вдохновила нескольких художников, писавших на исторические темы, а также композитора Джузеппе Верди. Премьера его оперы «Ломбардцы» состоялась в Милане в 1843 году. Критики отмечали, что эта музыка затронула национальные чувства слушателей: миланцы сочли себя ломбардцами, Италию – Святой Землей, которую необходимо защищать, а австрийцев – сарацинами. Массовые сцены, такие как крестоносцы перед Иерусалимом, позволили постановщикам дать волю своему воображению и романтическому видению Средневековья. Верди, вдохновленный ошеломляющим успехом, создал еще и французский вариант оперы под названием «Иерусалим», и она была поставлена в Тюильри перед королем Луи-Филиппом и принесла композитору орден Почетного легиона.

Египетская кампания Людовика IX стала темой оперы Мейербера, хотя ее сюжет, в котором фигурируют Родосские рыцари-госпитальеры и сарацинская принцесса, вряд ли был бы узнан Жаном де Жуанвилем. Постановщики создали роскошные восточные костюмы и декорации, имевшие мало общего с Египтом XIII века. Позже норвежский композитор Эдвард Григ сочинил музыку к пьесе «Сигурд-Крестоносец» об экспедиции короля Сигурда в Святую Землю в 1107 году. Знаменательно, что это музыкальное произведение Грига было исполнено на праздновании вступления на трон нового короля Норвегии Хокона VII в 1905 году.

Литература и публицистика периода первой мировой войны также широко использовали образы и мотивы крестовых походов. Не все современники этой войны обращали внимание только на огромные потери и тяготы окопной жизни. Некоторые (может быть, чтобы укрыться от страшной реальности) смотрели на войну с романтической точки зрения и видели в ней крестовый поход в защиту свободы от прусского милитаризма и для отвоевания у мусульман Святых Мест.

В Великобритании идея священной войны развивалась в проповедях англиканских священников, и главными ее идеологами были епископ лондонский Уиннингтон-Ннграм и викарий церкви св. Иуды в Хемпстедс Бэзил Бурчиер, ставший потом армейским капелланом. Бурчиер писал: «Эта война – не просто священная война, это самая священная война из всех, когда-либо бывших... Вотан борется с Христом. Берлин пытается доказать свое превосходство над Вифлеемом. Каждый сделанный выстрел, каждый выпад штыком, каждая жизнь, принесенная в жертву, – во имя Бога». Бурчиер видел в Дарданеллской кампании новый крестовый поход, который должен завершиться спасением Святой Земли от «неверных».

Не только Церковь прибегала к таким аналогиям. В мае 1916 года премьер-министр Англии Ллойд Джордж произнес речь под названием «Выиграть войну», в которой заявлял: «Молодые люди из всех уголков этой страны собрались под знамя международного права, как в великий крестовый поход». Собрание его речей, произнесенных в 1915–1918 годах, было опубликовано под заглавием «Великий крестовый поход».

В 1917 году Ф.В. Орд Уорд выпустил сборник патриотических стихотворений «Последний крестовый поход», а Катрин Тинан, два сына которой служили в армии, написала такие строчки: «Твой сын и мой сын, чистые, как новые клинки, / Твой муж и мой муж и теперь Господни / Твой сын и мой сын в великом крестовом походе / С знаменем Христа над ними – наши новые рыцари».

Особенно же часто тема крестоносного движения фигурировала в связи с кампаниями в Дарданеллах и в Палестине. Поэт Руперт Брук в письме к своему другу Жаку Раверату называл себя крестоносцем, а майор Впвнан Гилберт написал документально-биографическую книгу, опубликованную в 1923 году, под названием «Романтическая повесть о последнем крестовом походе – с Алленби в Иерусалим». Книга посвящена «матерям всех тех юношей, которые сражались за свободу Святой Земли». В самом начале повествования мы встречаемся с Брайаном Гернеем, в 1914 году закончившим первый год обучения в Оксфордском университете и вспоминающим подвиги своего предка сэра Брайана де Гернея, участника третьего крестового похода. Молодой Брайан мечтает о новом крестовом походе для завоевания Иерусалима: «Сражаться за Твое дело, участвовать в этом последнем крестовом походе! Я охотно пойду на то, чтобы кости мои покоились на Святой Земле. О, возможность повторить то, что делали рыцари прошлого, совершить то, что единственное имеет смысл в жизни!» По сообщениям другого ветерана кампании Алленби,⁷⁴ было издано официальное запрещение называть солдат крестоносцами. Но большинству это не мешало считать себя новыми крестоносцами, продолжающими священную войну предков. Гилберт писал о своих подчиненных: «Неважно, что мы были одеты в хаки, а не в сверкающие доспехи. Дух крестоносцев был жив в моих людях, с таким воодушевлением готовившихся к великому приключению. И хоть на них были уродливые маленькие островерхие шапочки вместо шлемов с развевающимися перьями, их храбрость не уступала доблести рыцарей прошлого, которые когда-то последовали за Ричардом Львиное Сердце освободить Святую Землю». Гилберт даже считал, что из всех крестовых походов только два смогли освободить Иерусалим – «первый под руководством Готфрида Бульонского и последний под командованием Эдмунда Алленби». В английском сатирическом журнале «Панч» даже появлялись юмористические рисунки, использующие аналогии с крестовыми походами. 14 декабря 1917 года, например, там был напечатан рисунок под названием «Последний крестовый поход» с изображением взирающего на Иерусалим Ричарда Львиное Сердце и с текстом: «Наконец-то моя мечта сбылась».

Крестоносную символику можно увидеть и в некоторых памятниках времен парной мировой войны. К Следмере и Поркшнре воздвигнут памятник английскому дипломату сэру Марку Сапксу (1879–1919), заключившему знаменитое соглашение Сайкса – Лэнко о разделе Османской империи (1916): на медной доске выпуклая фигура и доспехах и с мечом,

⁷⁴ Алленби Эдмунд Генри Хинмен – виконт, английский военный деятель

попирающая ногами мусульманина, над головой фигуры написаны слова «Laetare Jerusalem» («Радуйся, Иерусалим»), а на глубине видны очертания самого Иерусалима. А скульптор Гертруда Алиса Мередит Уильямс представила на конкурс на лучший проект поенного мемориала и Пейсли модель «Дух крестоносцев», которая теперь находится в Национальном музее Уэльса в Кардифе и изображает средневекового рыцаря в доспехах и на коне, окруженного четырьмя солдатами в форме первой мировой войны.

Вспомнили о крестовых походах и на мирной конференции в Версале. Одни из французских представителей перечислили все притязания Франции в Сирии, начиная со времен крестовых походов, после чего эмир Файсал заметил: «Не будете ли вы так любезны, чтобы сказать, кто из нас победил в крестовых походах?»

Во время гражданской войны в Испании обе стороны также обращались к мотивам и образам крестоносного движения. С одной стороны, Франко вел «освободительный крестовый поход» для спасения Испании от коммунизма и атеизма и изображался на плакатах и картинах в образе крестоносца. С другой стороны, бойцов Интернациональных бригад называли «крестоносцами во имя свободы». В 1940–1943 годах в Мадриде была опубликована многотомная история гражданской войны под названием «История испанского крестового похода» («Historia de la cruzada española»). Словосочетание «крестовый поход» фигурирует в названиях многих автобиографических и художественных произведений об этой войне. Например, боец Интернациональных бригад Джеймс Герней, раненный в 1937 году, после войны опубликовал автобиографическую книгу «Крестовый поход в Испании», в которой писал: «Крестовый поход был направлен против фашистов – сарацин нашего поколения».

Вторая мировая война снова вызвала к жизни образы крестовых походов. В 1948 году было опубликовано описание военной кампании генерала Эйзенхауэра под названием «Крестовый поход в Европе», из которого видно, что для генерала эта война была чем-то вроде персонального крестового похода: «Только уничтожение держав „оси“ [нацистской Германии и ее союзников] могло обеспечить достойный мир; война превратилась для меня в крестовый поход в традиционном смысле этого слова, которым столь часто злоупотребляют». В ноябре 1941 года операция в Тобруке (Линия) имела кодовое название «Операция „Крестоносец“, а приказ по войскам генерала Эйзенхауэра на 6 июня 1944 года звучал так: „Солдаты, моряки и летчики союзных экспедиционных войск, вы выступаете в великий крестовый поход... надежды и молитвы свободолюбивых людей всего мира сопровождают вас“. Еще один пример проведения аналогии с крестоносным движением мы находим в романе Стефана Хейма „Крестоносцы“, опубликованном в 1950 году. Хейм бежал из нацистской Германии в 1933 году и считал вторую мировую войну „необходимым и священным крестовым походом“ против тирана.

Таким образом, мы можем констатировать, что образы и мотивы крестоносного движения довольно широко использовались как в XIX, так и в первой половине XX века. И хотя в XIX веке возник научный интерес к изучению этого исторического явления, общераспространенным было все-таки романтическое представление о крестовых походах, имевшее мало общего с исторической реальностью. Композиторы, художники и писатели давали волю воображению и черпали сведения не в средневековых хрониках, а у Торквато Тассо и Вальтера Скотта. Это и неудивительно, поскольку они творили для аудитории, видевшей средневековье в романтическом ореоле, любившей рассказы о „рыцарях без страха и упрека“ и об экзотическом Востоке. Великие крестоносцы, такие, как Ричард Львиное Сердце, святой Людовик, Готфрид Бульонский, превратились в национальных героев. Во время крупных военных конфликтов аналогии с крестоносным движением напрашивались сами собой и использовались в пропагандистских целях. Но был и замечательный случай абсолютно неправильного употребления такой аналогии, когда Крымскую войну, во время которой христианские государства воевали в союзе с турками-мусульманами, сравнивали с крестовым походом. Все это подчеркивает, какое важное место занимало крестоносное движение в истории Европы.

Глава 15

Возрождение и сохранение

ДЖОНАТАН РАЙЛИ-СМИТ

Сегодня крестовые походы вспоминают почти при каждом идеологическом конфликте, связанные с ними и с противостоявшим им джихадам образы и фразеология всплывают в связи с вспышками насилия между христианами и мусульманами на Балканах или на Ближнем Востоке. Ливанские марониты, объединившиеся с Римской Церковью в 1181 году, до сих пор испытывают ностальгическую привязанность к тем временам, когда их земли были заселены западными переселенцами, – для них это был золотой век. В Европе идеология крестовых походов выродилась в риторику, не имеющую ничего общего с истинными стремлениями и чувствами настоящих крестоносцев. Однако богословие силы, лежавшее в основе крестоносного движения, удивительным образом возродилось – и особенно в Латинской Америке, в милитаристском крыле организации Христианского освобождения.

Все христианские объяснения позитивного насилия основываются, в частности, на убеждении, что замысел Христа о человечестве связан с конкретной религиозной или политической системой или цепью политических событий. Следовательно, нужно во что бы то ни стало обеспечить успех такой системы. Для современных апологетов христианского насилия намерения Христа ассоциируются с развитием событий, которое они называют освобождением. Христос поистине присутствует в этом процессе, в историческом поступательном движении человечества. Он – Освободитель, воплощение освобождения, которое Он предлагает человечеству. И если насилие – единственный способ защитить Его дело от тех, кто пытается встать на Его пути, то оно оправдано и отвечает Его желаниям, более того – участие в христианском насилии становится моральным долгом верующих. И именно поэтому некоторые члены подкомитета Всемирного Совета Церквей, делавшие свой доклад в 1973 году, утверждали, что в определенных обстоятельствах участие и вооруженных конфликтах является моральным императивом, а священник и социолог Камло Торрес, наиболее трагическая фигура колумбийского освободительного движения, отказавшийся от своего сана и присоединившийся к партизанам, по некоторым сообщениям, говорил, что „католик, не являющийся революционером, совершает смертный грех“. То, что он действительно так думал, подтверждается и его письменным заявлением, сделанным в августе 1965 года, о том, что „революция не только допустима, но обязательна для тех христиан, которые видят в ней единственную возможность сделать любовь реальностью для всех людей“.

Преданность революции, диктуемая любовью, была одной из главных идей Торреса, и нет причин сомневаться в том, что им двигало глубоко прочувствованное и истинное милосердие. В июне 1965 года он сделал заявление о снятии с себя священнического сана. Тогда же он написал: „Только революция, только изменение конкретных условий жизни в нашей стране могут позволить людям активно любить друг друга... Я сам решил присоединиться к революции и таким образом выполнить свою работу по обучению людей любить Бога через любовь друг к другу. Я должен делать это – как христианин, как священник и как колумбиец“. Насильственная смерть Торреса (он был убит в феврале 1966 года) была воспринята теми, кто сочувствовал его идеалам, как свидетельство силы его любви. Для командира партизан „он объединял научное понимание революционной войны, считая ее единственным способом борьбы за свободу, с искренним христианством, которое он понимал и практиковал как безграничную любовь к беднякам, эксплуатируемым и угнетенным и как полную самоотдачу борьбе за их освобождение“. Цитировали слова одного аргентинского священника: „Христос – это любовь, и я хотел быть проводником этой любви; однако любовь не может присутствовать в отношениях раба и господина. Смерть Камило

ясно дала мне понять, что я должен посвятить себя разрушению отношений рабов и господ в Аргентине. Я должен был воевать *вместе* с рабами, вместе с народом, воевать наравне с ними, быть не стоящим отдельно учителем... а настоящим участником, с ними – а не за них, с ними в их несчастьях, их неудачах, их насилии. Если я на это не спрособен, то я не человек народа, следовательно – и не человек Божий, т. е. не верующий в бразство, которое и есть любовь“. Один католический богослов поместил Камило Торреса в один ряд с „самыми чистыми, самыми благородными... выразителями и мучениками нового христианства“, что вызывает в памяти воспоминания о мучениках-крестоносцах. Приводились даже доводы (в чем-то напроминающие традиционное оправдание жестоких мер против еретиков) в пользу тезиса, что в революции, хотя и необязательно насильственной, проявляется любовь не только к угнетенным, но и к угнетателям, так как ее целью является освобождение этих последних от их греховного состояния.

После того как в 1798 году Наполеон захватил Мальту, деморализованный и обнищавший Мальтийский орден начал распадаться. Провинции – а точнее, то, что от них осталось, – функционировали самостоятельно, не обращая внимания на центральное руководство. Затем группа братьев выбрала великим магистром русского царя Павла I, который не был ни членом ордена, ни монахом, ни католиком. Папство с осторожностью признало Павла I в этом качестве, но он не пробыл долго на этой должности. После убийства Павла I орден в течение трех десятилетий не имел постоянного местопребывания, а в 1834 году расположил свою штаб-квартиру в Риме. Обретя почву под ногами, орден понемногу стал восстанавливаться, однако отказался от намерения возродиться в качестве военной силы на независимой территории (существовали планы отвоевать у турок какой-нибудь греческий остров или основать в Алжире орденское государство) и вернулся к своей первоначальной роли – заботе о больных и бедных. Сначала братья занимались благотворительностью только в папских землях, но потом распространили свою деятельность практически на весь мир. И хотя сейчас число рыцарей-монахов относительно невелико, более десяти тысяч католиков связаны с орденом в качестве членов-мирян.

С Мальтийским орденом связаны, хоть и не непосредственно, четыре других ордена святого Иоанна. Это протестантские рыцарские братства, и потому они не являются орденами Католической Церкви, а находятся под покровительством почетных организаций, федерального парламента Германии и королевских домов Швеции, Нидерландов и Великобритании. Три из них – Die Balley Branderburg des Ritterlichen Ordens Sankt Johannis vom Spital zu Jerusakem (Бранденбургский бальж рыцарского ордена госпиталя святого Иоанна Иерусалимского), Johanniterorden i Sverige (Орден святого Иоанна в Швеции) и Johanniter Orde in Nederland (Орден святого Иоанна в Нидерландах) – ведут свое происхождение от бранденбургского бальжа – провинции ордена госпитальеров, отколовшейся от основного ордена во время Реформации и превратившейся в протестантское братство. Четвертый – The Grand Priory of the Most Venerable Order of the Hospital of St. John of Jerusalem (Великое приорство честнейшего ордена госпиталя святого Иоанна Иерусалимского) – возник в 1827 году при попытке французского отделения ордена госпитальеров заработать деньги на лондонском рынке и отправить из Англии небольшую морскую экспедицию в помощь грекам, отстаивавшим свою независимость от турок. За такую помощь госпитальерам был обещан остров в Эгейском море, который должен был использоваться как плацдарм для начала отвоевания Родоса. Все участники и наемники этой экспедиции должны были стать мальтийскими рыцарями. Но из этого предприятия ничего не вышло, а образовавшийся в процессе подготовки английский орден не был признан великим магистром в Риме. Однако в Англии он продолжал существовать и занимался благотворительной деятельностью. Основанная им „Скорая помощь святого Иоанна“ привлекла внимание королевы Виктории, и она признала его в 1888 году орденом британской короны.

Второй сохранившейся до наших дней организацией крестоносцев является Немецкий (Тевтонский) орден с штаб-квартирой в Вене, хотя после 1923 года он превратился в

священнический орден. Сегодня тевтонских рыцарей можно найти в Ridderlijke Duitse Orde Balije van Utrecht (Утрехтский бальяж Тевтонского ордена). Как и Бранденбургский бальяж госпитальеров, это комапдорство превратилось во времена Реформации в протестантскую общину.

Оба ордена являются сегодня активными христианскими благотворительными организациями, ведущими пастырскую работу или посвятившими себя заботам о больных и престарелых. На протяжении всей своей истории они не только воевали с „неверными“, но и оказывали помощь бедным и немощным, демонстрируя тем самым характерную для Средневековья связь между войной и милосердием. И эта традиция помогла им остаться верными своим первоначальным идеалам и целям и после отказа от военных действий. В деятельности этих орденов сегодня слышится эхо средневекового убеждения, что крестоносное движение – это акт любви.

Хронология

1095 Собор в Пьяченце (март). Путешествие папы Урбана II с проповедью крестового похода (июль—сентябрь 1096).

Объявление первого крестового похода на соборе в Клермоне (27 ноября).

Преследование евреев в Европе (декабрь—июль 1096).

1096–1102 Первый крестовый поход.

1096 Папа Урбан II приравнивает Реконкисту в Испании к крестовому походу.

1096–1097 Прибытие армий второй волны первого крестового похода в Константинополь.

1097 Победа крестоносцев над турками-сельджуками в Дорплейской долине (1 июля).

Осада Антиохии (21 октября—3 июня 1098).

1098 Занятие Эдессы Балдуином Булонским (10 марта).

Сражение за Антиохию (28 июня).

1099 Крестоносцы входят в Иерусалим (15 июля).

Готфрид Бульонский избран первым латинским правителем Иерусалима (22 июля).

1101 Победа турок над армиями первого крестового похода в Малой Азии (август—сентябрь).

1107–1108 Крестовый поход Боэмунда Тарентского.

1108 Боэмунд сдается грекам (сентябрь).

1109 Завоевание Триполи (12 июля).

1113 Дарование папским престолом первых привилегий ордену святого Иоанна.

1114 Каталонский крестовый поход на Балеарские острова.

1118 Крестовый поход папы Геласия II в Испании. Крестоносцы берут Сарагосу (19 декабря).

1119 Сражение на Кровавом поле (27 июня).

1120–1125 Крестовый поход папы Каликста II на Восток и в Испанию

1120 Учреждение военно-монашеского ордена тамплиеров.

1123 Решение 1-го Латеранского собора о крестовом походе (март-апрель).

1124 Крестоносцы занимают Тир (7 июля).

1125–1126 Рейд короля Арагона Альфонса I в Андалусию.

1128–1129 Крестовый поход на Восток, организованный Гуго де Пэнном.

1129 Признание ордена тамплиеров собором в Труа (январь).

Крестоносцы нападают на Дамаск (ноябрь).

1130 Объединение южно-итальянских норманнских государств в Королевство Обеих Сицилий.

1135 Собор в Пизе. Крестовые индульгенции предлагаются желающим взяться за оружие против антипапы и норманнов в южной Италии (май).

1137 Объединение Каталонии и Арагона в Арагонское королевство.

1138–1254 Династия Гогенштауфенов в Германии.
1139–1140 Крестовый поход на Восток.
1144 Мусульмане захватывают Эдессу (24 декабря).
1145 Папа Евгений 111 объявляет второй крестовый поход (1 декабря).
1146–1147 Святой Бернар Клервоский проповедует второй крестовый поход.
1146 Преследование евреев в Рейнских землях.
1147–1149 Второй крестовый поход.
1147 Папа Евгений благословляет крестовые походы в Испании и за северо-восточными границами Германии, так же как и на Востоке (13 апреля).
Отвоевание Лиссабона у арабов (24 октября).
1148 Уход крестоносцев из-под Дамаска (Я июля).
1149 Освящение нового храма Гроба Господня (15 июля).
1153 Крестовый поход в Испании.
1154 Нур ад-Дин занимает Дамаск (25 апреля).
1157–1184 Призывы папского престола к крестовому походу на Восток, в результате которых было снаряжено несколько небольших экспедиций.
1157–1158 Крестовый поход в Испании.
1158 Учреждение военно-монашеского ордена Калатравы.
1163–1169 Походы короля Иерусалимского Амальриха в Египет.
1169 Окончание работ по перестройке церкви Рождества Христова в Вифлееме, донаторами которых были византийский император Мануил I, король Иерусалима Амальрих и епископ Вифлеема Ральф.
Власть в Египте переходит в руки Саладина, действующего от имени Нур ад-Дина (23 марта).
1170 Учреждение военно-монашеского ордена Сантьяго.
1171 Крестимый поход в Прибалтике.
1172 Саладин объявляет о создании в Египте Аббасидского халифата (10 сентября).
ок. 1173 Учреждение военно-монашеского ордена Монтегаудио.
1174 Смерть Нур ад-Дина (15 мая).
Саладин берет власть в Дамаске (28 октября).
1175 Крестовый поход в Испанию.
ок. 1176 Учреждение военно-монашеских орденов Авиш и Алькантара
1177 Крестовый поход на Восток Филиппа Фландрского.
1183 Алеппо признает власть Саладина (11 июня).
1186 Мосул признает власть Саладина (3 марта).
1187 Битва при Гаттине (4 июля).
Саладин захватывает Иерусалим (2 октября).
Папа Григорий VIII объявляет третий крестовый поход (29 октября).
1188 Введение „Саладиновой десятины“ в Англии (январь).
1189–1192 Третий крестовый поход.
1190 Смерть через утопление императора Фридриха I в Киликии (10 июня).
1191 Завоевание Кипра Ричардом I Львиное Сердце (июнь).
Занятие Акры Ричардом I и королем Франции Филиппом II (12 июля).
Сражение при Арсуфе (7 сентября).
1192 Яфский договор (2 сентября).
1193–1200 Ливонский крестовый поход (с несколькими перерывами).
1193 Крестовый поход в Испанию.
1197–1198 Германский крестовый поход в Палестину.
1197 Крестовый поход в Испанию.
1198 Учреждение Тевтонского ордена.
Папа Иннокентий III объявляет четвертый крестовый поход (август).
1199 Введение церковных „крестоносных сборов“ (декабрь).

ок. 1200 Учреждение военно-монашеского ордена Сан-Хорге-де-Альфама.
1202 Учреждение военно-монашеского ордена меченосцев.
1202–1204 Четвертый крестовый поход.
1202 Взятие крестоносцами Зары (24 ноября).
1204 Папа Иннокентий разрешает проводить регулярные наборы для Ливонского крестового похода.
Разграбление Константинополя крестоносцами (12–15 апреля).
Балдуин Фландрский становится первым латинским императором Константинополя (9 мая). 1204–1205.
Завоевание Пелопоннеса Жоффруа де Виллардуэном и Гийомом де Шанлиттом.
1204–1261 Латинская империя.
1208 Убийство Петра Кастельно, папского легата в Лангедоке (14 января).
Объявление Альбигойского крестового похода.
1209–1215 Учреждение монашеского ордена францисканцев.
1209–1229 Альбигойский крестовый поход.
1209 Разграбление Безье (22 июля).
1211 Венгерский король предоставляет Тевтонскому ордену землю в Трансильвании.
1212 Крестовый поход детей.
Крестовый поход в Испании.
Победа христиан над арабами в битве при Лас-Навас-де-Толоса (17 июля).
1213 Папа Иннокентий III объявляет пятый крестовый поход (апрель).
Сражение при Мурете (12 сентября).
1215 Учреждение в Тулузе монашеского ордена доминиканцев.
4-й Латеранский собор разрешает регулярное обложение Церкви налогом на крестоносное движение (14 декабря).
1216 Король Англии Генрих III берет крест против английских повстанцев (28 октября).
1217–1229 Пятый крестовый поход.
1218 Осада Дамьетты (27 мая 1218–5 ноября 1219).
1219 Датский крестовый поход в Эстонию.
1221 Крестоносцы в Египте терпят поражение при Аль-Мансуре (30 августа).
1225 Тевтонский орден приглашают в Пруссию.
1226 Возобновление Альбигойского крестового похода.
1227 Объявлен крестовый поход против еретиков в Боснии (возобновлен в 1234).
1228–1229 Крестовый поход императора Фридриха II (последнее действие пятого крестового похода).
1229–1233 Гражданская война на Кипре.
1229 Договор о возвращении Иерусалима христианам (18 февраля).
Парижский мир – окончание Альбигойского крестового похода. Тевтонский орден начинает завоевание Пруссии (12 апреля).
Крестовый поход в Испании.
Крестовый поход короля Арагона Хайме I Завоевателя на Майорку.
1231 Крестовый поход Жана Бриеннского на помощь Константинополю.
Крестовый поход короля Кастилии Фердинанда III в Испании.
1232–1234 Крестовый поход против штедингерских еретиков в Германии.
1232–1253 Завоевание Валенсии королем Арагона Хайме I Завоевателем.
1236 Объявление нового крестового похода на помощь Константинополю.
Отвоевание Кордовы у арабов королем Кастилии Фердинандом III (29 июня).
1237 Объединение Тевтонского ордена с орденом меченосцев.
1239–1240 Крестовый поход на помощь Константинополю.
1239–1241 Крестовые походы Тибо Шампанского и Ричарда Корнуэльского.
1239 Объявление крестового похода против императора Фридриха II (повторено в

1240 и в 1244).

Шведский крестовый поход в Финляндию.

1240 Шведский крестовый поход на Русь. Невская битва.

1241 Объявление крестового похода против монголов (повторено в 1243 и в 1249).

1242 Первое восстание в Пруссии против Тевтонского ордена. „Ледовое побоище“ на Чудском озере.

1244 Падение Монсегура (16 марта).

Хорезмийцы захватывают Иерусалим (11 июля—23 августа).

Сражение при Ла-Форбье (17 октября).

1245 Тевтонский орден получает разрешение на ведение „непрерывного“ крестового похода в Пруссии.

1248–1254 Первый крестовый поход святого Людовика (короля Франции Людовика IX).

1248 Крестоносцы, воюющие против Фридриха II, захватывают Аахен (октябрь).

Король Кастилии Фердинанд III отвоевывает у арабов Севилью (23 ноября).

1249 Завоевание Дампетты (6 июня).

Завершение Реконкисты в Португалии.

1250 Крестоносцы в Египте разбиты при Аль-Мансуре (8 февраля).

1250–1254 Святой Людовик в Палестине.

1251 Первый крестовый поход пастушков.

1254 Крестовый поход в Пруссию короля Богемии Оттокара II, Рудольфа Габсбургского и Оттона Бранденбургского. Основание Кенигсберга.

1255 Проповедь крестовых походов против Манфреда фон Штауфена и против Энцелино и Альберика Романских.

1256–1258 Война святого Саввы в Акре.

1258 Разграбление Багдада монголами (10 февраля).

1259 Победа греков над латинянами Ахайи в сражении при Пелагонии.

1260 Победа литовцев над ливонскими тевтонскими рыцарями в Дурбе.

Второе восстание в Пруссии.

Кастильский крестовый поход в Марокко.

Сражение при Айн-Джалуте (3 сентября).

Бейбарс становится султаном Египта (23 октября).

1261 Греки отвоевывают у латинян Константинополь (25 июля).

1265–1266 Крестовый поход Карла Анжуйского в Южную Италию.

1266 Сражение при Беневенто (26 февраля).

1268 Завоевание Антпохпи мамлюками (18 мая).

1268 Сражение при Гальяконно (23 августа).

1269–1272 Второй крестовый поход святого Людовика.

1269 Арагонский крестовый поход в Палестину.

127 °Смерть святого Людовика в Тунисе (25 августа).

1271–1272 Эдуард Английский в Палестине.

1274 Решение 2-го Лионского собора о крестовом походе (18 мая).

Ок.1275 Образование ордена Санта-Мария-де-Эспанья.

1277 В Акру прибывает представитель Карла Анжуйского, который купил иерусалимскую корону у законного претендента (сентябрь).

1282 „Сицилийская вечерня“ (30 марта).

1283–1302 Крестовый поход против сицилийцев и арагонцев.

1285 Французский крестовый поход против Арагона.

1286 Королевство Иерусалимское объединяется под властью короля Кипра Генриха II (4 июня).

1287 Крестовый поход на Восток Алисы Блуаской (18 июня).

1288 Крестовый поход на Восток Жана де Грани.

1289 Мамлюки захватывают Триполи (26 апреля).
1291 Мамлюки захватывают Акру (18 мая).
Падение Сидона и Бейрута (июль).
Христиане оставляют Тортосу и Шастель-Пелерен (август).
1302 Мусульмане отбирают у тамплиеров остров Руад.
Окончание латинского правления в Джубейле.
Присоединение Сицилии к Арагону.
Договор в Кальтабеллотте (31 августа).
1306 Госпитальеры начинают завоевание Родоса.
1306–1307 Крестовый поход против последователей Фра Дольчино в Пьемонте.
1307 Объявление крестового похода в поддержку притязаний Карла Валуа на Константинополь.
Арест всех тамплиеров во Франции (13 октября).
1309 Народный крестовый поход.
Тевтонский орден переносит свою штаб-квартиру в Мариенбург в Пруссии.
1309–1310 Кастильский и арагонский крестовый поход в Испании.
Крестовый поход против Венеции.
1309–1378 „Авиньонское пленение“ пап.
1310 Госпитальеры окончательно подчиняют себе Родос.
1311 Объявление Родоса штаб-квартирой ордена госпитальеров.
Каталонская Компания подчиняет своему контролю Афины и Фивы.
1312 Ликвидация ордена тамплиеров (3 апреля).
Папа Климент V передает большую часть имущества тамплиеров ордену госпитальеров (2 мая).
1314 Крестовый поход в Венгрии (возобновлен в 1325, 1332, 1335, 1352 и 1354 годах).
Сожжение на костре последнего великого магистра ордена тамплиеров Жака де Моле (18 марта).
1317 Учреждение военно-монашеского ордена Монтезисы.
1319 Учреждение военно-монашеского ордена Христа.
1320 Второй крестовый поход пастушковых.
1321 Крестовый поход против Феррары, Милана и Гибеллинов в Анконской марке и герцогстве Сполето (распространен на Мантую в 1324 году).
1323 Норвежский крестовый поход против русских в Финляндии.
1325 Крестовый поход в Польше (повторялся в 1340, 1343, 1351, 1354, 1355, 1363 и 1360 годах).
1327 Планирование крестового похода против катаров в Венгрии 1328 Объявление крестового похода против императора Священной Римской империи Людовика IV Баварца.
Крестовый поход в Испании.
1330 Планирование крестового похода против каталонцев в Афинах.
1331 Объявление нового крестового похода на Восток.
1332–1334 Первая Крестоносная Лига.
1334 Флот Лиги наносит поражение туркам в битве при Эдмонте.
1337 Мамлюки захватывают Анас.
1337–1453 Столетняя война между Францией и Англией.
1340 Крестовый поход против еретиков в Богемии.
Сражение на реке Саладо (30 октября).
1342–1344 Осада Альхесираса.
1344 Планирование крестового похода на Канарские острова.
Крестоносная Лига занимает Смирну (28 октября).
1345–1347 Крестовый поход дофина Вьеннуа Гумберта.
1345 Генуэзский крестовый поход на защиту Кафы от монголов.
1347–1350 Эпидемия чумы в Западной Европе.

1348 Крестовый поход короля Швеции Магнуса II в Финляндию.
1349–1350 Осада Гибралтара.
1353–1357 Крестовый поход на отвоевание Папской области в Италии 1354
Предложение об отправке крестового похода в Африку.
Крестовый поход против Чесены и Фаенны.
1359 Крестоносная Лига наносит поражение туркам при Лампсакосе.
1360 Крестовый поход против Милана (повторен в 1363 и в 1368 годах).
1365–1367 Крестовый поход короля Кипра Петра I.
1365 Петр Кипрский захватывает Александрию и удерживает ее в течение шести дней
(10 октября).
1366 Крестовый поход Амедея Савойского на Дарданеллы и в Болгарию (август—
декабрь).
1374 Госпитальеры берут на себя защиту Смирны.
1377 Госпитальеры «арендуют» Ахайю на пятилетний срок, что приводит к приходу к
власти Наваррской Компании.
1378 Албанцы берут в плен магистра ордена госпитальеров Хуана Фернандеса де
Эредиа.
1378–1417 «Великий раскол» Католической церкви.
1379 Наваррская Компания захватывает Фивы.
1380 Победа венецианского флота над генуэзским в битве при Кьодже.
1383 Крестовый поход епископа Норвича против сторонников антипапы Климента во
Фландрии.
1386 Крестовый поход герцога ланкастерского Джона Гонта в Кастилию.
Союз Польши и Литвы. Обращение Литвы в христианство.
1389 Разгром турками сербского войска в сражении на Косовом поле.
1390 Крестовый поход в Махдию.
1394 Объявление крестового похода в Никополь.
1396 Никопольский крестовый поход. Битва при Никополе (25 сентября).
1398 Объявление крестового похода на помощь Константинополю.
1399–1403 Крестовый поход Жана Буснко.
1402 Тамерлан захватывает Смирну (декабрь).
1410 Битва при Грюнвальде. Поражение войск Тевтонского ордена соединенными
силами поляков, литовцев, чехов и русских (15 июля).
1415 Захват португальцами Сеуты.
Сожжение Яна Гуса.
1420–1431 Крестовые походы против гуситов.
1420 Первый крестовый поход против гуситов.
1421 Второй крестовый поход против гуситов.
1422 Третий крестовый поход против гуситов.
1426 Сражение при Кирокитии (7 июля).
1427 Четвертый крестовый поход против гуситов.
1431 Пятый крестовый поход против гуситов.
1432 Греческий деспот Морей завоевывает княжество Ахайское.
1439 Флорентийская уния Православной и Католической церквей.
1440–1444 Нападение мамлюков на Родос.
1443 Объявление крестового похода в Варну (1 января).
1444 Крестовый поход в Варну.
Поражение крестоносцев при Варне (19 ноября).
1453 Захват турками Константинополя. Падение Византийской империи (29 мая).
Объявление нового крестового похода на Восток (30 сентября).
1455 Крестовый поход генуэзцев на защиту Хиоса.
1456 Турки занимают Афины (4 июня).

Защита Белграда от турок крестоносцами под командованием Яноша Хуньяди (22 июля).

1457 Папский флот захватывает Самофракию, Фасос и Лемнос.

1459–1460 Крестовый совет в Мантуе.

1459 Учреждение военно-монашеского Вифлеемского ордена.

1460 Объявление крестового похода папы Пия II (14 января).

1462 Турки захватывают Лесбос.

1464 Папа Пий II умирает, не дождавшись отправления крестового похода (15 августа).

1466 Торуньский мир. Признание Тевтонским орденом вассальной зависимости от Польши.

1470 Турки захватывают Негропонт.

1471 Объявление крестового похода (31 декабря).

1472 Крестоносная Лига нападает на Анталню и Смирну.

1479 Объединение Арагона и Кастилии в единое Испанское государство под властью королей Фердинанда и Изабеллы.

1480 Турки осаждают Родос (23 мая—конец августа).

Турки захватывают Отранто (11 августа).

1481 Объявление крестового похода на отвоевание Отранто (8 апреля).

Турки выбиты из Отранто (10 сентября).

1482–1492 Крестовый поход в Испании.

1487 Испанцы захватывают Малагу.

1489 Конец монархии на Кипре.

1490–1492 Осада Гранады.

149 °Съезд в Риме планирует новый крестовый поход.

1492 Испанские крестоносцы захватывают Гранаду (2 января). Завершение Реконкисты.

1493 Крестовый поход в Венгрии.

1499–1510 Испанский крестовый поход в Северную Африку.

1499 Турки захватывают Лепанто.

1500 Турки захватывают Корон и Модон.

Объявление крестового похода (1 июня).

1512–1517 5-й Латеранский собор обсуждает крестоносное движение.

1513 Объявление крестового похода в Восточную Европу.

1516–1517 Османское завоевание Египта.

1517 Выступление Мартина Лютера против продажи индульгенций. Начало Реформации.

Объявление крестового похода (11 ноября).

1520 Встреча королей Франции и Англии для обсуждения нового крестового похода (июнь).

1522 Осада Родоса и сдача острова туркам (июль–18 декабря).

1523 Госпитальеры покидают Родос (1 января).

1525 Гроссмейстер Тевтонского ордена Албрехт Бранденбургский переходит в лютеранство.

1526 Разгром венгерских войск турками при Мохаче.

Образование монархии австрийских Габсбургов в Центральной Европе.

1529 Первая осада Вены турками-османами (26 сентября—октябрь).

1530 Объявление крестового похода (2 февраля).

Император Священной Римской империи Карл V предоставляет ордену госпитальеров остров Мальту около Сицилии и Триполи в Северной Африке (23 марта).

1535 Крестовый поход Карла V в Тунис (июнь—июль).

1537–1538 Крестоносный Союз отправляется в восточное Средиземноморье.

1538 Флот Союза терпит поражение при Превезе (27 сентября).

1540 Турки захватывают Науплию и Монемвасию.

1541 Крестовый поход Карла V в Алжир (октябрь—ноябрь).
Взятие турками Буды, раздел Венгрии между Османской империей и австрийскими Габсбургами.
1550 Крестовый поход Карла V в Махдию (июнь—сентябрь).
1551 Госпитальеры сдают Триполи туркам (14 августа).
1560 Поражение союзного испанско-венецианского флота турками у острова Джерба близ тунисского берега.
1562 Ливонский магистр Тевтонского ордена Готхард Кеттлер переходит в лютеранство и становится герцогом.
Учреждение военно-монашеского ордена святого Стефана.
1565 Осада Мальты турками (19 мая-8 сентября).
1566 Турки захватывают Хиос.
1568 Мир между Турцией и австрийскими Габсбургами.
1570–1571 Святая (крестоносная) Лига.
Турки захватывают Кипр.
1570 Турки захватывают Никосию (9 сентября).
1571 Турки занимают Фамагусту (5 августа).
Сражение при Лепанто—победа испано-венецианского флота над турками (7 октября).
1572 Флот Святой Лиги в восточном Средиземноморье.
Объединение орденов святого Лазаря и святого Маврикия.
1573 Хуан Австрийский захватывает Тунис (11 октября).
1574 Турки отвоевывают Тунис (август-сентябрь) 1578 Крестовый поход короля Португалии Себастьяна в Марокко.
Сражение при Алкасарквивире (4 августа).
1588 Поход и гибель Непобедимой армады.
1614 Нападение турок на Мальту.
1617 Учреждение ордена христианских рыцарей.
1645–1669 Завоевание Крита турками.
1664 Нападение госпитальеров на Алжир.
1669 Столица Крита Ираклион (Канлия) сдается туркам (26 сентября).
1683 Вторая османская осада Вены (14 июля—12 сентября).
1685–1687 Венецианцы занимают Пелопоннес.
1686 Христианские войска занимают Буду.
1699 Карловицкий мир (договор между Священной Лигой и Турцией).
1707 Госпитальеры помогают защищать Оран.
1715 Турки отвоевывают Пелопоннес.
1792 Конфискация имущества госпитальеров во Франции.
1798 Мальта сдается Наполеону (13 июня).

Дополнительное чтение

На английском языке

Общие работы

- J.A. Brundage, *Medieval Canon Law and the Crusader* (Madison, Wis., and London, 1969).
P.J. Cole, *The Peaching of the Crusades to the Holy Land, 1095–1270* (Cambridge, Mass., 1991).
C.Erdmann, *The Origin of the Idea of Crusade* (Princeton, NJ, 1977)/
H.J. Housley, *The Later Crysades, 1274–1580: From Lyons to Alcazar* (Oxford, 1992).
B.Z. Kedar, *Crusade and Mission: European Approaches toward the Muslims* (Princeton, NJ,

1984).

McLellan and H.W. Hazard, «Select Bibliography of the Crusades», A History of the Crusades (ed.-in-chief K.M. Setton), ed. H.W. Hazard and H.P. Zacour (Madison, Wis., 1989), 511–664.

H.E. Mayer, The Crusades, 2th edn. (Oxford, 1988).

D.C. Nicolle, Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350, 2 vols. (White Plains, NY, 1998).

J.S.C. Riley-Smith, The Crusaders: A short History (London and New Haven, Conn., 1987).

Idem (ed.), The Atlas of the Crusades (London and New York, 1991).

S. Runciman, A History of the Crusades, 3 vols. (Cambridge, 1951–1954).

K.M. Setton (ed.-in-chief), A History of the Crusades, 2th edn., 6 vols. (Madison, Wis., 1969–1989).

E. Sibbery, Criticism of Crusading, 1095–1274 (Oxford, 1985).

Крестоносное движение, 1095–1274

R. Chazan, European Jewry and the First Crusade (Berkeley, Los Angeles, and London, 1987).

E. Christiansen, The Northern crusaders: The Baltic and the Catholic Frontier 1100–1525 (London, 1980).

J.B. Gillingham, Richard the Lionheart, 2th edn. (London, 1989).

H.J. Housley, The Italian Crusades: The Papal-Angevin Alliance and the Crusades against Christian Lay Powers, 1254–1343 (Oxford, 1982).

W.C. Jordan, Louis IX and the Challenge of the Crusades: A Study in Rulership (Princeton, NJ, 1979).

D.W. Lomax, The Reconquest of Spain (London and New York, 1978).

J.M. Powell, Anatomy of Crusade, 1213–1221 (Philadelphia, 1986).

D.E. Queller, The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople 1201–1204 (Philadelphia, 1977).

R. Rogers, Latin Siege Warfare in the Twelfth Century (Oxford, 1992).

C.J. Tyerman, England and the Crusades, 1095–1588 (Chicago and London, 1988).

Крестоносное движение, 1274–1700

A.S. Atiya, The Crusade of Nicopolis (London, 1934).

F.G. Heymann, John Zizka and the Hussite Revolution (Princeton, NJ, 1955).

H.J. Housley, The Avignon Papacy and the Crusades, 1305–1378 (Oxford, 1986).

K.M. Setton. The Papacy and the Levant (1204–1571). 4 vols. (Philadelphia, 1976–1984).

Литература эпохи крестоносцев

Richey, Medieval German Lyrics (Edinburgh and London, 1958).

Sayce, The Medieval German Lyric 1150–70: The Development of Themes and Forms in their European Context (Oxford, 1982).

E. Sibbery, Criticism of Crusading (as above).

D.A. Trotter, Medieval French Literature and the Crusades (1100–1300) (Geneva, 1988).

Ислам и крестовые походы

C. Cahen, Pre-Ottoman Turkey (London, 1968).

M.A. Cook (ed.), A History of the Ottoman Empire to 1730 (Cambridge, 1976).

N.A. Daniel, Islam and the West: The making of an Image (Edinburgh, 1960).

R. Fletcher, Moorish Spain (London, 1979).

- F. Gabrieli, *Arab Historians of the Crusades* (London, 1969).
 B. Lewis, *The Muslim Discovery of Europe* (London, 1982).
 M.C. Lyons and D.E.P. Lackson, *Saladin: The Politics of Holy War* (Cambridge, 1982).
 J.S. Meisami (ed. and tr.), *The Sea of Precious Virtues (Bahr al-Fava'id). A Medieval Islamic Mirror for Princes* (Salt Lake City, 1991).
 J.M. Powell (ed.), *Muslims under Latin Rule, 1100–1300* (Princeton, NJ, 1991).
 P. Thorau, *The Lion of Egypt: Sultan Baybars I and the Near East in the Thirteenth Century* (London and New York, 1987).
 Usamah ibn Munqidh, *Memoirs of an Arab Syrian Gentleman* (New York, 1929).

Латинский Восток

- Arbel, B. Hamilton, and D. Jacoby (eds.), *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204* (London, 1989).
 E. Ashtor, *Levant Trade in the Later Middle Ages* (Princeton, NJ, 1983).
 T.S.R. Boase (ed.), *The Cilician Kingdom of Armenia* (Edinburgh and London, 1978).
 P.W. Edbury, *The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374* (Cambridge, 1991).
 P.W. Edbury and J.C. Rowe, *William of Tyre: Historian of the Latin East* (Cambridge, 1988).
 G. Hill, *A History of Cyprus, 4 vols.* (Cambridge, 1940–52).
 R.-J. Lilie, *Byzantium and the Crusader States* (Oxford, 1994).
 J. Prawer, *The Latin Kingdom of Jerusalem: European Colonialism in the Middle Ages* (London, 1972).
 R.C. Smail, *Crusading Warfare (1097–1193). 2nd edn.* (Cambridge, 1995).
 S. Tibble, *Monarchy and Lordships in the Latin Kingdom of Jerusalem 1099–1291* (Oxford, 1989).

Архитектура и искусство Латинского Востока

- M. Benvenisti, *The Crusaders in the Holy Land* (Jerusalem, 1970).
 T.S.R. Boase, *Castles and Churches of the Crusading Kingdom* (Oxford, 1967).
 H. Bushtal, *Miniature Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem* (Oxford, 1957).
 C. Enlart, *Gothic Art and the Renaissance in Cyprus* (London, 1987).
 J. Folda, *Crusader Art in the Latin Kingdom of Jerusalem, 1100 to 1291* (Berlin, 1988).

Военно-монашеские ордена до 1798 года

- M. Barber, *The Trial of the Templars* (Cambridge, 1978).
 Idem, *The New Knighthood: A History of the Order of the Temple* (Cambridge, 1994).
 Idem (ed.), *The Military Orders: Fighting for the Faith and Caring for the Sick* (London, 1995).
 M. Burleigh, *Prussian Society and the German Order: An Aristocratic Corporation in Crisis, c.1410–1466* (Cambridge, 1984).
 R. Cavaliero, *The Last of the Crusaders: The Knights of St. John and Malta in the Eighteenth Century* (London, 1960).
 E.J. King (tr.), *The Rule, Statutes and Customs of the Hospitallers, 1099–1310* (London, 1934).
 A.T. Luttrell, *The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and the West (1291–1440)* (London, 1978).
 H. Nicholson, *Templars, Hospitallers and Teutonic Knights: Images of the Military Orders, 1128–1291* (Leicester, 1933).
 J.F. O'Callaghan, *The Spanish Military Order of Calatrava and its Affiliates* (London, 1975).
 P. Partner, *The Murdered Magicians: The Templars and their Myth* (Oxford, 1982).

D. Seward, *The Monks of War: The Military Religious Orders* (London, 1972).

XIX-XX века

D.D. Eisenhower, *Crusade in Europe* (London, 1948).

M. Girouard, *The Return to Camelot: Chivalry and the English Gentleman* (New Haven, Conn., and London, 1981).

A. Marrin, *The Last Crusade: The Church of England in the First World War* (Durham, NC, 1974).

N. Shepherd, *The Zealous Intruders: The Western Discovery of Palestine* (London, 1987).

J. Sweetman, *The Oriental Obsession: Islamic Inspiration in British and American Art and Architecture, 1500–1920* (Cambridge, 1988).

H. Thomas, *The Spanish Civil War*, 3rd edn. (London, 1990).

J. Woffle, *The Protestant Crusade in Great Britain 1829–1860* (Oxford, 1991).

На русском языке

История Европы в 8 томах. Т. 2 и 3. М., 1992.

Песни трубадуров. Перевод А. Наймана. М., 1979.

Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974.

Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964.

Васильев А.А. История средних веков. М., 1993.

Васильев А.А. История Византии, вып. 2. Латинское владение на Востоке. П., 1923.

Васильев А.А. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). П., 1923.

Виллардуэн Жоффруа де. Завоевание Константинополя. Пер. с фр. М. Заборова. М., 1993.

Диль Шарль. Византийские портреты. Пер. с фр. М. Безобразовой. М., 1994.

Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). П., 1918.

Додю Ж. История монархических учреждений в Латино-Иерусалимском королевстве 1099–1291. Пер. с фр. СПб., 1897.

Ефимова Е. Рыцарство. М., 1914.

Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1914.

Он же. Крестовые походы. М., 1956.

Он же. Папство и крестовые походы. М., 1960.

Он же. Современники-хронисты и историки крестовых походов // Византийский временник, М... 1965. Т. XXVI, сс.137–161.

Он же. Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI–XIII веков). М., 1956.

Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения (конец XIV–начало XV в.). Л., 1975.

Караев Г.Н. Грюнвальдская битва 1410 г. М., 1960.

Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

Корелин М.С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 1901.

Корсунский А.Р. История Испании, IX – XIII века. М., 1976.

Куглер Бернгард. История крестовых походов. Пер. с нем. Ростов н/Д., 1998.

Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. Пер. с фр. Е.И. Лебедевой, Ю.П. Малинина, В.И. Райцеса, П.Ю. Уварова. М., 1992.

Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. Т. 1–2. Казань, 1869–1872.

Пуришев Б.И. (сост.) Зарубежная литература средних веков. М., 1974.

Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
Успенский Ф.И. История Византийской империи. СПб. 1901.
Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.